
СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 г. и ЗАГРАНИЧНЫЙ ПОХОД 1813–1814 гг.	<i>Максимов К. Н.</i> Калмыки-казаки в составе донских полков в Бородинском сражении 1812 г.7	
	<i>Венков А. В.</i> Донское казачье ополчение в 1812–1813 гг.16	
	<i>Тимофеева Е. Г.</i> Политика государства по отношению к военнопленным наполеоновской армии в 1812–1814 гг. (на материалах Астраханской губернии)20	
	<i>Ряжнев А. С.</i> Командный состав Ставропольского калмыцкого войска в военной и вероисповедной политике государства: от Семилетней войны до эпохи 1812 г.27	
	<i>Джундужузов С. В.</i> Участие Ставропольского калмыцкого полка в войнах с наполеоновской Францией: источники и историография33	
	<i>Стецура Ю. А.</i> Казачество Юга России в Отечественной войне 1812 г.36	
	<i>Судацков Н. Д.</i> Кавказ в период Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов российской армии42	
	<i>Белоусов С. С.</i> Деятельность служащих Калмыцкого управления по организации калмыцких полков и помощи русской армии в период наполеоновских войн48	
	<i>Шараева Т. И.</i> К вопросу о калмыцких боевых знаменах52	
	<i>Батырева С. Г.</i> О реконструкции исторической памяти в живописи Г. Рокчинского в 60-е гг. XX в.56	
	<i>Кичикова Б. А.</i> «С коня калмыцкого свалюсь...» (историко-литературный комментарий к строке из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»)61	
	<i>Басангова Т. Г.</i> Калмыцкие песни об Отечественной войне 1812 г.73	
	<i>Бакаева Э. П., Бакаев Н. Э.</i> Герой Отечественной войны 1812 г. Цаган Халга Лузангов и его потомки77	
	ИСТОРИЯ	<i>Санчилов В. П.</i> О новом издании «Родословной торгутов»85
		<i>Тепкеев В. Т.</i> Участие калмыков в русско-польской войне 1654–1667 гг.89
		<i>Батыров В. В.</i> Участие сводного отряда под командованием князя А. Дондукова в Кубанском походе в 1771 г.95
		<i>Кондрашова А. А.</i> Провинциальная общественность и власть в период первой русской революции 1905–1907 гг. (на примере города Ставрополя)100
<i>Бадмаева Е. Н.</i> События 1932–1933 гг. в судьбах калмыцкого крестьянства105		
<i>Бадугинова М. В.</i> Борьба со вспышкой эпидемии чумы в Калмыцкой АССР и Сталинградской области в 1937–1938 гг.108		
<i>Гаряева З. Г.</i> Причиненный ущерб народному образованию г. Элисты Калмыцкой АССР в период немецкой оккупации113		
ЭТНОЛОГИЯ	<i>Очиров В. О.</i> Приметы и поверья, связанные с рождением сына в бурятской семье119	
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ	<i>Гунаев Е. А.</i> Принцип равноправия и самоопределения народов в контексте правовой природы республики — субъекта Российской Федерации (на примере Республики Калмыкия)122	
СОЦИОЛОГИЯ	<i>Нухаева Б. Б.</i> Население Республики Калмыкия по итогам Всероссийской переписи 2010 г.: основные характеристики128	

ЯЗЫКОЗНАНИЕ	<p>Пальшина Д. А. Фонетическая структура слова как одна из причин возникновения аллегрных форм русской речи134</p> <p>Ли Чэнь. Просторечные префиксальные глаголы в русском языке XIX в.: проблемы синхронно-диахронического описания (на материале водевилей)139</p> <p>Пушкарёва Н. В. Подтекстовые смыслы как компоненты смысловой структуры прозаического текста144</p> <p>Есенова Т. С. Особенности агитационных текстов в период выборов в Государственную Думу РФ 2011 г. (на примере Республики Калмыкия)150</p> <p>Богданова-Бегларян Н. В. Конструкция (...) скажем (...) в повседневной русской речи (материалы к словарю дискурсивных единиц)153</p> <p>Шатохина Г. С. Русский язык для детей в Японии: начало большого пути158</p> <p>Бембеев Е. В. Опыт количественной обработки текста на старокалмыцком языке: количественные характеристики163</p> <p>Куканова В. В. Словоизменительные типы в калмыцком языке в свете автоматической обработки текстов (на примере имени существительного)168</p>
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	<p>Ханинова Р. М. Ольфакторное пространство в рассказах Исаака Бабеля178</p>
ФОЛЬКЛОРИСТИКА	<p>Дякиева Б. Б., Омакаева Э. У. Образ матери в калмыцком фольклоре: к проблеме универсального и специфического (на материале фольклорных текстов)183</p>
ЭКОНОМИКА	<p>Бурлуткин Т. В. Дебиторская и кредиторская задолженности как возможные источники финансирования малых предприятий188</p>
РЕЦЕНЗИИ	<p>Максимов К. Н. Рец. на: Команджаев А. Н., Мацакова Н. П. Реформа 1892 года в Калмыкии: отмена личной зависимости калмыков-простолюдинов от нойонов и зайсангов. Элиста: Изд-во ФГБОУ ВПО «КалмГУ», 2011. 240 с.192</p> <p>Бурыкин А. А. Рец. на: Омакаева Э. У. Типология моделирующих членов предложения в калмыцком и монгольском языках в свете глагольно-актантной теории. Улан-Батор: Найман од, 2011. 240 с.196</p>
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	199
АННОТАЦИИ	201
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ	208

CONTENT

PATRIOTIC WAR OF 1812 & FOREIGN CAMPAIGN OF 1813–1814	<p>Maksimov K. Kalmyk-Cossacks of the Don Regiments in the Borodino Battle of 18127</p> <p>Venkov A. Don Cossack Militia of 1812–181316</p> <p>Timopheeva E. Policy of the State in relation to Prisoners of War of Napoleonic Army in 1812–1814 (based on materials of Astrakhan Guberniya)20</p> <p>Ryazhev A. Command Staff of Stavropol Kalmyk Troop in Military and Religious Policies of the State: from the Seven Years' War to the Epoch of 181227</p> <p>Dzhundzhuzov S. Participation of Stavropol Kalmyk Regiment in the Wars with Napoleonic France: Sources and Historiography33</p> <p>Stetsura U. Cossacks of South of Russia in the Patriotic War of 181236</p> <p>Sudavtsov N. Caucasus in Period of Patriotic War of 1812 and Foreign Campaigns of Russian Army42</p> <p>Belousov S. Activity of Workers of Kalmyk Administration on Organization of Kalmyk Regiments and Succour to the Russian Army during the Napoleonic Wars48</p> <p>Sharaeva T. To the Question of the Kalmyk Battle Banners52</p> <p>Batyreva S. Towards the Reconstruction of Historical Memory in the Painting of G. Rokchinsky of 60-s of XXth century56</p> <p>Kichikova B. «Fell off the Kalmyk Horse...» (historical and literary commentary on the line from the novel by A. Pushkin «Eugene Onegin»)61</p> <p>Basangova T. Kalmyk Songs about the Patriotic War of 181273</p> <p>Bakaeva E., Bakaev N. Hero of the Patriotic War of 1812 Tsagan Khalga Luzangov and his Descendants77</p>
HISTORY	<p>Sanchirov V. About New Edition of «Rodoslovnaya Torgutov»85</p> <p>Tepkeev V. Participation of the Kalmyks in the Russian&Polish War of 1654–166789</p> <p>Batyrov V. Participation of the Consolidated Detachment under the Command of Prince A. Dondukov in the Kuban Trip in 177195</p> <p>Kondrashova A. Provincial Public and Authority in the First Russian Revolution of 1905–1907 (on the example of the city of Stavropol)100</p> <p>Badmaeva E. Events of 1932–1933 in the Fate of the Kalmyk Peasantry105</p> <p>Baduginova M. Struggle with Eruption of Plague Epidemy in Kalmyk ASSR and Stalingrad Region in 1937–1938108</p> <p>Garyaeva Z. Damage Caused to Education in Elista of the Kalmyk ASSR in the Period of the German Occupation113</p>
ETHNOLOGY	<p>Ochirov V. Signs and Beliefs Connected with the Birth of a Son in the Buryat Family119</p>
JURISPRUDENCE	<p>Gunaev E. Principle of Equal Rights and Self-Determination of Peoples in the Context of Legal Nature of the Republic — Constituent Entity of the Russian Federation (on the example of the Republic of Kalmykia)122</p>
SOCIOLOGY	<p>Nuskhaeva B. Population of Republic of Kalmykia by All Russian Census of 2010: Main Characteristics128</p>

LINGUISTICS	<i>Palshina D.</i> Phonetic Structure of Word as One of the Reasons of Arising of Reduced Forms in the Russian Speech134
	<i>Li Chen.</i> Vernacular Prefixed Verbs in the Russian Language of the XIX th Century: Problems of Synchronous&Diachronic Describing (based on the materials of vaudevilles)139
	<i>Pushkareva N.</i> Subtext Meanings as Components of Prosaic Text Sense Structure144
	<i>Esenova T.</i> Peculiarities of Modern Agitation Text in Period of Elections to State Duma of Russian Federation in 2011 (on examples of Republic of Kalmykia)150
	<i>Bogdanova-Beglaryan N.</i> Construction (...) <i>skazhem (let us say) (...)</i> in Everyday Russian Speech (materials for dictionary of discursive units)153
	<i>Shatokhina G.</i> Russian Language for Children in Japan: the Beginning of a Big Way158
	<i>Bembeev E.</i> Experience of Quantitative Approach to Text Processing in Old-Kalmyk Language: Quantitative Characteristics163
	<i>Kukanova V.</i> Inflectional Types of the Kalmyk Language in the Light of Automatic Processing of Texts (by giving illustrations of nouns)168
LITERATURE STUDIES	<i>Khaninova R.</i> Olfactory Topos in the Short Stories by Isaac Babel178
FOLKLORISTICS	<i>Dyakieva B., Omakaeva E.</i> Image of Mother in Kalmyk Folklore: towards the Problem of Universal and Specific (based on the material of folklore texts)183
ECONOMICS	<i>Burlutkin T.</i> Debit and Credit Indebtedness as Potential Sources of Financing for Small Enterprises188
REVIEWS	<i>Maksimov K.</i> Review of <i>Reform of 1892 in Kalmykia: Abolishment of Personal Dependence of Kalmyk-Roturiers from Nojons and Zajsangs</i> (Elista, 2011. 240 p.), by <i>A. Komandzhaev, N. Matsakova</i>192
	<i>Burykin A.</i> Review of <i>Typology of Model-Forming Sentence Parts in the Kalmyk and Mongolian Languages in the light of Verb-Actant Theory</i> (Ulan-Bator, 2011. 240 p.), by <i>E. Omakaeva</i>196
SCIENTIFIC LIFE199
SUMMARIES201
INFORMATION	
ABOUT AUTHORS208

УДК 94(47).072.5
ББК 63.3(2Рос=Калм)

**КАЛМЫКИ-КАЗАКИ В СОСТАВЕ ДОНСКИХ ПОЛКОВ
В БОРОДИНСКОМ СРАЖЕНИИ 1812 г.**

К. Н. Максимов

В связи с внезапным нападением наполеоновских войск на Россию русским 1-й (главнокомандующий — генерал от инфантерии М. Б. Барклай де Толли) и 2-й (главнокомандующий — генерал от инфантерии П. И. Багратион) Западным армиям пришлось раздельно отступать и искать пути к объединению. В сложной военной обстановке обе русские армии, маневрируя и ведя арьергардные бои, через 40 дней (21 июля, или по новому стилю 2 августа 1812 г.) соединились в Смоленске, в результате чего была успешно выполнена поставленная боевая задача. Следующая стратегическая задача русской армии заключалась в том, чтобы вступить в генеральное сражение с противником.

В начале Отечественной войны 1812 г. в обеих русских армиях в боевых действиях участвовали 27 донских полков (в том числе Атаманский и лейб-гвардии Казачий) и 1-я конноартиллерийская рота, в личном составе которых числилось до 600 калмыков-казаков¹ [РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3034. Л. 70]. Кроме них, в 3-ю Резервную (Обсервационную) армию (главнокомандующий — генерал от кавалерии А. П. Тормасов), расположенную на Волыни, в Дунайскую армию (главнокомандующий — адмирал П. В. Чичагов), дислоцированную в Валахии, и в корпус генерал-лейтенанта П. Х. Витгенштейна, которые также вели активные боевые действия, входило 20 донских полков (в их составе до 360 калмыков-казаков). Донские полки в арьергардных боях на данном этапе войны успешно выполнили поставленные перед ними опера-

тивные задачи. За эффективные действия в арьергардных сражениях только 17–24 августа 1812 г. генерал-лейтенант П. П. Коновницын, командир центрального арьергарда армии, представил генерал-майора Н. В. Иловайского 5-го, командира Атаманского полка полковника С. Ф. Балабина 2-го и командира 2-й донской конноартиллерийской роты войскового старшину П. В. Суворова к награждению орденами. Полковник С. Ф. Балабин в свою очередь ходатайствовал о награждении 7 командиров и 12 казаков своего полка, в том числе калмыка-казака Шарапа Чурюмова, которые отличились в боях 17–24 августа 1812 г. [РГВИА. Ф. 489. Оп. 1/208а. Св. 0. Д. 7. Л. 7, 12, 14].

Об упорном сопротивлении накануне Бородинского сражения арьергарда русской армии, состоявшего преимущественно из донских казачьих полков, позднее вспоминал Мишель Комб, лейтенант 8-го конноегерского полка французской армии. Он писал: «В следующие два дня, 5 и 6 сентября, мы продвинулись вперед лишь на очень небольшое расстояние, так как русская армия всюду оказывала нам самое решительное сопротивление, пользуясь всеми удобными для артиллерии позициями для того, чтобы громить из пушек, и прикрывая свое отступление частью цепью стрелков, составленной из казаков, калмыков и башкир» [Наполеон в России ... 2004: 197].

В августе 1812 г. накануне Бородинского сражения в действующей русской армии против войск Наполеона с учетом переброшенных в июле-августе полков с Кавказской линии и из других регионов находились 48 донских полков и две конноартиллерийские роты. Помимо них, еще 2 донских полка ускоренным маршем двигались к театру военных действий. По списку в этих полках и ротах числилось 29 470 казаков (по данным академика Е. В. Тарле, со ссылкой на графа К. Ф. Толя, — 30 тыс. [Тарле 2009: 69]), среди которых было 1 358 калмыков. Всего в августе 1812 г. во всех дон-

¹ Калмыков-казаков на Дону при формировании пятисотенных донских полков распределяли по 15–30 человек по некомплектным полкам. В тысячном Атаманском полку почти постоянно числился 91 калмык, лейб-гвардии Казачьем полку — до 20, в каждой конноартиллерийской роте — до 10 калмыков. На 1 августа 1812 г. в Войске Донском на учете находилось 1 740 служивых калмыков-казаков, из них проходили службу в строевых полках и командах 1 656 человек (в Атаманском полку — 91, на разных военных должностях — 148, рядовыми — 1 417).

ских строевых полках и командах по списку находилось 40 123 казака (83,6 % от всех служивых), в том числе 1 508 калмыков (86,6 % от всех служивых) [РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208а. Св. 0. Д. 4. Ч. 1. Л. 123–127; Д. 10. Ч. 1. Д. 120–121].

При селе Бородине 24–26 августа (5–7 сентября) 1812 г. в 1-ю Западную армию (главнокомандующий — генерал от инфантерии М. Б. Барклай де Толли, начальник штаба — генерал-майор А. П. Ермолов) наряду с 6 пехотными и 3 кавалерийскими корпусами входил казачий корпус (командир — генерал от кавалерии М. И. Платов) в количестве 4 бригад. 1-я бригада (командир — М. Г. Власов 3-й) состояла из донских казачьих полков подполковника И. И. Андриянова 2-го, войскового старшины М. Г. Чернозубова 8-го и подполковника М. Г. Власова 3-го (командующий — есаул С. В. Андронов), а также Перекопского конно-татарского (командир — подполковник князь А. Хункалов) [Бородино: Документальная хроника 2004: 10, 75, 314, 321, 322].

Во 2-й бригаде (командир — генерал-майор Н. В. Иловайский 5-й, он же командир полка) числились донские полки войскового старшины И. Г. Давыдова 3-го и подполковника Т. Д. Грекова 18-го (командир — подполковник А. С. Греков 26-й); в 3-й бригаде (командир — генерал-майор В. Т. Денисов 7-й, он же командир полка) — войсковых старшин Г. П. Победнова 1-го и И. И. Жирова (полк А. К. Денисова 6-го); в 5-й бригаде (командир — генерал-майор Д. Е. Кутейников 2-й) — подполковника К. И. Харитонов 7-го и Симферопольский конно-татарский полк подполковника князя К. Балатукова 1-го. Отдельно числились Атаманский полк, разделенный на две части (одной командовал полковник С. Ф. Балабин, другой — есаул С. И. Пантелеев), и 2-я донская артиллерийская рота войскового старшины П. В. Суворова. Кроме того, в 1-м резервном кавалерийском корпусе генерал-лейтенанта Ф. П. Уварова находился донской лейб-гвардии Казачий полк под командованием генерал-майора В. В. Орлова-Денисова. В указанных 10 (в том числе Атаманском и лейб-гвардии Казачьем) донских полках, артиллерийской роте числилось до 315 калмыков-казаков [1812. Бородинская битва 2009: 28].

Во 2-й Западной армии (главнокомандующий — генерал от инфантерии

П. И. Багратион, начальник штаба — генерал-майор Э. Ф. Сен-При) казачий отряд (командующий — генерал-майор А. А. Карпов 2-й) состоял из донских казачьих полков полковника А. И. Быхалова 1-го, войскового старшины И. В. Грекова 21-го (командующий войсковой старшина В. И. Васильев), полковника О. В. Иловайского 10-го, полковника Т. Д. Иловайского 11-го, войскового старшины Д. Д. Комиссарова 1-го, подполковника Г. Г. Мельникова 4-го, А. А. Карпова 2-го (командующий — войсковой старшина П. А. Калинин), полковника В. А. Сысоева 3-го (командующий — есаул Т. Т. Рыковсков). Личный состав этих донских полков состоял из 3 016 казаков, в том числе до 200 калмыков [Поликарпов 1911: 30, 70]

Главнокомандующий М. И. Кутузов, готовясь к сражению при Бородине, расположил войска на позиции в боевой порядок четырьмя группами (правое крыло, центр, левое крыло и резервы), при этом имевшиеся донские полки, в составе которых числилось свыше 500 калмыков (более 400 были в других полках вне Бородино), были распределены между ними. Три казачьих полка под командованием генерал-майора И. Д. Иловайского 4-го (генерал-майора И. Д. Иловайского 4-го, полковника В. Д. Иловайского 12-го, Ставропольский калмыцкий) и Казанский драгунский полк еще 21 июля (3 августа) 1812 г. по распоряжению Барклая де Толли атаман М. И. Платов передал в отдельный отряд генерал-лейтенанта Ф. Ф. Винцингероде для установления связи с корпусом генерал-лейтенанта П. Х. Витгенштейна. В корпус последнего, прикрывавший направление в сторону Петербурга, входили донские полки полковника М. И. Родионова 2-го и подполковника И. И. Платова 4-го [Толь 1839: 10].

На левом фланге русской армии на Бородинском поле, где бои развернулись уже 24 августа (5 сентября), сражался отряд генерал-майора А. А. Карпова 2-го в составе указанных 8 донских полков. По поводу событий этого дня М. И. Кутузов 25 августа писал жене, что «вчера на моем левом фланге было дело адское; мы несколько раз прогоняли и удерживали место, кончилось уже в темную ночь» [К чести России ... 1988: 72].

На следующий день отряд А. А. Карпова 2-го был усилен еще двумя полками

(подполковника Ф. А. Барабанщикова 2-го; второй полк не установлен, по мнению В. А. Афанасьева, полковника В. Д. Иловайского 12-го) и передан 3-му пехотному корпусу генерал-лейтенанта Н. А. Тучкова 1-го для обороны Старой Смоленской дороги, ведущей на Можайск. Этот отряд в составе донских полков А. А. Карпова 2-го (полком командовал войсковой старшина П. А. Калинин), О. В. Иловайского 10-го, Т. Д. Иловайского 11-го, В. А. Сысоева 3-го, И. В. Грекова 21-го, Г. Г. Мельникова 4-го, А. И. Быхалова 1-го, Ф. А. Барабанщикова 2-го, Д. Д. Комиссарова 1-го, в личном составе (более 3,5 тыс. казаков) которых находилось до 250 калмыков-казаков, наблюдая за Старой Смоленской дорогой, весь день 26 августа (7 сентября) сражался с 5-м польским корпусом князя Ю. А. Понятовского, не давая ему обойти левый фланг русской позиции. За мужество и отвагу в трехдневной серии сражений (24–26 августа) из этих полков, в том числе из полков А. И. Быхалова, Д. Д. Комиссарова и Ф. А. Барабанщикова, были представлены к воинским наградам 167 казаков и офицеров. В представлении А. А. Карпов 2-й отмечал, что казаки действовали «с неустрасимой и отличною храбростью: поражали противника пиками, расстраивали тыл его и брали довольно число в плен» [РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208а. Св. 0. Д. 4. Ч. 1. Л. 123–127]. Только по одному полку удалось установить, что в числе представленных к награждению казаков из Иловайского 11-го полка значился калмык Гибиков. Командиры полков, «командуя вверенными им полками, несмотря на сильные пушечные и оружейные выстрелы, находились всегда впереди оных и воочию подавали подчиненным своим пример, ... сами много раз бросались в колонны неприятельские, своеручно поражали оного» [РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208а. Св. 0. Д. 10. Ч. 1. Д. 120–121].

В резерве правого крыла армии М. И. Кутузов расположил 1-й кавалерийский корпус генерал-лейтенанта Ф. П. Уварова, в который входила гвардейская кавалерийская дивизия (в том числе лейб-гвардии Казачий полк в составе трех эскадронов под командованием полковника И. Е. Ефремова и гвардейская Черноморская сотня генерал-майора В. В. Орлова-Денисова), — всего 27 эскадронов, 1 сотня и 12 конных орудий. Слева от корпуса Ф. П. Уварова находилась конница генерала от кавалерии М. И. Плато-

ва в составе 9 донских полков (Атаманский, генерал-майоров Н. В. Иловайского 5-го, В. Т. Денисова 7-го, подполковников И. И. Андриянова 2-го, М. Г. Власова 3-го, Т. Д. Грекова 18-го и К. И. Харитонова 7-го, войсковых старшин М. Г. Чернозубова 8-го и И. И. Жирова), разделенных на 4 бригады (командиры — Н. В. Иловайский 5-й, В. Т. Денисов 7-й, Д. Е. Кутейников 2-й и М. Г. Власов 3-й), и 2-й конноартиллерийской роты (в ней 5 калмыков) войскового старшины П. В. Суворова. В личном составе указанных донских полков (в том числе и лейб-гвардии Казачьем) числилось до 250 калмыков-казаков. Помимо донских полков, в корпус М. И. Платова входили Перекопский и Симферопольский конно-татарские, 1-й Башкирский, 1-й Бугский и 1-й Тептярский полки.

Донские полки бригады М. Г. Власова 3-го и пятисотенный отряд из Атаманского полка под командованием С. Ф. Балабина, менее пострадавшие в предыдущих августовских боях, численностью до 1 800 человек (среди них — до 100 калмыков-казаков), М. И. Платов выделил в особую группу для оперативного маневрирования [Опыт описания Бородинского сражения ... 1839: 9].

По данным книги графа А. И. Коновницына, изданной в 1912 г., в отряде М. И. Платова числилось 14 казачьих полков, в том числе 8 донских, и 2-я артиллерийская рота [Коновницын 1912: 5]. В первой бригаде остались полки Н. В. Иловайского 5-го, И. И. Андриянова 2-го и М. Г. Чернозубова 8-го (бывший полк И. К. Краснова 1-го); во второй — полки В. Т. Денисова 7-го, М. Г. Власова 3-го и Т. Д. Грекова 18-го; в третьей — полки К. И. Харитонова 7-го (бывший Д. Е. Кутейникова 2-го) и И. И. Жирова. Кроме них, при М. И. Платове находился Атаманский полк, разделенный на две части. Две сотни (в них до 25 калмыков) Атаманского полка под командованием есаула С. И. Пантелеева постоянно присутствовали при атамане. Пятисотенный отряд (в нем до 60 калмыков) Атаманского полка под командованием полковника С. Ф. Балабина 2-го был выдвинут вправо от занимаемой позиции за 15 верст с целью «наблюдения за неприятельским движением, дабы он не мог зайти за фланг нашей армии», — писал М. И. Платов М. И. Кутузову. Подполковнику М. Г. Власову 3-му, который с полками 1-й казачьей бригады находился в нижнем течении реки

Колочи при соединении с Москвой-рекой, М. И. Платов приказал «связываться постами с полковником Балабиным и в случае надобности подкреплять его» [Бородино. Документы ... 1962: 99].

По воспоминаниям участника Бородинского сражения Ф. Н. Глинки, «другие донцы рыскали по течению Колочи до слияния ее с Москвою, оберегая всю ту сторону к Старому и Малому Беззубову». М. И. Кутузов еще 23 августа (4 сентября) докладывал Александру I о том, что «казахьи наши форпосты от меня в 30-ти верстах, и боковые дороги наблюдаются весьма рачительно». 24 августа казахьи разъезды полка И. И. Андриянова 2-го проникли в тыл врага и захватили более 20 французских кавалеристов.

Один из участников Бородинского сражения И. П. Липранди, обер-квартирмейстер 6-го корпуса генерала от инфантерии Д. С. Дохтурова, писал, что «с наступлением полудня 25 августа каждый осознал, что он стал на месте для встречи врага. Торжественное шествие по всему лагерю священнослужителей с иконой Смоленской Божьей Матери, в сопровождении седого, как лунь, фельдмаршала, генералов Барклая, Багратиона, Беннигсена, Платова, корпусных и других генералов с обнаженными головами внезапно изменило чувства всех и каждого. Никто не остался равнодушным. Религиозные верования встрепенулись в каждом по его исповеданию» [Липранди 1867: IV].

Бородинское сражение началось на рассвете 26 августа (7 сентября) открытием французами артиллерийского огня по левому флангу русской армии — по Багратионовым флешам. Затем с 6 часов утра началась массированная атака основных сил корпусов Л.-Н. Даву, И. Мюрата, М. Нея, А. Ж. Жюно на Багратионовы флешы, особенно с усилением давления на южную флешь, где с 24 августа (5 сентября) держала оборону 2-я сводно-гренадерская дивизия генерал-майора М. С. Воронцова [Бородино: Документальная хроника ... 2004: 81, 235, 325–326].

В кульминационном сражении 26 августа на Багратионовых флешах, длившемся более 6 часов, войска Багратиона выдержали 6 атак противника, о чем писал Ф. Н. Глинка, один из участников Бородинского сражения. Только после 7-й атаки под напором превосходящих сил французов защитники флешей (в том числе и артиллеристы) под начальством генерала-лейтенанта

П. П. Коновницына, принявшего командование после ранения Багратиона, отступили за Семеновский овраг и устроили сильный артиллерийский заслон, позволивший приостановить продвижение французов. В официальных известиях из армии от 27 августа (8 сентября) сообщалось: «В 4 часа неприятель, пользуясь густым туманом, начал свое движение к нашему левому флангу. Вскоре после того битва стала всеобщей и продолжалась до ночи. Основные усилия были направлены на наш левый фланг. Атака флешей была наисильнейшей и оборона их самой ожесточенной» [Глинка 1987: 334–336].

Накануне Бородинской битвы 1-я донская конноартиллерийская рота со всеми орудиями и личным составом из казачьего корпуса А. А. Карпова 2-го была передана 2-й сводно-гренадерской дивизии генерал-майора М. С. Воронцова, входившей в корпус генерал-лейтенанта А. И. Горчакова. После Бородинского сражения в списке личного состава 1-й конноартиллерийской роты майора П. Ф. Тацына из 211 человек осталось в живых 186, из них 19 урядников и 167 казаков (в том числе калмыки Ананчи Калидинов, Ачи Свинухов, Керчи Аржинов, Тихон Чаманов и Степан Качиров). Все 186 казаков были представлены командованием к награждению. За умелое руководство ротой и проявленное мужество в Бородинской битве генерал М. С. Воронцов представил майора П. Ф. Тацына к присвоению очередного воинского звания, а также одного есаула и двух хорунжих — к орденам. В представлении говорилось, что П. Ф. Тацын, «командуя ротой с примерною неустрашимостью, храбростью и мужеством, давал направление орудиям, быстро становился на места ему назначенные, с чрезвычайною поспешностью и устройством действовал своими орудиями по батареям, неприятельскому фронту; сбил две батареи и наносил великий вред идущим к укреплению неприятельским колоннам». Есаул (фамилия неизвестна) и хорунжие Калашников и Бондарев «с неустрашимостью своими орудиями действовали против неприятеля и цельными выстрелами наносили великий вред колоннам французским» [РГВИА. Ф. 103. Оп. 3. Д. 942. Л. 60–62].

По приказу М. И. Кутузова конница М. И. Платова (полки Н. В. Иловайского 5-го, Т. Д. Грекова 18-го, К. И. Харитонов 7-го, В. Т. Денисова 7-го (полком коман-

довал Г. П. Победнов), И. И. Жирова, часть Атаманского полка в количестве 2 сотен казаков (в том числе до 25 калмыков) под командованием есаула С. И. Пантелеева, Симферопольский конно-татарский) с 10 часов 30 минут (в черновом варианте докладной на имя Главнокомандующего, написанной собственноручно М. И. Платовым, указано «7 час». — К. М.) до 15 часов 26 августа (7 сентября) вместе с кавалерийским корпусом Ф. П. Уварова, перейдя речку Колочу, провели удачный рейд в тыл левого фланга французской армии (корпуса итальянского вице-короля Евгения). Этот рейд М. И. Платова и Ф. П. Уварова позволил на время отвлечь значительные силы Наполеона и ослабить массированную атаку на Семеновские флеши. Наполеон был вынужден против казаков М. И. Платова и корпуса Ф. П. Уварова выделить 5 тыс. кавалерии и 10,5 тыс. пехоты. Французские атаки в центре на время приостановились. За это время русские войска получили небольшую передышку и возможность перегруппироваться [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 254. Л. 1, 3, 4–6]. «Атака эта не произвела ничего решительного в частном, — писал Ф. Н. Глинка, — но последствия ее были весьма важны для целого» [Глинка 1987: 325].

В рапорте на имя М. И. Кутузова М. И. Платов писал, что в 7 часов утра 26 августа, он, оставив пятисотенный отряд из Атаманского полка под командованием полковника С. Ф. Балабина 2-го и полк М. Г. Власова 3-го для наблюдения за противником, выступил из лагерного расположения и двинулся на левый фланг неприятельской армии, опрокинул ее кавалерию и до подхода Ф. П. Уварова взял в плен до 200 конных и пехотных стрелков. С прибытием Ф. П. Уварова вступили в бой полк М. Г. Власова 3-го и отряд С. Ф. Балабина 2-го. По результатам удачного рейда (в нем участвовало до 4 500 казаков, в том числе донских — почти 3 тыс.) в тыл противника М. И. Платов представил к награждению Н. В. Иловайского 5-го, подполковника И. И. Харитонову 7-го, В. Т. Денисова 7-го, полковника Атаманского полка С. Ф. Балабина 2-го², подполковника М. Г. Власова 3-го, командира Симферопольского полка подполковника князя К. Балатукова, а также войсковых старшин Г. П. Побед-

² В опубликованном рапорте отсутствуют фамилии Н. В. Иловайского 5-го и С. Ф. Балабина 2-го [Бородино. Документы... 1962: 100–101 (Документ № 88)].

нова и И. И. Жирова. Из этих же полков были представлены к наградам 9 есаулов, 11 хорунжих, 11 сотников. В рейде отряда Ф. П. Уварова из донских полков участвовал лейб-гвардии Казачий. Следовательно, из 11 донских полков, находившихся на правом фланге русской армии, в этом рейде приняли участие 8 (в историографии утверждается «7»), которые имели до 3 тыс. казаков, в том числе до 175 калмыков [РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208а. Св. 0. Д. 4. Ч. 1. Л. 376–378].

Из 1 000 французских пленных, взятых 26 августа при Бородинском сражении, 450–500 человек было захвачено корпусом М. И. Платова. Однако П. Н. Краснов, с огорчением и несколько преувеличивая значение рейда казаков атамана М. И. Платова в тыл французов, писал: «Набег казаков Платова в тыл Бородинской позиции Наполеона мог бы сломить все силы Наполеона и даровать нам полную победу. Но этому помешала некоторая жадность казаков. Едва увидели наши деды богатства наполеоновского обоза, как забыли и цель, и назначение набега» [Краснов 2007: 261].

Все же Наполеон остался недоволен результатами сражения на Бородинском поле. Арман де Коленкур в своих мемуарах, описывая итоги Бородинской битвы, отмечал: «Никаких пленных, никаких трофеев — вот что больше всего раздражало императора, и он часто жаловался на это» [Коленкур 2002: 203]. Но потери с обеих сторон оказались огромными. По данным А. Геруа, в Бородинском сражении русская армия потеряла убитыми и пропавшими без вести 58 тыс. человек, из них 22 генерала, а французская — более 50 тыс. человек, в том числе 49 генералов [Геруа 1912: 61]. Из 7 тыс. казаков А. А. Карпова 2-го и М. И. Платова, по данным Р. Т. Вильсона со ссылкой на сведения генерал-квартирмейстера К. Ф. Толя, после Бородинского сражения осталось 6 тыс. человек [Вильсон 2008: 151]. В основном большие потери понесли донские полки отряда А. А. Карпова 2-го. Корпус М. И. Платова находился в резерве и участвовал лишь в рейде в тыл левого фланга неприятеля.

По данным В. А. Афанасьева, составленным в 1912 г., как он утверждал, на основании подлинных документов, в Бородинском сражении 26 августа 1812 г. из 1-й Западной армии участвовали донские казачьи полки корпуса атамана М. И. Платова: Атаманский (командир — С. Ф. Балабин 2-й), И. Д. Иловайского 4-го, С. Д. Иловайского 8-го,

Т. Д. Грекова 18-го, А. К. Денисова 6-го (в это время полком командовал И. И. Жиров — К. М.), В. Т. Денисова 7-го, К. И. Харитонов 7-го, М. Г. Власова 3-го под общим командованием генерал-майора Д. Е. Кутейникова 2-го, а также в этот отряд входили 1-й Бугский, 2-й Бугский, 9-й Уланский Бугский, Тептярский, Ставропольский калмыцкий, Башкирский, Симферопольский и Перекопский татарские полки, 2-я донская конноартиллерийская рота П. В. Суворова 2-го.

Из 2-й Западной армии, по его же данным, сражались в этот день на Бородинском поле донские казачьи полки генерал-майора А. А. Карпова 2-го, полковников В. А. Сысоева, В. А. Быхалова, О. В. Иловайского 10-го, Т. Д. Иловайского 11-го, В. Д. Иловайского 12-го, войсковых старшин И. В. Грекова 21-го, Д. Д. Комиссарова 1-го, Г. Г. Мельникова 4-го, а также 1-я донская конноартиллерийская рота майора П. Ф. Тацына [Афанасьев 1912: 14, 16–17]. В представленных наградных материалах по полкам отряда А. А. Карпова, хранящихся в фонде № 103 РГВИА, в числе отличившихся полков в боях 24–26 августа (5–7 сентября) 1812 г., наряду с полками О. В. Иловайского 10-го, Т. Д. Иловайского 11-го, И. В. Грекова 21-го, Г. Г. Мельникова 4-го, отмечены и донские полки полковника Ф. А. Барабанщикова 2-го, В. А. Быхалова 1-го, Д. Д. Комиссарова 1-го, а также указано количество чинов из этих же полков, заслуживших награждения [РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208а. Св. 0. Д. 4. Ч. 1. Л. 123–127]. В связи с этим нельзя согласиться с утверждением историков В. А. Бессонова и А. И. Попова о том, что полки В. А. Быхалова и Д. Д. Комиссарова не принимали участия в Бородинском сражении 24–26 августа 1812 г. [см.: Земцов, Попов 2009: 51].

Всего в Бородинской битве участвовало 20 донских полков (лейб-гвардии Казачий, Атаманский, А. А. Карпова 2-го, Н. В. Иловайского 5-го, О. В. Иловайского 10-го, Т. Д. Иловайского 11-го, В. Т. Денисова 7-го, М. Г. Власова 3-го, В. А. Сысоева 3-го, Т. Д. Грекова 18-го, И. В. Грекова 21-го, Г. Г. Мельникова 4-го, В. А. Быхалова 1-го, Д. Д. Комиссарова 1-го, И. И. Андриянова 2-го, М. Г. Чернозубова 8-го, К. И. Харитонов 7-го, И. И. Жирова 1-го, Ф. А. Барабанщикова 2-го и М. Д. Платова 5-го) и обе донские конноартиллерийские роты П. Ф. Тацына и П. В. Суворова. Общая

численность личного состава названных полков и рот составляла до 7 тыс. казаков, из них почти 500 калмыков. В. А. Афанасьевым упущены полки лейб-гвардии Казачий, Ф. А. Барабанщикова 2-го и М. Д. Платова 5-го. Помимо того, в соединения Ф. Ф. Винцингероде и П. Х. Витгенштейна, находившиеся на Петербургском направлении, входили донские полки И. Д. Иловайского 4-го, В. Д. Иловайского 12-го, М. И. Родионова 2-го и И. И. Платова 4-го. Вместе с ними находился и Ставропольский калмыцкий полк [Отечественная война 1812 года ..., XVI 1911: 108–110].

По данным Н. А. Троицкого, в Бородинском сражении участвовало до 11 тыс. донских казаков, а в корпусе атамана М. И. Платова было всего 4,5 тыс. сабель [Троицкий 1988: 166–167]. По данным же поручика Генштаба Н. Д. Неелова и историков П. А. Ниве [Ниве 1912: 265–266], А. Геруа, Д. П. Бутурлина [Бутурлин 1837–1838: 357, 360], корпус М. И. Платова состоял из 14 казачьих полков с численностью личного состава до 5,5 тыс. человек. Поскольку подвижные две части Атаманского полка не учитывались, выходит, что фактически у М. И. Платова находилось 15 донских полков. Между тем в журнале боевых действий было зафиксировано, что на 25 августа (6 сентября) 1812 г. в русской армии на Бородинском поле находились «под ружьем: линейного войска с артиллерией 95 000, казаков 7 000, ополчения Московского 7 000, Смоленского 3 000. Всего под ружьем 112 000 человек. При сей армии находилось 640 орудий артиллерии». В рескрипте Александра I М. И. Кутузову от 24 августа 1812 г. указывалось, что в обеих армиях должно быть 113 323 человека, а с учетом не включенных в рапорт «число армий составлять будет сто двадцать тысяч человек». В официальных сведениях о составе соединенных русских армий при селе Бородине на 24–26 августа 1812 г. отмечалось: «Всего на 24 августа в армиях состояло около 123,5 тыс. человек и 624 орудия. С учетом потерь, понесенных русскими войсками 24 и 25 августа, поступивших в эти дни пополнений соединенные армии утром 26 августа насчитывали около 117,5 тыс. человек» [Русские соединенные армии ... 1997: 34–35].

По неполным данным, составленным Калмыцким правлением Войска Донского в 1836 г., из 15 человек, удостоенных ордена Св. Анны (в основном за Бородинское

сражение), были еще живы на Дону 12 калмыков-казаков, участников Отечественной войны 1812 г. Одним из них был сотник Чукур Джамбинов, награжденный орденом Св. Анны 4-й степени, житель 1-й сотни Верхнего улуса. По данным Калмыцкого правления на 1846 г., только по Верхнему улусу (было 3 улуса и 13 сотен) за проявленную храбрость в крупных сражениях Отечественной войны офицерские чины получили хорунжий Земчи Самтонов (3-я сотня), сотник Наджику-Самтон Гилюнов (1-я сотня), есаул Нарма Гардигов (1-я сотня), сотник Чукур Джамбинов (1-я сотня), урядник Улан-Габун Гецулов. Кроме них, в составленных в 1854 г. далеко по неполным данным и не по всем улусам и сотням списках участников этой же войны значились фамилии и имена 19 калмыков-казаков [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 105. Л. 1–3; Д. 1640. Л. 6об., 12, 15, 15об., 20, 20об., 21; Оп. 3. Д. 35. Л. 8, 25–26, 29, 35, 51–56].

Более полные сведения об участии калмыков-казаков в составе донских полков в Бородинском сражении, вероятно, получить можно было бы из единицы хранения под № 681 «Списки нижних чинов, участвовавших в сражении при Бородине в 1812 году», внесенной в опись № 1 фонда № 309 — «Калмыцкое (окружное) правление области Войска Донского» Государственного архива Ростовской области. К большому сожалению, это дело № 681 уничтожено (списано) по акту № 1 «О недостатке документальных материалов» от 14 апреля 1953 г. По объяснению работников Государственного архива Ростовской области, это дело не вернулось из Омска, где документы Ростовского архива находились в эвакуации в годы Великой Отечественной войны.

По отрывочным архивным сведениям, калмык-казак сотник Федор Казмиевич Сарин служил в полку войскового старшины М. Д. Платова 5-го в Киевской губернии и, когда накануне августа 1812 г. полк был переброшен на западный фронт, принимал участие в Бородинской битве. Донской калмык Гавриил Алексеевич Ирхин с 1789 г. по 1805 г. находился на строевой и внутренней службе, с 11 июля 1809 г. по 1814 г. участвовал в боях против французов, с 1 июля 1816 г. по 18 марта 1817 г. служил в строевом полку в Финляндии [ГА РО. Ф. 331. Оп. 1. Д. 38. Л. 126об., 131].

Участник Бородинского сражения Ф. Н. Глинка, описывая ход грандиозной

битвы на Бородинском поле, отмечал: «Все смешалось и перепуталось, но никто не переставал драться! Конные, пешие, артиллеристы, люди разных вер и народов, схватывались толпами, в одиночку, резались, боролись и дрались насмерть! На девяти европейских языках раздавались крики: соплеменные нам по славянству уроженцы Иллирии, дети Неаполя и немцы дрались с подмосковной Русью, с уроженцами Сибири, с соплеменниками черемис, мордвы, заволжской чуди, калмыков и татар!» [1812. Бородинская битва 2009: 105, 250].

После Бородинского сражения 27 августа (8 сентября) 1812 г. по распоряжению М. И. Кутузова отходившие на Можайск русские войска прикрывали усиленный арьергард под командованием генерала от кавалерии М. И. Платова. В него согласно диспозиции 1-й и 2-й Западным армиям на 27 августа, подписанной генерал-квартирмейстером М. С. Вистицким, были включены казачий корпус М. И. Платова, часть 1-го кавалерийского корпуса Ф. П. Уварова, 3 егерских полка генерала П. П. Пасека, 4-я пехотная дивизия и 2-я донская конноартиллерийская рота. Арьергард покинул Бородинскую позицию в 4 часа утра 27 августа и двинулся вслед за армией только через несколько часов после отхода главных сил за Можайск, где они расположились на высоте рядом с деревней Землино (главная квартира в деревне Леутинской) [Бородино: Документальная хроника ... 2004: 115, 123, 126].

Под сильным давлением превосходящих сил (4 кавалерийских корпусов и пехотной дивизии) маршала И. Мюрата атаману М. И. Платову 28 августа (9 сентября) пришлось отступить к селу Моденово, находившемуся в трех километрах западнее от расположения главной квартиры М. И. Кутузова. 10 сентября (29 августа) 1812 г. в 10 часов М. И. Платов вынужден был оставить Можайск. В журнале военных действий 1-й и 2-й Западных армий от 28 августа имеется запись о том, что «арьергард наш, составленный из полков егерских 4-го, 33-го и 48-го, 1-го кавалерийского корпуса при конной артиллерии роты подполковника Геринга и несколько казачьих полков, невзирая на превосходство неприятельского авангарда, следовавшего за ним после Бородинского сражения, удерживал оный на каждом шагу так, что армия наша в от-

ступном движении ее ни мало потревожена не была» [Гарин 1948: 243, 378]. Но, тем не менее, М. И. Кутузов, 29 августа отстранив М. И. Платова от командования, назначил начальником арьергарда генерала от инфантерии М. А. Милорадовича, исполнявшего обязанности главнокомандующего 2-й Западной армии.

При выходе из Москвы для отвлечения и введения в заблуждение корпуса О. Ф. Себастьяни, преследовавшего русскую армию, М. И. Кутузов оставил на Рязанской дороге два донских полка под общим командованием полковника И. Е. Ефремова, командира лейб-гвардии Казачьего полка. Отряду Ефремова удалось отвлечь и вести французский корпус до города Бронниц. Тем временем русская армия уходила по маршруту на Тарутино, намеченному М. И. Кутузовым в соответствии со стратегическим планом дальнейшего ведения войны.

Значение Бородинского сражения и роль М. И. Кутузова в этой баталии по достоинству оценил император Александр I в рескрипте от 12 сентября 1812 г. В нем Александр I, отмечая «знаменитый подвиг» М. И. Кутузова «в отражении главных сил неприятельских», в вознаграждение его достоинств и трудов присвоил ему чин генерал-фельдмаршала с вручением ста тысяч рублей. «Всем бывшим в сем сражении нижним чинам» император пожаловал «по пять рублей на человека» [Отечественная война 1812 года..., XV 1911: 23 (№ 2)].

Император высочайше пожаловал за боевые заслуги многим донским полкам знамена с изображением государственно-го герба и соответствующими надписями. Всем раненым и бедным донским казакам-участникам Отечественной войны 1812 г. Российское государство установило пенсию на общую сумму в год 20 тыс. рублей (а годовое денежное довольствие Войска Донского составляло 21 311 руб.). За годы войны правительство России выделило казачьим полкам на приобретение выючных лошадей: в 1812 г. — 135 757 руб. 97 коп., в 1813 г. — 1 116 758 руб. 80 коп., в 1814 г. — 4 501 631 руб. 37 коп., а также выдало за убитых лошадей: в 1812 г. — 1 756 руб., в 1813 г. — 101 920 руб., в 1814 г. — 379 498 руб. 45 коп. [Управление генерал-интенданта Канкри-на ... 1815: 178, 180].

Эта помощь государства оказалась весьма ощутимой и своевременной, поскольку к концу 1812 г. поголовье скота у донских казаков значительно сократилось. Только в течение этого года на Дону лошадями уменьшилось почти на 20 % и осталось 138 429 (у калмыков — около 15 тыс.), крупного рогатого скота — на 37 % и осталось 271 405 (у калмыков — 16 400), овец — на 46 % и осталось 469 295 (у калмыков — 29 800 голов).

В Отечественной войне 1812 г. против наполеоновской армии воевало около 3 тыс. служилых и отставных калмыков-казачков в составе донских строевых и ополченских полков. Калмыки-казаки в составе донских полков участвовали в самом масштабном и в одном из решающих событий Отечественной войны 1812 г. — Бородинском сражении. Генерал от кавалерии М. Г. Власов, участник войн с Наполеоном в качестве командира полка своего имени и командира бригады, в ноябре 1846 г., будучи наказным атаманом Войска Донского, писал судье Калмыцкого правления подполковнику Маркову: «Между калмыками, бывшими в Донских казачьих полках противу турок, французов, шведов и поляков находилось много храбрых воинов, удостоенных отличий и даже производства в офицерские чины. Из числа их последних ныне нет ни одного в живых, но я желаю знать, нет ли от них наследников, кои имеют право пользоваться преимуществами заслуг своих отцов» [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1640. Л. 1].

Источники

- Российский* государственный военно-исторический архив (РГВИА).
Государственный архив Ростовской области (ГА РО).

Литература

1812. Бородинская битва. М.: Яуза: Эксмо, 2009. 320 с.
Афанасьев В. А. Подлинные документы о Бородинском сражении 26 августа 1812 года. Диспозиция, подлинные донесения князя Кутузова, Баркляя де Толли, Ермолова, Коновницына, Раевского, Дохтурова и других старших начальников, с приложением боевого расписания русской армии и плана сражения. М.: Кругок ревнителей памяти Отечественной войны 1812 г., 1912. 64 с.
Бородино: Документальная хроника / сост. А. М. Валькович, А. П. Капитонов. М.: РОС-СПЭН, 2004. 384 с.

- Бородино. Документы, письма, воспоминания.* М.: Советская Россия, 1962. 412 с.
- Бутурлин Д. П.* История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году: в 2 частях СПб.: Военная типография, 1837–1838. Ч. I. 433 с. Ч. II. 420 с.
- Вильсон Р. Т.* Повествование о событиях, случившихся во время вторжения Наполеона Бонапарта в Россию и при отступлении французской армии в 1812 году / пер. с англ. яз. М.: РОССПЭН, 2008. 494 с.
- Гарин Ф. А.* Изгнание Наполеона. Документы, воспоминания. М.: Московский рабочий, 1948. 792 с.
- Геруа А.* Бородино (по новым данным). СПб.: Ред. журн. «Общество ревнителей военных знаний», 1912. 65 с.
- Глинка Ф. Н.* Письма русского офицера. М.: Московский рабочий, 1987. 383 с.
- Земцов В. Н., Попов А. И.* Бородино. Южный фланг. М.: ООО «Книга», 2009. 104 с.
- К чести России.* Из частной переписки 1812 года / сост., авт. предисл. и примеч. М. Бойцов; худож. В. Корольков. М.: Современник, 1988. 239 с.
- Коленкур А.* Мемуары: Поход Наполеона в Россию / пер. с фран. яз. М.: Куликово поле, Гала Пресс, 2002. 368 с.
- Коновницын А. И.* Подвиги славных предков в гонимую Отечественную войны. Посвящается потомкам. СПб.: изд. А. И. Коновницына, 1912. Приложение. 446 с.
- Краснов П. Н.* История войска Донского. Картины былого Тихого Дона. М.: Вече, 2007. 448 с.
- Липранди И. П.* Пятидесятилетие Бородинской битвы или кому и в какой степени принадлежит честь этого дня? Извлечено исключительно из иноземных писателей. М.: В Унив. тип. (Катков и К°), 1867. LIV с. + 314 с.
- Наполеон в России в воспоминаниях иностранцев:* в 2 кн. Кн. I. Нашествие на Москву / пер. с франц. и нем. яз. М.: В Унив. тип. (Катков и К°), 2004. 560 с.
- Ниве П. А.* Отечественная война: в 5 тт. Т. II. СПб.: Изд-во В. К. Ильинчика, 1912. 168 с.
- Опыт* описания Бородинского сражения. Состоящего при штабе 6-го пехотного корпуса, Генштаба поручика Неелова. М.: Тип. Н. Степанова, 1839. 138 с.
- Отечественная война 1812 года.* Материалы Военно-Ученого Архива Отд. 1. Т. XV. Боевые действия в 1812 г. (Июнь–Декабрь). СПб.: Тип. «Бережливость», 1911. 181 + XIV с. Т. XVI. Боевые действия в 1812 г. (Август месяц). СПб.: Тип. «Бережливость», 1911. 283 с.
- Поликарпов Н. П.* К истории Отечественной войны 1812 года. По первоисточникам. Вып. 3. События на Бородинской позиции с 22 по 24 августа. М.: Издание Л. Лукьянова, тип. Штаба Моск. воен. округа, 1911. 126 с.
- Русские* соединенные армии при Бородине 24–26 августа 1812 года. Состав войск и их численность / сост. А. Васильев и др. М.: Музей-панорама «Бородинская битва», 1997. 102 с.
- Тарле Е. В.* Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М.: Изд-во «АСТ», 2009. 364 с.
- Толь К. Ф.* Описание битвы при селе Бородине, 24 и 26 августа 1812 года // Отечественные записки. 1822. № 28–29. С. 34–38.
- Троицкий Н. А.* Великий год России. М.: Мысль, 1988. 495 с.
- Управление* генерал-интенданта Канкрин. Генеральный сокращенный отчет по армиям за походы против французов. 1812, 1813 и 1814 годов. Варшава, 1815. 190 с.

УДК 94(470.47)
ББК 63.3

ДОНСКОЕ КАЗАЧЬЕ ОПОЛЧЕНИЕ В 1812–1813 гг.

А. В. Венков

Участие донских казаков в Отечественной войне 1812 г. характеризуется невиданным до этого времени напряжением сил донского казачества. Количество донских казаков, принявших участие в войне 1812–1814 гг., превышает официальное количество боеспособных служилых казаков Войска Донского.

В военной традиции донских казаков в XVII–XVIII вв. были так называемые «всеобщие походы», когда поднималось все боеспособное мужское население. Однако такие походы были кратковременны, и ¼ часть боеспособных неизменно оставалась дома, чтобы защищать казачьи селения в случае неожиданного нападения врагов.

Всего на Дону мужского боеспособного населения на 1 июня 1812 г. насчитывалось 51 500 человек, из которых 41 300 уже находились в это время в Донских казачьих полках на службе. Другими словами, еще до наполеоновского нашествия Донское войско находилось в состоянии «всеобщего похода» и имело на Дону неслуживших боеспособных даже меньше, чем положено по традиции.

6 июля был издан правительственный Манифест о сборе земского ополчения. На Дону он был получен 20 июля — донское казачье руководство отреагировало немедленно. Войсковая канцелярия в донесении от 23 июля сообщала М. И. Платову, что в ополчение решено призвать *всех имеющих в наличии при войске служилых, отставных всякого сорта льготных и мало-важными иногда должностями занятых штаб- и обер-офицеров, урядников и писарей, казаков и выростков до 17-летнего возраста, включая и оный, не изъемя ни единого могущего только носить воинское оружие, кроме весьма дряхлых, равно сущих калек и жестоко больных, совершенно не способных к походу* [Донские казаки 1954: 169]. Кроме того, решено было отправить с ополчением рабочие полки, полки донских казаков, набравшиеся на общих основаниях, но используемые для строительства г. Новочеркаска.

Новый Манифест правительства от 18 июля определил созыв ополчения по

16 губерниям, а остальные, в том числе и войско Донское, исключались: «составление внутренних сил... по прочим губерниям, в том манифесте не означенным, оставить без всякого действия, доколе не будет надобности употребить их к равномерным отечеству жертвам и услугам» [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 260. Л. 17–17об.]. Но работа по сбору ополчения уже была начата. Кроме того, необходимость продолжать формирование ополчения была подтверждена предписанием М. И. Платова наказному атаману А. К. Денисову 6-му от 26 июля 1812 г.

Необходимость в свежих силах возникла после того, как 19 июля две русские армии (П. И. Багратиона и М. Б. Барклая де Толли) соединились у Смоленска. М. И. Платов отметил тогда нехватку казачьих частей в своем корпусе, поскольку все воинские начальники требовали казаков в свои войска для организации охранения и разведки. 20 июля он рапортовал об этом М. Б. Барклаю де Толли, а затем 30 июля написал самому Александру I, что *осмелился, по всемилостивейше дарованной мне от Вашего Императорского Величества по начальствованию моему над оным Войском доверенности, выкомандировать с Дону еще казаков* [РГВИА. Ф. 29. Оп. 1/153а. Д. 2955. Л. 64–64об.].

В предписании наказному атаману от 26 июля 1812 г. М. И. Платов особо оговорил судьбу *17- и 18-летних выростков, которых не посылать, ибо они по молодости лет своих будут составлять один только счет, а притом надобно, чтобы они оставались в домах, сколько для отбытия по внутренности войска повинностей, столько и для надзора за имуществом; положить же в число выступающих в поход только 19- и 20-летних выростков* [Донские казаки 1954: 181].

Сбор ополчения на Дону растянулся на 6 недель: ополченцы были задержаны до конца уборочной. Казакам надо было обеспечить себя и свои семьи необходимыми припасами хотя бы на ближайшее время, так как с Дона в поход уходило практически все взрослое мужское население.

Наконец, начиная с 8 сентября, фактически после сдачи Москвы, день за днем

полки донского казачьего ополчения выступали в поход. 18 сентября 1812 г. были отправлены с Дона на Тулу последние формирования. Всего выступило 24 полка и 6 орудий конной артиллерии. Если к числу полков, выступивших с 8 по 18 сентября, добавить 2 полка, выступивших ранее (2 сентября), можно считать, что всего было собрано в ополчение на Дону 26 казачьих полков, объединивших в своих рядах 3 943 служилых офицеров и казаков и 8 752 поступивших добровольно [Отечественная война 2004: 253].

Выставленные полки назывались по именам и фамилиям полковых командиров. Имена полковых командиров были представлены в рапорте наказного атамана А. К. Денисова 6-го от 18 сентября 1812 г.:

*По части Черкасского начальства
Генерал-майор Иловайский 3-й, полковник Иван Кошкин 1-й, войсковой старшина Алексей Греков 17-й.*

*Первого Донского начальства
Полковник Андрей Слюсарев 1-й, полковник Григорий Иловайский 9-й, войсковой старшина Карп Шамшев, войсковой старшина Траилин.*

*Донецкого начальства
Генерал-майор Борис Греков 3-й, полковник Сергей Белогородцев 1-й.*

*При 2 бывших рабочих полках
Полковник Ягодин 2-й, войсковой старшина Гревцов 2-й.*

*Второго Донского начальства
Полковник Илья Чернозубов, полковник Степан Греков 5-й, подполковник Николай Сулин 9-й, подполковник Шумков, войсковой старшина Данилов.*

*Усть-Медведицкого начальства
Генерал-майор Дмитрий Греков 1-й, полковник Иван Андриянов 1-й, полковник Павел Попов 3-й, войсковой старшина Ребриков, войсковой старшина Андриянов 3-й.*

*Хоперского начальства
Полковник Степан Чернозубов 4-й, майор Степан Ежов 2-й, войсковой старшина Сучилин.*

Итого 24 полка

[Донские казаки 1954: 190–191].

Полками, выступившими в поход 2 сентября, командовали полковник В. А. Кутейников 6-й и войсковой старшина И. Г. Попов 13-й.

Не все полки были укомплектованы полностью. Так, полк А. М. Гревцова, направленный в партизанский отряд А. Н. Сес-

лавина, вместо положенных по штату 500 всадников имел всего 290. Но в целом прибытие донского ополчения сыграло очень большую роль, поскольку оно подошло в самый критический момент. Французская армия располагалась в разграбленной и сгоревшей Москве, боеспособность сохраняли лишь некоторые части, в том числе авангард под командованием И. Мюрата (26 тыс., из них 8 тыс. кавалерии). Русская армия (62 тыс. регулярных войск на 22 сентября 1812 г.) после страшных потерь в Бородинской битве и оставления Москвы по своему количеству и по боевому духу тоже была далека от совершенства. Казачьи полки, участвовавшие в войне с ее начала, были разбросаны по всей армии, единого воинского соединения собой не представляли. М. И. Платов докладывал дежурному генералу П. П. Коновницыну: *с 29 числа прошлого августа месяца, я по болезни моей казачьими полками не командую, и где оные находятся, мне не известно. Никто мне не дает знать, куда и с кем отправлены или командированы Донские полки, не получая и от них рапортов, а знаю только по слухам, что 4 Донских полка состоят в отряде генерал-адъютанта Винцингероде, кроме одного Татарского и одного Калмыцкого, да 2 по Калужской дороге, кроме Тетярского. Прочие же все Донские полки находятся в разных местах и под командой разных [господ] генералов на аванпостах при армиях, которые не состоят в команде моей с того времени, как я выше объяснил, и ко мне оные не относятся; а потому где какой полк находится я не сведом и входить в это не могу [РГВИА. Ф. 14414. Оп. 10/291. Св. 68. Д. 8. Ч. 8. Л. 20–20об.]*

В таких условиях появление на фронте 12-тысячной свежей и профессиональной донской конницы резко изменило расстановку сил и создало все условия для ведения так называемой «малой войны», которая собственно и погубила французов осенью 1812 г. С подходом донского ополчения русская армия перешла в контрнаступление. Так, 29 сентября стали подходить ополченцы, а 3 октября русское командование приняло решение атаковать французов.

5 октября 1812 г. в донесении М. И. Платова М. И. Кутузову значилось, что первые 9 полков ополчения, прибывшие с Дона к армии, распределены в наиболее горячие места: *один, войскового старшины Попова, послан под командование подполковника*

Дениса Давыдова, известного поэта-партизана, в тыл французам к Вязьме; полк войскового старшины Гревцова отправлен в партизанский отряд капитана артиллерии Сеславина; 2 полка, полковника Андриянова и войскового старшины Андриянова, откомандированы 2 сентября из Калуги в корпус генерала Шепелева в сторону Брянска. Прочие 5 полков — в авангарде армии, как-то: полковника Ягодина и войскового старшины Кутейникова — на левом фланге армии, полковника Чернозубова и майора Ежова — на правом фланге, войскового старшины Сучилина — в центре авангарда [Донские казаки 1954: 191–192].

Полки ополчения составили костяк нового корпуса М. И. Платова. В октябре 1812 г. он писал царю Александру I, что прибывшие при генерал-майорах Грекове 1-м, Грекове 3-м и Иловайском 3-м полки ополчения какого дня прибывали к армии, того же и употреблены были в разные места к действию против неприятеля.

13-го числа сего месяца, находясь они со мною по повелению генерала-фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова в тылу неприятеля, и, быв побуждаемы ревностнейшим и верноподданническим рвением на защиту августейшего престола и Отечества от нашествия врага, оказали услугу.

Первый отряд под командою генерал-майора Алексея Иловайского у Малоярославца, разбив неприятеля с жестоким поражением, отбил у него 11 пушек.

Другой, находившийся в самом тылу неприятеля близ города Боровска, под командой генерал-майора Кутейникова 2-го, напав на него, положил на месте и, взяв в плен довольно количество, в том числе одного неприятельского дипломатика с картами и нужными бумагами, открывшими неприятельские замыслы, писанные рукою Бертье.

А третий, под командой полковника Иловайского 9-го, впереди Медыни, отбил 5 пушек, побил довольно и взял в числе пленных неприятельского генерала Хацкевича.

Теперь, за отправлением к Гжатску 6 полков под командой генерал-адъютанта графа Орлова-Денисова, я с прочими полками преследую ретирующегося гордого неприятеля по следам его на выстрел и разными дорогами. Каждый день, по возможности, везде бьют его, в плен же берут некоторых и то по человечеству.

О подвигах Донского войска, в ополчении сюда прибывшего, и других полков, в армии

состоящих, полагаю донесет Вашему Императорскому Величеству фельдмаршал. Я же, по всеподданнической должности, хоть и слабым здоровьем моим напрягаю с войском Донским все силы, денно и нощно на поражение злоковарного врага Вашего и Отечества [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3465. Ч. 2. Л. 11–12об.].

Отечественная война 1812 г. закончилась гибелью подавляющего большинства наполеоновского войска, перешедшего границы России. Надо сказать, что достаточно сложно проследить боевой путь всех полков, выставленных донскими казаками в ополчение. В ходе осеннего и зимнего наступления в 1812 г. и во время весенней кампании 1813 г. в Польше и Германии казачьи полки постоянно перемещались. Полк Б. А. Грекова 3-го в конце марта 1813 г. был расформирован и обращен на пополнение полка С. Г. Чернозубова 4-го. Однако уже в мае 1813 г. наступило временное перемирие и казаков стали подсчитывать.

М. И. Платов рапортовал М. Б. Барклаю де Толли: *По повелению Вашего высокопревосходительства, сего числа мною полученному, спешаю представить при сем на благоусмотрение Ваше ведомость всем войска Донского полкам казачьим, в действующих армиях состоящим, я и до сего занимался дознаванием о местонахождении их, и по известности мне теперь только, где оные находятся. Что ж касается до других наций казачьих полков, кои хотя и состоят в армиях, но мне из них известны только находящиеся при обложении крепости Данцига сверх донских семи: 2 Крымские конно-татарские, Симферопольский и Перекопский, и в отряде генерал-адъютанта Чернышева: 1-й Башкирский, да здесь при армии 3 Бугские, а о двух же Уральских, 2-м Башкирском, Евпаторийском татарском и калмыкских Дербетской и Турутовой орд полках, где оные в разных корпусах и отрядах состояли и теперь состоят, никакого сведения я не имею, ибо оные никогда ко мне не относились и не состояли в моей команде [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 292. Л. 2–2об., 12].*

Из прилагаемой к рапорту ведомости видно, где в это время находится тот или иной полк ополчения.

При обложении города Данцига:

Грекова 1-го. Сей ополчительный полк, по немалому числу состоящих в нем престарелых и дряхлых из отставных казаков, полагается рассмотрению, и годные

к службе, хотя и отставные, поступят в комплект по полкам, а прочие, совершенно неспособные к службе, будут уволены на Дон. Ибо и полковой командир отставной генерал-майор Греков стар летами, дряхл и увечен [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 292. Л. 2–2об., 12].

Кроме полка Д. Е. Грекова 1-го, под Данцигом стояли ополченческие полки С. Е. Грекова 5-го, А. Д. Грекова 17-го, Г. Д. Иловайского 9-го, И. М. Сучилина. В осаде города Т. Штеттина участвовали полки А. В. Иловайского 3-го и В. А. Кутейникова 6-го. В осаде крепости Глогау — полки И. Ф. Чернозубова, С. А. Белгородцова и А. Ф. Слюсарева.

В осаде крепости Модлина участвовали 4 полка ополчения — И. А. Андриянова 1-го, И. И. Андриянова 3-го, К. И. Шамшева 2-го, И. И. Данилова 2-го. За увольнением из сих 4-х ополчительных полков по высочайшей воле на Дон с каждого полка по 70 человек из отставных, престарелых и дряхлых казаков, 1 полк Андриянова 1-го поступит на размещение в комплект прочих 3-х полков, как и сам полковой командир полковник Андрианов 1-й из отставных, стар летами, дряхл и увечен [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 292. Л. 7].

Ополченческие полки С. Г. Чернозубова 4-го и С. М. Ежова 2-го были в составе корпуса генерал-лейтенанта Ф. В. фон дер Остен-Сакена, действовавшего в южной Польше и Силезии.

В партизанских отрядах генерал-адъютанта А. И. Чернышева, генерал-майоров А. Х. Бенкендорфа и Ф. К. Тетенборна сражались 12 казачьих полков, но ополченческих среди них было только два — А. М. Гревцова 2-го и Н. С. Сулина 9-го.

Слабый некомплектный ополченческий полк Я. А. Траилина был сведен с таким же слабым полком А. Е. Галицына и под командованием С. Д. Табунщикова охранял Главную квартиру русской армии. В отря-

де генерал-лейтенанта Ф. Ф. Эртеля воевал ополченческий полк П. П. Попова 3-го.

При Большой армии в авангарде в разных корпусах и отрядах несли службу ополченческие полки А. А. Ягодина 2-го, Т. В. Ребрикова 3-го, И. Г. Попова 13-го, И. И. Кошкина 1-го. Из полка Кошкина 1-го по малоимению в нем наличного числа людей, за нахождением оных в разных отдаленных откомандировках так что теперь на лицо при нем менее ста человек годные к службе, хотя и отставные казаки поступят в комплект по другим полкам, а прочие по совершенной неспособности к службе будут уволены на Дон <...> Все значащиеся по сей ведомости войска Донского полки казачьи, за убылью в продолжении сей войны — убитыми, от ран и болезней умершими — не имеют полного комплекта казаков [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 292. Л. 7].

Таким образом, сбор ополчения на Дону проходил не в соответствии со сложившимися нормами службы казаков, превышал их обычный уровень. Казаки за всю свою историю не выставляли такого «поголовного» ополчения. Однако формирование донского казачьего ополчения и его прибытие на театр военных действий стали одним из важнейших событий Отечественной войны 1812 г., при этом ополченцы воевали на разных важных участках театра военных действий, не уступая другим казачьим полкам.

Источники

Государственный архив Ростовской области (ГА РО).

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).

Литература

Донские казаки в 1812 году. Сборник документов об участии донского казачества в Отечественной войне 1812 г. / отв. ред. А. В. Фадеев. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1954. 358 с.

Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2004. 878 с.

УДК 94(47).072.5
ББК 63.3

**ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ
К ВОЕННОПЛЕННЫМ НАПОЛЕОНОВСКОЙ АРМИИ В 1812–1814 гг.
(на материалах Астраханской губернии)**

Е. Г. Тимофеева

Победа России в войне с Наполеоном продемонстрировала общенациональное сплочение пред лицом грозного нашествия, беспримерную жертвенность народа — главного «решителя» военных кампаний. Эпоха Отечественной войны 1812 г. имела переломное значение для истории и культуры России, связав судьбы общества и государства, центра и провинции, изменив общественное сознание.

Астраханская губерния находилась далеко от театра военных действий. Губернский город Астрахань выступал надежным форпостом на южной границе государства, был наполнен военными разного рода войск, здесь бурлила торговая жизнь, звучала разноязычная речь, сюда стекались товары из Хивы, Бухары, Персии. По численности населения (более 30 тыс. человек) Астрахань входила в пятерку крупнейших российских городов, являясь транзитным центром торговли с Востоком.

В период войны 1812–1814 гг. Астраханская губерния, наряду с другими, назначалась местом пребывания военнопленных. На губернские власти ложилась ответственность по их размещению, снабжению одеждой и обувью, выплате жалования, оказанию врачебной помощи и надзору.

По распоряжению Астраханского гражданского губернатора С. С. Андреевского пленных планировали разместить как в губернском, так и в уездных городах: Черном и Красном Яру, Енотаевске. Астраханский городской голова Петров в октябре 1812 г. рапортовал губернатору о возможности расселения их как по «обывательским квартирам», так и по военным казармам (каменных Армянских, Рождественских и Кремлевских). Срочно были освобождены Рождественские казармы, занимаемые морскими служащими 86-го корабельного экипажа и Каспийского батальона. Их вместе с женами и детьми разместили в Цареве в домах татар. Поскольку специально обустроенных зданий в уездных городах не было, планировали расселить пленных в домах обывателей под надзором полиции,

проводя каждым субботним утром переключку военнопленных.

Астраханская казенная палата выделяла деньги (жалование) на содержание пленных. Так, в соответствии с принятыми нормами генералы получали по 3 рубля в сутки, полковник и подполковники — по 1 рублю 50 копеек, майоры — по 1 рублю, обер-офицеры — по 50 копеек, солдаты («нижние чины») — по 5 копеек. Последним полагался и месячный провиант (мука, крупа) [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 334. Л. 2, 5, 6об., 27, 41–46, 96–96об., 123, 134об., 160].

Заведывание военнопленными возложили на губернского уголовных дел стряпчего Г. Змиева, зарекомендовавшего себя успешным исполнением порученных дел. В самой Астрахани за пленных «отвечал» штаб-капитан Курбатов, в марте 1814 г. его сменил кассир коммерческого банка Г. Стукальский [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 334. Л. 134; Д. 1202. Л. 349–349об.].

Первую партию военнопленных 19 ноября 1812 г. привел в Астрахань из Киева через Тамбов майор Грушевский. Поход продолжался три месяца и 20 дней. Конвойная команда доставила одного штаб-, 15 обер-офицеров и 261 солдата (12 человек, оставленные «за болезнью» в Царицыне, прибыли в г. Астрахань в январе 1813 г.). Это были поляки, французы, пруссаки, саксонцы, голландцы, итальянцы, испанцы. Офицеров разместили на Казачьем бугре, рядовых — в старых¹ казармах (Армянских и Рождественских) [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1202. Л. 186; Д. 1188. Л. 139–142об.].

После недельного пребывания в плену рядовым испанцам полагалась прибавка в 10 копеек, поэтому они, в отличие от остальных солдат, получали по 15 копеек в сутки, поскольку испанцы отважно боролись с Наполеоном, который по этой причине вынужден был держать большой воинский контингент в этой стране. Уже в январе 1813 г. испанские пленные были освобождены

¹ Новыми считались недавно отстроенные казармы в Астраханском кремле.

ны и покинули Астрахань вместе с пруссаками [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 334. Л. 58; Д. 1188. Л. 118об.].

Караульная служба состояла из 1 обер-, 2 унтер-офицеров, 22 рядовых Астраханского гарнизонного полка. Девять унтер-офицеров — «наблюдателей» — находились внутри казарм «безотлучно». «Добропорядочные старые солдаты» призваны были предупреждать возможные беспорядки, заниматься раздачей дров, провианта и «ни под каким предлогом не давать пленным отлучаться из казарм» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 334. Л. 135об.–136, 138].

Для прибывших поляков Астрахань являлась транзитным пунктом в их дальнейшем следовании на Кавказ, в г. Георгиевск. Однако долгие переходы стали причиной появления многочисленных болезней среди пленных. Большинство из них не имели соответствующей сезону одежды, были «оборваны, одеты в рубище», а начавшиеся ранние морозы определили решение правительства оставить пленных в Астрахани до весны 1813 г. Предстояло обеспечить их теплой и прочной одеждой и обувью.

Пленникам полагалась шапка из простого сурмяжного сукна, полушубок овчинный, кафтан или армяк, штаны армяжные, рубашка, онучи крестьянские, рукавицы, лапти. Офицерам давали вместо полушубков овчинные тулупы, вместо кафтанов — шинели, впрочем, одежду они вполне могли покупать сами. «Казенный интерес» стремились соблюдать во всем.

Астраханский гражданский губернатор С. С. Андреевский принял решение о расходе суммы в 6 000 рублей, взятой из пожертвований, сделанных астраханцами на нужды войны (более полумиллиона рублей). Одежду для военнопленных либо шили на заказ, либо покупали. Годилась и крестьянская одежда, крепкая и прочная. С ослаблением холодов «за счет казны построенные» зимние вещи изымали и хранили «до времени». Экипировку пленных поручили смотрителю рыбной экспедиции Г. Русинову [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1188. Л. 4об.; Д. 334. Л. 140, 173, 240–241, 290].

В декабре 1812 г. из Тамбова под конвоем чиновника Нудольского в сопровождении двух рядовых в Астрахань прибыли именитые пленные: два генерала, три штаб-и два обер-офицера.

Французский бригадный генерал барон Жан Батист Пелетье и польский бри-

гадный генерал граф Тадеуш Тышкевич принадлежали к 5-му корпусу князя Понятовского. Первый попал в плен 22 октября под Вязмой, второй — 13 октября 1812 г. под Медыню. Т. Тышкевич до окончания срока плена жил в Астрахани, Ж. Пелетье в октябре 1813 г. перевели на жительство в Красный Яр. Он свободно перемещался по городу, был гостем в домах дворян, давал уроки французского языка, занимался рыбной ловлей, жил в отведенной квартире со своим денщиком. Среди прочих пленных офицеров в Астрахани находились полковник Мора, подполковник Цван, штаб-лекарь Мильдо, подпоручик граф Салюс, поручик граф Норбон и др. [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 334. Л. 252, 261].

Такое большое количество именитых пленников беспокоило губернатора С. С. Андреевского. 19 декабря 1812 г. он писал Главнокомандующему в Санкт-Петербурге С. К. Вязмитинову, что хотя все военнопленные чиновники оставлены в Астрахани «под приличным надзором и наблюдением», неизвестно, какое влияние они окажут на население города, наполненного «разных наций азиатским народом». В целях безопасности просил отправить пленных в уездный город Красный Яр, огражденный со всех сторон водной преградой. Из столицы ответили, что этот вопрос может разрешить сам губернатор, и в г. Красный Яр был перемещен ряд военнопленных наполеоновской армии.

Например, в начале февраля 1813 г. из Армянских казарм в Астрахани отправили на жительство в г. Красный Яр 100 человек нижних чинов в сопровождении конных казаков. Экипированы они были должным образом: фуражки, армяки, панталоны серого сукна, рукавицы, овчинные тулупы, холщевые рубашки, серые суконные онучи, лапти в количестве 2 пар. Красноярский городничий Богомолов, чтобы обеспечить 100 человек пленных продовольствием, занял деньги из «градских доходов» — 195 рублей 11 копеек [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1188. Л. 209–223; Д. 1218. Л. 15; Д. 334. Л. 265об.–266].

В освободившихся двух комнатах Армянских казарм разместили переведенных с Казачьего бугра 16 офицеров из первой партии военнопленных. Стряпчий Г. Змиев испрашивал разрешения губернатора о свободном посещении пленными домов горожан, приглашавших их в гости. Обыватели должны были относиться к пленным

«ласково и человеколюбиво», а пленным следовало вести себя «смирно и добропорядочно» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2 Д. 1188. Л. 206]. Газета «Восточные известия», издаваемая в Астрахани с 1813 г., писала о прибытии пленным в губернский город и о том, что они остались «весьма довольны» приемом [Тимофеева 1996: 226–227].

Третью партию военнопленных, шедшую из Рязани через Тамбов, доставил подпоручик Мартынов в январе 1813 г. Это был тяжелый переход. Из 466 человек, отправившихся в путь, до Астраханской губернии дошли 243 пленным. Всю партию оставили в уездных городах: в Черном яру — 159 человек и Енотаевске — 84 человека. В связи с задержкой денег на содержание военнопленных хозяева домов снабжали их пищей до поступления нужных сумм. В этой же партии находились 6 женщин. Из 17 женщин, отправленных в Астрахань, три умерли на марше, 8 — были оставлены в Саратове по болезни. Поначалу они не получали жалования, а только «кормовое довольствие». Впоследствии решили женщинам-солдаткам выдавать по 5 копеек в сутки [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1188. Л. 234, 237–243; Д. 1218. Л. 126].

Пленным «природным» французам, итальянцам, голландцам предложили в январе 1813 г. поступить на российскую службу. Никто из них в «оную», однако, вступить не согласился [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1188. Л. 151–151об.].

Зимой 1813 г. передвижение военнопленных приостановили. Пленники нуждались в отдыхе, теплой одежде, лечении. Нужно было распределить ресурсы для их содержания, привести в порядок отчетность, свидетельствующую о количестве пленным, их национальном составе, занятиях, званиях, родах войск и др. Согласно рапорту от 15.02.1813 С. С. Андреевского С. К. Вязмитинову, в Астраханской губернии находились в статусе военнопленных 2 генерала, 3 штаб-офицера, 24 обер-офицера (17 поляков, 10 французов, саксонец, австриец), 491 рядовой наполеоновской армии [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1498. Л. 1].

В апреле 1813 г. из г. Саратова штаб-капитан Корнеев доставил в Черный Яр 199 человек нижних чинов и 5 женщин. В мае того же года очередная партия военнопленных прибыла из Саратова в Астрахань (11 обер-офицеров, 5 рядовых) под «присмотром» квартирного надзирателя Скворцова.

В июне 1813 г. в губернский город прибыли сразу три партии военнопленных. Прапорщик Савин, следуя из Балашова с пленными поляками, доставил 1 обер-офицера и 102 рядовых (один солдат был оставлен в Черном Яру из-за болезни). Губернский секретарь Ламухин, сопровождавший из Саратова в Астрахань 112 военнопленных поляков нижних чинов, доложил, что один пленный бежал, другой умер в пути. Из Саратова же титулярный советник Малов доставил 200 военнопленных нижних чинов, 14 женщин и малолетних детей. Прибывших разместили в казармах. В августе 1813 г. из Вологды прибыли 2 штаб-, 22 обер-офицера, 12 рядовых и одна женщина. Весной 1814 г. в Астрахань доставили еще 126 человек «неустановленных званий и наций» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 963. Л. 3–4об.; Д. 1014. Л. 15, 97–97об.; Д. 1202. Л. 6, 20об., 29, 30, 37–38; Д. 1212. Л. 1–12; Д. 1513. Л. 1, 24].

Наступление зимы потребовало обеспечить военнопленных теплой одеждой и обувью. Осенью 1813 г. из Санкт-Петербурга последовало разрешение для пленным офицеров, получавших по 50 копеек в день на свое содержание, и солдат, не имевших других способов одеть себя «по старости или увечью», получить для этих целей пособие. Первым полагалась сумма в 100 рублей, солдатам — 10 рублей. Этим правом воспользовались 32 обер-офицера (32 тыс. руб.) и 13 рядовых (130 руб.) [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1202. Л. 192].

Для пошива одежды ткани закупали у астраханских купцов. Так, в мае 1813 г. от купца Алексея Сапожникова «приняли» 655 аршин сукна и более 3 022 аршин холста для «построения приличной одежды» для поляков, прибывших из Черного Яра. У него же летом 1813 г. закупили 1 000 аршин сукна для пошива курток, панталон, фуражек, в «коих был совершенный недостаток» у 212 поляков, прибывших из Саратова и Балашова. Астраханскому мещанину М. Михайлову «выдали» 100 рублей за купленные у него 500 пар лаптей для 250 пленным [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1202. Л. 37, 158, 159].

Дополнительной проблемой для местных властей стала достойная экипировка освобождавшихся из плена людей. Первыми покидали Астрахань 7 рядовых (пять испанцев и два пруссака), а также штаб-лекарь Мильдо и 15 пруссаков, размещенных в

Черном Яру. Одежда испанцев была ветхой, «к употреблению не годной», равно как сапоги и чулки. Решено было всех снабдить овчинными тулупами, армяками, холщевыми рубахами, панталонами, фуражками из серого сукна, рукавицами, сапогами и суконными онучами.

Для марша к месту назначения на каждые 12 человек полагалась одна подвода, для больных — подвода на 2 человека, для 2 офицеров — одна подвода. Черноярский городничий Усовский сообщал, что на экипировку 15 пруссаков издержано было 236 руб. 25 коп. В марте 1813 г. обмундированных надлежавшим образом пленных доставили в Царицын. Испанцев отправили в Санкт-Петербург, пруссаков — в Ригу. Проходя через территорию Войска Донского, один из пруссаков в дороге умер, так и не увидев родины [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1519. Л. 2, 13–13об., 14, 34–34об., 39–39об., 43–44].

Крайняя нужда пленников в одежде требовала серьезных денежных затрат, а потому на очередной рапорт черноярского городничего о нехватке одежды губернатор заметил, что на «сии надобности» пленные должны зарабатывать деньги «трудами рук своих», занимаясь работами у местных жителей по добровольному и взаимному согласию.

Поступавшая в Санкт-Петербург информация с мест, где размещались пленные наполеоновской армии, свидетельствовала о фактах проявления «пьянства» и даже «лютовства» (Вятская губерния) со стороны пленных. Во избежание возможных беспорядков из-за пагубных пристрастий решено было употреблять их «в городские работы», выдавая деньги из городских доходов. В Астраханскую городскую думу направили запрос о видах деятельности, в которых можно использовать труд военнопленных. Городской голова Плотников рапортовал вице-губернатору А. И. Коростовцеву, что военнопленные могут принимать участие в исправлении валов (Астрахани каждую весну грозило наводнение), в ремонте казенных домов, мостов, чистке труб, улиц, каналов для стока воды и др.

Не всегда пленные работали добросовестно. С жалобой на военнопленных, направленных для выполнения «канальных работ», обратился в августе 1813 г. известный астраханский благотворитель, надворный советник и кавалер И. А. Варваций, который за собственные деньги принялся

за окончание работ по обустройству канала, соединявшего реку Кутум и Волгу. Он писал, что пленные либо опаздывали, либо совсем к месту работ не являлись. Подобную жалобу принес Андреевскому и полицмейстер, только речь в ней шла о сооружении стоков для дождевой воды. Эти работы были «казенные», потому от Курбатова потребовали строгости в исполнении поручения: назначать «в каждое место» от 15 до 50 военнопленных, предупреждать их о предстоящих работах вечером [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1212. Л. 81–83об., 102–102об.; Д. 1202. Л. 51, 68–68об.]. В апреле 1813 г. на городских работах по докладу полицмейстера были задействованы 123 человека за плату 10 копеек в день (12 руб. 30 коп.) [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1212. Л. 51, 83об.].

Пленным разрешалось наниматься «в услужение» к частным лицам без отлучения от предписанной губернии за определенную плату, что влекло за собой прекращение выплат «из казны денег и провианта». Списки с фамилиями таких лиц губернские власти должны были представлять в Министерство полиции. По докладу Курбатова в мае 1813 г. в Астрахани в «частном услужении» состояли 17 военнопленных, в Черном Яру — один человек [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1188. Л. 99–106].

Среди военнопленных французской армии, находившихся в Астраханской губернии, были представители различных профессий. В Черном Яру в феврале 1813 г. числились 2 портных, 4 сапожника, 4 кузнеца, 3 седельника, 2 столяра, 1 мыльщик, 2 музыканта, 2 шорника. 11 из них были французами, 2 — пруссаками, остальные — поляками. Те, кто был привычен к солдатской службе или не способен «к трудам другого рода», мог привлекаться к различным «простым работам» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1188. Л. 192–192об.].

Поляки выполняли разные городские работы за плату, находились в частном услужении, 10 — «на карантинной службе», 6 человек состояли при пожарной команде, 59 — были направлены в Экспедицию Астраханских соляных озер для охраны соли от расхищений. В августе 1814 г. начальник Экспедиции просил губернатора откомандировать от Астраханского гарнизонного полка хотя бы 20 человек вместо военнопленных поляков для охраны соли, приготовленной для отправки рыбопромышленникам. Расхищение обывателями

соли причиняло большой ущерб «казенному интересу» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 1. Л. 96].

Серьезной проблемой для губернской власти стало лечение военнопленных — раненых и больных. Сказывались на здоровье тяжелые условия войны, плена и переходов их одной губернии в другую, жизнь в непривычных климатических условиях, отсутствие должного количества врачей, медицинского персонала. Астраханской врачебной управе предписывалось назначить медицинского чиновника «на случай болезни» военнопленных.

Военного госпиталя в Астрахани, кроме состоявшего при Астраханском порту, не имелось, за исключением полкового лазарета Астраханского гарнизонного полка. В уездных городах дело обстояло еще хуже. В г. Красный Яр 1 марта 1813 г. направили лекаря Орловского из г. Астрахань для оказания помощи больным и снабжении их лекарствами. С. С. Андреевский предложил Астраханской врачебной управе рассмотреть вопрос о привлечении военнопленных врачей для лечения больных пленников. В Черном Яру лечить больных тоже было некому, поэтому решили привлечь к работе находившихся здесь двух медицинских чиновников: француза Леборна и поляка Вансовича, взятых в плен 16 сентября 1812 г. под Подольском [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1202. Л. 98; Д. 1188. Л. 122; Д. 1212. Л. 1–9].

В январе 1813 г. стряпчий Г. Змиев докладывал губернатору, что в числе пленников в Астрахани находятся два медицинских чиновника: штаб-лекарь первого класса «майорского чина» пруссак Мильдо и второго класса поручик, уроженец Богемии Бургоний. Они не только лечили тяжелобольных пленников, находившихся в больнице Приказа общественного призрения в губернском городе, но и осматривали ежедневно «здешних людей» (астраханцев) и военнопленных в казармах [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1188. Л. 8–11об., 34, 56, 58].

Вместе с тем губернатор предостерегал Врачебную управу от «излишеств» в тратах на лекарства при лечении пленников, призывал к использованию «домашних средств» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1188. Л. 7об., 58].

Слава военнопленного лекаря из Енотаевска, бывшего старшего помощника хирурга 2-го кирасирского полка Эммануэля Руссо, распространилась далеко за пределы

уездного города. В мае 1813 г. на имя губернатора С. С. Андреевского пришло письмо от князя Тюменя. Он просил губернатора прислать врача в Лебяжинскую станицу «под поручительство» на неделю для осмотра садовника, страдавшего «мучительным образом каменной болезнью». Ответ губернатора был логичен: нельзя отпускать находившегося под надзором полиции военнопленного. Вместе с тем он посоветовал больного отправить в Енотаевск для лечения к «помянутому лекарю» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1014. Л. 11–11об.].

В рапорте от 7 мая 1813 г. С. С. Андреевского к С. К. Вязмитинову сообщалось, что в губернских больницах за весь период пребывания в плену проходили лечение 160 человек, из которых умерли 15 рядовых. Погребение осуществляли по инструкции: «не менее 3 аршин глубиной и с насыпью над могилой» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1188. Л. 19; Д. 1202. Л. 374, 376, 380, 415].

Радение о душевном состоянии военнопленных со стороны Московского комитета Библийского общества проявилось в отправке в декабре 1813 г. в Астрахань нескольких экземпляров Нового завета: 5 книг на французском языке и 1 книги на итальянском языке. Из Санкт-Петербурга Библийское общество прислало еще 10 Библий и 49 Новых Заветов на французском, итальянском, немецком, голландском и греческом языках [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1498. Л. 2, 6].

Весной 1814 г. в Астраханской губернии военнопленные играли свадьбы. Например, в губернском городе обвенчались в католической церкви французский рядовой Елоа Дегру с уроженкой Данцига Анной Ковальской. В Енотаевске 26 мая 1814 г. поженились рядовой 12 кирасирского полка Жан Губер и дочь французского фуражира Жана Энкена Марианна Энкен, предварительно получив разрешение на свадьбу у астраханского губернатора. Приглашенный из Астрахани монах-иезуит обвенчал влюбленных, им были выданы подлинные свидетельства о браке «для представления куда следует». Так в Астраханском крае родились две новые семьи, созданные военнопленными. Известно, что Жан и Марианна прожили долгую и счастливую жизнь в одном из предместий Парижа [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1202. Л. 353].

Не всем удавалось после кровопролитных боев русско-французской войны найти свое счастье. Долго еще родственники

солдат Великой армии искали своих близких в российских городах. В марте 1813 г. в г. Астрахань Шарлотта де Жизанкур пыталась найти следы своих братьев: капитана 13-го легкого пехотного полка и драгуна французской гвардии. Известно, что старший брат был тяжело ранен в Бородинском сражении, находился в ноябре 1812 г. либо в госпитале в г. Смоленск, либо в одном из госпиталей между Вильно и Минском. Младшего брата видели в 30 верстах от Москвы, он посещал брата в госпитале в Можайске, у него были «озноблены» пальцы, и он остался из-за болезни в России. Губернатор дал поручение расспросить у пленных, не знакомы ли им разыскиваемые братья Шарлотты де Жизанкур. Однако чем закончилась эта история, неизвестно [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1202. Л. 365–365об.].

Некоторые из пленных приняли решение стать российскими подданными. В октябре 1814 г. в рапорте черныярского городничего упоминается о 15 военнопленных, пожелавших вступить с подданство России. 10 из них хотели «записаться» в астраханские, 3 — в саратовские, 2 — в красноярские мещане. На август 1814 г. среди поляков изъявили желание стать подданными России Франтишек Драк (аптекарь), Юзеф Горлатовский (портной), Якуб Филь (сапожник), Юзеф Гиршбергер (сапожник), Якуб Врублевский (сапожник), Алексей Александров (портной), Петр Брезета (портной), Антоний Кохановский (музыкант), Петр Кириллов (портной). Решение остаться в России приняли в 1813 г. находившиеся в плену голландец Пьер Гакино, француз Жан Ройер, итальянец Франсуа Гардин. Желание записаться в астраханские мещане двое последних подтвердили в марте 1814 г. В мае 1814 г. захотели записаться в астраханские мещане два французских рядовых — П. Денни и Ж. Гофман [Тимофеева 2012: 14]

Военнопленные писали и получали письма, хотя вся переписка держалась под строгим контролем, иногда и вовсе запрещалась («переписки иметь не дозволять» — следовало из предписаний С. К. Вязмитинова).

Астраханский губернатор в апреле 1813 г. обязал штаб-капитана Курбатова доставлять ему все письма пленных и пленным для рассмотрения, требовал выполнения распоряжений и «от почтовых» служащих. В июне Андреевский вновь под грифом «секретно» напоминал Курбатову о необходимости держать корреспонденцию

пленных под контролем, чтобы письма не проходили мимо губернатора. Более того, попросили составить именной список военнопленных для губернского почтмейстера Капорского, чтобы знал адресатов, находившихся под наблюдением. Если что-то вызывало сомнение или возникало иное подозрительное обстоятельство, следовало принять надлежащие меры [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1202. Л. 1–5об., 47].

Из Саратова в апреле 1813 г. пришло письмо для находившегося в Астрахани подпоручика Салюса. В январе 1814 г. два письма были написаны графом Салюсом на имя жены и дяди, находившихся в г. Бордо и содержавшие распоряжения по имению. Летом 1813 г. было доставлено из Москвы через Рязань письмо генералу Тадеушу Тышкевичу. О корреспонденции с Кавказа (Георгиевска, Моздока, Кизляра) губернский почтмейстер Капорский составил отчет вице-губернатору А. И. Коростовцеву. Находившийся в плену в Астрахани директор французских госпиталей Гурье просил отправить в Париж написанное им письмо жене. Астраханский губернатор обратился за разрешением в Петербург. Генерал Т. Тышкевич оказывал многим пленным полякам финансовую помощь. Просьбы об одолжении денежных сумм исходили, в основном, от находившихся на Кавказе польских офицеров. Так, в июле 1813 г. офицер Сковронский, находившийся в плену в Моздоке, писал Тышкевичу о тяготах плена, одолеваемых болезнях («гнилая лихорадка»), «бедности и недостатках», просил об одолжении ему 50 руб., напомнив и о просьбе («денежной помощи» в 200 руб.) другого пленного Блошинского.

Из Моздока офицер Домбровский в письме к находившемуся в Астрахани офицеру Кожуховскому также просил об одолжении денег у генерала Тышкевича на покупку «шубы». В Моздоке она стоила дороже: 30 рублей против 8 рублей в Астрахани [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1212. Л. 94–95об.].

Большое количество военнопленных в российских губерниях усиливало тревогу властей, нацеленных на пресечение побегов пленных, правонарушений, наказания за преступления. Требование к пленным вести себя «скромно и послушно» исполнялось далеко не всегда и не всеми. Бежали во время долгих и утомительных переходов, бежали от полиции, тягот плена, несостоявшей-

ся любви [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1202. Л. 52–52об.].

За побеги грозили наказанием — отправкой на Кавказ и даже в Сибирь. В сентябре 1813 г. военнопленные, находившиеся в Астраханской губернии, были ознакомлены с правилами пребывания в плену, мерами наказания за побеги. За дерзкое поведение одного отвечали все. В июле в Астрахань прислали печатный экземпляр предписаний на французском языке. Ознакомившись с текстом, пленные поставили на нем свои подписи, что потребовало от них местное начальство.

Продолжительность пребывания в Астраханской губернии у военнопленных была разной. По мере развала наполеоновской коалиции, заключения договоров России с европейскими государствами освобождались из плена и граждане этих государств: испанцы, пруссаки, саксонцы и др. Их отправляли на Родину поэтапно, согласно предписаниям правительства.

В мае 1814 г. готовились к отправлению в Белосток 4 человека: генерал Тышкевич, подполковник Суминский, врачи Бургоний и Вансович. Черноярскому городничему 23 апреля предписывалось обеспечить приезд лекаря Вансовича в г. Астрахань. 15 мая именитые пленники покинули Астрахань.

К лету 1814 г. в губернии оставалось 123 военнопленных, не считая поляков. При подготовке к отправке французов в Белосток выяснилось, что у 22 из 25 обер-офицеров оказался «недостаток» в белье, одежде и обуви, в связи с чем им выдали по 25 руб. каждому на экипировку (всего 550 руб.). Нижним чинам (85 человек) на одежду и обувь отпустили 1 411 руб. 50 коп. Желание ехать в отечество «за свой счет» объявили генерал Пелетье, лейтенанты Ве-

жукс, Гранье, граф Салюс. В сопровождении казачьего старосты Рябова они прибыли в г. Белосток 25 июня 1814 г.

Партию, состоявшую из 1 штаб-, 15 обер-офицеров, 81 чел. нижнего чина и 6 женщин, сопровождал до Белостока коллежский асессор Жеребцов. Итальянцы следовали до Радзивиллова. Умершего в пути Жеребцова сменил титулярный советник Розин. Умер и один из рядовых военнопленных [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 1. Л. 2 об, 32 об, 51–52, 131, 182, 196; Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1202. Л. 352].

С сентября по декабрь 1814 г. Астраханскую губернию в трех партиях в направлении к Белостоку покинули военнопленные поляки: 604 человека нижних чинов и 14 женщин [Хомченко 2007: 174].

Таким образом, Астраханская губерния в течение 2,5 лет была местом ссылки более тысячи военнопленных наполеоновской армии.

Источники

Государственный архив Астраханской области (ГА АО).

Литература

Тимофеева Е. Г. Военнопленные Великой армии в Астраханской губернии в 1812–1814 гг.: новая тема интерпретации в региональной историографии // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 2(31). С. 11–15.

Тимофеева Е. Г. Участие астраханцев в защите Отечества. 1812 год / Ушаков Н. М., Щучкина В. П., Тимофеева Е. Г., Пилипенко В. Н. и др. // Природа и история Астраханского края. Астрахань: Изд-во Астрахан. пед. ин-та, 1996. С. 226–227.

Хомченко С. Н. Военнопленные армии Наполеона в Астраханской губернии в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Мат-лы XIV Всерос. науч. конф. М.: Полиграфсервис, 2007. С. 166–175.

УДК 94(47).072.5
ББК 63.3

**КОМАНДНЫЙ СОСТАВ СТАВРОПОЛЬСКОГО КАЛМЫЦКОГО ВОЙСКА
В ВОЕННОЙ И ВЕРОИСПОВЕДНОЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА:
ОТ СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ ДО ЭПОХИ 1812 г.**

А. С. Ряжев

Изучение российского абсолютизма на протяжении Нового времени — актуальная задача нынешней историографии. Ее разрешение немислимо без внимания к военной и вероисповедной тематике, где природа абсолютизма проявлялась весьма ярко. История служилых сословных групп в составе иррегулярных войск — важный аспект подобной тематики.

Ранее он был затронут в науке в связи с историей формирования народов Поволжья и Урала в составе иррегулярных войск на протяжении XVIII и начала XIX в. [Кузнецов 2006; 2008; Кортунов 2009; Джунджузов 2010]. В то же время проблема роли, играющей иррегулярным командным составом в вероисповедных и военных делах верховной власти, до сих пор практически не привлекала к себе внимания специалистов [об этом см.: Ряжев 2012: 66–67]. Между тем, ее также необходимо исследовать, чему и посвящена данная работа.

Разрешить подобную задачу стало возможным благодаря выявленным документам административных и военных учреждений, а также должностных лиц, осуществлявших постоянные и временные функции по надзору и командованию волжским Ставропольским войском (корпусом) крещеных калмыков и/или отдельными его подразделениями с середины 50-х гг. XVIII в. и до окончания войн России против наполеоновской Франции. Эти документы представляют собою отчетность чиновников и армейских командиров о состоянии Ставропольского войска и Ставропольского калмыцкого полка (рапорты, донесения, послужные списки военнослужащих, ведомости штатов войска). Они отложились в составе фонда канцелярии оренбургского губернатора Государственного архива Оренбургской области [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 393/3; Оп. 2. Д. 655; Оп. 3. Д. 3573, 6315] и коллекции формулярных списков Российского государственного военно-исторического архива [РГВИА. Ф. 489. Д. 3003, 3085]. Указанные источники выявлены историками С. В. Джунджузовым, У. Б. Очировым, А. В. Тепикиным и

будут полностью введены в научный оборот в составе очередных томов сборника «Волжские ставропольские калмыки», из которых третий том, выходящий в свет в текущем году, приурочен к юбилею Отечественной войны 1812 г.

Из опубликованных источников следует указать деловые бумаги Оренбургской губернской канцелярии и походной канцелярии первого оренбургского губернатора И. И. Неплюева, включенные в первый том выше указанного сборника [Волжские ставропольские калмыки 2011]. Нельзя забыть и о документации, посвященной боевой истории Ставропольского калмыцкого полка в ходе Отечественной войны 1812 г. и Заграничного похода 1813–1814 гг. [Калмыки в Отечественной войне ... 1964]. Что же касается историографии изучаемого вопроса, то в ней достаточно освещены два крупных сюжета — позиция некоторых офицерских семей Ставропольского войска в годы Пугачевского восстания и заслуги командного состава на полях сражений против Наполеона в 1805–1814 гг. [Кузнецов 2006; 2008; Джунджузов 2010; Беликов 1960; 1965].

Значение составленной базы источников трудно переоценить: она в полной мере характеризует формирование и развитие офицерского корпуса Ставропольского войска, содержание и назначение служебных обязанностей офицеров, их социальное положение, а также отражает мероприятия властей и политико-дипломатическую обстановку в целом на азиатских окраинах Российской империи в изучаемое время. В этом заключается ее особая ценность.

В документах прежде всего обозначен первоначальный персональный состав высших офицеров, являвшихся в середине 1750-х гг. наиболее знатными калмыцкими владельцами и зайсангами, а также размер и периодичность офицерского жалования. Полный список зайсангов — соратников князя Петра Тайшина и доверенных людей его вдовы княгини Анны Тайшиной — приведен в ведомости о раздаче вещей княгини в 1744 г., после ее смерти в корпусе [Волж-

ские ставропольские калмыки 2011: 109–113 (№ 30)]. Из документов следует, что первое поколение офицеров Ставропольского войска было устойчивой и сплоченной группой с развитой внутренней иерархией, место в которой зависело от происхождения и заслуг некрещеных предков и старших родственников, умерших и здравствовавших, перед властями [Волжские ставропольские калмыки 2011: 122–127, 195–196, 213–216, 224, 229 (№ 32, 58, 70, 73, 74)].

Основным источником пополнения офицерства со времени создания войска, т. е. с конца 30-х гг. XVIII в., стало воспроизводство: именно сыновья высших чинов войска в первую очередь претендовали на звания и связанные с ними привилегии, тогда как незнатные зайсанги несли офицерскую службу и занимали вакансии без жалования, званий и выслуги [Волжские ставропольские калмыки 2011: 182–183 (№ 50)]. В этой связи кровнородственные связи были залогом успешной службы, и командный состав за них держался. Пополнение привилегированного офицерства извне шло за счет калмыцкой знати и также с опорой на родство и/или связи с самыми влиятельными ставропольскими семьями Торгоутских, Дербетевых, Шориных (Шоро), Дайши-Замсо, члены которых входили в Ставропольский калмыцкий войсковой суд — известный аналог калмыцкого Зарго [Волжские ставропольские калмыки 2011: 97, 98, 122–127, 182, 183, 189, 190, 196, 197, 198–200, 241–251 (№ 23, 33, 50, 54, 59, 61, 80–86)].

Наиболее знатным пришельцам должный социальный уровень в войске обеспечивали именно власти, как это было в случаях с приездом в Ставрополь владельцев Петра Торгоутского и Чидана Дербетева в 1743–1744 гг., и как об этом было заявлено в связи с припиской к войску двоюродного брата последнего джунгарского властителя — нойона Норбо Данжина в 1758 г. Нойонам же и зайсангам, не нашедшим места в узком круге высшего командного состава или выпавшим из него, оставалось лишь бежать или, признавая свою неудачливость и приниженность, искать средства к существованию помимо военного дела — на гражданской службе, в занятиях учительством или ремеслом [Волжские ставропольские калмыки 2011: 98–103, 191–194, 197–198, 229–231, 255, 256 (№ 24, 25, 56, 60, 75, 88)].

Ряд привилегий офицерства распространялся и на их семьи. В частности, вдовы полковников и других сотрудников войскового суда получали жалование за умерших [Волжские ставропольские калмыки 2011: 257–259 (№ 90)]. Встать на тот же уровень привилегий без помощи властей было невозможно, но такое включение имело место лишь однажды: в 1758 г. Дмитрий Яковлев (до крещения — Норбо Данжин), знатный джунгарский нойон и двоюродный брат Амурсаны [Златкин 1958: 306], получил чин есаула, а его родственники и приближенные — другие чины и оклады [Волжские ставропольские калмыки 2011: 220–224 (№ 73)].

Социальные привилегии калмыцких офицеров подкреплялись обычным правом. В соответствии с традиционным порядком калмыцкого общества албату — основная масса простолюдинов — была обязана повинностями в пользу верхушки, выходцами из которой, в основном, и были офицеры. Повинности албату в Калмыцком ханстве были многообразны: натуральный и денежный оброк, чрезвычайные натуральные сборы, обслуживание домашнего хозяйства представителей верхов — нойонов и зайсангов [Калмыки 2010: 67–69]. Государство декларировало замену в Ставропольском ведомстве былого социального порядка новыми служебными отношениями. Но из быта и сознания калмыцкой аристократии вытеснить традиционные установки было нелегко, порою и невозможно. Поэтому власти мирились с сохранением прежних социальных отношений в среде крещеных калмыков и отчасти даже признавали их [Волжские ставропольские калмыки 2011: 92–95, 109–122, 168–173, 187–190 (№ 20, 30–32, 38–41, 53, 55)].

В 50-е гг. XVIII в. в российской политике набирала силу тенденция «просвещенного абсолютизма». В замыслах «просвещенных» властей ставропольский командный состав являлся примером для некрещеной калмыцкой знати и помогал ее вовлечению в общую систему государства, поэтому не возникало препон для общения между крещеными и некрещеными родственниками в войске и Калмыцком ханстве. Из документов, в частности, следует, что ставропольские офицеры и их жены имели возможность заботиться о некрещеной родне и встречаться с нею в ходе взаимных гостевых поездок [Волжские ставропольские калмыки 2011: 177, 179–182, 256 (№ 44, 47–49, 89)]. Власти этим пользо-

вались, получая сведения о положении в ханстве и на всей азиатской границе и от крещеных, и от некрещеных калмыков.

В XVIII в. ставропольские калмыки были крупнейшим этническим образованием калмыков вне Калмыцкого ханства. В этой связи документами подчеркнута роль ставропольских офицеров-зайсангов как посредников и проводников линии властей в отношениях с кочевыми ойратскими и тюркскими элитами, легших в основу тогдашнего курса России в Средней Азии. В целом же бумаги говорят о постоянной и целенаправленной поддержке государством командного состава Ставропольского корпуса по сравнению с некрещеной ойратской верхушкой [Ряжев 2012: 67].

Отсутствовали непреодолимые преграды и между калмыцким простонародьем — буддистами и православными. Но из-за общения состава войска с нехристианами на офицерство лег вероисповедный контроль в отношении рядовых. Кроме того, Ставрополь был превращен властями в «метрополию» калмыцкого христианства — знатных неопитов «для крещения и научения в законе» присылали в крепость отовсюду, и офицерам на деле поручалось присматривать и за ними [Волжские ставропольские калмыки 2011: 173–174, 178, 179 (№ 42, 46)].

Начало правления Елизаветы Петровны отмечалось усилением борьбы со старообрядчеством. Кампания затронула и армию, особенно иррегулярные войска: для государства было неприемлемым влияние староверов на казачество и казачье офицерство, и власти стремились его снять. Создание на Волге, Южном Урале, Северном Кавказе новых лояльных и/или крещеных иррегулярных частей отвечало подобному стремлению.

Первый оренбургский губернатор И. И. Неплюев считал нужным задабривать владетелей-офицеров. Для этого он ввел: открытый стол у ставропольского коменданта, текущую выдачу жалования (рядовые калмыки и малознатные зайсанги, в отличие от высших офицеров, получали плату деньгами и натурой не постоянно, а лишь в походе и боях), регулярное вручение подарков. Он также запретил вмешательство армейских инстанций в дела частей корпуса, настаивал на соблюдении ими внутренней калмыцкой субординации и даже закрывал глаза на нарушение привилегированным офицерством войска казенной винной монополии в 40–50-е гг. XVIII в. [Волжские ставропольские кал-

мыки 2011: 122–127 (№ 33)]. В целом именно И. И. Неплюев заложил длительную, до начала 20-х гг. XIX в., традицию бережного и уважительного отношения к внутреннему укладу и принципам устройства Ставропольского войска. Ставропольские калмыки сохранили благодарную память об этом: по объявлению сбора средств на устройство Неплюевского училища в Оренбурге именно военнотружущие Ставропольского войска передали в 1818 г. на это дело солидную по тем временам сумму — 495 руб. [ГА ОО. Ф. 6. Д. 6315. Оп. 3. Л. 1–3].

Социальные и служебные привилегии, религиозное единство открыли для офицерской группы путь сближения с российским дворянством. Крещеные потомки хана Дондук-Омбо стали своего рода посредниками: в 1750 г. есаул И. Н. Дербетев-младший женился на ханской дочери, и возникла соответствующая линия свойственных связей [Волжские ставропольские калмыки 2011: 190, 191, 194–197 (№ 55, 57, 58, 60)]. Позже, при Екатерине II, высший состав корпуса еще более проникся идеями об участии в консолидации благородного сословия: в 1768 г. зайсанги просили разрешить им приобретать у православных дворян земли и населенные имения [Волжские ставропольские калмыки 2011: 259–261 (№ 91)].

Тяжелым периодом в общей жизни Ставропольского войска стала Пугачевщина [Джунджузов 2011: 51–55]. Но к концу 1780-х гг., после реформы казачьих войска Г. А. Потемкина, войско восстановилось. В последней четверти XVIII в. на службу приходит новое поколение ставропольских офицеров, родившихся после Пугачевского лихолетья. Наряду с ним подтягивалась и молодая поросль из простого звания, из-за чего внутреннее значение социальной дифференциации в среде командного состава войска к концу столетия стало снижаться. Судя по формулярным спискам, именно этот призыв в основном и вынес на себе дальнейшие тяготы службы — участие в войнах Екатерины II, пограничные наряды в Оренбург, Уральск, на Украину и, предположительно, на Северный Кавказ, и, наконец, походы против наполеоновской армии. До начала 20-х гг. XIX в. ставропольское офицерство сохраняло свой замкнутый характер, и все правительственные узаконения по части уклада войсковой службы стояли на страже этих сословных привилегий [Джунджузов 2011: 56–64].

Командные задачи офицеров были в полной мере обусловлены характером текущей службы. В изученных документах речь идет, прежде всего, о командировках, ординарных и чрезвычайных, ставропольских частей в 1750-е гг. на южные границы, в том числе для борьбы с казахскими набегами, и об участии в подавлении восстания Батырши [Волжские ставропольские калмыки 2011: 92–96, 174–177, 200–211, 218–220, 235–240 (№ 20, 22, 43, 45, 62–67, 72, 78)]. Ставропольские калмыки известны и своими подвигами в Семилетней войне. В этой связи весьма интересными представляются сообщения источников о дальних военных маршрутах ставропольских калмыков. Одно из таких сообщений говорит о готовности властей в 1755 г. накануне Семилетней войны перебросить пятисотенное ставропольское соединение «в Остзею» (Остзейский край) — ближе к восточнопрусскому театру боевых действий. В другом сообщении ставропольский комендант характеризует финансовую и организационную стороны посылки аналогичного воинского контингента в 1756 г. в Малороссию [Волжские ставропольские калмыки 2011: 200, 201, 218–200 (№ 62, 72)].

В период Пугачевского восстания был нанесен сильный удар по боеспособности войска и состоянию офицерского состава. Но в дальнейшем они были восстановлены, и ставропольские калмыцкие партии под началом своих «природных» командиров продолжали службу на Оренбургской линии, действуя на усиление Оренбургского и Уральского казачьих войск [Шовунов 1992: 139]. Бумаги Ставропольской войсковой и Оренбургской губернской канцелярий говорят о ежегодных маршах на степную границу. Имеются данные конца XVIII в. и о гораздо более далеких нарядах рядовых и офицеров — на Деркульскую линию на Слободской Украине. Данная линия проходила по р. Деркул (левый приток Северского Донца), бассейн которой расположен на стыке современных Ростовской (Россия) и Луганской (Украина) областей [ГА ОО. Ф. 6. Д. 393/3. Л. 5–12, 14–26; Д. 7573. Л. 4об.–5].

Имеются сведения о присутствии ставропольских чинов и на более отдаленных театрах. Так, в послужном списке учителя Ставропольской калмыцкой школы А. А. Гаданова, датированном 1800 г., указано, что в 1790–1793 гг. этот наставник юношества служил толмачом, а затем получил звание ротмистра «в Финдлянской и Дивинской армиях» [ГА ОО. Ф. 6. Д. 655. Л. 23об.–24].

Речь, таким образом, идет об участии офицера во вполне определенных событиях, разворачивавшихся на северо-западных пограничных военных театрах. Прежде всего, это завершающий этап русско-шведской войны 1789–1790 гг., с чем и связано пребывание ротмистра в Финляндской армии. Война со Швецией шла параллельно с русско-турецкой войной 1787–1791 гг., когда Россия была вынуждена вести борьбу на два фронта. Кроме того, начало 1790-х гг. — это время острейшего кризиса в отношениях России с европейскими странами — Англией, Пруссией, Швецией, Речью Посполитой, — когда существовали реальная угроза и прусско-польского вторжения и нового нападения Швеции при поддержке английского флота. Именно в этот период по распоряжению Г. А. Потемкина была сформирована Двинская армия. Она располагалась в Лифляндии, близ Риги и Динабурга, предназначалась для защиты сухопутной границы и Балтийского побережья России от предполагавшейся агрессии, и в состав этой новой армии включались части, выведенные из Финляндии [Елисеева 2000: 272–286]. Таким образом, документ отражает службу одного из ставропольских офицеров на протяжении самого сложного в военном отношении периода правления Екатерины II.

Наиболее славной страницей в жизни ставропольских офицеров-калмыков, как и всего Ставропольского войска, стало участие в кампаниях 1805–1807 гг. и 1812–1814 гг. против Наполеона. Служебные формуляры ставропольского командного состава стали подлинной боевой летописью войска. Так, есаул и «ковалер Василей Алексеев сын Даржаев» был награжден за боевые заслуги в зарубежных походах орденом Св. Анны 3-й степени и командовал Ставропольским полком в 1814 г. Его послужной список гласит: «в 807 в действительном против войск французских походе и в самых сражениях за границую в Прусском королевстве, в 808-м [и] 809-м в городе Макарьеве, в 810 для содержания Оренбургской линии, с 811 по 1814 год ноября по 16-е число в действующей армии против войск французских и в самых сражениях, а именно июня 27 и 28-го под местечком Миром, июля 2-го под Романовым, 25 под Вилежем, августа 8-го под Москвой, а потом октября 12 в преследовании от Москвы к Смоленску ранен в голову в правой висок всколсь пулею, ноября 8-го под городом Дорогобужем, декабря 14-го до

границ, а 22-го того же месяца в границу в город Тильзит, 26 в разных перестрел[ках], а в преследовании до Данцыха 1813 генваря 3-го, оттоль в Берлин февраля 20-го, в облакаде Кистрина 24, также в сражении при крепости Глагау марта 14 в Саксонии, в генеральном сражении апреля 20 при Люцине, мая 9 при Бауцине ... , а от онаго к Яру (Яуэр. — *А. Р.*) по 22-е того же месяца, августа 8, 9, и 10 под местечком Ленем, 28 и 29 под Киргеном (Нойкирхен. — *А. Р.*), сентября 2 3 4 и 5-го под деревней Пуцкау, и под Лейпцохом (Лейпциг. — *А. Р.*) в генеральном сражении ноября (правильно: октября. — *А. Р.*) 6 и 7-го, а от онаго в преследовании неприятеля до крепости Маинца находил-ся» [РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3085. Л. 5–7].

Этот перечень означает, что его обладатель прошел кампанию 1807 г. в Восточной Пруссии и был участником баталий под Фридландом и Тильзитом. В период Отечественной войны есаул значится в действующей армии с 1811 г. — со времени создания Ставропольского калмыцкого полка. На начальном этапе Отечественной войны 1812 г. офицер служил во 2-ой армии П. И. Багратиона, принимая участие в знаменитых летних кавалерийских боях под Миром и Романовым, затем воевал в корпусе под командованием Ф. Ф. Винцингероде и пережил жаркое дело под Велижем. Фрагмент «августа 8го под Москвой» говорит об участии офицера в успешном сражении отряда Ф. Ф. Винцингероде с войсками вице-короля Италии Е. Богарне близ Звенигорода. Далее, до середины осени, В. А. Даржаев пребывал в составе своего соединения, оперировавшего на подступах к Москве до начала Бородинского сражения, а затем ведшего партизанские действия. С октября 1812 г., с самого начала отступления французов из Москвы, вместе со своим полком он служил в авангарде корпуса П. Х. Витгенштейна и не выходил из боев до самой границы.

Отражены в послужном списке есаула и зарубежные походы, и они дают полную хронику действий Ставропольского калмыцкого полка в составе коалиционных войск. Кампания 1813 г. отмечена участием В. А. Даржаева в бою под Тильзитом, осаде Данцига, взятии Берлина, блокаде крепостей Кюстрин и Глогау, сражениях под Люценом и Бауценом, рейдах на местечки Лен и Пуцкау, и наконец, в «битве народов» при Лейпциге, кампания 1814 г. — участием в блокаде крепости Майнц.

В. А. Даржаев прошел весь боевой путь своего полка. Вместе с тем тот же самый перечень боев и походов (впрочем, с известными вариациями) значится и в шести других выявленных офицерских послужных списках Ставропольского калмыцкого полка. Боеспособность и боевой дух военнo-служащих-ставропольцев был, по отзывам военачальников и современников, всегда на должной высоте, и это значило, что со своими функциями командный состав вполне справлялся [Беликов 1960: 126, 128, 130, 131; Шовунов 1992: 264, 265, 267].

Калмыцкие офицеры-ставропольцы знали перерывы в войнах, но не в службе. Вновь стоит обратить внимание на цитированный формуляр В. А. Даржаева, где говорится о службе «в 808^м [и] 809^м в городе Макарьеве» и «в 810 для содержания Оренбургской линии». Последняя запись вполне понятна. По порядку, заведенному еще во времена И. И. Неплюева, ставропольские командиры водили своих подчиненных на границу и форпосты, и это происходило и в промежутках между наполеоновскими войнами, и одновременно с ними. Из послужных списков известно, что целый ряд войсковых чинов — участников кампаний 1805–1807 гг. нес службу до окончания войн России против наполеоновской Франции именно на Оренбургской линии. Очевидно, что и в эпоху 1812 г. дальний рубеж империи не был забыт властями. Параллельно с боями и походами войск антифранцузских коалиций на протяжении 1804–1813 гг. тянулась российско-персидская война, пристрастным наблюдателем российской схватки с Наполеоном выступала Турция, не оставлявшая своим вниманием земли суннитов на Кавказе и в Средней Азии. Государству обязательно следовало поддерживать порядок на юго-восточных дальних степных границах, поэтому калмыцкие командиры Ставропольского войска оказывались и здесь в нужное время и в нужном месте.

Гораздо интереснее другое сообщение источника, именно о службе в Макарьеве. Упоминание об этом в формулярах калмыков-ставропольчан применительно к 1808–1810 гг. тоже отнюдь не единично. Очевидно, что речь идет о службе в городке Макарьев, обязанном своим возникновением и развитием знаменитой Макарьевской ярмарке¹. Судя по формулярным спискам, все

¹ Макарьев, Макарьев на Волге, поселение близ Макарьево-Желтоводского монастыря, получившее по-

военнослужащие Ставропольского войска, прежде всего офицеры, получавшие такое задание, владели русским языком, а некоторые и русской грамотой. Как следствие, выполнение административно-полицейских обязанностей такими военнослужащими-калмыками весьма показательно в плане функций, обычно возлагавшихся властями на иррегулярные войска в России Нового времени.

Итак, крещеное калмыцкое офицерство воплощало опыт военно-политических усилий властей на юго-восточных границах. Ставропольский командный состав обладал всеми организационно-боевыми качествами казачьих офицеров, избавлял государство от тревог на счет последних, связывавшихся с влиянием старообрядчества. Немаловажно также, что в периоды войн ставропольские офицеры выступали надежной боевой силой на всех театрах военных действий и достаточной полицейской опорой. И, наконец, ставропольские есаулы и старшины выступали достойными посредниками в контактах с иноэтничными элитами вовне и внутри страны. Впрочем, подобный опыт в России Нового времени не был единичным: государство с переменным успехом насаждало и поощряло привилегированные слои и в среде других групп служилых людей, крещеных и некрещеных — татар-мишарей, нагайбаков (крещеных башкир), различных горских формирований.

Источники

Государственный архив Оренбургской области (ГА ОО).

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).

Литература

Беликов Т. И. Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVII – начало XIX вв.). Элиста: Калмгосиздат, 1965. 180 с.

Беликов Т. И. Участие калмыков в войнах России в XVII, XVIII и первой четверти XIX веков. Элиста: Калмгосиздат, 1960. 144 с.

Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. — первая половина XIX в. Документы и материалы: в 4 тт. / гл. ред.

сле административной реформы 1775 г. статус города и центра одноименного уезда Нижегородской губернии, ныне рабочий поселок Макарьев Лысковского района Нижегородской области. Не путать с Макарьевым на р. Унжа — с 1775 г. также городом и центром Унженской провинции Костромской губернии (ныне Унженский район Костромской области).

А. С. Ряжев. Т. 1. Ставропольское калмыцкое войско в середине 30–60-е гг. XVIII в. / отв. ред. А. С. Ряжев; сост.: С. В. Джунджузов, А. С. Ряжев, А. В. Тепикин, Л. Б. Четырнова. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 320 с.

Джунджузов С. В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале (середина 30-х годов XVIII — первая четверть XX века). Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т, 2011. 210 с.

Джунджузов С. В. Образование и административное устройство калмыцкого казачьего поселения на Средней Волге (30–40-е гг. XVIII в.) // Казачество России: прошлое и настоящее: сб. науч. ст. Вып. 3. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 23–38.

Елисеева О. И. Геополитические проекты Г. А. Потемкина. М.: ИРИ РАН, 2000. 344 с.

Златкин И. Я. Русские архивные материалы об Амурсане // Филология и история монгольских народов. Памяти академика Б. Я. Владимирцова. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. С. 289–313.

Калмыки / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН. М.: Наука, 2010. 586 с.

Калмыки в Отечественной войне 1812 года: сборник документов / сост. М. Л. Кичиков, Б. С. Санджиев. Элиста: Калмгосиздат, 1964. 163 с.

Кортунов А. И. Народы Урала на службе в Оренбургском казачьем войске (XVIII–XIX вв.). Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2009. 178 с.; [4] л. илл.

Кузнецов В. А. Ставропольское иррегулярное калмыцкое войско на службе России // Известия Самарского научного центра РАН. Спец. выпуск «Актуальные проблемы истории, археологии, этнографии». Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2006. С. 38–42.

Кузнецов В. А. Участие башкир и мещеряков в войнах с наполеоновской Францией // Вестник Челябинского госуниверситета. 2008. № 15(116). С. 18–22.

Ряжев А. С. О командном составе иррегулярных войск (по документам Государственного архива Оренбургской области) // Б. Б. Городовиков — видный военный, государственный и общественно-политический деятель (к 100-летию со дня рождения). Мат-лы Росс. науч.-практ. конф. (12 ноября 2010 г.). Элиста: КалмГУ, 2010. С. 66–68.

Шовунов К. П. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста: КИОН РАН; Союз казаков Калмыкии, 1992. 319 с.

УДК 94(47).072.5
ББК 63.3

УЧАСТИЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО КАЛМЫЦКОГО ПОЛКА В ВОЙНАХ С НАПОЛЕОНОВСКОЙ ФРАНЦИЕЙ: ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

С. В. Джунджузов

Калмыцкий народ по праву гордится своей военной историей. В XVIII и начале XX в. военные кампании Русской армии не обходились без участия боевых формирований калмыков. Мужество и отвага калмыцких полков в полной мере проявились в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах. Повышенный общественный интерес к этим событиям накладывает на историков особую ответственность за объективное и полное их изложение.

Впервые сведения о Ставропольском калмыцком полке были представлены в книге Г. Н. Прозрителева «Военное прошлое наших калмык», изданной в 1912 г. Ее автор, известный исследователь истории Ставропольского края и всего Северокавказского региона, не был знаком с историей Ставропольского калмыцкого войска. Исследователь ошибочно полагал, что Войско возникло естественным путем, а затем центральная власть закрепила его существование пожалованием земли «для большей устойчивости и упрочения зависимости» [Прозрителев 1912: 48 ()]. Отсутствие достоверных сведений о месте поселения ставропольских крещеных калмыков стало причиной другой досадной ошибки. По мнению Г. Н. Прозрителева, свое название полк получил в честь Ставрополя на Кавказе и к его формированию был причастен нойон Большедербетовского улуса Хапчуков [Прозрителев 1912: 95–96 (II)]. Несмотря на это недоразумение, труд Г. Н. Прозрителева имеет важное историографическое значение. На документальной основе в нем описывается участие калмыков Ставропольского войска в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах, приводятся статистические данные о штатном составе полка, боевых отличиях и понесенных потерях. Авторский текст дополняют включенные в качестве приложения архивные материалы.

В том же 1912 г. в Пятигорске отдельной книгой был издан очерк представителя калмыцкой национальной интеллигенции Е. Ч. Чонова «Калмыки в русской армии. XVII, XVIII вв. и 1812 год». В книге излагается история участия калмыков в походах и войнах, которые вела Россия с XVII по

XIX вв. Автор обратил внимание на ошибочное мнение Г. Н. Прозрителева о том, что Ставропольский калмыцкий полк формировался из калмыков Ставропольской губернии, и, пользуясь в основном материалами из книги своего предшественника, доказал, что в полку служили крещеные калмыки из Ставропольского калмыцкого войска. Кратко, в хронологическом порядке перечислил Е. Ч. Чонов события и сражения, в которых принимал участие Ставропольский полк. Отдавая должное ратным подвигам своих предков и их преданности России, исследователь заключил свой труд следующим патетическим выводом: «Калмыки с неустранимой отвагой сражались и поражали неприятеля и, проявляя редкую степень усердия и преданности Великому Государю, споспешествовали победам русского воинства, которое, предводимое Державным Вождем, установило спокойствие и благоденствие Европы, измученные народы которой видели калмыков в числе своих освободителей от Наполеонова ига» [Чонов 2006: 69]. Общий вывод дореволюционных историков о героизме калмыцких воинов и их больших заслугах в победах, одержанных Русской армией, остается незабываемым и поныне.

С установлением Советской власти участие калмыков в антинаполеоновских войнах почти на столетия перестает быть темой исторических изысканий. Сначала не в чести была царская армия, а когда уже в годы Великой Отечественной войны «подняли на щит» народный патриотизм, исчезла из исторических исследований «калмыцкая тема»: калмыцкий народ стал жертвой репрессивной национальной политики сталинизма, по огульным обвинениям все калмыки были депортированы в восточные районы страны, а республика ликвидирована.

Первый по настоящему научный труд, в котором говорилось о национальных формированиях в Русской армии под названием «Оренбургский край в Отечественной войне 1812 года» был издан в 1962 г. и приурочен к 150-летию юбилею описываемых в нем событий. Автор книги, П. Е. Матвиевский, отметил главную сложность, с которой стал-

квиваются историки, обращающиеся к данной теме, — отсутствие в большинстве случаев указаний на национальную принадлежность казачьих формирований. «Известно, что башкирские, мишарские, тептярские и калмыцкие полки часто действовали в одних соединениях с русскими казачьими или кавалерийскими полками. Поэтому в официальных реляциях и переписке боевые действия национальных полков регистрировались и значились под одним общим наименованием — казачьих полков. И только некоторые из них записаны в донесениях и мемуарах за национальными полками в отдельности» [Матвиевский 1961: 144–145]. Собственно военным действиям посвящена VI глава книги — «Казачьи и национальные полки края в Отечественной войне и заграничном походе». Следуя заданной сюжетной линии, автор в основном обращается к тем эпизодам боевых действий, в которых участвовали оренбуржцы, а в их числе и Ставропольский калмыцкий полк. Незначительные по объему сведения о последнем П. Е. Матвиевский отслеживал главным образом из опубликованных источников, таких как приложения из упоминавшейся выше книги Г. Н. Прозрителева и материалов, представленных в трудах Московского отдела Русского военно-исторического общества.

В 1960-е гг. вопросами участия калмыков в войнах России против внешних врагов в XVIII–XIX вв. плодотворно занимался Т. И. Беликов [Беликов 1960; 1965]. Он существенно расширил источниковую базу, обратился к мемуарной литературе [Генерал Багратион 1945; Михайловский-Данилевский 1840; Раевский 1822] и, что особенно ценно, ввел в научный оборот архивные материалы из четырех фондов Российского государственного военно-исторического архива. В строгой хронологической последовательности им прослеживается переход Ставропольского полка к театру военных действий и его дальнейшее участие в боях с неприятелем. Т. И. Беликов акцентировал внимание на ошибках, допущенных его дореволюционными предшественниками Г. Н. Прозрителевым и Е. Ч. Чоновым, но и сам не смог избежать некоторых неточностей, касавшихся поселения крещеных калмыков в Среднем Поволжье.

Настоящим прорывом в изучении Ставропольского калмыцкого войска стали труды исследователя истории калмыцких казачьих поселений К. П. Шовунова. В 1974 г.

он написал статью «Ставропольское калмыцкое войско» [Шовунов 1974: 230–246]. Материалы этой статьи с некоторыми дополнениями были включены в изданную в 1992 г. монографию «Калмыки в составе Российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.)». К. П. Шовунов ввел в научный оборот большое количество новых источников. Один только приведенный им список архивных фондов, сосредоточенных в десяти центральных и региональных архивах, составил 74 названия. Историк достаточно полно осветил административное и военное устройство ставропольских калмыков, значение их службы в охране Оренбургской пограничной линии.

Большинство исследователей в своих публикациях стремятся поместить максимальное количество сведений, собранных из разных источников. Хронология событий ими расписывается вплоть до дней, а иногда и часов. Как правило, в таких работах встречаются длинные перечни местностей, рек, населенных пунктов, но во многих случаях не конкретизируется участие калмыков в происходивших сражениях [Джесюпов 2007: 51–55]. Иной подход к изложению исследуемого материала предложил К. П. Шовунов. В главе, посвященной Отечественной войне 1812 г., автор стремится показать масштабную картину действий отдельных русских армий и крупных воинских соединений против наполеоновских войск, и на их фоне конкретизировать участие калмыков в военных операциях и их вклад в победу над врагом [Шовунов 1992: 229–272]. Вопреки утвердившемуся в литературе мнению, что первым действовавшим против французов партизанским отрядом стала группа Дениса Давыдова, К. П. Шовунов решительно заявил, что партизанскую войну армейских частей открыл отряд генерал-адъютанта Ф. Ф. Винцингероде. Стратегическая задача этого отряда состояла в охране Петербургской дороги в случае возможного наступления французских войск на Петербург. Вместе с тем он должен был вести разведку за действиями противника. Ставропольский калмыцкий полк был приписан к сводному отряду Ф. Ф. Винцингероде с конца июля 1812 г. Утверждение это представляется не вполне верным. Отряд Ф. Ф. Винцингероде являлся «летучим корпусом»¹, который, в отличие от парти-

¹ Официально он так стал именоваться с 29 августа 1812 г.

занского армейского отряда, сформирован по инициативе командования, а не образовывался из волонтеров и добровольцев.

Важные сведения обнаружил К. П. Шовунов в Фонде собственной е. и. в. канцелярии Российского государственного исторического архива, в делах которой имеются данные о партизанских рейдах ставропольских калмыков в переломный период Отечественной войны — сентябре-октябре 1812 г. [РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 694]. Также на основе материалов из фонда М. Б. Баркляя де Толли Российского государственного военно-исторического архива автор прослеживает участие ставропольских калмыков в Заграничном походе 1813–1814 гг. [РГВИА. Ф. 103. Оп. 208в. Д. 29]. Несомненным достоинством монографии К. П. Шовунова являются составленные автором карты-схемы боевых действий калмыцких полков. К сожалению, мелкий шрифт и плохое качество печати затрудняют их рассмотрение, поэтому, учитывая их научно-историческую значимость и возможности современной полиграфии, необходимо позаботиться о новом издании этих карт.

Наиболее подробное описание участия ставропольского калмыцкого полка в военных кампаниях 1812–1814 гг. представлено в монографии В. А. Кузнецова «Иррегулярные войска Оренбургского края» [Кузнецов 2008: 281–294]. Исследователь привлек солидный массив материалов, в том числе и не использовавшихся предшественниками. К числу последних относятся документы из коллекции фонда Военно-ученого архива [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 2462, 3406, 3510]. В них содержатся известия об участии полка в боях под Звенигородом в конце августа 1812 г. и в сражениях Заграничного похода. В некоторых случаях недостаток информации о боевом применении ставропольского полка В. А. Кузнецов компенсирует описанием действий корпусов, в составе которых он находился, справедливо полагая, что в них были задействованы и калмыцкие воины. Кропотливое изучение историком источников и литературы позволило выявить и тем самым отдать дань уважения и признательности потомкам десяткам офицеров, урядников и рядовых калмыков-казаков, отмеченных боевыми наградами. Повествование о ратных подвигах ставропольского калмыцкого полка

В. А. Кузнецов закончил словами, в полной мере отражающими сложившееся в отечественной историографии еще с дореволюционных времен единодушное мнение: «Ставропольский калмыцкий полк, наряду с братьями по крови 1 и 2-м калмыцкими полками, внесли неоценимый вклад в общее дело победы над Францией... Бок о бок с русскими воинами сыны калмыцкого народа честно и добросовестно до конца выполнили свой долг, показывая образцы стойкости, мужества и отваги» [Кузнецов 2008: 293–294].

Исследования, проведенные несколькими поколениями историков, позволили выявить и обобщить большой пласт источников, содержащих сведения об участии ставропольского калмыцкого полка в войнах с наполеоновской Францией. Развитие современной историографии во многом также будет определяться поиском и введением в научный оборот новых архивных документов из различных фондов Российского государственного военно-исторического архива и других архивных хранилищ России, а, возможно, и европейских государств. Архивный поиск исследователи вынуждены строить на предположениях и интуиции, поскольку интересующий архивный материал, как правило, заключен в документах, в названиях которых ставропольский калмыцкий полк не упоминается. Другим перспективным направлением научной деятельности должна стать публикация уже известных источников. Тем самым удастся не только сохранить накопленный исторический материал, но и сделать его доступным для широкого круга как профессиональных историков, так и общественности.

Источники

- Российский* государственный военно-исторический архив (РГВИА).
Российский государственный исторический архив (РГИА).

Литература

- Беликов Т. И.* Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVII – начало XIX вв.). Элиста: Калмгосиздат, 1965. 180 с.
Беликов Т. И. Участие калмыков в войнах России в XVII, XVIII и первой четверти XIX веков. Элиста: Калмгосиздат, 1960. 144 с.
Генерал Багратион. Сб. документов и материалов / под ред. С. Н. Голубова. М.: Госполитиздат, 1945. 255 с.

- Джесюпов Э. С. Ставропольский калмыцкий полк в Отечественной войне 1812 г. // Археография Южного Урала. Мат-лы VII Межрегион. науч.-практ. конф. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2007. С. 51–55.
- Кузнецов В. А. Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара; Челябинск: [б. и.], 2008. 478 с.
- Матвиевский П. Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 года. Исторические очерки. Оренбург: Южный Урал, 1962. 184 с.
- Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 года: в 4 ч. Репринтное издание 1840 г. СПб.: Альфарет, 2011. Ч. 1. 500 с. Ч. 2. 448 с. Ч. 3. 448 с. Ч. 4. 412 с.
- Прозрителев Г. Н. Военное прошлое наших калмык // Труды Ставропольской Ученой Архивной комиссии. Вып. 3. Ставрополь: Губ. правление, 1912; 2-е изд., репринтное. Элиста: Санаан, 1990. 144 (I) + 28 (II) + 60 (III) + 44 (IV) + 30 (V) + XXXXIII с.
- Раевский А. Воспоминания о походах 1813–1814 гг. в 2 ч. М.: Университетская типография, 1822. 168 с.
- Чонов Е. Ч. Калмыки в русской армии XVII, XVIII вв. и 1812 год. Очерк, статьи, биография. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 142 с.
- Шовунов К. П. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста: КИОН РАН; Союз казаков Калмыкии, 1992. 319 с.
- Шовунов К. П. Ставропольское калмыцкое войско // Актуальные вопросы ленинской национальной политики партии: сб. науч. тр. Элиста: КГУ, 1974. С. 230–246.

УДК 94(47).072.5

ББК 63.3

КАЗАЧЕСТВО ЮГА РОССИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 г.

Ю. А. Стецура

Отечественная война 1812 г. явилась крупнейшим событием не только в русской, но и в европейской истории. Возникновение войны было вызвано стремлением Наполеона достичь мирового господства.

Н. М. Карамзин, являясь современником событий, в «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» представил читателям всю сложность и противоречивость внешнеполитических событий накануне Отечественной войны 1812 г. Он писал: «Политика нашего Кабинета удивляла своею смелостью: одну руку поднимая на Францию, другую грозили мы Пруссии, требуя от нее содействия! Не хотели терять времени в предварительных сношениях, — хотели одним махом все решить» [Карамзин 1991: 52]. Официальный историограф российской империи Н. М. Карамзин, анализируя Тильзитский мирный договор, согласно которому страны признавали наполеоновские завоевания в Европе, указывал на то, что Россия должна «вступить за безопасность собственных владений, к коим стремился Наполеон» [Карамзин 1991: 53]. Он отмечал, что Россия «без стыда могла бы отказаться от Европы, но без стыда не могла служить в ней орудием Наполеоновым, обещав избавить Европу от его насилий», однако основной задачей, по мнению автора «Записки о древней и но-

вой России...», была собственная безопасность, которая является «высшим законом в политике», поэтому «Государству для его безопасности нужно не только физическое, но и нравственное могущество» [Карамзин 1991: 54].

В. О. Ключевский подчеркивал, что события войны 1812 г. «вызвали необычайное политическое и нравственное возбуждение; общество *непривычно оживилось*, приподнятое великими событиями, в которых ему пришлось принять такое деятельное участие» [Ключевский 2005: 86].

Все сословия российского общества приняли участие в борьбе против наполеоновских войск. Особенно активно с первых дней войны выступили казаки страны, в том числе Юга России.

Казачество, являясь военизированным сословием, в это время проявило чудеса храбрости, находчивости, преданности на всех участках военных действий.

И. Я. Куценко справедливо отмечает, что на становление военного опыта казачества оказывали «формирование боевых традиций, основанных на «наработках» предков, «охотников и воинов», а также их особый социальный статус. Исторические, экономические, военно-политические факторы порождали у казачества «духовно-психологический климат», основанный на

«абсолютизации воинской сноровки и умения» [Куценко 2010].

В 1805 г. Россия начала войну против наполеоновской Франции в союзе с Австрией и Англией. С первых дней противостояния России и Франции 9 казачьих полков приняли участие в походах.

Казачьи полки А. Г. Сысоева 1-го и В. Е. Ханженкова 1-го участвовали в знаменитом сражении под Шенграбенем, где 5 тыс. русских воинов остановили 30-тысячное войско неприятеля. За это сражение казаки получили в награду Георгиевские знамена, ставшие одной из важнейших наград в российской армии того времени.

Во время военной кампании 1806–1807 гг. казаки находились на территории Пруссии. Общее руководство 16 донскими полками осуществлял атаман М. И. Платов, под командованием которого казаки участвовали в сражении под Прейсиш-Эйлау и Фридрихсфельдом, навязали французам партизанскую войну. За подвиги в военной кампании 1806–1807 гг. 200 казаков получили введенный тогда Знак отличия Военного ордена — будущий Георгиевский крест. Всего в этой войне участвовали 27 донских полков.

Однако казаков ждало новое испытание в 1812 г. Казачество Юга России приняло самое активное участие в борьбе против наполеоновских полчищ. Накануне вторжения французских войск в составе русской армии находилось 65 донских казачьих полков, из которых 27 полков и 2 конно-артиллерийские роты в составе 1, 2, 3-й армии несли аванпостную и сторожевую службу на границе с Австрией, Польшей и Пруссией [Казачий Дон 2010: 64–65].

В 1811 г. в состав русской гвардии вошла черноморская гвардейская казачья сотня, а к 1812 г. строевой состав Черноморского казачьего войска состоял из 10 конных и 10 пеших полков [Энциклопедия Кубанского казачества 2011: 68].

В апреле 1811 г. был издан Высочайший указ, согласно которому для пополнения русской армии легкими войсками предполагалось образовать два конных пятисотенных калмыцких полка под командованием Д. Тундутова и С. Тюменя. Оба полка сначала назывались по именам их нойонов, затем им были присвоены названия 1 и 2-го Калмыцких полков. Для наблюдения за порядком службы в полки были назначены майор Казанского пехотного полка Дублянский

(1-й Калмыцкий полк) и майор Вологодского пехотного полка Плеханов (2-й Калмыцкий полк). Кроме этих двух штаб-офицеров, к калмыцким полкам были прикомандированы 30 урядников и казаков Астраханского Казачьего Войска в качестве переводчиков и инструкторов.

Сбор калмыцких полков и выступление их в поход прошли без особых затруднений и без единого случая дезертирства. Уже в конце августа 1811 г. полки двинулись на Воронеж и оттуда к западной границе.

16 марта 1812 г. лейб-гвардии Казачий полк в составе трех эскадронов «донцов» и сотни черноморцев, в которую входили 4 офицера, 14 урядников и 100 казаков, выступил на Вильно, где должен был находиться в авангарде 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Н. А. Тучкова и держать пикеты по берегам Немана [Энциклопедический словарь 1997: 108].

На казачьих территориях, как и по всей стране, проходили акции сбора пожертвований. Так, Донское Войсковое дворянство предоставило 1 500 лошадей, торговые казаки пожертвовали 100 тыс. рублей на нужды донского ополчения [Шишов 2007: 233]. В Черномории также прошла кампания по сбору пожертвований на военные нужды. Собрано было 114 449 руб. 90 коп.: 100 000 руб. были выделены из войсковой суммы, остальные — частными лицами [Энциклопедия Кубанского казачества 2011: 68].

На начальном этапе войны донские казаки под командованием М. И. Платова, прикрывавшие отступление 2-й Западной армии генерала от инфантерии князя П. И. Багратиона, одержали первые победы над французскими войсками. 27 июня 1812 г. у деревни Мир корпус М. И. Платова разгромил авангард 5-го Польского армейского корпуса, состоявший из двух бригад кавалерии. Поляки попались в «венгер», устроенный казаками. Специальный казачий отряд «раздразнил» поляков и бросился отступать через деревню, и последние начали преследовать их. Поляки смешали свои боевые порядки на узких улицах деревни, за которой казачьи полки, находившиеся в укрытии, внезапно напали на них со всех сторон.

Остановив французский авангард, М. И. Платов со своими казаками, оставив армию П. И. Багратиона, устремился на соединение с 1-й Западной армией М. Б. Барклая де Толли.

В июле 1812 г. Ставропольский калмыцкий полк вместе с донскими казаками атамана М. И. Платова прикрывали переправу армии П. И. Багратиона через Днепр, около Нового Быхова.

После соединения 1 и 2-й Западных армий казаки снова отличились при Молевом болоте, «потрепав» конницу французского генерала О. Ф. Себастьяни. Прикрывая дальнейшее отступление российской армии, казаки отступили к Москве. Здесь под стенами Колоцкого монастыря погиб донской генерал Иван Кузьмич Краснов, командовавший корпусом М. И. Платова после его отъезда в Москву. В 1904 г. имя генерала И. К. Краснова было присвоено 15-му Донскому казачьему полку [Казачий Дон 2010: 65].

25 августа войсковой атаман М. И. Платов, возвратившийся из Москвы, вступил в командование донскими казачьими полками. В Бородинском сражении 26 августа 1812 г. участвовали 22 казачьих полка и две конно-артиллерийские роты.

14 казачьих полков и 2-я рота Донской конной артиллерии войскового старшины П. В. Суворова входили в корпус под командованием самого М. И. Платова и находились на правом фланге российской армии. 8 казачьих полков входили в отряд генерал-майора А. А. Карпова на левом крыле и прикрывали направление на Москву по Старой Смоленской дороге у деревни Утицы. 1-я рота Донской конной артиллерии майора П. Ф. Тацына была передана 2-й сводно-гренадерской дивизии генерал-майора М. С. Воронцова и сражалась на Багратионовых флешах.

26 августа Наполеон нанес главный удар по левому флангу российских войск — на село Семеновское и Курганную высоту (батарею Раевского). Одновременно в обход д. Утицы в тыл армии П. И. Багратиона был направлен 5-й Польский корпус дивизионного генерала Ю. А. Понятовского. Весь день донские казаки А. А. Карпова сражались с поляками, не давая им обойти позиции.

На правом фланге казаки М. И. Платова получили приказ от М. И. Кутузова совершить «диверсию» во фланг и тыл неприятеля. Рейд казаков атамана М. И. Платова сыграл важную роль во всем Бородинском сражении. Казаки внезапно появились на левом фланге французов, сбили их конницу и стали угрожать тылам. При этом М. И. Пла-

тов не показывал французам свои основные силы, пряча их в лесу, хотя 6 тыс. казаков вряд ли всерьез повлияли бы на 135-тысячную армию Наполеона. Поскольку Наполеон не знал истинных сил М. И. Платова, стал собирать против него силы и на два часа остановил атаки на важном направлении. Русское командование использовало это время, чтобы подтянуть к опасным местам свои резервы.

Все атаки французов в тот день были отбиты. Но в ночь после сражения главнокомандующему стало ясно, что необходимо оставить позиции при Бородине и отступить к Москве, изматывая противника в тяжелых арьергардных боях. Казакам было поручено вводить противника в заблуждение, наблюдать за его передвижением и прикрывать отступление российской армии. Командовать арьергардом было поручено М. И. Платову [Казачий Дон 2010: 65].

После оставления Москвы казаки активно действовали в арьергарде, скрывали от французов направление движения российской армии, участвовали в партизанских сражениях. В октябре 1812 г. калмыки с донскими казаками Орлова-Денисова принимали участие в разгроме конницы И. Мюрата при Тарутине.

В знаменитом трехдневном сражении (4, 5 и 6 ноября) при селе Красном, за которое атаман М. И. Платов получил графское звание, калмыцкие полки с развернутыми знаменами отчаянно воевали с французами.

После трехдневной переправы через Березину у Студянки остатки главной французской армии двинулись на северо-запад, на Вильно. 1 и 2-й Калмыцкие полки были направлены на запад.

Путь 1-го полка под командованием Тундудова пролегал через Брест-Литовск, Волковыск и Варшаву. В 1813 г. принимал участие в блокаде и взятии крепости Модлин.

2-й полк Тюменя свернул на юг, участвуя в блокаде и взятии крепости Ченстохова и преследовании неприятеля до Кракова. Затем он принимал активное участие в многочисленных сражениях в Германии, в том числе в сражении на р. Кацбах, одном из самых блистательных в истории российской кавалерии. 14 августа 1813 г. армия Э. Ж. Макдональда наступала на восток. Начались непрерывные проливные дожди. Французы подошли к р. Кацбах, которая превратилась в грозное

водное пространство. От непрерывных проливных дождей порох совершенно вымок в пороховницах, ружьях и пистолетах. На армию Э. Ж. Макдональда налетела российская кавалерия, которая шашками, пиками и плетями загнала французов в разлившуюся реку.

Казачи-черноморцы участвовали в знаменитых Кульмском и Лейпцигском сражениях (1813 г.), с боями дошли до Парижа, где стали бивуаком на Елисейских полях, выполняя функции императорского конвоя и его ближней охраны. 21 мая 1814 г. они выступили из Парижа, а 25 октября прибыли в Петербург.

15 июня 1813 г. лейб-гвардейской Черноморской сотне была пожалована серебряная труба с надписью: «За отличие против неприятеля в минувшую кампанию 1813 г.» [Энциклопедический словарь 1997: 108].

В ходе наполеоновских войн проявился талант многих казачьих военачальников. Одним из героев войны с Наполеоном стал Матвей Иванович Платов (1753–1818) — генерал от кавалерии, самый прославленный атаман казачьих войск России. М. И. Платов родился на Дону в станице Прибылянской, происходил из «старшинских детей Войска Донского». В 13 лет М. И. Платов был записан на службу казаком в войсковую канцелярию. В 15 лет стал урядником и начал полковую службу. Боевое крещение получил в походе на Крым, отличился во время приступа Перекопа (Турецкого вала). В 18 лет М. И. Платов получил чин казачьего полковника и стал командовать полком. Он был одним из героев штурма крепости Измаил.

26 августа 1801 г. М. И. Платов получает высочайший рескрипт о назначении его войсковым атаманом Дона. 15 сентября этого же года он был произведен в чин генерал-лейтенанта и награжден орденом Св. Анны 1-й степени.

В 1806 г. император Александр I поручает М. И. Платову командование всеми казачьими полками России. Военная кампания 1806–1807 гг. и боевые действия на территории Восточной Пруссии показали, что атаман Войска Донского способен умело управлять многотысячной иррегулярной конницей.

За успешное прикрытие российской армии, отходившей к городу Тильзиту на пограничной р. Неман, атаман был награжден алмазными знаками к ордену Св. Алексан-

дра Невского и наградной драгоценной табакеркой с портретом императора Александра I. В ноябре 1807 г. генерал-лейтенант М. И. Платов был удостоен ордена Св. Георгия 2-й степени. В Георгиевском наградном рескрипте от 22 ноября 1807 г. о заслугах одного из самых выдающихся генералов русской армии говорилось следующее: «За неоднократное участие в боях в должности начальника передовых постов в войну с французами 1807 г.».

Полководческая слава пришла к трижды Георгиевскому кавалеру генералу от кавалерии М. И. Платову в ходе Отечественной войны 1812 г. С самого начала вторжения армии Наполеона I в российские пределы полки донских казаков платовского иррегулярного корпуса постоянно участвовали в боях. После Бородинской битвы атаман отправил приказ о создании ополчения на родной Дон. В результате 26 конных полков «донцов»-ополченцев прибывают в Тарутинский лагерь русской армии.

Главнокомандующий генерал-фельдмаршал М. И. Кутузов поручил М. И. Платову командование авангардом российской армии. Казачий атаман вместе с войсками генерала М. А. Милорадовича успешно и эффективно выполнили задание главнокомандующего.

Казачья конница М. И. Платова одержала блестящую победу 27 октября 1812 г. на берегах р. Вопь, разбив французские войска итальянского вице-короля Евгения Богарне и захватив 23 артиллерийских орудия. За эту победу атаман Войска Донского был возведен Александром I в графское достоинство.

8 ноября того же года корпус генерала от кавалерии графа М. И. Платова при переправе через р. Днепр разгромил остатки корпуса маршала Нея. Через три дня казаки заняли город Оршу, а еще через четыре — город Борисов.

Большой успех иррегулярной коннице сопутствовал в сражении при городе Вильно (ныне Вильнюс, Литва) 28 ноября, где был разбит вражеский корпус, пытавшийся отступить за пограничный Неман.

2 декабря 1812 г. французы потерпели поражение у города Ковно (современный Каунас). В тот же день казаки удачно форсировали р. Неман и перенесли боевые действия российской армии на территорию Восточной Пруссии.

Результативность боевой деятельности казачьих войск под командованием атамана графа М. И. Платова в ходе Отечественной войны 1812 г. поразительна. Они захватили 546 вражеских орудий, 30 знамен и взяли в плен более 70 тыс. наполеоновских солдат, офицеров и генералов.

Не менее успешно генерал от кавалерии М. И. Платов воевал в ходе Заграничного похода российской армии 1813–1814 гг. Казачьи полки платовского летучего корпуса отличились в Битве народов под Лейпцигом 4, 6 и 7 октября 1813 г. При преследовании отступавших наполеоновских войск казаки захватили в плен около 15 тыс. солдат и офицеров.

За участие в Лейпцигской битве Матвей Иванович удостоился высшей награды Российской империи — ордена Св. апостола Андрея Первозванного. За преследование французов ему была вручена редкая награда — бриллиантовое перо (челенга) с вензелем государя для ношения на головном уборе.

1814 год ознаменовался для казачьей конницы М. И. Платова многими победами уже на французской земле, в том числе в сражениях при Лаоне, Эпинале, в штурме укрепленного города Намюра и др.

Атаман М. И. Платов во главе своих легкоконных полков в составе российской армии торжественно вступил в поверженный Париж. Из столицы Франции генерал от кавалерии М. И. Платов сопровождал императора Александра I в его поездке в Лондон. Англичане, восхищенные подвигами донского атамана в войнах против наполеоновской Франции, преподнесли ему почетную саблю и назвали его именем военный корабль. Графу М. И. Платову в торжественной обстановке вручили почетный докторский диплом аристократического Оксфордского университета.

В 1853 г. на собранные на Дону по подписке народные деньги в г. Новочеркасске был поставлен памятник работы П. К. Клодта казачьему атаману, надпись на котором гласила: «Атаману графу Платову за военные подвиги с 1770 по 1816 гг. Признательные донцы» (в 1923 г. памятник был снесен, а в 1993 г. — воссоздан). С 26 августа 1904 г. имя атамана М. И. Платова стал носить 4-й Донской казачий полк [Шишов 2007: 195–201].

Ярким казачьим военным начальником проявил себя Аким Акимович Карпов. С началом Отечественной войны 1812 г. генерал-

майор А. А. Карпов командовал отдельным казачьим отрядом во 2-й Западной армии, имея одновременно и свой полк, носивший его имя. В послужном списке генерал-майора А. А. Карпова значатся почти все важнейшие бои, которые проходили начиная от Мира и до самых заснеженных берегов Березины. А. А. Карпов со своим отрядом успешно прикрыл арьергардными действиями в числе других казачьих формирований отход кутузовской армии из Москвы к Тарутину.

В сражении на Бородинском поле А. А. Карпов продолжал командовать казачьим отрядом 2-й Западной армии генерала П. И. Багратиона. Отряд располагался в районе деревни Утица, прикрывая левое крыло своей армии от наступавшего польского корпуса Ю. А. Понятовского.

Отряд под командованием А. А. Карпова особенно отличился в Тарутинском сражении на берегах р. Чернишня, где было нанесено поражение войскам маршала И. Мюрата. Боевой наградой А. А. Карпову стал орден Св. Анны 1-й степени с алмазами.

За успешное преследование наполеоновской армии и окончательное изгнание французов из пределов России генерал-майор А. А. Карпов был награжден орденом Св. великомученика и победоносца Георгия 3-й степени.

Не менее успешно А. А. Карпов воевал в Заграничных походах. В его послужном списке значатся Глогау и Дрезден, Бауцен и Кацбах, Лейпциг и Линьи, Сен-Дизье и Бриен-ле-Шато, Ла-Ротьер и Монмираль, Шато-Тьерри и Краон, Лаон и Фер-Шампенуаз. А. А. Карпов побывали и под стенами поверженного Парижа.

В 1813–1814 гг. за Бауценское сражение он получил Золотую саблю с алмазами, за операцию у Кацбаха А. А. Карпов награждается орденом Св. Владимира 2-й степени.

За сражение у Ла-Ротьера, где казачья конница блистала на поле брани, за проявленную им в битве доблесть А. А. Карпов был удостоен чина генерал-лейтенанта. Обращает на себя внимание тот факт, что такой чин для казачьего военачальника, не являвшегося войсковым и наказным атаманом, был крайне редким.

После окончания военных действий против Франции генерал-лейтенант А. А. Карпов был назначен командиром всей Донской казачьей артиллерии [Шишов 2007: 208–209].

Образцом «Примерной храбрости» 1812 г. стал для многих Алексей Васильевич Иловайский (1767–1841). В качестве походного атамана генерал-майор А. В. Иловайский 3-й привел с Дона в Тарутинский лагерь 26 конных полков с донской казачьей артиллерией. Казаки шли без дневков и отдыха. Казачьи ополченские полки приняли участие в изгнании наполеоновской армии. Донецкие казаки стали главными «виновниками» поражения войск наполеоновского маршала И. Мюрата, командовавшего резервной кавалерией армии Наполеона.

За кампанию 1812 г. А. В. Иловайский 3-й был награжден императорским Военным орденом Св. великомученика и победоносца Георгия 3-й степени.

В истории Отечественной войны 1812 г. казачьи отряды под командованием А. В. Иловайского 3-го установили своеобразный рекорд: их трофеями стали 118 (!) неприятельских орудий. К этой цифре следует добавить еще и 2,5 тыс. пленных.

Заграничные походы русской армии начались для А. В. Иловайского 3-го с участия во взятии города-крепости Эльбинг 31 декабря 1812 г., морских ворот столицы Восточной Пруссии Кенигсберга. Здесь в плен попало около 400 французов, не считая 35 офицеров и 942 рядовых, находившихся в местных госпиталях. Были освобождены 62 русских военнопленных. Затем последовало участие во взятии Мариенвердера и Мариенбурга, занятии города Лауэнбург в Померании, в блокаде сильных неприятельских крепостей Данцига, Штеттина, Торгау и Магдебурга.

Во всех военных событиях генерал Войска Донского А. В. Иловайский 3-й показал себя умелым и предусмотрительным командиром. Генерал-лейтенант А. В. Иловайский 3-й, Георгиевский кавалер, имел среди прочих наград — ордена Св. Александра Невского, Св. Владимира 2-й степени, Св. Анны 1-й степени и золотую саблю «За храбрость» [Шишов 2007: 233–235].

В Отечественной войне 1812 г. принял участие и Афанасий Федорович Бурсак (1782–1825), старший сын атамана Черноморского Казачьего войска Ф. Я. Бурсака. В 14-летнем возрасте он был записан рядовым казаком в Черноморское Войско и дослужился до чина полковника. Быстрому продвижению по службе способствовали личные качества — храбрость и талант во-

еначальника. Сначала он служил в Черномории, в 1808 г. был назначен адъютантом к военному министру графу А. А. Аракчееву, а в 1810 г. в той же должности — к новому военному министру генералу М. Б. Барклаю де Толли. С 1811 г. А. Ф. Бурсак стал командиром лейб-гвардейской Черноморской казачьей сотни. Он участвовал в войне с Наполеоном, пройдя путь от Немана до Тарутино и от Малоярославца до Парижа. Отличился во многих сражениях, в том числе при Бородино, Тарутино, Вязьме, под Лейпцигом, при взятии Парижа, за что был награжден орденами Св. Владимира 4-й степени с бантом, Св. Анны 2-й степени с алмазными украшениями, Св. Георгия 4-й степени и др. А. Ф. Бурсак вписал яркую страницу в историю войны 1812 г. и в частности в историю Черноморского казачьего войска [Энциклопедический словарь 1997: 75].

Отечественная война 1812 г. имела народный характер: велась партизанская война, которая, по мнению великого русского писателя Л. Н. Толстого, началась со вступления неприятеля в Смоленск. В романе «Война и мир» он неоднократно показывал роль казачества в героической борьбе с Наполеоном. Великий писатель отмечал, что «прежде чем партизанская война была официально принята нашим правительством, уже тысячи людей неприятельской армии были истреблены казаками и мужиками» [Толстой 1984: 130–131]. Л. Н. Толстой писал: «Партизаны уничтожали Великую армию по частям. Они подбирали те отпадавшие листья, которые сами собою сыпались с иссохшего дерева — французского войска, и иногда трясли это дерево. В октябре, в то время как французы бежали к Смоленску, этих партий различных величин и характеров были сотни. Были партии, перенимавшие все приемы армии, с пехотой, артиллерией, штабами, с удобствами жизни; были одни казачьи, кавалерийские; были мелкие, сборные, пешие и конные, были мужицкие и помещичьи, никому не известные» [Толстой 1984: 130–131].

Яркий народный героический характер проявило казачество Юга России в борьбе с Наполеоном, которое не только активно участвовало в различных военных операциях российской армии, но и вело партизанскую войну против неприятеля, защищая свое Отечество.

Литература

- Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. 125 с.
- Ключевский В. О.* Русская история. М.: Эксмо, 2005. 192 с.
- Куценко И. Я.* Победители и побежденные. Кубанское казачество: история и судьбы. Кн. I. Императорский поместный этнос. Краснодар: Диапазон-В, 2010. 501 с.
- Казачий Дон: пять веков великой славы.* М.: Язуа, Эксмо, 2010. 416 с.
- Энциклопедия Кубанского казачества / под общей ред. В. Н. Ратушняка.* Краснодар: Традиция, 2011. 504 с.
- Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года.* Краснодар: [Адыгея], 1997. 560 с.
- Шишов А. В.* 100 великих казаков. М.: Вече, 2007. 233 с.
- Толстой Л. Н.* Война и мир. // Толстой Л. Н. Собр. соч. в 12 тт. Т. VI. М.: Правда, 1987. 540 с.

УДК 355/359
ББК 63.3(2)52

**КАВКАЗ В ПЕРИОД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г.
И ЗАГРАНИЧНЫХ ПОХОДОВ РОССИЙСКОЙ АРМИИ**

Н. Д. Судаццов

В год 200-летия Отечественной войны 1812 г., который объявлен Годом истории, мы возвращаемся к событиям двухвековой давности. Очень важно рассмотреть историю регионов того времени и их роль в российской истории.

В начале XIX в. Россия оказалась в полосе войн, ведя боевые действия на Кавказе и Европе. Обстановка на Кавказе в тот период была очень сложной. В регионе вплотную столкнулись интересы России, Персии, Турции и некоторых европейских держав. Занимая важное геополитическое положение, Кавказ издавна привлекал к себе внимание. Россия укрепляла свои южные границы, постепенно присоединяя и осваивая новые территории, на Кавказе с последней четверти XVIII в. Еще задолго до этого на Кавказ бежали крепостные крестьяне, здесь они осваивали новые земли. В порубежье правительством создавались новые казачьи станицы, строились военные укрепления. Для большей защищенности региона от нападений горских народностей и ускорения процесса освоения Северного Кавказа в 1792 г. императрицей Екатериной II были переселены казаки с р. Буг на Кубань и создано Черноморское казачье войско [Трехбратов 2000: 130]. Для освоения территорий также переселялись государственные крестьяне. В 1801 г. в состав России на основе Георгиевского трак-

тата была включена Грузия. Некоторые народы Северного Кавказа и Закавказья добровольно входили в состав Российского государства.

Усиление Российского государства в данном регионе не входило в планы соседних государств на юге и ведущих европейских держав. Обстановка в Закавказье обострялась, и в 1804 г. войну против России начала Персия, а в 1806 г. — Турция. Военные действия против России активизировали народности Северного Кавказа, которых подталкивали к этому эмиссары из-за рубежа, откуда поступала военная и финансовая помощь. Их отряды численностью от десятков до нескольких сотен человек, будучи конными, прорывались через слабо защищенные приграничные рубежи, мобильно передвигались по территории губернии, нападали на крестьянские села.

Государство не имело достаточных сил, чтобы надежно защитить эти территории. Кроме того, на рубеже веков России пришлось принимать участие в антифранцузских коалиционных войнах, требовавших не только значительных финансовых и материальных затрат, но и вооруженных сил.

В это время император Франции Наполеон, вынашивая планы мирового господства, принял решение разгромить Россию, продиктовать ей свои условия договора и

таким образом обеспечить себе тыл на случай войны со своим главным противником — Англией. Готовясь к войне с Россией, Наполеон учитывал, что она вела войны с Персией и Турцией. Ни для кого не было секретом, что Франция готовилась к войне против Российского государства. Поэтому правительство принимало меры по укреплению обороноспособности западных границ страны. В феврале 1811 г., несмотря на то, что на Кавказе велись военные действия и войск было недостаточно, командующий Отдельным Грузинским корпусом генерал А. П. Торماسов получил предписание об откомандировании из Закавказья в центральную Россию четырех полков: 46-го егерского, Таганрогского, Владимирского драгунских, Севастопольского пехотного [Потто 2006: 438]. Кроме того, российское руководство принимало меры по заключению мира с Турцией. В мае 1812 г. в г. Бухаресте с Турцией был заключен мирный договор, по которому Россия отказалась от большинства территориальных претензий, удовлетвовавшись Бессарабией и установлением границы по р. Прут. Молдавия и Валахия возвращались Турции, получив внутреннюю автономию, так же как и Сербия. Этот договор обеспечил нейтралитет Турции на случай войны с Францией, позволил сосредоточить все силы, что дало возможность российскому командованию высвободить войска, находившиеся на юге, и направить на отражение наполеоновской агрессии [История внешней политики России 1995: 63]. Командование отдельного Грузинского корпуса получило возможность часть войск, воевавших с Турцией, использовать против Персии. Но на Кавказе война с Персией продолжалась, сохранялась угроза нападения горских народностей.

В ночь с 11 на 12 июня 1812 г. без объявления войны началось вторжение французской армии на территорию России [Жилин 1974: 102–104]. Войска Кавказа не могли принять столь же активного участия в военных действиях против французов, как войска из других регионов страны. Тем не менее несколько полков с Кавказа были направлены на запад. В 1812 г. Таганрогский драгунский полк, находившийся в

городе Ставрополе, отправился на войну с Наполеоном [Карташев 2007: 125].

Исходя из того, что армия отступала и была не в состоянии справиться с французским нашествием, император Александр I подписал Манифест от 6 июля 1812 г. о создании временного ополчения [Дубровин 2006: 63].

Предводители дворянства Кавказской губернии, созданные в губернский г. Георгиевск, постановили с помещичьих крестьян и дворовых людей губернии поставить в армию с каждых 10 душ одного конного ратника с необходимым вооружением и продовольствием. Для этого был назначен сбор по три рубля с каждой души, с владельцев же, не имеющих крестьян, но получающих доходы, решено было брать по 10 % с дохода, объявленного ими на 1812 год. Вторым Манифестом от 18 июля формирование ополчения по губернии временно было приостановлено. Затем Манифестом 4 августа 1812 г. было велено собрать 100 душ по два рекрута со всех тех губерний, где не назначено ополчение. В связи с этим дворянское собрание 16 сентября 1812 г. приняло решение, которым «пригласило гг. Дворян и помещиков к пожертвованию Отечеству на ополчение от владений и доходов их тою суммою, какая предполагалась на составление ополчения», т. е. с крестьян по три рубля, с доходов по 10 %, и таким образом предполагало собрать 487 ратников [Потто 2006: 176; ГА СК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 307. Л. 1]. Но Манифестом от 18 июля 1812 г. создание ополчения было ограничено 16 губерниями, и Кавказ из этого списка был исключен [Бабкин 1962: 81].

Простой народ также был готов защищать Отечество. Так, сельский писарь с Приближного А. Г. Колесников писал Моздокскому уездному земскому исправнику 12 августа 1812 г., что он как верный сын отечества желает «с усердием защищать Отечество российского: дома, жен, детей, каждого и всех, что и прошу, Вашего высокоблагородия, довести сие мое желание до сведения, куда следовать будет» [Наш край 1977: 52].

По данным Кавказского губернского предводителя дворянства надворного

советника Реброва, в июле 1813 г. было «зачислено в приход пожертвованных Отечеству на временное ополчение и на военные потребности» по уездам Георгиевскому — 1 375 руб. ассигнациями и 10 руб. серебром; Ставропольскому — 1 576 руб. ассигнациями; Александровскому — 445 руб. ассигнациями; Моздокскому — 346 руб. ассигнациями и 3,7 руб. серебром; Кизлярскому — 3 845 руб. ассигнациями. Всего по губернии 7 581 руб. ассигнациями и 13 руб. 75 коп. серебром [ГА СК. Ф. 1305. Оп. 1. Д. 60. Л. 1].

Особенно активно проявил себя предводитель Кизлярского уездного дворянства З. Г. Арешев, в связи с чем Кавказский губернский предводитель дворянства Ребров ходатайствовал о его поощрении [ГА СК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 307. Л. 4]. В Кизляре армянское общество собрало 15 360 руб. В Моздоке после объявления Манифестов императора грузинское общество пожертвовало на войну 300 руб. Одновременно со сбором пожертвований в городах Предкавказья создавалось ополчение. В Моздоке во главе 15 дворян стоял уездный предводитель дворянства князь Туманов [СГКМ. Ф. 8. Д. 1. С. 82]. Купеческое и мещанское общества г. Ставрополя внесли 630 руб. [Наш край 1977: 51]. Конечно, суммы пожертвований по губернии были невелики, но и населения здесь было немного.

В 1813 г. среди дворянства развернулось движение по сбору пожертвований на строительство у минеральных источников близ Константиногорска гостиницы для раненых воинов. Первым пожертвовал 5 руб. в Ставрополе губернский секретарь Фиалковский 5 марта 1813 г., затем 24 марта кизлярский помещик поручик князь Ф. Бекевич-Черкасский пожертвовал от георгиевского дворянства 70 руб., 14 июня поступили средства от кизлярского дворянства в сумме 273 руб., а надворный советник Ребров передал 50 руб. [ГА СК. Ф. 1305. Оп. 1. Д. 60. Л. 1, 2].

Следует отметить, что в Отечественной войне участвовали представители народностей Кавказа. Например, грузины братья Петр и Роман Багратионы, армяне В. Г. Мадатов, В. О. Бебутов, казаки Николаев, Безкровный и многие другие.

Накануне войны в Войске Донском имелись 27 полков и 2 конно-артиллерийские роты на западной границе, а в ходе создания ополчения были сформированы еще 26 полков и направлено в действующую армию для войны с французами более 50 полков [Дубровин 2006: 9, 40]. Черноморское казачье войско, казачьи полки, расположенные по реке Терек, продолжали охранять порубежье и участвовать в военных действиях на Кавказе. В кампаниях же против французской армии с Кавказа действовали несколько казачьих подразделений, а также калмыцкие полки, которые отличились в боях с неприятелем. Об этом свидетельствовало награждение офицеров орденами и повышение их по службе, а нижних чинов — Знаком отличия Военного ордена, больше известным как Георгиевский крест. Черноморской гвардейской сотне в качестве награды были пожалованы серебряные трубы с надписью «За отличие против неприятеля в минувшую кампанию 1813 г.». Отличились на полях сражений многие иррегулярные формирования, в их числе 1 и 2-й Калмыцкие и Ставропольский калмыцкий полки. Формирование 1 и 2-го Калмыцких полков началось еще в 1811 г. из добровольцев по призыву правительства, готовящегося к войне с Францией, когда стало очевидным, что одних рекрутов будет мало, поэтому широко использовались иррегулярные войска, которые формировались из представителей разных сословий и народностей России [Калмыки 1964: 17–20].

Во время Отечественной войны 1812 г. десятки тысяч военнослужащих французской армии, вторгшейся в пределы России, были взяты в плен. По своему составу они были многонациональными, как и сама армия Наполеона. Сначала их распределяли по губерниям прифронтовой полосы. Но разоренные губернии Центральной России оказались не в состоянии прокормить десятки тысяч военнопленных, поэтому правительство приняло единственно правильное решение: максимальное количество военнопленных отправить в губернии Поволжья, Юга России, где было продовольствие и нужны были рабочие руки. Таким регионом был и Северный Кавказ, который

хотя и не располагал излишками продовольствия, зато нуждался в людях.

В начале декабря 1812 г. по указанию императора из Вятской губернии в Кавказскую губернию была отправлена первая партия в количестве 75 поляков из числа военнопленных [ГА СК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 304. Л. 1].

Вскоре последовали указы о массовом переселении военнопленных. Уже в конце 1812 г. по указанию Главнокомандующего в Петербурге С. К. Вязмитинова из центральных губерний на Кавказ стали отправлять военнопленных, основную часть которых составляли поляки из корпуса Ю. А. Понятовского, воевавшего на стороне французов.

На Северном Кавказе были определены основными направлениями деятельности военнопленных — служба в армии и в казачьих войсках, несения гарнизонной службы, участие в строительных работах. Значительная часть военнопленных была распределена и поставлена на довольствие в армейские и казачьи полки, в некоторых из которых их численность доходила до половины личного состава. Например, в гарнизонном батальоне г. Георгиевска военнопленных была половина.

Более тысячи человек находилось в различных строительных командах, ротах, которые использовались на строительстве особенно важных объектов: оборонительных укреплений в Константиногорской, Кисловодской крепостях, возводили жилые и хозяйственные помещения на Кавказских минеральных водах, строили мосты, дороги, занимались укреплением берегов р. Терек, которая в периоды многоводья приносила немало бед населению и др. Партии пленных, находясь на работах или проходя по Кавказу, оставляли надписи на камнях, скалах. Так, например, в селе Высоцком Кавказской области на месте добычи камня на скалах были обнаружены подписи нескольких десятков пленных поляков [Прозрителев 1914: 2, 3].

Военнопленные, зачисленные в полки, получали воинское довольствие. Направленные в гражданское ведомство обеспечивались питанием, а также им выплачивалось жалование за выполненную работу

и предоставлялась возможность при желании вступить в казачество, мещанское сословие.

Военнопленные, находившиеся в армейских и казачьих войсках, несли караульную службу, участвовали в боевых действиях против горцев, переходивших реки Кубань и Терек и совершавших набеги на крестьянские поселения, реже на казачьи. Были попытки нападения на Кавказские Минеральные воды, города Ставрополь, Георгиевск, Кизляр, Моздок. Но имевшиеся там крепостные укрепления гарнизоны отбивали попытки захватить города.

Военнопленные не знали, сколько пробудут в плену. Сведения о военных действиях приходили скудные и с большим опозданием, поэтому некоторые военнопленные стали обзаводиться семьями.

Находясь в войсках и работая на гражданских объектах, военнопленные с нетерпением ждали окончания войны с Францией, надеясь на то, что может быть объявлена амнистия и что они смогут возвратиться домой. В марте 1814 г. была взята столица Франции г. Париж. Война завершилась победой союзных сил во главе с Россией. 18 мая 1814 г. был заключен мир с Францией.

Александр I, проявляя великодушие по отношению к побежденным, в мае 1814 г. издал манифест, согласно которому все военнопленные, находившиеся в России, могли возвратиться «в свои дома», при этом предписывалось обеспечить их всем необходимым на всем пути следования до российской границы.

1 июня 1814 г. кавказский губернатор М. Л. Малинский получил предписание из Министерства полиции в Петербурге о повелении императора, чтобы все военнопленные поляки были отпущены домой. Пленных приказывалось исключить из полков и освободить от работ для отправления в гражданское ведомство, но до тех пор, пока они не выступят в путь, обеспечить их продовольствием за счет военного ведомства. Их также следовало снабдить одеждой, оставшейся от рекрутов, а при ее недостатке можно было запросить сукно для пошива у гражданского губернатора [ГА СК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 544. Л. 2].

Губернатору М. Л. Малинскому предлагалось немедленно направить одного из надежных губернских чиновников для приема из военного ведомства военнопленных по предварительному соглашению с генералом И. П. Дельпоццо на сборный пункт. Предварительно необходимо было составить списки. Пленных, возвращавшихся в герцогство Варшавское и Пруссию, необходимо было направлять в г. Белосток, отправлявшихся в Галицию — в г. Радзивиллов, а тех, кто происходил родом из российских губерний или присоединенных к России территорий, следовало направлять на места прежнего проживания. При отправке военнопленных предписывалось информировать руководство губерний, куда отправлялись пленные поляки [ГА СК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 544. Л. 3].

В пути до границы или места жительства пленных, следовавших до российских губерний, необходимо было обеспечивать их питанием, на что были выделены средства в сумме, равной выделяемой на обеспечение рекрутов. Чиновники, сопровождавшие пленных, обязаны были предоставлять отчеты о расходах и осуществлять надзор за конвоирами.

Приступив к исполнению указаний, губернатор М. Л. Малинский докладывал 2 июля в Петербург, что при подготовке к отправке военнопленных поляков были встречены большие трудности в обеспечении их одеждой и особенно продовольствием как на сборном месте, так и в пути следования до границы губернии, при этом сами местные жители терпели нужду и в пропитании, и в снабжении одеждой и обувью. Отмечался также недостаток в продаже сукна и других вещей, сложности были и с назначением гражданских и дворянских чиновников те или иные должности, связанные с отправкой военнопленных домой. Поэтому губернатор с командующим войсками на Кавказской линии генерал-майором И. П. Дельпоццо, губернским предводителем дворянства, земскими исправниками тех уездов, где предстояло снабжать военнопленных поляков одеждой, продовольствием на месте и в пути, собрались для обсуждения вопросов. В ходе собрания были высказа-

ны мнения о исполнении указаний императора.

Поскольку было более 11 тысяч военнопленных, по сведениям генерал-майора И. П. Дельпоццо, то командующий войсками предположил прислать сначала 800 человек, из которых можно будет отобрать мастеровых-портных, сапожников для изготовления одежды и обуви тем, кто в ней будет нуждаться. Такое решение было принято с целью не собирать военнопленных сразу вместе на одном пункте, не отягощать постоями в селениях и не затруднять себя в изготовлении одежды. Командующий также предложил затем присылать на сборный пункт несколько партий по 400 человек и отправлять в путь через каждые 5 дней [ГА СК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 544. Л. 22, 23].

Одним из самых больших затруднений к отправлению военнопленных было снабжение одеждой и обувью. Военное министерство дало указание обеспечить пленных, состоявших в полках на службе, рекрутской одеждой, а для тех, кто остался без причисления к работе или еще не были распределены, почти вся одежда должна была быть сшита, поскольку она обносилась. Недостающее обмундирование должно было подготовить гражданское ведомство. По подсчетам, пленных, нуждавшихся в одежде, могло набраться до 4 000 человек. На 13 декабря 1814 г. на выделенные для обмундирования поляков средства были закуплены 11 470 аршин сукна, 8 573 аршина рубашечного холста, 12 062 аршина подкладочного холста, 98 черных кож, 24 подошвенных кожи на 14 243 руб. [ГА СК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 544. Л. 624].

Но не все военнопленные хотели уезжать на родину. В их числе было немало тех, кто завел семью; некоторые изъявили желание вступить в казачество, мещанство, остаться в армии. В связи с этим губернатор М. Л. Малинский обратился к Главнокомандующему в Петербурге. Ответ на запрос был дан в ноябре 1814 г., было разрешено принимать в казаки тех, кто изъявлял желание, по согласованию с военным министерством [ГА СК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 544. Л. 630]. Основная масса военнопленных с Северного Кавказа была от-

правлена в 1814 г., но процесс продолжался еще и в первой половине 1815 г.

16 августа 1815 г. Кавказский губернатор М. Л. Малинский на основании повеления императора по случаю прекращения войны с Францией предписал Георгиевскому духовному правлению провести 17 августа в Николаевском соборе «после литургии торжественные благодарственные Господу Богу молебствие» [ГА СК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 583. Л. 1].

Губернатор М. Л. Малинский в информации Главнокомандующему в Петербурге писал: «По случаю получения приятнейших известий о благополучных успехах оружия союзных войск, занятия оными французской столицы и взятия Наполеона Бонапарте на острове Ре англичанами и отвоз в одну из северных шотландских крепостей на всегдашнее пребывание приносимо было господу благодарственное молебствие с коленопреклонением в соборной церкви в присутствии Военного и Гражданского Начальников, генералитета и прочих военных и гражданских чиновников, которые все после того угощаются были от Гражданского Губернатора обеденным столом. Необыкновенная радость сим происшествием произведенная особенно видима была во всех без исключения сословиях, и даже как приметить можно было произвела впечатление и в самих азиатцах» [ГА СК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 544. Л. 2, 3].

Жизнь в регионе снова вошла в свое привычное русло. Правительство и местные власти принимали меры по более уско-

ренному освоению территорий и включению их в общероссийское пространство.

Источники

Государственный архив Ставропольского края (ГА СК).

Ставропольский государственный краеведческий музей (СГКМ).

Литература

Бабкин В. И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. М.: Соцэкгиз, 1962. 212 с.

Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). М.: ГПИБ, 2006. 671 с.

Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии. 2-е изд. испр. и доп. М.: Наука, 1974. 452 с.

История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М.: Междунар. отношения, 1995. 448 с.

Калмыки в Отечественной войне 1812 года: сборник документов / сост. М. Л. Кичиков, Б. С. Санджиев. Элиста: Калмгосиздат, 1964. 163 с.

Карташев А. В. Ставропольский гарнизон: 230 лет на защите южных рубежей России. М.: Илекса, 2007. 384 с.

Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 года. М.: Яуза, Эксмо, 2007. 608 с.

Наш край [Док. и мат., 1777–1917 гг.]: к двухсотлетию г. Ставрополя. Ставрополь: Кн. изд-во, 1977. 424 с.

Потто В. А. Кавказская война: в 5 тт. Т. 1: С древнейших времен до Ермолова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. 528 с.

Прозрителев Г. Н. О военнопленных поляках на Северном Кавказе в войну 1812 г. СПб. [б.и.], 1914. 4 с., 2 табл.

Трехбратов Б. А. История Кубани: учеб. пособие. Краснодар: Кн. изд-во, 2000. 440 с.

УДК 94 (47) 072.5

ББК 63.3 (2 Рос=Калм)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛУЖАЩИХ КАЛМЫЦКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО ОРГАНИЗАЦИИ КАЛМЫЦКИХ ПОЛКОВ И ПОМОЩИ РУССКОЙ АРМИИ В ПЕРИОД НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН

С. С. Белоусов

Участие калмыков в войнах 1806–1807 и 1812–1814 гг. начал исследовать одним из первых историк Астраханского казачьего войска¹ И. А. Бирюков. В 1898 г. он опубликовал статью «Участие астраханских калмыков и казаков Астраханского казачьего полка в войнах 1807 года и 1812–1814 годов», в которой привел ряд интересных архивных данных о работе калмыцкой администрации по организации полков и пожертвований для русской армии в этот период [Бирюков 1898]. В 1912 г. в связи со столетним юбилеем Отечественной войны 1812 г. вышли труды Г. И. Прозрителева [1990] и Е. Ч. Чонова [1912], включающие в себя авторские очерки и документы из архивов гг. Москвы, Астрахани, Ставрополя, Полного собрания законов Российской империи по истории формирования и боевого пути калмыцких полков в годы наполеоновских войн.

Следующий этап в развитии историографии участия калмыков в составе русской армии в войнах 1806–1807 и 1812–1814 гг. был опять связан с юбилейными торжествами, посвященными 150-летию победы России над наполеоновской Францией. В 1964 г. сотрудниками Калмыцкого научноисследовательского института языка, литературы и истории Б. С. Санджиевым и М. Л. Кичиковым был подготовлен и опубликован сборник документов «Калмыки в Отечественной войне 1812 г.» [1964]. В него вошли документы как из книг И. А. Бирюкова, Г. Н. Прозрителева и Е. Ч. Чонова, так и новые, выявленные составителями в Центральном государственном военно-историческом архиве (в настоящее время — Российский государственный военно-исторический архив), в Центральном государственном архиве Калмыцкой АССР (ныне — Национальный архив Республики Калмыкия) и в Государственных архивах Астраханской и Ростовской областей. Материалы сборника содержат разнообразную информацию, в том числе описание деятельности калмыцкой знати и администрации по подготовке калмыцких полков к походу.

¹ Впоследствии его атаман.

Спустя год после выхода выше упомянутого сборника историком Т. И. Беликовым была опубликована монография «Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины», в которой значительное место уделено истории формирования калмыцких полков и их участию в войне 1812–1814 гг. [1965]

Проведенный анализ историографии вопроса показывает, что, несмотря на положенное предшествующими исследователями прочное начало в изучении этой темы, некоторые ее аспекты освещены недостаточно полно и требуют дополнительного внимания со стороны историков. Одним из таких малоизученных аспектов является деятельность служащих Совета Астраханского калмыцкого управления по мобилизации сил калмыцкого народа для отпора французской агрессии. Автор данной статьи ставит целью описать вклад представителей калмыцкой администрации в подготовке полков к походу и организации пожертвований на нужды русской армии в эпоху Наполеоновских войн.

Первая попытка российского правительства привлечь калмыков к участию в войнах против Наполеона была предпринята в конце 1806 г., что было вызвано тяжелой обстановкой, сложившейся для России в этот период. В октябре этого же года Наполеон разгромил союзника России по 4-й антифранцузской коалиции Пруссию, в результате чего коалиция распалась, а Россия оказалась один на один с сильным противником. В это же время Россия вела войну с Персией и Турцией, поэтому и возникла крайняя необходимость в дополнительных людских подкреплениях русской армии. В связи с этим 30 ноября 1806 г. император Александр I подписал манифест о наборе 612 тыс. ополченцев из 31 российских губерний [Беликов 1965: 111], а за день до этого события он отдал Главнокомандующему в Грузии и на Кавказе генерал-фельдмаршалу И. В. Гудовичу распоряжение о сформировании из калмыков Астраханской, Саратовской и Кавказской губерний 10 пятисотенных полков [Беликов 1965: 111–112]. И. В. Гудович поручил это дело «Главному

приставу над калмыками и трухменами, надзирателю кумык и мирных чеченцев» полковнику А. И. Ахвердову², который разослал по улусам курьеров с приглашениями высшей знати и высшему духовенству прибыть 20 января 1807 г. на совещание в ставку владельца Икицохуровского улуса Мукукена, находившуюся у почтовой станции Шуралинской на Кизлярском тракте.

13 февраля 1807 г. в намеченном Главным приставом месте состоялось собрание высшей калмыцкой знати и духовенства, на котором было принято решение о создании согласно императорскому повелению 10 пятисотенных полков общей численностью в 5 200 чел. Каждые две кибитки были обязаны выставить по одному воину с имевшимся в наличии оружием и двумя лошадьми [Беликов 1965: 113].

После отъезда калмыцкой знати с совещания в свои улусы началась непосредственная работа по формированию калмыцких полков. В условиях разбросанности кочевий на огромной территории сделать это быстро было довольно затруднительно, и в то же время администрация торопила улусные власти (владельцев и приставов), добиваясь скорейшей организации военных отрядов. Особенностью ситуации, сложившейся в дербетовских улусах, являлось то, что свой отпечаток на процесс мобилизации накладывал спор между малодербетовской и большедербетовской знатью по вопросу принадлежности части калмыков, откочевавших из Малодербетовского в Большедербетовский улус. Владельцы улусов Э. Тундутов (Малодербетовский) и Г-Ш. Хапчуков (Большедербетовский) связывали решение спора с количеством выставляемых ими конных воинов [Бирюков 1898: 149]. К А. И. Ахвердову поступило также донесение из Эркетеневского улуса

² А. И. Ахвердов происходил из знатного армянского рода (Ахвердянов) Грузии, представители которого поступили на русскую службу в царствование императрицы Анны Иоанновны (1730-е гг.); отец его был обер-офицером. А. И. Ахвердов был комендантом Кизляра и участвовал в Кавказских походах. Он проявил себя не только как талантливый военный и администратор, но и как исследователь: составил интересное историко-этнографическое описание народов Дагестана, не потерявшее своей научной ценности и по сей день. Осведомленное о большом опыте работы А. И. Ахвердова на Северном Кавказе и знании им горских народов, правительство при назначении его 11 мая 1806 г. на должность Главного пристава калмыцкого народа поручило ему также надзирать за кумыками и «мирными чеченцами».

о том, что 12 зайсангов считают оскорбительным для себя идти в поход в качестве рядовых воинов и требуют должности старшин, подобно другим зайсангам [Бирюков 1898: 150]. В результате Главный пристав удовлетворил их пожелания.

Некоторые из мер, предпринятых А. И. Ахвердовым в период создания пятисотенных полков, носили предупредительный характер, что свидетельствовало о его администраторских способностях и хорошем знании местных дел. Учитывая, что наиболее бедные слои населения ежегодно отправлялись в прибрежные районы в поисках заработков на рыбные промыслы, Главный пристав добился у астраханского губернатора запрета владельцам рыбопромышленных предприятий на время организации воинских команд принимать на работу калмыков. Тем самым он хотел ограничить уход части калмыков с мест их постоянного проживания на заработки в районы рыбных промыслов, что могло усложнить процесс мобилизации.

К апрелю 1807 г. калмыцкие полки были сформированы и по указанию А. И. Ахвердова направлены для осмотра им лично в южную часть Малодербетовского улуса на урочище Амта-Джурук, откуда они частями в начале апреля стали отбывать к определенному генералом от кавалерии И. Д. Савельевым пункту сбора — пристани Подпольной, находившейся в 25 верстах от станицы Новочеркасской. По генеральной ведомости А. И. Ахвердова на пристань прибыло 5 владельцев, 52 зайсанга и 5 129 рядовых калмыков, имевших в своем распоряжении 10 278 лошадей, 2 850 ружей, 866 сабель, 2 424 пик и 10 саадаков³ [Беликов 1965: 115].

Осуществлявший общее руководство процессом создания калмыцких полков генерал от кавалерии И. Д. Савельев высоко оценил организационную работу А. И. Ахвердова и его подчиненных: 8 сентября 1807 г. он в рапорте к Главнокомандующему на Кавказской линии И. В. Гудовичу особенно подчеркнул роль Главного пристава, «со всевозможной заботливостью и попечением трудившегося в командировании сюда из кочевьев своих калмык, искусными внушениями своими старшинам их успевшего возбудить в них готовность к точному и поспешному выполнению воли

³ Саадак (также сагайдак, садак, сайдак, сагадак, согодак) — набор вооружения конного лучника.

Всемиловейшего государя...» [НА РК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 70. Л. 18]. Из служащих калмыцкого управления И. Д. Савельев также выделил канцеляриста Я. Амелеченкова⁴ «препроводившего сюда (т. е. на Подпольную пристань) с места всех багацохуровского рода калмык в целости и порядке» [НА РК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 70. Л. 18]. По мнению генерала, всех отличившихся следовало награждать.

В 1807 г. калмыцкие полки не успели вступить в боевые действия, так как вскоре был заключен Тильзитский мирный договор с Францией. В преддверии нашествия армии Наполеона на Россию император Александр I своим указом 7 апреля 1811 г. на имя Главного начальника войск Кавказской линии и губерниях Астраханской и Кавказской генерал-лейтенанта Н. Ф. Ртищева повелел сформировать на добровольной основе два пятисотенных калмыцких полка. Для поощрения вступления в них в указе калмыцкой знати были обещаны «чины и знаки отличия», а рядовым — государственное жалованье [Прозрителев 1990: 84 (I)].

После получения указа Главным приставом подполковником С. Л. Халчинским, сменившим на этом посту умершего А. И. Ахвердова, в Ново-Георгиевской крепости было созвано совещание калмыцких владельцев. Владелец Хошеутовского улуса С. Тюмень и брат владельца Малодербетовского улуса Д. Тундутов заверили, что выполнение указа ими будет завершено в кратчайшие сроки, а также изъявили желание лично возглавить полки.

Усилиями Главного пристава, подчиненных ему служащих калмыцкой администрации и калмыцких владельцев полки в течение двух месяцев были укомплектованы людским и конским составом и в основном оснащены всем необходимым для воинских подразделений. В конце августа 1811 г. полки в сопровождении сотрудника канцелярии Главного пристава, коллежского регистратора И. Анохина прибыли в место сбора в станцию Пятиизбянскую. В квитанции, выданной И. Анохину принимавшим калмыцкие полки майором Дублянским, говорилось, что оба пятисотенных полка «приведены

⁴ Я. Амелеченко находился в калмыцком управлении на хорошем счету, о чем свидетельствуют служебные документы, характеризующие его как честного и трудолюбивого работника [НА РК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 33. Л. 10]. Он поступил на службу в Калмыцкое управление в 1798 г. и, пройдя ступени карьерного роста, закончил ее губернским секретарем.

благополучно» [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 82. Л. 6–7].

Генерал-лейтенант Н. Ф. Ртищев остался довольным работой С. Л. Халчинского и калмыцких владельцев по формированию полков. В рапорте от 31 августа 1811 г. к императору Александру I он, докладывая об успехе исполнения императорского указа от 7 апреля 1811 г. о создании калмыцких полков, особо отметил роль в этом деле подполковника С. Л. Халчинского, нойонов Э. и Д. Тундутовых и С. Тюменя. О руководителе калмыцкой администрации он писал следующее: «по обязанности своей свидетельствую о деятельности и успехах в скором формировании сих полков Главного калмыцкого пристава подполковника Халчинского, коему по случаю смерти генерала от кавалерии Савельева поручено от меня было объявить калмыкам Высочайшего Вашего Императорского Величества указ и приглашать их на службу, что все приведено им в точное и желаемое исполнение не более как в два месяца при всем том, что калмыки кочевья свои имеют на великом пространстве» [Прозрителев 1990: 25 (III)]. Н. Ф. Ртищев просил императора наградить С. Л. Халчинского орденом Святой Анны 2-го класса с алмазным украшением⁵, Э. и Д. Тундутовых — чином капитана, а С. Тюменя — чином майора, поскольку тот уже имел чин капитана. Александр I одобрил все предложения Н. Ф. Ртищева о награждении упомянутых лиц, помимо этого, он повелел еще наградить С. Л. Халчинского и орденом Святого Владимира 4-ой степени с бантом и золотой шпагой за храбрость [Прозрителев 1990: 24 (III)].

Эффективной признавал деятельность Главного пристава и калмыцкой знати по формированию полков и автор известного труда о военном прошлом калмыков Г. Н. Прозрителев: «Если принять во внимание громадные расстояния, грунтовые дороги и способ сообщения того времени, то надо признать, что все делалось с необыкновенной быстротой, и при этом никаких особенных недоразумений не возникало» [Прозрителев 1990: 87 (I)].

Главному приставу С. Л. Халчинскому, как и его предшественнику А. И. Ахвердову, действительно, удалось мобилизовать силы своих сотрудников и калмыцкой знати на выполнение правительственных распоря-

⁵ Этот орден у него уже был, но без алмазного украшения.

жений по оказанию помощи русской армии в годы наполеоновских войн. Немаловажное значение здесь, очевидно, сыграло то обстоятельство, что оба упомянутых лица были профессиональными военными, в этой среде такие черты характера человека, как дисциплинированность, исполнительность, умение принимать быстрые решения, целенаправленность и ответственность за порученное дело прививаются с первых шагов службы. А. И. Ахвердов и С. Л. Халчинский были не просто офицерами, а боевыми офицерами, которые до своего назначения на должность Главного пристава приняли участие в нескольких войнах России. Приобретенный ими на войне боевой опыт пригодился при создании калмыцких воинских формирований.

Важной слагающей успеха в формировании калмыцких полков были и хорошие личные отношения А. И. Ахвердова и С. Л. Халчинского с влиятельными представителями калмыцкой знати. В своей книге Г. Н. Прозрителев пишет, что С. Л. Халчинский «сумел приобрести расположение народа и благодаря этому мог так успешно действовать среди него» [Прозрителев 1990: 119 (I)]. В своем утверждении он ссылается на выписку из формулярного списка о службе подполковника Халчинского.

В период подготовки к походу С. Л. Халчинский обратил внимание генерал-лейтенанта Н. Ф. Ртищева на необходимость прикрепления к полкам «толмачей» калмыцкого языка, которые бы осуществляли переводы при контактах военнослужащих полков с военным командованием, чиновниками, местным населением. Н. Ф. Ртищев согласился и распорядился выделить из числа служащих калмыцкого управления двух толмачей (по одному в каждый полк).

В 1811 г. штат служащих при Главном приставе включал в себя 23 чел., в том числе 4 канцеляристов, 1 переводчика, 2 толмачей и 6 учеников калмыцкого языка, 2 учителей (калмыцкого и русского языков), 8 приставов [НА РК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 114. Л. 9–12]. В 1-й и 2-й Калмыцкие полки (командиры Д. Тундутов и С. Тюмень) были назначены толмач П. Ф. Андреев и ученик калмыцкого языка Г. Бочкарев. В калмыцком управлении они работали с 1802 г. и характеризовались с положительной стороны. Переводчики прошли со своими полками весь их боевой путь, они не только исполняли свои непосредственные служебные обязанно-

сти, но и участвовали в сражениях, проявив мужество и героизм. За военные заслуги П. Ф. Андреев и Г. Бочкарев были произведены в чин хорунжих. Последний в 1826 г. в числе военнослужащих 2-го Калмыцкого полка был награжден медалью в память вступления в 1814 г. русских войск в Париж [НА РК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 255. Л. 27].

В 1811–1812 гг. сотрудники калмыцкой администрации также занимались сбором пожертвований деньгами и скотом среди калмыцкого населения для нужд русской армии. В феврале 1811 г. Главнокомандующий в Грузии А. П. Тормасов предложил астраханским властям рассмотреть вопрос о возможности пожертвований со стороны калмыцкого народа русской армии. После обсуждения данного вопроса в калмыцкой администрации решено было составить и разослать по улусам подробные списки солдатского обмундирования и снаряжения с указанием стоимости каждой вещи. Планировалось пожертвования соразмерять со стоимостью вещи. Как считает И. А. Бирюков, все это делалось с целью упорядочения поступлений и, «вероятно, для объяснения жертвователям, на что именно будут потрачены их деньги...» [Бирюков 1898: 167]. Кампания сбора пожертвований происходила в период с июля 1811 по ноябрь 1812 г. За это время было собрано 25 510 руб., 1 080 лошадей и 400 голов рогатого скота [Бирюков 1898: 168]. В рапорте от 29 октября 1812 г. генерал-майора С. А. Поршнягина к Н. Ф. Ртищеву говорилось, что «Владельцы и народ калмыцкий в пожертвованиях своих явили новый опыт искренней своей преданности ко Всероссийскому Престолу...» [Прозрителев 1990: 41 (III)]. Отмечена была в рапорте и деятельность Главного пристава. «Вменяю себе за долг у вашего превосходительства всепокорнейшее просить за усердие, каковым исполнен будучи, подполковник Халчинский действовал, наклоняя владельцов и зайсангов Калмыцкого народа на пожертвования, более, нежели на 100 000 руб. простирающиеся для пользы отечества, исходатайствовать ему в поощрение Высокомонаршее награждение» [Прозрителев 1990: 41 (III)]. В ноябре 1812 г. сбор пожертвований был прекращен. 6 декабря 1812 г. император Александр I в «Грамоте Калмыцкому и Туркменскому народу» поблагодарил калмыков и туркмен за «подвиг усердия» и «по переменявшимся ныне обстоятельствам» повелел возратить

пожертвования тем, кто их сделал [Прозрителев 1990: 42 (III)].

В годы войны 1812–1814 гг. находившимся в улусах приставам было предписано усилить надзор за калмыками. Поводом к этому послужили распространившиеся среди калмыков слухи о ранении С. Тюменя и дезертирстве его полка, о переходе Д. Тундутова со своим полком на сторону французов, что не соответствовало действительности. Чтобы нейтрализовать негативные последствия не имевших основания слухов, в улусах стали практиковать публичные объявления приказов военного командования о награждении отличившихся в боях военнослужащих калмыцких полков. Благодаря своевременно принятым калмыцкой администрацией мерам удалось избежать серьезного осложнения ситуации [Бирюков 1898: 167].

В заключение отметим, что в целом в годы наполеоновских войн представители калмыцкой администрации в тесном взаимодействии с калмыцкой знатью и всем народом справились с задачами, поставленными российским правительством, внося тем самым свой достойный вклад в победу над Наполеоном.

Источники

- Научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (НА КИГИ РАН).
Национальный архив республики Калмыкия (НА РК).

Литература

- Беликов Т. И. Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVII – начало XIX вв.). Элиста: Калмгосиздат, 1965. 180 с.
Бирюков И. А. Участие астраханских калмыков и казаков Астраханского казачьего полка войнах 1807 года и 1812–1814 годов // Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1896-й год, с приложением рефератов, читанных в заседаниях общества. Астрахань: Тип. Н. Л. Рослякова, 1898. С. 147–169.
Калмыки в Отечественной войне 1812 года: сборник документов / сост. М. Л. Кичиков, Б. С. Санджиев. Элиста: Калмгосиздат, 1964. 163 с.
Прозрителев Г. Н. Военное прошлое наших калмык. Элиста: Санан, 1990. 144 (I) + 28 (II) + 60 (III) + 44 (IV) + 30 (V) + XXXXIII с.
Чонов Е. Ч. Калмыки в русской армии XVII в., XVIII в. и 1812 год. Пятигорск: Г. А. Сукиясянц, 1912. 71 с.

УДК 94
ББК 63.3(2)47

К ВОПРОСУ О КАЛМЫЦКИХ БОЕВЫХ ЗНАМЕНАХ

Т. И. Шараева

«...Все шесть тысяч двенадцать бойцов / Двинулись за Джангром в поход, / ... Желтое знамя взметнул Шонхор. / Если на знамя надеть чехол, / Будет, как солнце, сиять земле. / Если ж не прятать его в чехле, / То как семь засияет солнц! / Сто наконечников у него, / Блещут сто желтых древков его...» [Джангар 1990: 97].

Так описывается боевое знамя владыки страны Бумбы в песне «О победе исполина Алого Хонгора и Савра Тяжелорукого над свирепыми богатырями лютого Замбал-хана» калмыцкого героического эпоса «Джангар». В другой песне Джангар на пиру говорит о своем знамени: «...Это знамя в течение лет / Я берег от врагов и от бед, / Пронесил сквозь бои, сквозь тьму, / Не давая взять никому...» [Джангар 1990: 221]. Зная о желании Шонхора быть знаменосцем, Джангар пытается выяснить моральную и

физическую готовность, чувство его ответственности: «А ты знаешь ли, мальчуган, это знамя <...> высотой саженой пятьдесят, / Сто саженой оно шириной, / Ты удержишь его, герой?». На что юный Шонхор отвечает: «Пусть десятки стрел, / Словно дождь грозовой иль град, / Мне на голову полетят, / Если даже паду в бою, / Знамя на земь не уроню!» [Джангар 1990: 222].

В этих примерах из эпоса мы наглядно видим особое, сакральное отношение к боевому знамени у наших предков. Гиперболизация внешнего вида знамени в фольклоре — отражение его значимости. Само знамя и его атрибутика не случайны. Как считают ученые, в ходе сражения знамена играли важную роль. Они «...служили ориентиром для воинов одного отряда или даже целой армии. Под ними собирались воины разбитых подразделений, всадники, вернувшиеся из пого-

ни или после атаки» [Бобров, Худяков 2008: 313]. Знающий это противник мог воспользоваться захваченным знаменем для привлечения отставших или разбредшихся по полю воинов. Приблизившиеся к своему знамени воины в этом случае безжалостно уничтожались противником [Бобров, Худяков 2008: 313]. Боевое знамя берегли и всегда старались вынести с поля боя неповрежденным. Захват вражеского знамени зачастую решал исход боя в пользу стороны, совершившей эту операцию. Уничтожение захваченного знамени означало моральное уничтожение воинов противоборствующей стороны.

Особый интерес в связи с вышесказанным представляет для нас описание боевых знамен 2-го Калмыцкого полка, воины которого принимали участие в Отечественной войне 1812 г. Описание этих знамен дано Г. Н. Прозрителевым в книге «Военное прошлое наших калмык» [1990]. По его свидетельству, «крещеные калмыки (Ставропольского калмыцкого полка. — *Т. III.*) имели особое знамя, на котором была изображена крепость, а над нею в сиянии крест, по сторонам — арматура иррегулярных войск» [Прозрителев 1990: 54 (I)]. Автором этого знамени был губернатор Неплюев, который в 1755 г. представил на рассмотрение рисунки нового знамени «вследствие ветхости старых знамен». Далее Г. Н. Прозрителев указывает, что «у калмыков некрещеных было свое старинное знамя» [Прозрителев 1990: 54 (I)]. В контексте нашей темы это имеет большое значение, тем более, что в своей работе историк описывает не одно, а несколько знамен, относившихся к полку Сербеджаба Тюменя. После возвращения из походов они хранились в Хошеутовском хуруле, т. е. родовом храме Тюменей. Возникает вопрос: какое же знамя было в 1-м Калмыцком полку? Учитывая боевое прошлое наших предков, сакральное значение знамени, время военных действий данных полков и подготовленность калмыков к ним, не может быть сомнений в его наличии. Но Г. Н. Прозрителев не дает никаких точных сведений о нем.

Учитывая сведения о калмыцких боевых знаменах, Г. Н. Прозрителев отправился в хурул, где ему удалось сфотографировать два старых знамени. На одном из них был изображен Дайчи-Тенгри (божество войны и покровитель воинов), на другом имелась надпись «Саин-Ка Исильбе» и молитвы на тибетском языке.

Первое знамя, по описанию Г. Н. Прозрителева, «...шелковое, темного цвета. Длина его полтора, а ширина два аршина, ленты, коими украшены края и середина знамени, красная, шелковая, по три аршина длины и по ладони ширины. Всадник на белом коне, изображенный в середине знамени, представляет святого воина по имени Даіачи-Тенгри, покровителя войны и воинов, помощника в сражениях и споспешествователя к победам» [Прозрителев 1990: 27–28 (V)]. Исследователь дает также дополнительные сведения: «легенда знамени — стремление к победе для достижения на земле общего счастья (мира). В руке у святого всадника — древко от знамени, на котором начертаны святыя слова. Конец древка украшен золотым шаром и трезубцем. И небо и земля участвуют в походе святого. Клубящаяся пыль из под копыт коня свидетельствует о том, что он стремится по земле. У ног всадника — звери всех родов. Тут видны: тигр, медведь, волк, собака и др. Над головой его несутся птицы. Лицо всадника красиво и совершенно спокойно... всадник без меча и стрелы покоятся в его колчане» [Прозрителев 1990: 91 (I)]. На странице с описанием знамени автор в сноске приводит сведения о нем из Калмыцко-русского календаря на 1812 год: «древко знамени 2 ½ сажени длины, верхушка его украшена позолоченным наконечником, а низ до самого знамени—разного рода шелковыми кистями из лент от верху этих кистей, между наконечником и ими, идет красный шелковый шнур, к которому прикреплен кисть также из лент, величиной во все почти знамя. Древко, сверх того, почти на три четверти длины знамени также украшено разноцветными длинными лентами. Красные ветви у головы и копыт коня означают быстрый, огненный бег его, и бич в правой руке всадника служит указанием пути коню, не требующему понуждения. Звери, видимые за плечами всадника, представляют грозное нашествие святого и в тоже время служат как бы охранительною его свитой» [цит. по: Прозрителев 1990: 91 (I)]. Многие исследователи военной истории калмыков практически в точности воспроизводили текст о калмыцком боевом знамени 2-го Калмыцкого полка из книги Г. Н. Прозрителева [см., например: Чонов 2006; Калмыки ... 1964; Шовунов 1991 и др.]. Но образ божества и символика элементов знамени остаются малоисследованными.

В работе А. В. Висковатова [1901], изданной в 1901 г., изображено знамя 2-го Калмыцкого полка, отличающееся в незначительных деталях от знамени в работе Г. Н. Прозрителева. Так, например, отличается изображение зверей в нижней части знамени и их последовательность, но количество одинаково. Не просматривается «красный шелковый шнур», к которому прикреплена «кисть ... из лент, величиной во все почти знамя», называемое в буддийской традиции «Знаменем победы». Вероятно, на изображении знамени работы А. В. Висковатова основывался О. К. Пархаев, изображая урядника калмыцких казачьих полков на цветных открытках серии «Русская армия 1812 года» [Пархаев 1989].

Описанное знамя по форме и атрибутике исследователями характеризуется как феномен, относящийся к центральноазиатской традиции. На это указывают вертикальная ориентация полотнища прямоугольной формы, ленты, вместо которых по периметру должны быть расположены волосяные кисти, древко с трезубцем, наличие бунчука из конского волоса, который обычно подвешивается в районе втулки навершия [Бобров, Худяков 2008: 316]. Утрата в XXI в. четких знаний о символике боевых знамен порой приводит к не вполне верному изображению знамен в художественной культуре, подмене символов и знаков, на что обращают внимание исследователи [Убушаев 2010: 55–59].

Изображенный на знамени Дайчи-Тенгри (Дээч-Тенгр — букв. Воин-Небо) имеет антропоморфный облик древнего божества, иконографический образ которого, по мнению Т. Д. Скрынниковой, поливалентен в рамках монгольской традиции и может быть и «...Сульдэ-тэнгри, а также как Дайчин-тэнгри, далха и др.» [Скрынникова 1997: 167]. По мнению исследователя, харизма (сакральность) лидера или правителя, обеспечивающая его исключительность, в монгольском языке выражалась термином *сульдэ* и могла распространяться на весь род или народ. Помимо этого, *сульдэ*, принимая орнитоморфный облик, могло иметь одновременно с другими воплощениями в знамени и в антропоморфном божестве [Скрынникова 1997: 153–160]. Во многих работах по военной истории монгольских народов указывается на изображение кречета или орла на знаменах как одно из символических воплощений духов-охранителей. Знамя и само может быть духом-охранителем, ему прино-

сились жертвоприношения, что описано в «Истории Убаши Хунтайджия и его войны с ойратами» [Лунный свет 2003: 37–47].

Тенгри в тюрко-монгольской традиции — это персонифицированное божественное начало, распорядяющееся судьбами людей, покровитель.

Далха (дабла), с тиб. яз. «лха» (что защищают от) врагов», в тибетской мифологии — божества, покровительствующие человеку, в их числе — мужские и женские Далха, покровительствующие по линии предков. Ученые отмечают также, что Далха — личные гении-хранители, чье отсутствие приводит к гибели. В бонской мифологии Далха, божество войны, покровитель военачальников и воинов, идентифицируется частично с грозой и грозowymi облаками, вооружен луком и стрелами, лассо, топориком, копьем, кинжалом и мечом, держит флаг с восемнадцатью лентами [Огнева 1990: 171].

По нашему мнению, в рассматриваемых изображениях знамени отражен синкретизм традиционного мировоззрения и традиционной картины мира, включающей буддийскую символику, на что также указывают «знамена победы» на древке, изображения мифической птицы Гаруди и львиноподобной собаки за спиной Дайчи-Тенгри. Эти же персонажи встречаются на знамени 3-го Донского Калмыцкого конного полка, но Дайчи-тенгри изображен сбоку от божества Окон-Тенгри (тиб. Лхамо), являющегося центральным. В поздней буддийской традиции Дайчи-Тенгри считается хранителем Учения. Его функция заключается в поражении врага в битве. Он также выступает в буддизме в виде «бога мщения», мучающего грешников в аду [Кукеев 2010: 60].

Возвращаясь к описанию знамен Г. Н. Прозрителевым, отметим, что второе из приводимых автором знамен не имеет фигурных композиций, на видимой части есть только записи мантр буддийских божеств, молитвы и надпись «Саин-Ка Исильбе». Автор дает перевод мантр и молитвы. В обширной сноске, ссылаясь на пояснения священнослужителей, он пишет о победе Сайн-Ка над монголами, добытой хитростью и отвагой. Этот же сюжет присутствует в «Сказании о Дербен Ойратах» Батура Убаши Тюменя [Лунный свет 2003: 148–151]. Вероятно, имя Саин-Ка ассоциировалось с доблестью и воинской отвагой, раз отражено на боевом знамени. Но в «Материалах для истории ойратов» Ю. С. Лыт-

кин отразил предание о гибели Есельбейн Сайн Ка от рук Махан Ульдючина за плохое отношение к бывшим у него в услужении дочерям подвластных нойонов [Лунный свет 2003: 407–410]. Фольклорный сюжет имеет различные варианты, на что со ссылкой на Эмчи Габун Шараба указал Ю. С. Лыткин.

Традиция написания мантр и молитв на боевых знаменах связана с представлением об охранительной функции священных текстов; если такое знамя будет развеваться, то «прекратятся: междоусобия, эпидемии, неприятель будет поражен» [Прозрителев 1990: 93 (I)]. Данная традиция прослеживается и на знамени 3-го Донского Калмыцкого полка: на нем написаны мантры божеств Манджушри, Белой Тары, Авалокитешвары, Амитаюса, Ваджрапани и мантра 4-х элементов [Кукеев 2010: 60–61]. Крупно изображено буддийское божество, птица Гаруди, тигр, дракон и львиноподобная собака, а добуддийское по происхождению божество Дайчи-Тенгри изображено в значительно меньших пропорциях и без дополнительной атрибутики. Это знамя датируется первой четвертью XX в. На наш взгляд, можно утверждать о значительном влиянии буддизма на оформление и символику боевых калмыцких знамен этого периода.

Вернемся к вопросу о знамени 1-го Калмыцкого полка. Е. Ч. Чонова при написании своей книги об участии калмыков в войнах России XVIII в. опирался на богатый фактологический материал. Его работа была опубликована в 1912 г., как и работа Г. Н. Прозрителева. Е. Ч. Чонов пишет: «1-й же Калмыцкий полк, составленный исключительно из калмыков Большого и Малого Дербета, имел на своем знамени и значках изображение издревле глубокочтимого дербетами святителя „Окон Тенгри“, покровителя и победоносца в боевых походах дербетовских калмыков» [Чонов 2006: 58–59]. Примечательно, что Г. Н. Прозрителев также указывал: «Окон-Тенгри — покровитель Дербетов». Автор выяснял значение изображения божества, на что указывает ссылка на сообщение зайсанга Михайлова, при этом Г. Н. Прозрителев подчеркивал, что божество Окон-тенгри «...прямая противоположность первому (Дайчи-Тенгри. — *Т. III.*)» [Прозрителев 1990: 91 (I)]. Окон Тенгри (тиб. Палдан Лхамо, санскр. Шри Деви) почитается как один из трех основных защит-

ников в школе Гелуг тибетского буддизма и единственное женское божество среди группы Восьми Защитников Дхармы. Божество пользуется особым влиянием и почитается в Тибете, где считается защитницей Лхасы и Далай-лам. В калмыцком буддизме образ божества связан с легендой о победе над мангасами и наступлением весны.

Почему Г. Н. Прозрителев не дал в своей работе четких данных о знамени 1-го Калмыцкого полка, описав подробно знамя 2-го полка? Может быть, потому что знамя с изображением Дайчин-Тенгри было «калмыцкой реликвией», а изображение Окон Тенгри было ему хорошо знакомо и он мог часто видеть его? Как исследователя его, конечно же, заинтересовали архивные материалы из фондов Калмыцкого Управления с подробными описаниями, сделанными С. Тюменем, — вероятно, настолько, что он предпринял поездку («...в отдаленный улус, снять фотографии», «...пришлось пригласить с собою фотографа из Астрахани...» [Прозрителев 1990: 89–90 (I)]).

Можно высказывать различные предположения, доказательства или опровержения в источниках по военной истории калмыков о знамени 1-го Калмыцкого полка пока отсутствуют. Опираясь на вышеуказанные материалы, мы констатируем, что на знамени 1-го Калмыцкого полка имелось изображение Окон Тенгри. Остается открытым вопрос о его местонахождении после возвращения из военных походов полка, которым командовал Джамба-тайши Тундутов.

Литература

- Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху Позднего Средневековья и Раннего Нового Времени (XV — первая половина XVIII в.). СПб.: Фил. фак-т СПбГУ, 2008. 776 с.; илл.
- Висковатов А. В.* Историческое описание одежды и вооружения Российских войск: в 19 частях. Ч. 18. СПб.: Типография В. С. Балашева и К°, 1901. 81 с. + 11 с. + 122 л.; илл.
- Джангар.* Калмыцкий народный эпос. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 310 с.; илл.
- Калмыки в Отечественной войне 1812 года: сборник документов / сост. М. Л. Кичиков, Б. С. Санджиев.* Элиста: Калмгосиздат, 1964. 163 с.
- Кукеев А. Г.* Знамя 3-го Донского Калмыцкого конного полка // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 1. С. 59–62.

- Лунный свет.* Калмыцкие историко-литературные памятники. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 477 с.
- Огнева Е. Д.* Далха // Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 171.
- Пархаев О. К.* Русская армия 1812 года. Вып. 3. М.: Изобразительное искусство, 1989. 32 открытки.
- Прозрителев Г. Н.* Военное прошлое наших калмык. Элиста: Санан, 1990. 144 (I) + 28 (II) + 60 (III) + 44 (IV) + 30 (V) + XXXXIII с.
- Скрынникова Т. Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М.: Вост. лит., 1997. 216 с.; илл.
- Убушаев Н. Н.* К вопросу о семантике монгольских и калмыцких боевых знамен // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 1. С. 55–59.
- Чонов Е. Ч.* Калмыки в русской армии XVII в., XVII в. и 1812 год: очерк, статьи, биография / Е. Чонов. Изд. 2-е. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 142 с.

УДК 73/76
ББК 85.103.(2)

О РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ЖИВОПИСИ Г. РОКЧИНСКОГО В 60-е гг. XX в.

С. Г. Батырева

События Отечественной войны 1812 г. и Заграничного похода 1813–1814 гг. сохранились в образной памяти народа. Калмыками сложены предания, легенды и песни, в которых ярко и красочно выражен народно-освободительный характер войны. Героическое прошлое калмыцкого народа получило отражение в изобразительном искусстве Калмыкии, в частности в живописи второй половины XX в.

Анализируя процесс во времени, отметим, что первое десятилетие постдепортационного периода истории отмечено возрожденческими тенденциями в искусстве. Тематика создаваемых произведений тесно связана с родной землей — Калмыкией, которую народ обрел после тринадцати лет тягот и лишений высылки в Сибирь. Стремлением восстановить некоторые утраченные элементы наследия объясняется ускоренный ритм развития культуры и искусства автономной республики в русле социалистического строительства. В атмосфере творческого созидания воссоздается и развивается искусство Калмыкии, представляемое старшим поколением, сегодня полностью ушедшим, но оставившим нам свои произведения [Батырева 2004].

В живописи Калмыкии происходило оформление локальной школы советского изобразительного искусства. Ее развитие происходит в сфере взаимовлияний реализма и условности плоскостного письма — рационально-логической и мифопоэтической систем мировосприятия. Традиция вдохновляет художников в поисках не только наци-

ональной темы, но и формы ее выражения в искусстве, отражающем прошлое, настоящее и будущее народа. Обширное культурное поле творческих поисков объединили развитое самосознание и профессиональная подготовка, полученная авторами в местах высылки народа (Сибирь, Урал, Казахстан, Алтайский край, Дальний Восток и др.). Пафосом социалистического реализма, восславляющего труд во благо страны Советов, овеяно искусство этого периода. Наиболее ощутимо это сказалось в портретном образе современника, создаваемом в цикле «Труженики земли калмыцкой», и степном пейзаже (в серии «По родному краю»), представляющих, по сути, творчество каждого художника.

Параллельно в 60-е гг. явственно определяется патриотическая тема в живописи, скульптуре и других видах и жанрах изобразительного искусства Калмыкии. Формируется особое качество творческой индивидуальности с живым ощущением своей истории и культурных истоков. Произведениями Г. Рокчинского и К. Олдаева, Б. Данильченко, Н. Санджиева и Д. Сычева были заложены основы художественного явления, которое мы сегодня определяем как «изобразительное искусство Калмыкии шестидесятых», отмечая ведущее положение живописи в постдепортационный период его развития.

Появление темы Отечественной войны 1812 г. в произведениях Г. Рокчинского (1923–1993), народного художника России, происходило в период творческого подъема

во время возвращения автора из Казахстана в Калмыкию. В 1962 г. страна отмечает 150-летие войны с Наполеоном. Произведение Г. Рокчинского «Герой Отечественной войны 1812 г., рядовой Цо-Манджи Бура-тов», появившееся в 1963 г. после продолжительной работы, достойно представляет калмыцкое искусство на республиканской художественной выставке «Советская Калмыкия» и зональной художественной выставке «Большая Волга» [Курган 1983]. Отметим, это первое большое тематическое полотно художника, созданное по возвращении на родину. Годом позже появляется известное полотно Г. Рокчинского «Мать-земля родная», сконцентрировавшее энергию патриотического духа, переполнявшего народ после депортации. Оно становится символом культурного возрождения Калмыкии, предвестием которого рассматриваемое произведение.

Живописный образ рядового 2-го Калмыцкого полка, который сейчас можно отнести к классике калмыцкого изобразительного искусства, посвящен теме патриотического долга, исполненного народом в годы Отечественной войны 1812 г. и Заграничного похода 1813–1814 гг. Формируемый своеобразный стиль художника выразителен фактурой пастозной многокрасочной живописи и контурным рисунком. В обращении к истории народа реализуется потребность автора в этнической самоидентификации: традиционное мироощущение выражается в творческом диалоге разных традиций.

Художника всегда волновала тема исторической судьбы калмыков. Он не был летописцем, детально запечатлевающим события прошлого, в осмыслении истории он выявлял типичное из Книги бытия народа, частью которого он себя всегда ощущал. Поэтому так емки в содержании и художественной форме его запоминающиеся исторические образы. В этом ряду живописному полотну «Герой Отечественной войны 1812 года, рядовой Цо-Манджи Бура-тов» отведено особое место. Оно явилось первым опытом обращения к данной теме в калмыцком искусстве; работа отличается широтой и глубиной воплощения авторского замысла.

Анализируя художественный образ, рассмотрим композиционный строй произведения. Взаимосвязаны рисунок и композиция в изображении конкретного сюжета:

рисунком воспроизводится на полотне живописная композиция. Мастерски владея средствами перспективного воспроизведения формы, художник особое значение придает линии, гибкой и певучей, выразительно упругой в динамике броского рисунка. В многочисленных натуральных зарисовках, сопровождавших появление полотна, формировалась основа контурной прорисовки изображения. Штриховка в светотеневой моделировке объема отходит на задний план: автор добивается декоративной выразительности красочного колорита формы, применяя различную толщину контурной линии. Это придает полотну графическую выразительность живописи, реалистической в своей основе.

Созданное в постдепортационный период возрождения Калмыкии полотно несет дух времени, отражая появление и развитие глубоко сокровенной линии в творчестве автора. Произведение представляет собой сюжетную картину, совмещающую элементы портрета и пейзажа и в определенной степени натюрморта. В исторической композиции запечатлена не батальная сцена, а походный быт одного из калмыцких полков, участвовавших в войне 1812 г. В подобном выборе сюжета надо видеть глубоко осмысленную позицию автора, отказывающегося от «лобового» пафоса военного действия.

Первый план отведен изображению главного действующего лица — Цо-Манджи Бура-това (по данным именного списка Г. Прозрителева, рядового 2-го Калмыцкого полка, участвовавшего в войне под началом Сербеджаба Тюменя) [Прозрителев 1912: 7 (V)]. Его мощный торс изображен почти фронтально; голова повернута в профиль (к центру полотна). За его спиной, замыкая главный композиционный «стержень» картины, изображен боевой конь воина-калмыка с развевающейся на ветру гривой.

Внимание зрителя акцентировано на герое, устремившем взгляд на молодого воина-калмыка в мундире с офицерскими эполетами в глубине композиции. Выразительно противостояние фигур кавалериста и Цо-Манджи в простом одеянии. Композиция «держит», соединяя и разъединяя «скрытую спираль» человеческих отношений, создавая изнутри динамику сюжета. Безмолвный диалог персонажей разворачивается на фоне средней полосы России: белеют в отдалении православный храм и трепещущая на ветру березка. Походный

быт показан в движении людей, сноровисто снующих и распрягающих верблюдов с поклажей, стреножащих лошадей и установивших переносное калмыцкое жилище «ишкэ гер», купол которого возвышается в правой части композиции.

Действие, обозначенное фигурами воинов в замкнутой «спирали» композиции, происходит в хмурый серый день. Ветер гонит по небу свинцовые грозовые тучи, треплет желтое боевое знамя калмыцкого полка, буйную гриву солового коня Цо-Манджи. Это создает выразительное сопряжение форм, созданных в органичном взаимодействии цветовых пятен, объединенных зеленым фоном равнины. Все дышит вольным ветром и наполнено динамикой движения, передающего тревожный дух военного времени.

Пространство, развернутое вглубь композиции, объемлет фигуру главного героя, представляющую собой устойчивую вертикаль монументальной выразительности. Цо-Манджи изображен в полном боевом вооружении воина-калмыка того времени. Правой рукой он крепко держит древко копья, за кожаным поясом, плотно охватывающим торс, заложена боевая плеть («маля»), к поясу подвешен нож в ножнах, видна рукоять сабли. За широкой его спиной просматривается подвешенный к седлу коня лук с кожаным футляром для стрел. Предмет этот акцентирован узором накладного орнамента «зег», рядом виднеется свисающее металлическое стремя, а голову коня украшает узда с металлическим декором.

Мужественный профиль смуглого лица калмыка с серебряной серьгой в ухе обрамляют смоляные волосы, выбритые спереди и собранные сзади в косу. Голову венчает шапка с высоким отворотом и тульей желтого сукна, с красной кистью «зала» на макушке, которая является самой высокой точкой сюжетной композиции, объединяющей собой реющее на ветру боевое знамя калмыков на фоне русского пейзажа.

В художественной композиции выявляются акценты, расставленные автором в изображении походного бивуака и вызывающие эмоциональное восприятие полотна зрителем. Это монументальное представление главного персонажа с преобладанием существенных для произведения средств создания глубины сюжетной линии. Выстроенная автором перспектива сюжета получает линейную выразительность фор-

мы в оконтуривании деталей композиции. Деление пространства на планы, распределяющие внимание зрителя, создает круговую последовательность их восприятия. В совокупности это создает нужный художнику ракурс взаимодействия зрителя и изображенного пространства. Автор полотна, подобно оператору и режиссеру кинематографического действия, мастерски выбирает в воспроизведении живописного сюжета нужный ему стоп-кадр, реализуемый в построении тематической композиции.

Центральное расположение героя в соотношении и взаимосвязи элементов изображения на плоскости и в пространстве составляет главный акцент в прочтении композиции, которое углубляется в нюансах восприятия дальних планов.

Пропорциональное «распределение масс» в пределах полотна создает доминирующее направление в прочтении-развитии художественного образа. Сюжет, лишенный пафоса батального действия, вместе с тем содержит динамику и статику взаимодействия основных элементов композиции — героя и других персонажей — в пространстве живописи. Структура ее выстраивается в аналогиях и контрастах форм и колорита, объединенных темпераментной кистью автора. В прочтении сюжетной картины, представляющей по сути развернутый портрет героя, важны позы, жесты, движения персонажей в структуре композиции. Воспроизведение наполнено динамикой походного быта.

Большую роль в восприятии композиции играет колорит произведения, чуть вытянутого по горизонтали и вместе с тем фиксированного вертикалью фигуры героя — осевого стержня картины. Живопись Г. Рокчинского отличается тонко развитым чувством цвета. Подобно калмычке-вышивальщице, выкладывающей радужный контур узора «зег» и покрывающей им одежду и предметы быта, живописец выстраивает на полотне тональные аккорды цвета, соотносимого со спектром другого. Это могли быть сближенная по цвету тональность или полнозвучный цветовой контраст. Белый (сакральный цвет в традиционной семантике монгольских народов), являясь основой спектра, разлагается на все цвета радуги во множестве тональных переходов. Все это самобытно соединяется в живописной палитре. Ее цветовая насыщенность образует ритмическое своеобразие колорита. Оно сопряжено с выразительной фактурой пастоз-

ного красочного мазка, не расплывающегося под прямыми лучами степного солнца. Тональная проработка цвета в колорите, органично соединяемая с контурной линией рисунка, — опыт традиционного цветовидения — определяет особенности живописного языка, образуя трепетную ткань красочного слоя. Красный цвет бешмета героя в колорите полотна создает смысловой акцент в прочтении образа.

Сочетание красочных масс, дифференцируемых на крупные и мелкие пятна цвета, и их соотношения создают богатейший колорит в контрастах, переходах и переключках цветовой гаммы. Подчеркнутый теплый декоративизм живописи отводит светотени второстепенную роль в воссоздании художественной формы, выразительной в контурном изображении фигур людей, животных, деталей. Расстановка немногих светотеневых акцентов органично соотносится с линейной композицией, создавая эмоциональный строй произведения. Зритель погружается в ткань полотна, ведомый колористическим чутьем художника. Тот умело составляет колорит, создаваемый не только цветом, но и фактурой мазка, накладываемого плотными слоями один на другой под разным углом. В результате создается впечатление дышащей и движущейся массы, формирующей живое и в целом позитивное настроение произведения. В разнообразии и в то же время унификации элементов живописного почерка автора создан запоминающийся художественный ОБРАЗ.

Стилевые особенности реалистической живописи образует «круговая» выразительность размещения деталей изображения. Это характерно для древней изобразительной системы, отмеченной мифопоэтическим жизнечувствованием [Тишков 2003: 17], одухотворяющим многослойную композицию, насыщенную этнической символикой традиционной художественной культуры. Она зримо присутствует в историческом полотне, запечатлевшем походный быт калмыков. Красная кисть «улан зала» на головном уборе главного действующего лица — рядового Цо-Манджи Буратова — воспринимается символом народа, принявшего активное участие в тех военных событиях. На защиту Отечества выступили калмыки, внесшие славную страницу в воинскую историю России. Интересную смысловую параллель теме Отечества, обозначенного русским пейзажем, обнаружи-

ваем в картине кочевого лагеря. Это желтое боевое знамя калмыцкого полка, возвышающееся в правой части многофигурной композиции походного бивуака. Оно прочитывается как знак этнической культуры, органично вписанный в пейзаж средней полосы России.

Многозначен в прочтении патриотический сюжет, связанный с калмыцким боевым стягом. Чтобы его изобразить, художник прочитал немало литературы, из которой ориентиром было выбрано сочинение Г. Н. Прозрителева «Военное прошлое наших калмык» [Прозрителев 1912: 89–95 (I)]. В книге дано подробное описание древнего знамени с изображением Дайчи-Тенгри, покровителя воинов. Под такими знаменами калмыки, войдя в состав Российского государства, выступали в его военных кампаниях. Гелиоцентрическая символика этнонима народа «улан залата хальмгуд» в образном выражении звучит как «дети Солнца» [Кичиков 1998: 3]. Художник восславляет народный патриотический дух, одновременно вводя в композицию живописного полотна символы этнической культуры. В реалистической трактовке исторического сюжета выражается главная идея картины — народ и его роль в истории Отечества.

Художник-исследователь в исторической правде видит наиболее полное отображение жизни и быта народа, игравшего в истории российского государства немаловажную роль защитника Отечества, в воинском содружестве бравшего Париж в 1813 г. Он не выдумывает героя, а берет его из истории калмыков. Иллюстративная описательность, не довлея в органичной трактовке образа, получает глубинную художественную разработку в жанре портрета-картины.

Стилевое своеобразие воплощения достойно представляет национальную школу, сформированную в русле развития отечественного искусства 60-х гг. XX в. Полнокровная звучная живопись сродни яркому персонажу полотна, рожденному в размышлениях о прошлом. Художник приходит к важному для себя и нас выводу: историю делают люди, народ.

Путеводная нить самосознания связывает творческое бытие этноса на переломном рубеже веков, выстраивает его культурные ориентиры на будущее, не дает ему раствориться в современном мире с его попытками все унифицировать и стандартизировать.

Процесс идентификации, составляющий суть деятельности творческой личности, в целом можно охарактеризовать как зрелое осознание уникальности своего культурного наследия [Жуковская 1988: 141]. Творческое наследие народного художника России Г. Рокчинским аккумулировано в живописи, «генерирующей этнический код культуры» [Кичиков 1998], в мифопоэтическом переосмыслении реалистического изображения. В большой исследовательской работе он воссоздает заново традиционное прошлое народа. Впервые в истории калмыцкого искусства автором реконструировано воинское знамя калмыков. Результаты работы по реконструкции боевого знамени сохранились в экспонатах, хранящихся в фондах Национального музея Республики Калмыкии им. Н. Н. Пальмова и частном собрании. Это макет знамени, выполненный в живописи на ткани, дереве, а также два его графических эскиза, написанные темперой на бумаге, относящиеся по времени к началу 60-х XX в.

Опираясь в воссоздании знамени на вышитые и аппликативные произведения, технические приемы народного искусства древнего происхождения [Житецкий 1893], автор создает произведение в русле канонического искусства. Истоки традиции калмыцких знамен уходят в монгольский период истории ойратов, связанный с буддийскими и раннебуддийскими традициями в культуре этноса. Калмыцкие знамена — интереснейшая область, отражающая этническую специфику иконографии буддизма и выражающая этническое своеобразие традиционной культуры. Согласно изобразительному канону, трехмерное изображение пространства зафиксировано центральным образом небесного всадника Дайчин-Тенгри. Такова композиция знамени 3-го Донского калмыцкого полка, датируемого первой четвертью XX в. (собственность Новочеркасского музея истории донского казачества) [Батырева 1991: 34].

Знамя 2-го Калмыцкого полка, участвовавшего в Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе 1813–1814 гг., воин которого являлся Цо-Манджи Буратов, хранилось в главном сюме Хошеутовского хурула [Батырева, Курапов 2008]. По свидетельству Г. Н. Прозрителева, центральным на нем было изображение «Дайчин-Тенгри», покровителя воинов [Прозрителев

1912: 90–92 (I)]. Образ божества связан с буддийскими верованиями. Так, старинные иконописные изображения Дайчин-Тенгри были описаны Г. Потаниным в Северо-Западной Монголии еще во второй половине XIX в. [Потанин 1881].

В произведении Г. О. Рокчинского мы обнаруживаем обращение к истории и попытку историко-культурной реконструкции наследия народа, что характерно для калмыцкой живописи 60-х гг. XX в. и что находит выражение в живописном произведении «Герой Отечественной войны 1812 года, рядовой Цо-Манджи Буратов». В самобытной презентации сюжетной картины исторического жанра претворена культурная память народа, принимавшего активное участие в событиях войны 1812 г.

Значимость произведения и сопровождавших его появление иконографических сюжетов в искусстве Калмыкии начала 60-х гг. связана с воспроизведением поля этнической идентичности личности как процессом, прерванным сталинской политикой репрессий, которая повлекла 13-летнюю депортацию (1943–1957) народа. Это поле восстанавливается в творчестве художника фактически заново... В размышлениях об исторических коллизиях судьбы этноса автор темпераментно реконструирует и творит, приходя к важному для себя выводу: народ — главная движущая сила истории, философски осмысленному и самобытно прочувствованному художником средствами искусства сквозь призму традиционного мировидения.

Анализ изобразительных форм медиатизации социальной памяти дает возможность выявить их место и роль в художественном воспроизведении исторических событий. Введение в научный и общекультурный оборот малоизвестных произведений изобразительного искусства России, представляющих его национальные школы, может существенно дополнить общую картину отечественной художественной культуры. Ее развитие происходит в процессе создания коллективных «образов-воспоминаний», формирующих культурную память российского общества.

Литература

Батырева С. Г. Образная память предков. Живопись Г. Рокчинского во времени и пространстве калмыцкой традиционной культуры. Элиста: АПП «Джангар», 2004. 104 с.; илл.

- Батырева С. Г.* Старокалмыцкое искусство. Альбом. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 127 с.; 102 илл.
- Батырева С. Г., Курапов А. А.* Хошеутовский хурул: история и современность // Кочевые цивилизации народов Центральной и Северной Азии: история, состояние, проблемы: сб. материалов I Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 1. Кызыл; Красноярск, 2008. С. 75–83.
- Житецкий И. А.* Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения. 1884–1886 гг. 2-е изд. [репринт]. Элиста: Калм. гос. карт. галерея, 1991. 74 с.
- Жуковская Н. Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов / отв. ред. А. П. Деревянко / АН СССР. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1988. 196 с.
- Кичиков А. Ш.* Образная память народа как знак культуры // Библиографическое пособие. Национальная библиотека им. А. М. Амур-Санана. Элиста: АПП «Джангар», 1998. С. 7–8.
- Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии: в 4 вып. Вып. 2. Материалы этнографические с 26 табл. и рис. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 годах. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1881. 181 с. + 87 с. + 26 табл.
- Курган В. П.* Г. О. Рокчинский. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. С. 3–14.
- Прозрителев Г. Н.* Военное прошлое наших калмык. Элиста: Санан, 1990. 144 (I) + 28 (II) + 60 (III) + 44 (IV) + 30 (V) + XXXXIII с.
- Тишков В. А.* Культурный смысл пространства // V конгресс этнографов и антропологов России (Омск, 9–12 июня 2003 г.). Тезисы докладов. М., 2003. С. 16–24.

УДК 821.161.1

ББК 83.3 (2Рос=Рос)

**«С КОНЯ КАЛМЫЦКОГО СВАЛЯСЬ...»
(историко-литературный комментарий к строке
из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»)**

Б. А. Кичикова

Позволим себе напомнить: комментируемая ниже строка из начала шестой главы пушкинского романа в стихах представляет собою лишь малую часть характеристики одного из второстепенных персонажей и относится к Зарецкому — секунданту Владимира Ленского, вызвавшего на роковой поединок своего друга, Евгения Онегина. С образом Зарецкого в романе впервые возникает тема Отечественной войны 1812 г., — но в весьма своеобразной, антигероической трактовке, обусловленной скандальным поведением данного персонажа. В следующей же, седьмой главе романа читатель услышит подлинный гимн патриотизму соотечественников в лирическом отступлении о Москве — непокоренном сердце России: «*Она готовила пожар Нетерпеливому герою*» [VI: 155]¹. Изложение некоторых опорных эпизодов «биографии» Зарецкого относится к его довоенному и военному прошлому, включая «участие» в Заграничном походе русской армии и пребывание в капитулировавшем Париже (1813–1814 гг.). Приводим комментируемую строфу V из шестой главы романа:

*Бывало, льстивый голос света
В нем злую храбрость выхвалял:
Он, правда, в туз из пистолета
В пяти саженьях попадал,
И то сказать, что и в сраженьи
Раз в настоящем упоеньи
Он отличился, смело в грязь
С коня калмыцкого сваясь,
Как зюзя пьяный, и французам
Достался в плен: драгой залог!
Новейший Регул, чести бог,
Готовый вновь предаться узам,
Чтоб каждым утром у Веры
В долг осушать бутылки три* [VI: 119].

Болдинской осенью 1830 г. работа над романом «Евгений Онегин» вступала в завершающую стадию. 28 сентября Пушкин набросал итоговый (как тогда ему казалось) план для будущего издания, в этой записи каждая глава получила лаконичное название и сопровождалась пометой с указанием места и времени ее написания. Как известно, шестая глава в болдинском плане названа «*Поединок*», помета указывает: «*Михайловское. 1826*» [XVII: 186].

Творческая история шестой главы почти неизвестна. Принято считать, что работа над нею заняла около двух лет: в основном

¹ Сочинения и переписка А. С. Пушкина приводятся с указанием тома и страницы в скобках после цитаты по репринтному воспроизведению Большого академического издания: [Пушкин 1937–1949 (1994–1997)]. Здесь и далее указываются номер тома и страница.

написана к концу 1826 г., дорабатывалась в 1827 г. [Тархов 1980: 262]. По мнению Р. В. Иезуитовой, шестая глава, «начатая не ранее 3 марта 1826 г. (а возможно, и позднее, в летние месяцы этого года), <...> к моменту внезапного отъезда из Михайловского (в ночь с 3 на 4 сентября 1826 г.) была завершена в своей первой редакции» [Иезуитова 1999: 285]. В начале марта 1828 г. Николай I позволяет ее печатать, 21 марта III жандармское отделение разрешает ее выпуск, и 23 марта 1828 г. шестая глава выходит в свет.

Эта публикация завершалась пометой: *«Конец первой части»*. Таким образом, читатели и критики были вправе ожидать второй части «Евгения Онегина», состоящей опять-таки из шести глав. Этот первоначальный, *двенадцатиглавый*, сюжетно-композиционный план романа относится к 1827–1828 гг.; отвергнутый автором, он был реконструирован усилиями исследователей в начале 1980-х гг. Из болдинского же плана следует, что роман в окончательной редакции должен был иметь трехчастную композицию и состоять из девяти глав. Но замысел симметричной, двухчастной композиции (а главное диктат изменившегося времени) возобладал, и Пушкин приступил к воплощению романного построения из восьми глав той же болдинской осенью, 19 октября 1830 г. уничтожив (и частью зашифровав) так называемую десятую («декабристскую») главу и переведя часть восьмой главы («Странствие») в приложение к роману под названием *«Отрывок из Путешествия Онегина»*. Последней стала глава *«Большой свет»*, в которой герои романа встречаются вновь, чтобы расстаться навсегда.

Однако вне зависимости от композиционных перестроек шестая глава осталась в сюжете пушкинского романа как мощное художественное выражение некоего кризиса, как этап переломный — она помечена особой, неизгладимой печатью.

Кризисное духовное и душевное состояние поэта во время работы над нею обусловлено трагическими последствиями восстания 14 декабря предыдущего, 1825 г. — ходом расследования заговора, участники которого почти все друзья и знакомые Пушкина [Декабристы 1988; Черейский 1988], ожиданием приговора над ними и самим приговором, ужаснувшим весь цивилизованный мир своей жестокостью. Из глуши

Михайловского ссыльный поэт напряженно вслушивается в роковую поступь нового царствования. Тревога за судьбу лучших людей своей эпохи сменяется скорбью по казненным и «наказанным», гнев и ярость неимоверно переплетаются с надеждой на перемену собственной участи. Определенное «событийное» наполнение сухих опорных и промежуточных дат основной работы над шестой главой позволит представить обстоятельства, в которых находились тогда Россия и ее Поэт.

3 марта 1826 г. Прапорщик Саратовского пехотного полка, член «Общества соединенных славян», некто И. Ф. Шимков на допросе в Следственном Комитете показал, что обнаруженные в его бумагах стихи, «наполненные мерзостным ругательством», найдены им в 1824 г.; они подписаны «П.ш.н.»: «сие я почел за Пушкин» и «списал их собственною моею рукою» [Летопись 1999: 129].

11 мая — первая половина июня 1826 г. Вняв увещаниям столичных друзей воспользоваться сменой царствования и добиться освобождения из политической ссылки, А. С. Пушкин пишет императору Николаю I о *«твердом намерении не противуречить моими мнениями общепринятому порядку»*, ссылаясь на расстроенное здоровье, просит позволения, в целях лечения, *«ехать или в Москву, или в Петербург, или в чужие края»* и дает мучительную для себя подписку в том, что он *«ни к какому тайному обществу таковому не принадлежал, ни не принадлежит, ни никогда не знал о них»* [XIII: 283–284].

13 июля 1826 г. На валу кронверка Петропавловской крепости состоялась церемония разжалования осужденных и казнь пятерых декабристов. Официальная пресса торжественно объявила о предстоящей коронации нового императора и в связи с этим об отмене траура по усопшему Александру I.

15–17 июля 1826 г. Газеты печатают манифест от 13 июля и доклад Верховного уголовного суда с «росписью уголовным преступникам» и приговором осужденным.

24 июля 1826 г. Пушкин в Михайловском узнает о казни декабристов. Предположительно, тогда же рождается замысел гениального стихотворения «Пророк».

14 августа 1826 г. В знаменитом письме П. А. Вяземскому, который нашел, что пушкинское обращение к новому царю «сухо,

холодно и не довольно убедительно» [XIII: 289], — удушающая ярость: «*Иначе и быть невозможно. Благо написано. Теперь у меня перо не повернулось бы*», — и безумная надежда на объявление монаршей милости к осужденным по случаю предстоящей коронации — и безмерная скорбь: «*Еще таки все надеюсь на коронацию: повешенные повешены, но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна*» [XIII: 291].

Ночь с 3 на 4 сентября. — 4 часа пополуночи 8 сентября 1826 г. Село Тригорское в смятении: «В ночь с 3-го на 4-е число прискакал офицер из Пскова к Пушкину и вместе ускакали на заре», — записывает в календарь соседка по имению, верный и чуткий друг поэта П. А. Осипова [Летопись 1999: 167]. Доставленный из Пскова в Москву «не в железках», Пушкин был принят в Чудовом дворце Кремля Николаем I. Об этой часовой аудиенции достоверно известно, что император задал поэту вопрос: «Что сделал бы ты, если бы 14 декабря был в Петербурге?» — «Встал бы в ряды мятежников», — был ответ... [Летопись 1999: 169]. Испытание чести, от которого зависят судьба и жизнь, — как часто этот мотив впоследствии будет возникать в художественном мире Пушкина!

После этого острейшего момента ситуация «властитель — певец» [Проскурин 1999: 104] переламывается — разговор принимает более «конструктивный» характер; суть его в «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» изложена так: «На предложение изменить образ мыслей поэт, после долгого колебания, обещал сделаться иным. Несомненно, речь зашла о тяготах цензуры. В итоге царь обещал ослабить цензурные препоны (быть цензором его произведений), отменил ссылку Пушкина и разрешил ему проживать в обеих столицах. По отдельным воспоминаниям, Пушкин во время разговора с царем становился все свободнее, что не нравилось монарху. Выйдя из кабинета с Пушкиным, Николай, обращаясь к придворным, сказал: «Теперь он мой!» [Летопись 1999: 169; Эйдельман 1987: 18–50].

Поражает то, как плодотворно трудился поэт в водовороте событий 1826 г. Объяснение этому находим все в том же драматически-лаконичном письме его к П. А. Вяземскому: «*Ныне каждый порыв из вещественности² — драгоценен для души*» [III:

² «Из вещественности» — из современной действительности.

291]. Как бы то ни было, «вещественность» наложила тяжкую печать на главу под названием «Поединок»: она справедливо признана «одной из самых трагических» в пушкинском романе [Иезуитова 1999: 286]. Автор одного из лучших комментариев к нему, А. Е. Тархов замечает, что «хотя романное время только движется к 1825 году, но эта переломная дата русской истории уже присутствует незримо внутри романа <...>, активно влияя на все дальнейшее идейно-художественное движение „Евгения Онегина“» [Тархов 1980: 265].

Пушкин уведомлял читателя: «*Смеем уверить, что в нашем романе время расчислено по календарю*» [VI: 193 (примеч. 17)]. Основные события пятой главы «стянуты» к 12 января, по хронологии романа, 1821 г. — «празднику именин» Татьяны³, закончившемуся гневной выходкой Ленского. В начале шестой главы гости и хозяева ларинской усадьбы «объяты сном», Татьяна же томится в горестном предчувствии... Таким образом, время действия шестой главы определяется с ночи на 13 января до начала весны 1821 г. [Лотман 1980: 22]. Если жизнь Онегина изменилась лишь после дуэли, то судьба Ленского разрешилась в исходе поединка, что определяет центральную тему главы как тему «смерти поэта» [Тархов 1980: 262]. Дата поединка и гибели Ленского — 14 января 1821 г. [Лотман 1980: 22].

Взбешенный кокетством Ольги с Онегиным на именинном балу у Лариных, Ленский шлет приятелю «приглашение на дуэль». Когда же припадок ревности проходит, юный экзальтированный поэт находит иную причину своего вызова: он должен защитить невесту от «развратителя». Более сложен психологический рисунок поведения Онегина, которое, по словам Ю. М. Лотмана, «определялось колебаниями между естественными человеческими чувствами по отношению к Ленскому и боязнью показаться смешным или трусливым, нарушив условные нормы поведения у барьера» [Лотман 1980: 104]. Онегин дорожит всего ценит независимость, но попадает в плен условностей и «из свободного человека превращается в орудие „дуэльного механизма“» [Тархов 1980: 263]. Он принимает «без лишних слов» вызов юноши, к несчастью, избравшего своим секундантом дуэлиста опытного, но человека без сердца и без чести.

³ Татьянин день отмечался по старому стилю 12 января, по новому стилю отмечается 25 января.

Детально анализируя и комментируя ход дуэльной истории в романе, Ю. М. Лотман приходит к выводу: «Зарецкий вел себя не только не как сторонник строгих правил искусства дуэли, но как лицо, заинтересованное в максимально скандальном и шумном — что применительно к дуэли означало кровавом — исходе» [Лотман 1980: 99]. Так стремительно развернулась ситуация, в которой Ленский обречен в жертву «светской вражде»: «против него холодное себялюбие Онегина, равнодушное пособничество Гильо и порочная заинтересованность собственного секунданта, ждущего зрелища кровавой развязки...» [Тархов 1980: 264].

Образ бездушного механизма мелькнет в жестких размышлениях Онегина о «*пружины чести*», а затем воплотится в фигуре, «парной» Зарецкому, — в слуге и, по капризу хозяина, секунданте Онегина (лакей в роли секунданта — оскорбление для дворянина Ленского!), мосье Гильо: в этой фамилии А. Е. Тархов расслышал «отзвук гильотины» [Тархов 1980: 264; Баевский 1999: 245] — равнодушного и страшного орудия массовых казней во Франции периода якобинской диктатуры.

Получение вызова на дуэль сопровождают размышления Онегина о секунданте Ленского, завершающие характеристику этого «лица», «нового» в романе. «Исторья» данного персонажа, Зарецкого, изложена в пяти строфах (IV–VIII) начала шестой главы, что объясняет значение, придаваемое ему автором (ср.: предыстории Ленского и Татьяны во второй главе также заняли по пяти строф: VI–X; XXIV–XXIX). Определивший ход поединка и повлиявший на развитие трагической коллизии шестой главы, характер этого «надежного друга», «доброго и простого» малого, представляет собою выдающееся достижение Пушкина-художника. Зарецкий создан как образ сложный и многослойный. Его характеристика отлита из цельного сплава грозного сарказма, недвусмысленной иронии и «добродушного» юмора, предваряющего гоголевский. И это единство придется исследовать, «снимая слой за слоем», поскольку даже фамилия, выбранная для секунданта Ленского, оказывается многозначной — как в свете его сюжетной функции, так и в аспекте историко-литературной проблематики романа.

ЗАРЕЦКИЙ — фамилия, на первый взгляд, «обыкновенная», нередко встречаемая в повседневной жизни, и в этом смысле

вполне приличествует персонажу, возникающему на фоне «низких», бытовых подробностей: в прошлом — карточное плутовство и трактирные дебоши, а ныне — «*капуста*», «*утки и гуси*» да «*азбука*» для детей холостого «отца семейства». И хотя он все тот же, что и в молодости, знаток жестокого механизма дуэли, но, как «механик деревенский», он сведущ и в устройстве мельничного жернова.

Во-первых, фамилия Зарецкий по своей «обыкновенности», как и по своей семантике (буквально — «обитающий за рекой», может быть, за той речкой, на которой стоит плотина и водяная мельница — место поединка), представляется пародийно-снижающим коррелятом к «высоким» функциям героев готовой разыграться трагедии: им даны условно-литературные, «гидронимические» (произведенные от названий русских северных рек) имена, принадлежавшие русифицированным персонажам светской комедии начала XIX в. [Фомичев 1986: 157–159] Ленским звали действующее лицо комедии А. С. Грибоедова и А. А. Жандра «Притворная неверность», а Онегин упоминается в комедии «*колкого*» А. А. Шаховского «Не люблю — не слушай, а лгать не мешай». Написанные и поставленные в 1818 г., обе салонные пьесы были известны Пушкину, да и сам Онегин, условно говоря, вполне мог быть «зрителем» этих спектаклей «в эпоху» первой главы романа.

В новейшем комментарии В. А. Викторovichа встречаем существенное уточнение из области литературной ономастики: фамилия Зарецкого «так же, как и фамилии Онегина, Ленского, взята из расхожего набора русских имен, использовавшихся в комедиях первой четверти XIX в., чаще всего в переделках с французского, с целью обрусения отечественной сцены. См., напр., комедию М. Н. Загоскина „Добрый малой“ (СПб., 1820. С. 44) <...> Некоторый намек на „говорящесть“ этой фамилии в пушкинском романе видится в сопоставлении с „речными“ фамилиями героев-антагонистов Онегина и Ленского: реальный антагонизм разделяет не их между собой, а их с живущим „за рекой“ „старым дуэлистом“» [Викторovich 1999: 439].

Во-вторых, продолжая грибоедовское начало, подхваченное еще в пятой главе [Кичикова 1996: 147], своего Зарецкого автор явно производит от Загорецкого из «Горя от ума», очерчивая тем самым комплекс нрав-

ственных качеств, унаследованных одним от другого.

При нем остерегись: переносить горазд,
И в карты не садись: продаст, —

[Грибоедов 1995: 80 (д. III, явл. 9)]

— остерегает Платон Горич вольнодумца Чацкого от излишней откровенности вблизи Загорецкого; слова «переносить горазд», как широко известно, означают не только «переносить сплетни», но и «доносить». Услужливого проныру не жалует даже старуха Хлестова:

Лгунишка он, картежник, вор...

[Грибоедов 1995: 82 (д. III, явл. 10)]

Карточный шулер и гнусный сплетник — эти черты грибоедовского персонажа сохранены и в предыстории Зарецкого:

...некогда буйн,

Картежной шайки атаман <...>

[VI: 118 (стрф IV)];

Умел морочить дурака

И умного дурачить славно,

Иль явно, иль исподтишка...

[VI: 119 (стрф VI)].

Загорецкий вьется меж гостей Фамусова, главным образом, в качестве доносчика и политического провокатора (подталкивает к откровениям то Чацкого и Скалозуба, то пьяного Репетилова), активно, «с жаром» (откуда и фамилия *Загорецкий*) распускает он и клевету о сумасшествии героя грибоедовской пьесы.

Роль Зарецкого (удалившегося после былых «подвигов» в «*философическую пустыню*» своего поместья) лишена общественно-политического подтекста, тем рельефнее в ней выступает нравственно-психологический комплекс «провокатора» иного рода — «беспринципного и циничного игрока чужими судьбами, провоцирующего дуэльные истории друзей себе на потеху» [Тархов 1980: 264]. Он мастер такой зловещей режиссуры: «*расчетливо смолчать*», «*расчетливо повздорить*»,

Друзей поссорить молодых

И на барьер поставить их. <...>

И после тайно обесславить

[VI: 119 (стрф VI, VII)].

В самом начале славной дружбы благородных героев тенью промелькнет предвестие развязки их отношений:

Мы почитаем всех нулями,

А единицами — себя.

Мы все глядим в Наполеоны;

Двуногих тварей миллионы

Для нас орудие одно;

Нам чувство дико и смешно

[VI: 37 (стрф XIV)].

Здесь взята высокая философская нота, но сентенция Автора во второй главе романа звучит и в адрес таких, как Зарецкий...

Во внутреннем монологе Онегина презрение к Зарецкому: «*Он зол, он сплетник, он речист*», — отступает перед пониманием опасности скрытого влияния сплетников на суждение окружающих:

«Но шепот, хохотня глупцов...»

И вот общественное мнение!

Пружина чести, наш кумир

[VI: 122 (стрф XI)].

Строку «*И вот общественное мнение!*» Пушкин сопроводил примечанием: «*Стих Грибоедова*» [VI: 194 (примеч. 38)], — подразумеваемая восклицание героя «Горя от ума», узнавшего о распущенной в среде «фамусовцев» клевете политического характера [Тынянов 1968: 351; Кичикова 1991: 51–68] — о своем «сумасшествии»:

Поверили *глупцы*, другим передают,

Старухи вмиг тревогу бьют —

И вот общественное мнение!

[Грибоедов 1995: 113 (д. IV, явл. 10)].

Уточним: в сходной ситуации клеветы Онегин «вспоминает» не только вывод, но и ключевое слово речи Чацкого, опасаясь суда *глупцов*. «В данном случае текст „от Онегина“, взятый в кавычки, сменяется текстом „от автора“, — комментирует Ю. М. Лотман. — Грибоедовская цитата входит в последний, интонационно и идеологически в нем растворяясь: *П*<ушкин> как бы солидаризируется с Грибоедовым, опираясь на его авторитет» [Лотман 1980: 292]. И дело не только в том, что скрытая цитата «из Чацкого» в монологе Онегина продолжается в прямом цитировании Пушкиным — Грибоедова. Оба поэта оказались солидарны и в беспощадно трезвом взгляде на ситуацию клеветы: совершенно независимо один от другого, почти одновременно и Грибоедов, и Пушкин в письмах разным адресатам обозначили влияние клеветнического слуха на «общественное мнение» формулой: «*Никто* не поверил, и все повторяют!» [Кичикова 1991: 68].

Итак, функция клеветника — главное, что, отталкиваясь от имени грибоедовского персонажа, выделяет Пушкин в своем Зарецком и что определяет бесславное поведение Онегина в преддвуэльных эпизодах и во время рокового поединка.

го бесстрашия его героев» [Жуйкова 1981: 103] поистине достойны восхищения. Бородинский подвиг Ф. И. Толстого в прямом смысле воспет в застольной песне «дружеской артели» (Д. В. Давыдов, Ф. И. Толстой, В. А. Жуковский, В. Л. Пушкин, К. Н. Батюшков — поэты и герои названы в порядке следования посвященных им куплетов П. А. Вяземского), называемой обычно по первой ее строке «Застольный шум, пенье и смехи...»:

А вот и наш Американец!
В день славный, под Бородиным,
Ты храбро нес солдатский ранец
И щеголял штыком своим.
На память дня того Георгий
Украсил боевую грудь;
Средь наших мирных, братских оргий
Вторым ты по Денисе будь

[Вяземский 1958: 400].

Обратимся к трезвому документальному свидетельству того, кто воспет первым на этом дружеском пиру и кто, возможно, во время создания застольной песни (1816 г.?) пылкого Вяземского готовил к печати свой «Дневник партизанских действий», где без всякой экзальтации приведены факты, события, имена: «В Бородинском сражении принимал участие и граф Федор Иванович Толстой, замечательный по своему уму и известный под именем *Американца*; находясь в отставке в чине подполковника, он поступил рядовым в московское ополчение. Находясь в этот день в числе стрелков при 26-й дивизии, он был сильно ранен в ногу. Ермолов, проезжая после сражения мимо раненых, коих везли в большом числе на подводах, услышал знакомый голос и свое имя. Обернувшись, он в груди раненых с трудом мог узнать графа Толстого, который, желая убедить его в полученной им ране, сорвал бинт с ноги, откуда струями потекла кровь. Ермолов исходатайствовал ему чин полковника» [Давыдов 1982: 158].

В пяти сажнях подал... — По расчетам Ю. М. Лотмана, «сажень — три аршина, или 2,134 м. Расстояние это — приблизительно около десяти шагов — было обычным для дуэлей» [Лотман 1980: 289]. Комментарий приводит пункт 1 условий, выработанных секундантами Пушкина и Дантеса для их поединка: «Противники становятся на расстоянии двадцати шагов друг от друга и пяти шагов (для каждого) от барьеров, расстояние между которыми равняется десяти шагам» [Лотман 1980: 97].

Анализируя ход поединка Онегина и Ленского (строфы XXIX–XXX), новейший комментатор подытоживает: «Противники сделали <...> по девять шагов. Если допустить, что до барьеров им оставалось пройти всего лишь по одному шагу, то получается, что расстояние между барьерами было определено Зарецким в двенадцать шагов (в действительности это расстояние могло быть и меньшим). Это вовсе не соответствовало малозначительности дуэльного повода, а отвечало лишь натуре и привычкам Зарецкого» [Наумов 1999: 387].

Раз в настоящем упоены... — Выражения «жажда битвы», «упоенье боем» и т. п. находятся в одном семантическом ряду и восходят к очень древним сакрально-мифологическим представлениям о битве как пире. Пушкин же слово «упоенье» употребляет в прямом словарном значении, иронически подчеркнутым эпитетом «настоящее», обнажая его исконную (а не метафорически-возвышенную) связь с глаголом «упиться». Этот пренебрежительно-бытовой, оценочный контекст «упоенья» Зарецкого усилен последующим уточнением: «*Как зюзя пьяный*». Впоследствии, в 1829 г. побывав на театре военных действий в Закавказье и Турции и, по свидетельствам очевидцев, бросаясь в самую гущу сражения, поэт в действительности испытал то, что он выразил знаменитой строкой из «маленькой» трагедии «Пир во время чумы»: «*Есть упоение в бою...*» (1830 г., Болдино, осень [VII: 180]).

С коня калмыцкого сваясь... — Эта подробность не имеет отношения к биографии Толстого-Американца, который был преобразованным (т. е. гвардейским пехотным, а не кавалерийским) офицером и в плен, безусловно, не попадал [Лотман 1980: 290]. Трагикомическая подробность: «*смело в грязь С коня калмыцкого сваясь*», — характеризует вояку Зарецкого как явно плохого наездника: истинный кавалерист, даже мертвецки пьяный, на коне чувствовал себя увереннее, чем на твердой земле.

В статье «Калмыцкий конь» из I тома Онегинской энциклопедии читаем: «Лошади калмыцкой породы, не отличавшиеся красотой форм, в мирное время не поступали под седло офицеров русской армии, которые предпочитали ездить на крупных конях орловской и других верховых пород. Во время войны с Наполеоном русская армия понесла большие потери конского состава,

и требования к поступавшим на пополнение лошадям были снижены. В регулярную конницу стали брать и степных лошадей. Гуляке и пьянице Зарецкому могла достаться неказистая, но выносливая, а главное, недорогая калмыцкая лошадь» [Гуревич 1999: 488]. Подобные утверждения вызывают множество возражений и нуждаются по меньшей мере в уточнениях. Приведем лишь некоторые из них.

Именной Высочайший указ о формировании двух калмыцких пятисотенных полков «из орд, обитающих в Астраханской, Саратовской и Кавказской губерниях и в пределах войска Донского», последовал 7 апреля 1811 года, а 28 августа 1811 г. 1-й Калмыцкий полк под началом нойона Джамба-тайши Тундутова и 2-й Калмыцкий полк под командованием нойона Сербеджаба Тюменя выступили к Воронежу. Надвигалась «гроза двенадцатого года» [VI: 522]. Сбор пожертвований для нужд армии — денежных, провиантскими и особенно конскими поставками — шел в калмыцкой степи «с самого отправления» обоих национальных полков: с июля 1811 до осени 1812 г. [Прозрителев 1990: 124–125 (I)]. По уточненным сведениям из новейшего академического труда, за весь период Отечественной войны в помощь войскам калмыки «внесли 23 510 рублей и передали более 2 300 строевых лошадей и 1 100 голов крупного рогатого скота. В 1812 году пожертвования по всей стране составили 4 139 лошадей» [Басхаев 2009: 620]. При этом надо учесть, что и Тундутов, и Тюмень отказались принять возмещение от казны на затраты по обмундированию своих полков [Прозрителев 1990: 89 (I); Беликов 1960: 104, 106, 112].

Через двадцать лет после окончания Отечественной войны и Заграничных походов российской армии знаток калмыцкого быта отмечал: «Лошади калмыцкия, не имея завидной наружности, отличаются легкостью и твердостью. На них можно проезжать до 100 верст, не останавливаясь» [Нефедьев 1834: 253]. Это сказано о рядовой калмыцкой лошадке, второй половине самого существа степняка-кочевника, воспетой в знаменитой песне о войне 1812 г. «Маштак боро минь» («Низенький мой Серко»), ныне более известной по первой строчке «Сөм хамрта парнцуг...». Но ведь на протяжении столетий калмыки и их предки ойраты вели стихийную или целенаправленную селекционную работу по формированию не-

обходимых для этноса номадов качеств четвероногого спутника и друга (в том числе и способом «степного поиска», т. е. угона и грабежа — обычное дело). Кроме «маштак» черного люда, в бескрайней степи паслись и элитные табуны — достояние кочевой аристократии. Свидетельство об одной элитной породе, называемой «кони с маральными ушами», сохранилось в историко-эпической песне об эркетеневском нойоне Мазан-баатаре [Кичиков 1983: 121], герое XVII в.:

Табун его — кони «маральи уши»,
Скакун его славный Рыжко.

Сохранился ли генофонд этой легендарной породы коней? Известно лишь то, что при сборе пожертвований 1812 г. эркетеневские зайсанги, «за неимением денег и лошадей, приносили в дар 400 быков» [Прозрителев 1990: 125 (I)].

В 2006 г. в прессе Калмыкии была опубликована статья о местной породе коней, где, в частности, утверждалось: «Великий русский полководец Суворов во время всех своих победных походов ездил только на калмыцкой лошади, и большинство бойцов его армии следовали примеру генералиссимуса» [Дорджиев 2006]. Заявление о том, что «все свои» походы великий полководец совершал на калмыцкой лошади, кажется вполне понятным патриотическим преувеличением, хотя, например, Г. Р. Державин, оплакивая кончину Суворова, вспоминал пронзительную подробность:

Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари...

(Снигирь. 1800) [Державин 1985: 222].

Возможно, «кляча» — это и есть неказистая, с виду замороженная, калмыцкая лошадка. Однако есть абсолютно достоверное свидетельство о том, что А. В. Суворов высоко оценил *походные качества* калмыцкого коня.

В «Военных записках» Дениса Давыдова события, герои и обстоятельства предстают под совершенно особенным углом зрения. Здесь все увидено взглядом не просто кавалериста, но конника во многих поколениях: Д. В. Давыдов, как и многие из русских дворян, был потомком выходцев из Золотой Орды (Улуса Джучи, старшего сына Чингис-хана) и с гордостью называл себя «исчадьем чингисхановым» [Давыдов 1982: 207; Кичикова 2009: 44]. Так, например, он сначала описывает «наполеонову лошадь», а уж затем самого Наполеона, уви-

денного автором во время встречи русского и французского императоров в июне 1807 г. в Тильзите. Тогда был заключен мир, но «1812 год стоял уже посреди нас, русских, с своим штыком в крови по дуло, с своим ножом в крови по локоть» [Давыдов 1982: 97, 101–102]. К слову, башкирские лошади определены чуть ранее как «неуклюжие, малорослые» [Давыдов 1982: 85]. О калмыцком же коне — ни одного дурного слова, никакой затаенно-пренебрежительной интонации, что неудивительно: калмыцкий конь принадлежал отцу Дениса, Василию Денисовичу Давыдову, и с ним связано одно из самых сокровенных воспоминаний автора.

Очерк «Встреча с великим Суворовым (1793)» открывает «Военные записки». Будущему герою Отечественной войны 1812 г., прославленному поэту, основоположнику тактики партизанских действий, было в то время девять лет. «С семилетнего возраста моего я жил под солдатскою палаткой, при отце моем, командовавшем тогда Полтавским легкоконным полком» [Давыдов 1982: 21]. Ожидали приезда Суворова, командовавшего корпусом войск, на смотр и маневры. У будущего генералиссимуса впереди были почти все его походы и кампании. «Я помню, что сердце мое упало, — как *после* упало при встрече с любимой женщиной <...> как теперь вижу <...> впереди толпы Суворова — на саврасом калмыцком коне, принадлежавшем моему отцу, в белой рубашке <...> На нем не было ни ленты, ни крестов» [Давыдов 1982: 33]. Позже мы видим полководца, «всего опыленного, на крыльце, трепавшего своего коня и выхвалявшего качества его толпе любопытных, которою был окружен. «Помилуй бог, славная лошадь! Я на такой никогда не ездил. Это не двужильная, а трехжильная!». Суворовскую оценку качеств калмыцкого коня автор записок поясняет примечанием: «В народе существует предрассудок, что будто в шеях некоторых сильных и прытких лошадей находятся две особые жилы» [Давыдов 1982: 35].

Кони калмыцкой породы, чрезвычайно послушные и выносливые, «сильные и прыткие», были обучены нести всадника в любых условиях похода и сражения. В бою для воина конь был как третья рука. Ремонтеры тысячами отбирали для армии строевых коней и тягловых лошадей калмыцкой породы, ценя их именно за эти, веками выработавшиеся, генетические качества. Ремонтные поставки из калмыцкой степи в российскую армию неуклонно возрастали

до последней трети XIX века; со второй половины столетия в калмыцком коневодстве началась постоянная селекционная работа. Нойон Тюмень в конце 1850-х гг. располагал 3 000 лошадей улучшенной породы; в 1890-е гг. «зайсанг Бага-Чоносова рода южной части Малодербетовского улуса Эмген-Убуши Замджинович Дондуков, являвшийся корреспондентом Главного управления государственного коннозаводства, устроил рассадник лошадей калмыцкой породы в урочище Эмне-Нур»; «лучшими коневодами в Калмыцкой степи считались зайсанги Малодербетовского улуса братья Э.-У. и И. Дондуковы, владевшие табуном в 1 000 голов. Селекционную работу начинал их отец, и благодаря успехам на этом поприще, Дондуковы стали продавать лошадей ремонтерам русской армии» [Батыров 2009: 562–563].

Как известно, именно легкая, в том числе калмыцкая иррегулярная «летучая», конница обеспечила победу в Отечественной войне 1812 г. Дипломат, адъютант и сподвижник Наполеона, Арман де Коленкур писал: «Вы погибли, потому что они возобновляют нападение с такой же быстротой, как и отступают. Они — лучшие наездники, чем мы, и лошади у них более послушны, чем наши; они могут поэтому ускользать от нас, когда нужно, и преследовать нас, когда преимущество на их стороне. Они берегут своих лошадей; если иногда они и принуждают их к аллюрам и переходам, требующим большого напряжения, то чаще всего избавляют их от ненужной гонки туда и сюда, а мы такой гонкой губим своих лошадей» [Коленкур 1991: 201–202]. Знаменитый поэт, партизан-гусар Денис Давыдов, полемизируя с расхожим утверждением западных историков о том, что «*армия Наполеона погибла от стужи и мороза*», заключал: «...но не от одной стужи, как стараются в том уверить нас неловкие приверженцы Наполеона или вечные хулители славы русского оружия, а посредством <...> *глубоких соображений Кутузова, мужества и трудов войск наших и неусыпности и отваги легкой нашей конницы*» [Давыдов 1982: 262].

Свалиться с низкорослого (название «маштак» закрепилось в военном обиходе) калмыцкого коня высокой выучки и пьяным попасть в плен врагу означало стать «героем» долго помнившейся позорной истории, что и подчеркнуто иронией Пушкина: «*драгой залог!*».

Как зюзя пьяный... — Выражение из «лихого гусарского языка». Комментаторы единодушны в том, что выражение «как зюзя» в поэзию ввел Денис Давыдов [Лотман 1980: 290; Седова 1999: 448], имея в виду его стихотворение «Решительный вечер гусара» (1816). Приведем его полностью, так как без первой строфы смысл постоянно цитируемой в комментариях строфы второй будет невнятен.

Сегодня вечером увижусь я с тобою —
Сегодня вечером решится жребий мой,
Сегодня получу желаемое мною —
Иль абшид на покой.

А завтра — черт возьми! — как зюзя
натянуся;

На тройке ухарской стрелою полечу;
Проспавшись до Твери, в Твери опять
напьюся,

И пьяный в Петербург на пьянство прискачу.

Но если счастье назначено судьбою
Тому, кто целый век со счастьем незнаком,
Тогда... о, и тогда напьюсь свинья свиньею
И с радостью пропью погоны с кошельком
[Русские поэты 1989: 454].

Новейший комментатор уточняет: «Зюзя — „пьяный, насосавшийся как губка; вообще пьяница, пьянюшка; у кого язык во хмелю коснеет“ (*Даль*). В русском просторечии это словечко употреблялось с более широкой семантикой: тот же *Даль* зафиксировал обозначение „зюзей“ „человека мокрого“ („Промок, как зюзя“), и плаксы („Эка зюзя, нюни распустил!“), и «дрянного» человека („У богача денег, что у зюзи грязи“). <...> Выражение „как зюзя“ обозначало крайнюю степень опьянения» [Седова 1999: 448].

В. В. Набоков в своей комментарии для англоязычной аудитории поясняет: «„Зюзя“ звучит так, словно непосредственно происходит от латинского *sus* („свинья“), но скорее всего является звукоподражательным образованием, имитирующим сосание...» [Набоков 1999: 437].

На наш взгляд, употребление Пушкиным простонародного выражения, введенного в «распашную» поэзию Денисом Давыдовым и бывшего у всех «на слуху» как давыдовское, применительно к обстоятельствам пленения Зарецкого создает глубокий контраст между позорным поведением этого персонажа и военным героизмом прославленного поэта-гусара. Кроме того, оно при-

дает объемность и авторитетность подлинно народной нравственной оценки («*мнения народного*» [VII: 93]) падению «*честного человека*» и «*истинного мудреца*». Презрение можно выразить и кратко!

Новейший Регул, чести бог,

Готовый вновь предаться узам... — РЕГУЛ — Марк Аттилий (? — ок. 250 до н. э.), римский полководец, герой Первой Пунической войны, был пленен карфагенянами и под честное слово вернуться отпущен в Рим передать предложение мира; убедив Сенат продолжать войну, вернулся в Карфаген, где его ожидала мучительная смерть; стал олицетворением гражданского патриотизма и героического стоицизма. Эта антично-историческая параллель иронически применена к Зарецкому, способному снова сдаться в плен из-за неодолимой тяги к винам Франции.

Новейшие комментаторы делают справедливый вывод: «Сравнение с Регулом, „чести богом“, Зарецкого, который забывает о чести не только в бою и плену, но и во время поединка Онегина с Ленским, являясь секундантом, т. е. арбитром в решении вопросов чести, — еще одна сатирическая краска Пушкина, использованная им при создании образа Зарецкого. Пушкинская сатира в данном случае направлена и на общество, в котором Зарецкий выступает в роли „нового Регула“» [Строганов, Суворова 2004: 414].

Вери — В примечании 37 Пушкин поясняет: «*Парижский ресторатор*» [VI: 194]. Б. В. Томашевский заметил: «Никогда не выезжавший из России Пушкин знал тем не менее отлично, что происходило во Франции. Газет, рассказов приезжавших из Франции было достаточно для того, чтобы интенсивно жить интересами Парижа. В этом отношении любопытны мелкие черточки из его произведений, свидетельствующие о степени внимания к событиям во Франции. Так, в шестой главе „Онегина“ упоминается ресторан *Véry*, привлекавший в начале века гастрономов Парижа в гостеприимные сени Пале-Рояля» [Томашевский 1960: 69].

Самый полный комментарий к имени, вернее, торговой марке *Вери* представлен А. Я. Невским в I томе Онегинской энциклопедии.

ВЕРИ Жан-Франсуа (1759–1826), сын крестьянина, уроженец небольшой деревушки в департаменте Мез. Ресторанное

дело основал вместе со старшим братом Жаном-Батистом (1749–1809) в помещениях Пале-Рояля. «В 1805 г., расширяя дело, братья Вери открыли кафе на Террасе Фельянов в саду Тюильри. Здание, им занимаемое, было единственным в Париже, специально для этого сконструированным и построенным. <...> Всеевропейская известность пришла к упоминаемому Пушкиным младшему из братьев — Жану-Франсуа — после 1808 г., когда тот, наследуя отошедшему от дел Жану-Батисту, возглавил оба заведения. Ресторан „братьев Вери“ (как еще долгое время значилось на табличке при входе в Пале-Рояль) первым в Париже ввел фиксированные цены. В 1814–1815 гг. это место пользовалось громкой известностью у офицеров союзных армий» [Невский 1999: 172–173].

Из знакомых Пушкина в ресторане Вери в разное время пировали или просто обедали поэты В. С. Филимонов, К. Н. Батюшков, В. К. Кюхельбекер, П. А. Вяземский, журналист Н. И. Греч, из литературных персонажей, кроме Зарецкого, герой прочитанного Пушкиным в 1829 г. романа Э. Бульвер-Литтона «Пелэм, или Приключения джентльмена» — Генри Пелэм, заключивший, что «Веря уже перестал быть королем парижских кулинарув» [Бульвер-Литтон 1988: 320].

«Уже в день капитуляции Парижа русский пехотный штабс-капитан писал своему знакомому в Петербург: «...пробрался я к Пале-Рояль, в средоточие шума, бегания, девок, новостей, роскоши, нищеты, разврата <...> В лучшем кофейном доме или, вернее, ресторации, у славного Вергу, мы ели устрицы и запивали их шампанским за здоровье нашего государя, доброго царя нашего» [Невский 1999: 173]. Этот пехотный штабс-капитан — один из поэтических учителей Пушкина, Константин Батюшков, письмо которого Н. И. Гнедичу от 27 марта 1814 г. приводит комментатор.

Пьянящая атмосфера победы, здравицы в честь «нашего государя»... По некоторым сведениям, Александр I велел возместить долги русских военных французским кредиторам, что вполне в духе непомерного тщеславия «доброго царя нашего». В публицистическом очерке историка-эмигранта Н. И. Ульянова (1904–1985) личность императора и главные события его царствования, в том числе поход союзных армий на Париж, оцениваются бескомпромиссно: «В то время, как Австрия, Пруссия, Англия

шли под своими национальными знаменами и откровенно преследовали национальные интересы, Александр представлял себя благодетелем и освободителем „вселенной“».

Прусский король, не успев еще выступить в поход, приготовил счет на 94 миллиона франков в возмещение поставок для наполеоновской армии в 1812 году. После победы союзники забирали у Франции порты, крепости, корабли, пушки, военное имущество и припасы, отхватывали территории на Балканах и в Италии — Александр не брал ничего. Он держался так, что никому в голову не приходило, что это царь самой бедной страны, чья столица обращена в пепел, чьи восемь губерний разорены дотла, чей народ истекает кровью после небывалой в истории войны. Не любил и вспоминать об этом. «*До какой степени государь не любит вспоминать об Отечественной войне!*» — замечает барон Толь в своих записках. «*Сегодня годовщина Бородина*», — напомнил он императору 26 августа 1815 г.; Александр с неудовольствием отвернулся от него» [Ульянов 1992: 143].

Возмещение долгов русских военных парижским кредиторам означало бы для Зарецкого, который «примерно в то же время» [Невский 1999: 173] гулял по Парижу уже свободным,

*Чтоб каждым утром у Вери
В долг осушать бутылки три,*

— свободу и от долгов. Тогда же он мог бы «встретиться» с Батюшковым, как и с другими знакомцами, приятелями и старшими друзьями Пушкина. Встреча литературного персонажа и реального исторического лица — совершенно «в духе» и по законам поэтики пушкинского романа, в седьмой, «московской» главе которого встречаются Татьяна Ларина и князь Петр Андреевич Вяземский:

*У скучной тетки Таню встреть,
К ней как-то Вяземский подсел
И душу ей занять успел*

[VII: 160 (стрф XLIX)].

Пока под сводами Пале-Рояля гремят победные клики и звенят бокалы, «парижский ресторатор» подсчитывает барыши. «Вскоре после 1817 г., наживший более чем миллионное состояние, он отошел от дел, передав их триумvirату племянников. Однако имя мастера еще долгое время оставалось популярным, а сравнение с ним считалось высшей похвалой. <...> Ресторан Вери просуществовал до 1859 г.» [Невский 1999: 174].

Сюжетная функция Зарецкого осложнена еще одним, не отмеченным исследователями — мифологическим подтекстом, обусловленным его фамилией. Он является своеобразным проводником погибшего Ленского в загробный мир — не только трезво констатирует смерть юного поэта («Ну, что ж? убит»), но и *перевозит* его в царство мертвых:

*Зарецкий бережно кладет
На сани труп оледенелый;
Домой везет он страшный клад*
[VI: 132 (стрф XXXV)].

Так, сыграв свою смертоносную роль в сценарии из тридцати одной романной строфы, старый дуэлист, представший неким поместным подобием греческого перевозчика Харона, окончательно исчезает из пространства пушкинского романа.

Литература

- Баевский В. С.* Гильо (Guillot) // Онегинская энциклопедия: в 2 тт. Т. I. А–К / под общ. ред. Н. И. Михайловой; сост. Н. И. Михайлова, В. А. Кошелев, М. В. Строганов. М.: Русский путь, 1999. С. 245–246.
- Басхаев А. Н.* Военная служба калмыков в последней трети XVIII–XIX в. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Т. I. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. С. 597–624.
- Батыров В. В.* Хозяйственные занятия калмыков и торговля в калмыцких улусах // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Т. I. Элиста: Изд. дом «Герел», 2009. С. 559–572.
- Беликов Т. И.* Участие калмыков в войнах России в XVII, XVIII и первой четверти XIX веков. Элиста: Калмгосиздат, 1960. 144 с.
- Березкина С. В.* Почему Федора Толстого прозвали «Американцем»? // Русская литература. 2001. № 3. С. 92–95.
- Бонди С. М.* Письмо к Толстому-Американцу // Бонди С. М. Черновики Пушкина. Статьи 1930–1970 гг. М.: Просвещение, 1971. С. 63–72.
- Бульвер-Литтон Э.* Последние дни Помпей. Пеллэм, или Приключения джентльмена / пер. с англ. М.: Правда, 1988. 768 с.
- Викторович В. А.* Зарецкий // Онегинская энциклопедия: в 2 тт. Т. I. А–К / под общ. ред. Н. И. Михайловой; сост. Н. И. Михайлова, В. А. Кошелев, М. В. Строганов. М.: Русский путь, 1999. С. 439–442.
- Востриков А. В.* Книга о русской дуэли. СПб.: Азбука-классика, 2004. 320 с.
- Вяземский П. А.* Стихотворения. Изд. 2. / вступит. ст., подг. текста и примеч. Л. Я. Гинзбург. Л.: Сов. писатель, 1958. 597 с.
- Герцен А. И.* Былое и думы: в 2 тт. Т. I. М.: Худож. лит., 1969. 925 с.
- Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч.: в 3 тт. Т. I. Горе от ума / подг. текста и коммент. А. Л. Гришунина; науч. ред. С. А. Фомичев. СПб.: Нотабене, 1995. 348 с.
- Гуревич Д. Я.* Калмыцкий конь // Онегинская энциклопедия: в 2 тт. Т. I. А–К / под общ. ред. Н. И. Михайловой; сост. Н. И. Михайлова, В. А. Кошелев, М. В. Строганов. М.: Русский путь, 1999. С. 488.
- Давыдов Д. В.* Военные записки. М.: Воениздат, 1982. 359 с.
- Декабристы.* Биографический справочник / изд. подг. С. В. Мироненко, ред. акад. М. В. Нечкина. М.: Наука, 1988. С. 215–345.
- Державин Г. Р.* Сочинения. М.: Правда, 1985. 570 с.
- Дорджиев Л.* Кони наши быстры. О калмыцкой породе лошадей // Хальмг унн. 2006. 14 марта. С. 4.
- Жуйкова Р. Г.* Портрет Д. В. Давыдова в лицейской тетради Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1978. Л.: Наука, 1981. С. 103–104.
- Иезуитова Р. В.* Глава шестая // Онегинская энциклопедия: в 2 тт. Т. I. А–К / под общ. ред. Н. И. Михайловой; сост. Н. И. Михайлова, В. А. Кошелев, М. В. Строганов. М.: Русский путь, 1999. С. 281–287.
- Кичиков А. Ш.* Жанровое своеобразие повествования о Мазан-баатаре в аспекте калмыцко-башкирских межэтнических связей // Межэтнические общности и взаимосвязи фольклора народов Поволжья и Урала. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1983. С. 120–128.
- Кичикова Б. А.* Проблематика творчества А. С. Грибоедова: учеб. пос. / Калм. гос. ун-т. Элиста: КалмГУ, 1991. 80 с.
- Кичикова Б. А.* Жанровое своеобразие «Горя от ума» Грибоедова (поэтические жанры в структуре стихотворной комедии) // Русская литература. 1996. № 1. С. 138–150.
- Кичикова Б. А.* Калмыки в мире Пушкина // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 1. С. 42–50.
- Коленкур де А.* Поход Наполеона в Россию (мемуары). Смоленск: Смядынь, 1991. 368 с.
- Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина:* в 4 тт. Т. II. (1825–1828) / сост. М. А. Цявловский, Н. А. Тархова; науч. ред. Я. Л. Левкович. М.: Слово / Slovo, 1999. 544 с.
- Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1980. 416 с.
- Набоков В. В.* Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / пер. с англ. СПб.: Искусство – СПб; Набоковский фонд, 1999. 928 с.
- Наумов А. В.* Дуэль // Онегинская энциклопедия: в 2 тт. Т. I. А–К / под общ. ред. Н. И. Михай-

- ловой; сост. Н. И. Михайлова, В. А. Кошелев, М. В. Строганов. М.: Русский путь, 1999. С. 381–386.
- Невский А. Я.* Вери // Онегинская энциклопедия: в 2 тт. Т. I. А–К / под общ. ред. Н. И. Михайловой; сост. Н. И. Михайлова, В. А. Кошелев, М. В. Строганов. М.: Русский путь, 1999. С. 172–174.
- Нефедьев Н. А.* Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб.: Тип. К. Крайя, 1834. 277 с.
- Петрицкий В. А., Суетов Л. А.* К истории одного прозвища (Ф. И. Толстой — «Американец») // Русская литература. 1987. № 2. С. 99–103.
- Прозрителев Г. Н.* Военное прошлое наших калмык. Элиста: Санан, 1990. 144 (I) + 28 (II) + 60 (III) + 44 (IV) + 30 (V) + XXXXIII с.
- Проскурин О. А.* Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 462 с.
- Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949: в 17-ти тт., дополненного и расширенного к 200-летию юбилею поэта: в 19 тт. М.: Воскресенье, 1994–1997. Т. VI: Евгений Онегин. 1937(1995). 697 с. Т. VII: Драматические произведения. 1948 (1995). 397 с. Т. XIII: Переписка: 1815—1827. 1937 (1996). 651 с. Т. XVII (доп.): Рукою Пушкина. Изд. 2, перераб. 1997. 738 с.
- Русские поэты: антология русской поэзии: в 6 тт. Т. I / сост. В. И. Коровин, Ю. В. Манн. М.: Дет. лит., 1989. 704 с.*
- Седова Н. В.* Зюзя // Онегинская энциклопедия: в 2 тт. Т. I. А–К / под общ. ред. Н. И. Михайловой; сост. Н. И. Михайлова, В. А. Кошелев, М. В. Строганов. М.: Русский путь, 1999. С. 448.
- Строганов М. В., Суворова Е. И.* Регул // Онегинская энциклопедия: в 2 тт. Т. II. Л–Я; А–Z / под общ. ред. Н. И. Михайловой; сост. Н. И. Михайлова, В. А. Кошелев, М. В. Строганов. М.: Русский путь, 2004. С. 413–414.
- Тархов А. Е.* Комментарий // Пушкин А. С. Евгений Онегин. Роман в стихах / вступ. статья и коммент. А. Тархова. М.: Худож. лит., 1980. 333 с.
- Толстой С. Л.* Федор Толстой-Американец. М.: Гос. Акад. худож. наук, 1926. 110 с.
- Томашевский Б. В.* Пушкин и французская литература // Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л.: Сов. писатель, 1960. С. 62–174.
- Тынянов Ю. Н.* Сюжет «Горя от ума» // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники / отв. ред. акад. В. В. Виноградов. М.: Наука, 1968. С. 347–379.
- Ульянов Н. И.* Александр I — император, актер, человек / Публикация В. Кошелева, А. Чернова // Родина. 1992. № 6–7. С. 140–147.
- Фомичев С. А.* Поэзия Пушкина. Творческая эволюция / отв. ред. акад. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1986. 303 с.
- Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Изд. 2, доп. и перераб. Л.: Наука, 1988. 544 с.
- Эйдельман Н. Я.* Пушкин: Из биографии и творчества (1826–1837). М.: Худож. лит., 1987. 463 с.

УДК 398.87

ББК 83.3 (2Рос=Калм)

КАЛМЫЦКИЕ ПЕСНИ ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 г.

Т. Г. Басангова

Исторические песни составляют значительную часть калмыцкого песенного творчества, они выразительно запечатлели многие исторические события, которые играли важную роль в судьбе народа. В калмыцкой фольклористике исторические песни обозначаются как *туужлгч дуд*, *туужжин дуд* или *кезаңк дуд*. По своему жанру песни об Отечественной войне 1812 г. относятся к протяжным песням *ут дуд*. Исследователями выделены два основных вида протяжной песни: бытовая обрядовая песня (в основном, связанная со свадебным обрядом) и эпическая историко-героическая, связанная с историческими событиями и личностями [Алимаа, Омакаева 2009; Бадгаев 2010].

В калмыцкой обрядовой культуре протяжные песни (*ут дуд*) звучали и в обрядах «перехода»: на калмыцкой свадьбе, в обряде проводов в армию [Борджанова 2007: 235].

Разгром наполеоновских войск в России послужил мощным толчком к росту национально-освободительного движения народов Европы против французского владычества. С самого начала 1813 г. военные действия развернулись за пределами России. Русская армия вступила в новый этап борьбы с наполеоновской Францией, неся освобождение европейским народам. Калмыцкие полки принимали участие в окончательном разгроме наполеоновских войск на территории герцогства Варшавского (Польша), Германии и Франции. 1-й Кал-

мыцкий полк в составе корпуса, возглавляемого князем Волконским, участвовал в преследовании неприятеля от местечка Белоседлице до г. Варшавы. 27 января 1813 г. русские войска вступили в Варшаву. С 17 марта по 28 августа полк принимал участие в осаде крепости Модлин вплоть до ее капитуляции. За проявленную под стенами Модлина отвагу многие воины 1-го Калмыцкого полка получили награды и повышения. В Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе 1813–1814 гг. участвовали также 2-й Калмыцкий и Ставропольский калмыцкий полки, воины которых дошли до Парижа. Калмыки воевали с наполеоновскими войсками и в составе казачьих полков, проявив мужество и отвагу.

Впервые сведения о калмыцких полках стали известны из труда Г. Н. Прозрителева¹ «Военное прошлое наших калмык. Ставропольский калмыцкий полк и Астраханские полки в Отечественной войне 1812 года», опубликованного в Ставрополе в 1912 г. Автор этого труда по военной истории калмыков использовал материалы из архивов Ставрополя, Астрахани и Москвы. Изучая военное дело калмыков, Г. Н. Прозрителев пришел к выводу, что основная их сила в походе — это маневренная, стремительная, обгоняющая пыль из-под копыт конница, которая не раз обращала в бегство врагов России. Не случайно конница воспета в калмыцких протяжных песнях. В труде Г. Н. Прозрителева опубликованы два варианта песни, отразивших события тех лет, под названием «Маштак Боро» («Низкорослый серый»). Первый вариант песни был зафиксирован Н. Нефедьевым в работе «Подробные сведения о волжских калмыках» [1834], второй вариант опубликован Н. Леонтьевым в газете «Восток» (1867 г., № 52).

Первый вариант песни «Маштак Боро»

*Французы в четверть носа,
Не трудно их побить.
Наши лошадки крепки.
Наш владелец джюуджа² храброй,
Летим с ним в Москву.
Там побьем 50 тысяч французов.
Они Москву столицу разорили.
Любезный наш владелец
Мы умрем за Государя и отечество.
Полетим скорее птиц, и они все погибнут,*

¹ Прозрителев Григорий Николаевич (1849–1933) — ставропольский краевед.

² Джюуджа, Джюуджа — одно из имен Джамбатайши Тундутова.

*И не дадим французам ни махан³,
ни трубки с табаком.*

Второй вариант песни «Маштак Боро»

*Хоть у французов носы в четверть,
Нам не трудно их рубить;
Серый маштак мой прискакывая рысит,
Наш владелец Джюуджа
Устремил свой путь к Москве.
С порывом серый бегун мой
Достигает края моста;
Там пятьдесят тысяч французов —
Мы всех их истребим.
Одуревшие французы
Разорили город Москву!
Что ж нам велел делать
Обожаемый наш владелец?
К Императору подобно птичке лететь,
И достигнув, за него умереть*

[Прозрителев 1912: 139 (I)]

Г. Н. Прозрителев относительно двух вышеуказанных вариантов песни «Маштак Боро» отмечал, что «в настоящее время все воспоминания о войне 1812 года изгладились, и от этой эпохи осталась только песня „Маштак Боро“, сочиненная по случаю этой войны» [Прозрителев 1912: 141 (I)].

В калмыцкой фольклорной традиции приведенная выше песня «Маштак Боро» чаще называется как «Француз с носом в четверть» [Биткеев 2005: 147]. Песня бытует в фольклорной традиции калмыков в нескольких вариантах [Хабунова 1998: 116–117].

*Сэм хамрта парнцслань
Сөрлдн бээжэ чавчлдлав,
Чавчлдн гижэ чавчлдсн угав,
Эмнэннь арһд чавчлдлав.
Тасрха гүүдлтэ бор мини
Тагтын амнд күрнэ.
Тавн түмн парнцсиг
Тагтын амнд чавчий.
Богшурһа мет ниснэв бидн,
Богдд күргэд күцнэв бидн,
Борлад ирсн парнцсиг
Болдан моктл чавчнав бидн.
Оһтр хар парнсла
Орсиг харсч чавчлдлав.
Орсиг харсч чавчлдхнь,
Оньдин төвкнүн болтха!
Төргэ цаһан нууриг
Төгэлн йовэж чавчлдлав.
Чавчлдн гижэ чавчлдсн угав,
Эрэсэннь төлэ чавчлдлав.*

Наряду с военной патетикой, в песне звучит мотив безысходной участи воина,

³ Махан — калм. махн 'мясо'.

вынужденного идти на кровопролитие ради защиты Родины. В тексте песни в гротесковой форме дана портретная характеристика врага — француза. Главной отличительной чертой его портрета является его нос (*хамр*), который величиной в четверть. Как известно, мотив носа является одним из весьма распространенных мотивов и в мировой литературе — почти во всех языках (такие выражения, как «оставить с носом», «показать нос» и т. п.) и в общечеловеческом фонде бранной и снижающей жестикологии. В гротескном образе тела из всех черт человеческого лица существенную роль играют только рот и нос [Бахтин 1986: 342].

Мотив носа звучит в воспоминаниях писателя-партизана Дениса Давыдова, повествующего о забавном случае, приключившемся с французским офицером: *На перестрелке взят был в плен французский подполковник, которого я забыл имя. К несчастью, природа одарила его носом большого размера, а вследствие случайностей войны этот нос был пронзен насквозь стрелой, которая остановилась ровно на половине длины своей. Подполковника сняли с лошади и посадили на землю, чтобы освободить его от этого беспокойного украшения. Много любопытных, между коими несколько башкир, обступили страдальца. Но в то время как лекарь, взяв пилку, готовился пилить надвое стрелу возле самого носа, так, чтобы вынуть ее справа и слева, что почти не причинило бы боли и еще меньше ущерба этой громадной выпуклости, — один из башкирцев, узнав оружие, ему принадлежащее, схватил лекаря за обе руки. «Нет, — говорил он, — нет, бачка, не дам резать стрелу мою; не обижай, бачка, не обижай! Это моя стрела; я сам ее выну». «Что ты врешь, — говорили мы ему, — ну, как ты вынешь ее?» «Да, бачка, возьму за один конец, — продолжал он, — и вырву вон; стрела цела будет». «А нос?» — спросили мы. «А нос? — отвечал он, — черт возьми, нос?» Между тем подполковник, не понимая русского языка, угадывал, однако ж, о чем идет дело. Он умолял нас отогнать прочь башкира, что мы и сделали. Долг платежом красен: тут в свою очередь французский нос восторжествовал над башкирскою стрелой» [Давыдов].*

В одном из калмыцких преданий песня о сражении с французами вложена в уста калмыка по имени Бадмин Онкор, который

был родом из хотона Захусн Богдахинского аймака. Он воевал в Донском казачьем полку под командованием атамана М. И. Платова. По возвращении из похода участников Отечественной войны встречали с почетом. В честь воинов-победителей, вернувшихся в калмыцкие хотоны, устраивали праздники и совершали богослужения. На одном из пиров, устроенных в честь воина, Бадмин Онкор исполнил протяжную песню «Француз с носом в четверть» [Песня Онкора 2004: 168]⁴.

Песня «На трех курганах Маныча» вошла в сборник А. М. Листопадова. В него включены 30 песен, записанных в Денисовской станице Сальского округа в ходе второй фольклорной экспедиции 1902–1903 гг. по собиранию старинных казацких песен. Тексты песен, их переводы, комментарии представлены на 23 рукописных страницах. В осуществлении переводов на русский язык принимал учитель Даланта Гечинов. В его переводе на русский язык песня звучит следующим образом: «У трех курганов Маныча // Устроили пир в честь атамана Платова. // На пиру в честь атамана Матвея // Множество воинов собралось. // Собрав множество воинов, к священному хурулу отправился верхом на коне. // Приехав к священному хурулу, острием шашки гремит, острием шашки гремя, // Кончиком пики сверкает // Кончиком пики сверкая, говорит какая ровная земля!» [Калмыцкие песни ... 1999: 542]. Военные песни калмыков отмечены своеобразием поэтического содержания. А. М. Листопадов отмечал, что в донском песенном фольклоре отражена история Русского государства и участие Войска Донского [Калмыцкие песни 1999].

Писатель-эмигрант, донской калмык, Санджи Балыков в романе «Девичья честь» упоминает также песню о реке Маныч⁵, которую исполняют на свадьбе: „*Манца гидег гол!*“, — плавно, свободно льющимся серебряным голосом завела одна из певиц. К певцам присоединились еще охотники, и через минуту весь дом с увлечением, от души, пел любимую песню о спокойном и мирном течении Маныча, о трех братьях, перед выходом в полк пирующих в Макеевом кабаке,

⁴ Записана И. Мутяевым от Б. Т. Болдыревой, опубли. в газ. «Хальмг үнн» 8 декабря 1999 г.

⁵ Река, называемая Маныч. Маныч-Гудило (Большой Маныч, Гудило) — крупное соленое озеро в Калмыкии, Ставропольском крае и Ростовской области на юге России, расположенное в центре Кумо-Манычской впадины.

о генерале Матвее Платове, собирающем на Матвеевом кургане калмыков, чтобы вести их против французов...» [Балыков 1993: 194–195].

По всей видимости, речь идет о приведенной ниже песне, к сожалению, сохраненной только в русском переводе [Шовунов 1992: 117]. Источник на калмыцком языке и автор перевода неизвестны. В современной фольклорной традиции калмыков текст песни не сохранился.

*На трех Манычских курганах
Собирал войско генерал Матвей⁶,
А собранных генералом Матвеем
Инспектировал Андрей Митрич⁷.
Проинспектированных же Андреем Митричем
Отправлял на службу сотник Аля⁸,
Как отпраивил нас на службу сотник Аля,
Мы ехали, печалась о домашних.
Воду Старого Дона переехали мы с помощью наших верных коней,
А через воду Молодого Дона⁹ переправились мы силою молитвы.
Может ли вода глубочайшей реки
Иссякнуть, входя в сытучие пески?
Сияние восходящего солнца
Можно ли затмить ладонью руки?
Точно также и услышав тот прекрасный приказ (о походе)
Наши сердца исполнились
удовлетворением.*

Другая протяжная песня посвящена есаулу Манке Талтаеву, представителю знатного рода зайсангов. Он был награжден за героизм орденом Св. Анны 3-й степени. Среди представителей рода *талтахн* записана протяжная песня, восхваляющая подвиги героя Отечественной войны 1812 г.¹⁰ В тексте песни традиционно воспеваются конь гнедой масти, в снаряжении которого упомянуто седло с отдельными серебряными деталями. Герой песни характеризуется как «храбрец», как «привычный к боевым походам». Характерно, что в песню о есауле Манке Талтаеве исполнитель вводит куплет из песни «Маштак Боро» («Приземистый серый конь»).

⁶ Матвей Иванович Платов (1753–1818) — русский военный, граф (1812), генерал от кавалерии (1809), казак. Участвовал во всех войнах России конца XVIII и начала XIX века, с 1801 г. — атаман Всевеликого войска Донского.

⁷ Генерал А. Д. Мартынов.

⁸ Имя калмыцкого сотника.

⁹ Река Донец.

¹⁰ Информант Канкаев Санджи Акимович, запись Н. Ц. Биткеева, 1976 г.

Песня об участии донских калмыков в Отечественной войне 1812 г. вошла в текст пьесы Аксена Сусеева «В поисках счастья» [Сусеев 1940: 35]. В песне воспеваются доблесть донских калмыков в войне 1812 г.

*Карпатских гор
Достиг я,
Сильного врага
Я осилил.
Непоседливую
Быструю гнедую лошадь
Оседлал я,
Врага, напавшего с четырех сторон,
Мы победили.
С русскими людьми
Объединившись,
Родину свою Россию
Защитили
За Кутузовым-нойоном¹¹.
Мы последовали,
Сильного врага
Мы победили.*

Протяжная песня о подвигах героя Отечественной войны 1812 года, посвященная Джамба-тайши Тундутову¹², записана Номто Очировым. В песне звучит благопожелание в честь Джамба-тайши Тундутова, собравшего целый полк против наступающих французов: «Собрал он оружие и доспехи, собрал он войско, У высокопоставленного Джамба-тайши, пусть свершатся всего его дела» [Очиров 2006: 155]. В песне звучат буддийские мотивы, неизвестный исполнитель просит буддийских божеств Окон Тенгри¹³, Манджушри¹⁴ взять под свое покровительство «тысячное войско» калмыков и Джамба-тайши, выступивших против врага России.

Песни, которые сложены калмыками в честь событий и героев Отечественной войны 1812 г., воспевали военные походы калмыков, передавали их мысли и чувства, печаль об оставленных родных, выражаемые через поэтические образы. В песнях звучат патриотические мотивы: образ воина, защитника Отечества, нарисован динамично, он готов сражаться до победного конца ради спокойствия на российской земле.

¹¹ Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов (1745–1813) — прославленный русский полководец, генерал-фельдмаршал (1812), светлейший князь (1812), герой Отечественной войны 1812 г., первый полный кавалер ордена Св. Георгия.

¹² Джамба-тайши Тундутов — калмыцкий нойон, командир 1-го Калмыцкого полка, участвовавшего в Отечественной войне 1812 г.

¹³ Окон Тенгри — буддийское божество из ранга защитников веры.

¹⁴ Манджушри — бодхисаттва мудрости.

Литература

- Алимаа А., Омакаева Э. У.* Песенный фольклор монгольских народов: наследие и современность (по материалам полевых исследований 2007 года) // Фольклор в контексте культуры. Мат-лы Всеросс. науч. конф. (г. Махачкала, 12 марта 2009 г.). Махачкала: Изд-во Даг. гос. ун-та, 2009. С. 44–47.
- Бадгаев Н. Б.* Военное прошлое калмыков в зеркале исторических песен // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 1. С. 72–75.
- Балыков С. Б.* Девичья честь. Историко-бытовая повесть. Элиста, 1993. 236 с.
- Бахтин М. М.* Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Orange, U.S.A.: Antiquary, 1986. 525 с.
- Биткеев Н. Ц.* Калмыцкий песенный фольклор. Элиста: «Джангар», 2005. 213 с.
- Борджанова Т. Г.* Обрядовая поэзия калмыков Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 592 с.
- Давыдов Д. В.* Тильзит в 1807 году [электронный ресурс] // <http://www.museum.ru/1812/Library/Davidov6/index.html> (дата обращения: 12.04.2012).
- Калмыцкие песни*, записанные в Денисовской станции Сальского округа в ноябре 1902 года. Публикация В. К. Шивляновой // Из истории русской фольклористики. Вып. 4–5. СПб.: Наука, 1999. С. 541–560.
- Нефедьев Н. А.* Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб.: Тип. К. Крайя, 1834. 277 с.
- Сусеев А. И.* В поисках счастья. Элиста: Калмиздат, 1940. 51 с.
- Очиров Н. О.* Материалы по устной литературе Астраханских дэрбэтов // Очиров Н. О. Живая старина: из литературного наследия. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 398 с.
- Песня Онкора // Семь звезд. Калмыцкие легенды и предания / сост., пред. Д. Э. Басаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. С. 168.*
- Прозрителев Г. Н.* Военное прошлое наших калмык // Труды СУАК. Вып. 3. Ставрополь: Губ. правление, 1912; 2-е изд., репринтное. Элиста: Санан, 1990. 144 (I) + 28 (II) + 60 (III) + 44 (IV) + 30 (V) + XXXXIII с.
- Хабунова Е. Э.* Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия. Исследование и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 221 с.
- Шовунов К. П.* Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XX вв.). Элиста: КИОН РАН; Союз казаков Калмыкии, 1992. 317 с.

УДК 94(470)

ББК 63.3 (2Рос-Калм)

ГЕРОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г. ЦАГАН ХАЛГА ЛУЗАНГОВ И ЕГО ПОТОМКИ

Э. П. Бакаева, Н. Э. Бакаев

Накануне Отечественной войны 1812 г. был принят указ от 7 апреля 1811 г., в котором говорилось: «Для усугубления армии нашей легкими иррегулярными войсками, желая составить два Калмыцкие пятисотенные полка из орд, обитающих в Астраханской, Саратовской и Кавказской Губерниях, исключая причисленных к сему войску и службу обще с ним несущих; я поручаю вам исполнение сего с тем предположением, чтобы выбор сих полков был произведен преимущественно из родов Чучеева, Тюменева и Ерденева, назначив и начальников в полки из князей султанов или владельцев сих же родов¹.

Наряд сей должен быть произведен без всякого принуждения и по доброй воле, уве-

ряя их, что за усердие и готовность на службу князья султаны и владельцы пожалованы будут чинами и знаками отличия, а рядовые Государевым нашим жалованьем; по окончании же военных действий отпущены будут с честью восвосяи» [Калмыки 1964: 17].

Согласно упомянутому указу, были образованы 1-й Калмыцкий полк из калмыков Малодербетовского и Большедербетовского улусов и 2-й Калмыцкий полк из калмыков Хошеутовского и торгутских улусов.

Как следовало из текста указа, командирами полков должны были быть назначены нойоны, двое из которых — Тундутов и Тюмень — изъявили желание возглавить их. Есаулами и сотниками стали зайсанги — управляющие аймаками из числа назначенных или «природных зайсангов»². Калмыки

¹ Родов Чучеева — т. е. Чучея Тундутова, Тюменева — т. е. Тюменя Джиргалана, Ерденева — т. е. Эрдени Цаган-Кичикова.

² Принадлежащих к данному социальному словию по происхождению.

Хошеутовского улуса составили половину полка. В числе воинов 2-го Калмыцкого полка был и сотник Цаган Халга Лузангов (Лоузангов) [Калмыки 1964: 86; Прозрителев 1990: 4 (V)] — зайсанг аймака бага-хошутов Хошеутовского улуса.

Цаган Халга Лузангов с честью прошел весь боевой путь вместе со своим полком от Пружан до Парижа. После формирования полк проследовал до Воронежа [Калмыки 1964: 85–86], где расположился в лесу в 35 верстах от города в уезде Нижне-Девичком [Калмыки 1964: 95]. Далее полк проследовал в Киев, Луцк [Калмыки 1964: 97] и начало войны встретил на границе. Как показали исследования [Беликов 1960; 1965], в это время полк находился в составе 3-й армии А. П. Тормасова и был непосредственно подчинен командиру 2-го корпуса генерал-лейтенанту Маркову. 13 июля 1812 г. полк принимал участие в первом своем сражении у Пружан. Как пишет Т. И. Беликов, «принимавшая участие в этой операции сотня калмыков второго калмыцкого полка действовала дружно, напористо и проявила исключительное мужество» [Беликов 1965: 133]. Затем последовали сражения при Городечно, Слониме, преследование противника от г. Бельска до г. Волковыска, 7 ноября — сражение под м. Свисловичи и др. [Беликов 1965: 133–134].

После завершения Отечественной войны 1812 г. 2-й Калмыцкий полк начал свой Заграничный поход по польской территории. Затем последовали сражения при г. Лигнице (6–7 августа 1813 г.), дер. Крейбау, Томосферте, г. Бунслау (8 августа), при с. Кейзерсвальде (9 августа), с. Эйх-Гольц, «что на р. Кацбахе» (14 августа), м. Гейнау, Бунцлау (18 августа), г. Герлице (24 августа), м. Пульсниц (7 сентября) и др. [Калмыки 1964: 107].

За сражение при Лигнице и Бунслау к наградам были представлены пять калмыков из командного состава. В документах указывалось, что они проявили беспримерную храбрость, служа примером для своих подчиненных. Среди награжденных был и сотник Цаган Халга Лузангов, получивший офицерский чин [Калмыки 1964: 102] и, следовательно, вошедший в новую для него систему социальной иерархии, которая регулировалась Табелью о рангах.

4–7 октября 1813 г. Цаган Халга Лузангов принимал участие в битве при Лейпциге, 19–20 декабря 1813 г. — в сражении при

переправе через Рейн и разбитии неприятеля при Муттер-Штадт [Калмыки 1964: 107]. Именно при переправе через р. Рейн и «при разбитии неприятельских эскадронов при Муттер-Штадте» [Калмыки 1964: 106], а также в бою при Рухгейме командир полка С. Тюмень, майор Плеханов, служивший в полку «для показания порядка», и сотник Цаган Халга проявили «пример неустрашимости», «презирая сильный ружейный неприятельский огонь», возглавили атаку и одержали победу над неприятелем, взяв в плен несколько человек, в том числе бригадного командира и офицера. За эти сражения бага-хошутский зайсанг Цаган Халга был награжден орденом Св. Анны 3-й степени³ [Калмыки 1964: 106].

Далее полк проследовал по территории Франции к Парижу, а с ним и сотник первой сотни Цаган Халга, принимавший участие в боях между Сен-Обен и г. Минье (10 января 1814 г.), при м. Монмириль (30.01), м. Шато-Тъери (31.01), м. Вошан и Жуанвиль (2.02), м. Мери (10.02), при г. Сезан⁴ (13.02), под г. Мо и у селения Муа⁵ (15.02), при с. Трион (23.02), г. Лион (2–25.02), при с. Труа (1–2.03). При Фер-Шампенуазе 13 марта 1814 г. полк участвовал в уничтожении целого корпуса наполеоновских войск, 20 марта вошел в Париж, а 24 марта принимал участие в сражении при Леферте [Калмыки 1964: 106–107, 121].

В начале 1814 г. сотник Цаган Халга Лузангов был представлен к присвоению чина есаула за отличия в сражениях при Мейсине и Лейпциге [Калмыки 1964: 113].

18 ноября 1814 г. полк под командованием С. Тюменя возвратился на родину. Из всего состава полка вернулись 334 рядовых, 5 урядников, 1 писарь, 1 квартирмейстер, 7 хорунжих, 3 сотника, 3 есаула [Калмыки 1964: 116]. Газета «Восточные известия» 2 декабря писала: «Из числа защитников отечества возвратились и наши храбрые калмыки <...> В исходе 1811 года упомянутый сей полк, выступивши отсюда походом в действующую армию, безотлучно и до окончания действия был в числе войск под командой нашего генерала Сакена и прусского фельдмаршала Блюхера, с коими и вошел в Париж 19 марта, а 19 ноября сего года в объятья своих друзей и родственников.

³ Т. е. Анненским оружием — саблей с орденом на эфесе.

⁴ Здесь были разбиты два эскадрона кирасиров.

⁵ В этом сражении полк разбил эскадрон мамелюков.

Многие нижние чины украшены знаками отличия, а некоторые имеют по два и по три и даже других держав, <...> некоторые из рядовых калмыков постепенно в сражениях пожалованы в хорунжие, сотники и есаулы. Восторг и радость их отцов и братьев, сродников и стекшегося из кочевий почти всего подвластного князю Тюменю народа составляли трогательное зрелище. Князь Серебджаб⁶, в знак великого своего усердия, подвел в подарок своему отцу князю Тюменю ту самую лошадь, на которой он выехал в армию и действовал на оной во многих сражениях, где она получила семь ран, и одного верблюда, раненного там же. Полк же сей состоял из 500 человек, а возвратились 350. „Так царство Русское не рушится врагами, Доколь ограждено верными сынами“» [Калмыки 1964: 117–118].

После Отечественной войны 1812 г. и Заграничного похода 1813–1814 гг. есаул Цаган Халга Лузангов продолжил мирную жизнь зайсанга — управляющего аймаком бага-хошутов, кочевья которых всегда располагались вблизи кочевий князей Тюменей. Приведем в подтверждение последнего такой пример. Как известно, хурулы в дореволюционной Калмыкии были связаны с определенными родами, из которых и набирались их штаты и религиозные требы которых они и обслуживали. В Хошеутовском улусе три хурула составляли один монастырь и кочевали совместно, что является свидетельством того, что и рода калмыков, являвшихся их прихожанами, кочевали рядом. Монастырь включал Большой хурул⁷, Манлан Большой хурул и Докшадын Большой хурул. Для представителей бага-хошутова рода, которыми управляли потомки Цаган Халги Лузангова, «родовым» являлся Докшадын Большой хурул: именно там обучались монахи — выходцы из данного рода. «Эти три хурула кочевали летом в нагорной стороне реки Волги и с левой стороны на озере Шамбай, „зимой — три больших и один малый Цацан хурулы имеют зимовку на луговой стороне реки Волга, где постро-

⁶ Сербеджаб.

⁷ Здание сюме хурула, построенного Тюменями после окончания Отечественной войны 1812 г., известно как Хошеутовский хурул. В настоящее время он является единственным сохранившимся из хурулов дореволюционной Калмыкии. На памятнике общероссийского значения проводятся реставрационные работы и, к сожалению, допускаются значительные нарушения, в связи с чем общественность Республики Калмыкия обратилась в Министерство культуры Российской Федерации.

ен один молитвенный каменный сям Манлан большого хурула, каменный сям Доншоджи большого хурула, деревянный дом Цацан малого хурула, каменная цаца и один деревянный субурган“ (НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58. Л. 82об.)» [Батыров 2007: 73].

Как приближенный нойона Тюменя и возглавлявший в военное время первую из сотен полка своего командира, зайсанг Цаган Халга не мог не принимать участие вместе со своим владельцем в ответственных мероприятиях и в мирное время. Так, известно, что 19–31 марта 1822 г. есаул Цаган Халга Лузангов являлся представителем улуса вместе с Тюменем на собрании, состоявшемся в урочище Зензели [Митиров 2002: 124]. Здесь были обсуждены постановления по усовершенствованию системы управления калмыцким народом и были рассмотрены два проекта преобразований: первый был предложен владельцем Малодербетовского улуса Эрдени Тундутовым, другой — владельцем Большедербетовского улуса Очиром Хапчуковым и торгутским нойоном Церен-Убуши [Белоусов 2009: 488].

Есаул Цаган Халга Лузангов был удостоен, напомним, нескольких наград в период войны 1812–1814 гг.: дважды был повышен в чине и закончил поход в чине есаула, который согласно Табели о рангах приравнивался в гражданскому чину титулярного советника, а также был удостоен Ордена Св. Анны 3-й степени. В период, когда Цаган Халга получил высокую награду, удостоенные Ордена Св. Анны (любой степени) автоматически становились потомственными дворянами⁸. В то же время для калмыцкого общества и статус «природного зайсанга» означал принадлежность к высшему социальному слою, поскольку среди сословия зайсангов термином «природные» обозначались наиболее знатные, принадлежавшие к роду нойонов [Леонтович 1879; Митиров 2002] (что подтверждается следующим фактом: бага-хошутский зайсанг находился рядом с Тюменями в наиболее сложных моментах — будь то Отечественная война 1812 г., Зензелинское собрание, съезд представителей калмыцкого народа, Центральный исполнительный ко-

⁸ С 1845 г. это положение было изменено. Было установлено, что 1-я степень ордена дает потомственное дворянство, а остальные степени — только личное. Исключением являлись лица купеческого сословия и инородцы-мусульмане, которые при награждении любой из степеней ордена, кроме 1-й, дворянами не становились, а получали статус «почетных граждан» [Кузнецов 2002: 66–70].

митет по управлению калмыцким народом, 1-й общекалмыцкий съезд и др.).

Кроме полученных за боевые действия знаков отличия, калмыцкие воины должны были быть удостоены и наград, которые были введены для ветеранов Отечественной войны 1812 г. Так, уже 5 февраля 1813 г. Александр I учредил медаль «В память Отечественной войны 1812 года»⁹ для награждения всех (независимо от чина) участников боевых действий до 1 января 1813 г. В отношении данной медали дворянству была дана привилегия хранить ее у потомков без права ношения. В год празднования столетия войны в 1912 г. это правило было изменено. 30 августа 1814 г. была учреждена серебряная медаль «За взятие Парижа»¹⁰, которой награждались генералы, офицеры и солдаты, участвовавшие в Заграничном походе в составе действующей армии до 19 марта 1814 г. Награждение этой медалью по ряду причин началось только в 1826 г. и производилось вплоть до 1 мая 1832 г. Всего эту медаль получили более 160 тысяч человек. В нашем распоряжении пока нет документов о награждении есаула Цаган Халги данными медалями, тем не менее, можно смело утверждать, что они были ему вручены, так как среди калмыков специально проводился сбор сведений об участниках боевых действий при взятии Парижа.

12 августа 1912 г. император Николай II учредил юбилейную медаль «В память 100-летия Отечественной войны 1812 года». Медалью награждались как военные чины, находившиеся 26 августа 1912 г. на службе в частях, которые принимали участие в Отечественной войне, так и прямые потомки адмиралов, генералов и офицеров, священнослужителей по мужской линии, участвовавших в войне 1812 года. В память о заслугах предков перед Отечеством Николаем II 15 августа 1912 г. было утверждено еще и положение «О ношении установленных манифестом 30 августа 1814 года медалей потомками». По новому положению,

⁹ На лицевой стороне (аверсе) медали было изображено «всевидящее око», окруженное лучезарным сиянием, внизу дата — «1812 годъ». На оборотной стороне (реверсе) четырехстрочная надпись, библейское изречение: «Не намъ, / не намъ, / а имени / Твоему», т.е. благодарение Богу за освобождение России от иноземного нашествия [Кузнецов 2002: 102].

¹⁰ На аверсе медали было изображение Александра I в лавровом венце, в сиянии лучей, идущих от «всевидящего ока» над головой императора, на реверсе в лавровом венке — пятистрочная надпись: «За взятие Парижа 19 марта 1814» [Кузнецов 2002: 104].

по смерти отцов и старейшин семейств теперь разрешалось не только хранение, но и ношение потомками медалей 1812 года. Для осуществления этого права требовались «ясные доказательства своего происхождения от лиц, получивших таковые медали в 1814 году, и своего старшинства в роде». Такое право было распространено и на особ женского пола [Бирюков].

Принятие вышеуказанного положения повлекло проведение мероприятий по выявлению потомков героев Отечественной войны 1812 года, поэтому в Калмыцкой степи Астраханской губернии была осуществлена работа по сбору материалов к 100-летию Победы и собраны сведения об участниках этой войны и их потомках. Именной список потомков воинов 1812 г. опубликован в книге Г. Н. Прозрителева, где имеется следующая запись в графе «Название улусов, аймаков, имен и фамилий лиц, предки которых принимали участие в войне»: «5-е поколение. Бадма Ара Эрдени Араев. Бадма Джергал Эрдени Араев. Бога Хошут Шонхорова рода», — и соответственно в графе «Имена и фамилии предков, участвовавших в войне»: «Участник Отечественной войны, сотник 1-й сотни II Калмыцкого полка зайсангской природы, Цаган Халагай (он же Цаган Халга Лоузангов)» [Прозрителев 1990: 35 (IV)]. Далее в этом же документе имеется уточнение: «Зайсанги Александровского улуса: 116) Бадма Ара, 117) Бадма Джиргал Шонхоровы. — Участник Отечественной войны, сотник 1-й сотни 2 калмыцкого полка Цаган Холагаи (он же Цаган Халга Лоузангов) награжден чином Есаула» [Прозрителев 1990: 43 (IV)].

Сведения, приведенные Г. Н. Прозрителевым, основывались на архивных материалах. «20 сентября 1911 года братья Шонхоровы подали прошение, в котором писали: „Наш предок — зайсанг Цаган-Халга принимал участие в русско-французской войне 1812 года, состоя сотником Второго Калмыцкого полка, получив затем за отличия в военной службе военный чин Есаула. А так как ввиду предстоящего юбилея этой войны потомки участников ее подлежат особой милости Царя, покорнейше просим Управление выдать нам удостоверение в том, что мы потомки вышеозначенного Цаган-Халги“» [Митиров 2002: 124].

22 сентября 1911 г. Управление выдало удостоверение, в котором подробно гово-

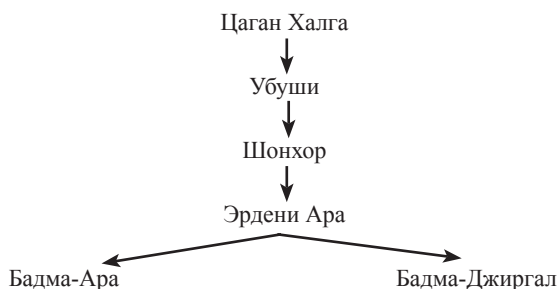
рилось о потомках Цаган-Халги по нисходящей линии:

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Выдано изъ Управленія калмыцкимъ народомъ зайсангу Александровскаго улуса, Бага-Хошутова рода Бадма Джиргалъ ШОНХОРОВУ, согласно прошенію, для представленія по принадлежности при возбужденіи ходатайствъ о признаніи его съ семействомъ въ правахъ потомственнаго дворянина, въ томъ, какъ видно изъ дѣлъ архива Управленія Калмыцкимъ Народомъ, что аймакомъ Бага-Хошутова рода Александровскаго улуса (бывш. Хошеутовскаго), управлялъ зайсангъ — Есаулъ Цаганъ-Халга, но по смерти его въ управленіе аймакомъ вступилъ его сынъ Убуши, умершій до 1850 года, за смертью его аймакомъ управлялъ сынъ Шонхоръ, умершій въ 1866 году, по смерти же послѣдняго въ управленіе аймакомъ вступилъ сынъ его Эрдени-Ара Шонхоровъ, который и управлялъ аймакомъ до изданія закона 1892 года и что Бадма Джиргалъ родной сынъ послѣдняго, что и удостовѣряется надлежащимъ подписомъ и приложеніемъ казенной печати» [НА РК. Ф.И-9. Оп. 1. Ед. хр. 351. Л. 14].

Важно отметить, что признание за семьями потомков героев Отечественной войны 1812 г. статуса потомственного дворянина являлось весьма актуальным и важным для калмыцких зайсангов и нойонов в связи с тем, что в 1892 г. в Калмыкии проводилась реформа, отменившая обязательные отношения и повлекшая изменение социального положения высших сословий.

На основании вышеприведенных сведений можно восстановить генеалогическую линию бага-хошутских зайсангов, восходящую к герою Отечественной войны 1812 года Цаган Халге Лузангову:

Известно, что зайсанг бага-хошутова рода Шонхор носил фамилию Цаган-Халга-

ев [Митиров 2002: 125] — под таким именем он упоминается в «Списке калмыцким родам и аймакам, составленным К. Костенковым. Его потомки уже носили фамилию Шонхоровы, хотя у Г. Н. Прозрителева братья Бадма-Ара и Бадма-Джиргал упоминаются и как «Эрдени-Араевы».

Согласно «Списку калмыцким родам и аймакам» К. Костенкова, в Хошеутовском улусе бага-хошуты насчитывалось 233 семьи, аймаки возглавляли Шонхор Цаган-Халгаев (116 семей) и Очир Улюмджиев (117 семей); аймак ики-хошуты (всего 97 семей) возглавлял зайсанг Джамбо Джамцуев [Митиров 1998: 326–327]. По данным Г. О. Авляева, в 1880 г. в Хошеутовском улусе выделялись 4 аймака бага-хошуты: зайсанга Улюмджиева (159 кибиток), зайсанга Шонхорова (117 кибиток), Джамцуева (73 кибитки), Намкеева (13 кибиток) — всего 362 кибитки [Авляев 2002: 177]. Бага-хошуты составляли по численности большинство хошуты в улусе. В начале XX в. в Александровском улусе насчитывалось 242 кибитки бага-хошуты [Митиров 1998: 339].

В начале XX в. братья Шонхоровы были известными людьми как у себя в улусе, так и за его пределами. Бадма-Ара Шонхоров являлся представителем калмыцкого народа в Управлении калмыцким народом. Он, как и нойон А. Б. Тюмень и зайсанг Ц. Бадмаев, являлся членом правления Сельскохозяйственного общества астраханских калмыков, созданного в 1903 г. (председатель — чиновник А. Йодковский) [НА РК. Ф.И-9. Оп. 10. Ед. хр. 10. Л. 1]. В те же годы во время подготовки Первой Международной выставки исторических и современных костюмов Бадма-Ара Шонхоровым были переданы в ее фонд ценные экспонаты (четыре верхних платья *цегдег* костюма замужней женщины из зеленого и черного бархата, из парчи, а также мужской бешмет с патронами), которые ныне хранятся в этнографическом отделе Русского музея [Митиров 2002: 125].

Зайсанг Бадма-Ара Шонхоров являлся членом делегации от калмыцкого народа, принявшей участие в юбилейных мероприятиях в Санкт-Петербурге по поводу 300-летия добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства, 100-летия Отечественной войны 1812 года, 300-летия Дома Романовых [Митиров 2002: 125].

После февральской революции 1917 г. в Калмыцкой степи Астраханской губернии вместо системы попечительских управлений были созданы улусные и аймачные исполкомы. 26–31 марта 1917 г. прошел съезд представителей калмыцкого народа, в работе которого приняли участие около 100 делегатов почти из всех аймаков. Согласно решению съезда, вместо попечительской власти был создан выборный коллегиальный орган — Центральный исполнительный комитет по управлению калмыцким народом (ЦИК УКН). Председателем ЦИК УКН был избран бывший заведующий Управлением калмыцкого народа и помощник астраханского губернатора Б. Э. Криштафович. В состав ЦИК УКН были включены помощник присяжного поверенного Н. Очиров (ведающий делами земледелия), нойон Д. Тундутов (ведающий коневодством), юрист Санджи Баянов и зайсанг Бадма-Ара Шонхоров¹¹ [Очиров 2009: 153]. Кандидатами в ЦИК УКН стали нойон Т. Тюмень, хошутский зайсанг Балта Сарангов, ветеринарные врачи О. Босхомджиев, врач С.-Г. Хадылов. ЦИК работал на правах Управления калмыцким народом, даже штат состоял из бывших чиновников УКН. Исследователями отмечено, что «в составе 9 членов ЦИК УКН четверо представляли Малодербетовский улус (Тундутов, Очиров, Баянов, Босхомджиев), трое — Хошеутовский (Т. Тюмень, Шонхоров, Сарангов), что, по всей видимости, объясняется влиятельностью группировок нойонов Тундутова и Тюменя в калмыцком обществе» [Очиров 2009: 153].

Как отмечалось одной из комиссий, «Бадма-Ара Шонхоров до революции 1917 года среди населения своего улуса пользовался большим авторитетом и влиянием на массы» [НА РК. Ф.Р-3. Оп. 10с. Ед. хр. 500. Л. 73об.]

После Октябрьской революции Бадма-Ара Шонхоров также продолжал принимать активное участие в общественной жизни Калмыкии. Он являлся участником Первого общекалмыцкого съезда, продолжал работать на разных выборных должностях в улусе: «В 1918 году служил Членом Хошеутовской улусной Уголовной Следственной комиссии. В конце 1919 года Советом был избран Председателем Хошеутовского улусного исполкома до октября 1920 г. В 1926 г.

¹¹ В 1917 г. Бадма-Аре Шонхорову было всего 38 лет.

Бадма-Ара Шонхоров служил заведующим сельскохозяйственной колонией Хошеутовского улуса» [НА РК. Ф.Р-3. Оп. 10с. Ед. хр. 500. Л. 73].

Бадма-Джиргал Шонхоров, как пишет А. Г. Митиров, «в основном занимался хозяйством — скотоводством, как и все зайсанги» [Митиров 2002: 126]. Об этом же писал сам Б.-Д. Шонхоров в анкете, сохранившейся в делах Национального архива Республики Калмыкия [НА РК. Ф.Р-3. Оп. 10с. Ед. хр. 500. Л. 75]. Однако и он, будучи образованным зайсангом, принимал участие в общественной жизни улуса: так, с 1918 по 1923 г. Бадма-Джиргал Шонхоров являлся членом Совета Хошеутовского улуса [НА РК. Ф.Р-3. Оп. 10с. Ед. хр. 500. Л. 75]. Дети Б.-Д. Шонхорова обучались в учебных заведениях г. Астрахани [НА РК. Ф.Р-3. Оп. 10с. Ед. хр. 498. Л. 81].

Судьба распорядилась сурово с братьями Бадма-Арой и Бадма-Джиргалом Шонхоровыми. Хотя, как отмечалось в документах, они «не переходили на сторону белых», однако в силу их происхождения новая власть признала «приобретенное до революции хозяйство не своим трудом нажитым». Поэтому сначала 10 мая 1926 г. улусная комиссия постановила национализировать здания и 50 % имеющегося у них скота [НА РК. Ф.Р-3. Оп. 10с. Ед. хр. 500. Л. 73об., 75об.]. В связи с дальнейшими событиями в стране в 1929 г. Шонхоровы были выселены в Нижневолжский край, где их поселили в Александров-Гае Новоузенского района, имущество их было полностью изъято. Так были утрачены и семейные реликвии.

Согласно архивным данным за 1927 г., на учет были взяты семья Б.-А. Шонхорова (48 лет): жена Баин-Дала (42 лет), дочь Маруся (13 лет) — и семья Б.-Д. Шонхорова (46 лет): жена Эскеленг (43 года), сын Аркаш (11 лет), сын Эрдни-Ара (6 лет), дочь Наташ (13 лет), дочь Улюмджи (9 лет), дочь Клавдия (5 лет) [НА РК. Ф.Р-3. Оп. 10с. Ед. хр. 500. Л. 11]¹². Что касается детей Бадма-Джиргала, то у них были двойные имена (что подтверждается анкетой, подписанной им лично). Приведем данные о его семье согласно сведениям из архива за 1926 г.: «Бадма-Джиргал Шонхоров 45 лет, жена Эскеленг 42 лет, дочери Наташа 17 лет, Шура 12 лет, Цаган-Халга 5 лет, сыновья Арка-

¹² В анкете Б.-А. Шонхорова, составленной в 1926 г., указано, что Марусе 16 лет, в документах она была записана под полным именем Мария.

дий 13 лет, Андрей 9 лет» [НА РК. Ф.Р-3. Оп. 10с. Ед. хр. 500. Л. 75]. Анкета подписана самим Шонхоровым, что подтверждает достоверность данных. Таким образом, у дочери Улюмджи было русское имя Александра (Шура), у Цаган-Халги — Клавдия, у сына Эрдни-Ары — русское имя Андрей. Аркадий в документах упоминается только под этим именем. Из других данных известно также, что большеглазую красавицу Наталью Шонхорову звали Нюдлей, и именно ей посвящена известная песня «Нюдля», сочиненная Бадмой Джимбиевым. Как видно, имена детям Бадма-Джиргал Шонхоров выбирал не простые. Один из сыновей был назван в честь деда Эрдни-Ары, дочь Клавдия носила имя великого предка — героя Отечественной войны 1812 г.¹³, а Улюмджи, родившаяся в 1914 г., вероятно, была названа в честь Александра I.

Трагические страницы истории калмыцкого народа отразились на судьбе потомков Шонхоровых, которые пережили две депортации — в 1929 г. и 28 декабря 1943 г. — и ныне проживают в Казахстане и Калмыкии. Как отмечал А. Г. Митиров, Мария — дочь Б.-А. Шонхорова — инженер путей сообщения, живя в селе Алгай Новоузенского района, вышла замуж за Юнусова, проживала в Алма-Ате¹⁴. Аркадий — сын Б.-Д. Шонхорова — участвовал в финской и Великой Отечественной войне, был участником обороны Ленинграда, имел звание майора, семья его проживает в Алма-Ате [Митиров 2002: 126]. По словам Аркадия Бадма-Джиргаловича, командир, чтобы не отправлять с фронта воина, подменил документы, записав его Шайхаровым, казахом. Поэтому потомки Бадма-Джиргала Шонхорова носят ныне и эту фамилию. Во время Великой Отечественной войны погиб Андрей (Эрдни-Ара) Шонхоров¹⁵. Дочь Бадма-Джир-

гала Шонхорова Улюмджи (Александра) не пережила тягот сложных лет выселения. Младших детей из Нижневолжского края родственники тайно перевезли в Калмыкию, где девочка вскоре умерла. Линия Нюдли-Натальи Шонхоровой продолжена тремя дочерьми: Ираида Сангаджи-Гаряевна Манджиева многие годы трудилась в органах исполнительной власти в г. Элисте, ее сестра Эмилия Сангаджи-Гаряевна Ковалева — известный в Республике Калмыкия медицинский работник, третья дочь (от второго брака) — Нелли Бадмаевна Джимбиева, Заслуженная артистка Казахстана. У Цаган-Халги (Клавдии) Шонхоровой (Бакаевой) — дочь и два сына. Старшая дочь Ц.-Х. Шонхоровой Кишта Намруевна — Заслуженный врач Республики Калмыкия. Один из сыновей — Эртне Намруевич — являлся депутатом Верховного Совета Калмыцкой АССР, за большой вклад в социально-экономическое развитие Республики Калмыкия удостоен почетного звания «Заслуженный работник народного хозяйства РК». Второй сын Дорджи Намруевич много лет отдал работе в сельском хозяйстве Калмыкии.

История народа, как в зеркале, отражается в истории конкретных фамилий и личностей. В культуре калмыцкого народа сохраняется традиция многовековой памяти о предках, которых полагалось знать по меньшей мере до седьмого колена. Старшее поколение, активно трудящееся в Калмыкии, представляет всего седьмое поколение от героев Отечественной войны 1812 г., поэтому память о них жива и передается молодежи, способствуя патриотическому воспитанию подрастающего поколения. Одним из героев Отечественной войны 1812 г. является есаул Цаган Халга Лузангов, покрывший себя неувядаемой славой в сражениях за Родину.

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Литература

Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 325 с.

Батыров В. В. Кочевья хурулов и родов в Калмыцкой степи в конце XIX в. // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. Элиста: Изд-во КГУ, 2007. С. 68–76.

Беликов Т. И. Участие калмыков в войнах России в XVII, XVIII и первой четверти XIX веков. Элиста: Калмгосиздат, 1960. 144 с.

¹³ По словам Цаган-Халги (Клавдии) Бадмаевны Шонхоровой, ей было дано имя великого деда, но в семье ее также звали русским именем Клавдия — в силу калмыцкой традиции табу на произнесение имен предков по мужской линии невестками.

¹⁴ Продолжателем этой линии потомков Шонхоровых является ее сын Бакытжан, у которого единственная дочь.

¹⁵ А. Г. Митиров, ссылаясь на рассказ С.-Г. Манджиева, указывал, что случилось это в Сталинградской битве [Митиров 2002]. Однако по воспоминаниям Ц.-Х. Шонхоровой последнее письмо от брата пришло из-под Смоленска, Андрей писал, что предстоят крупные сражения и он вместе с боевыми собратьями готов защищать Родину до последней капли крови.

- Беликов Т. И.* Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVII – начало XIX вв.). Элиста: Калмгосиздат, 1965. 180 с.
- Бирюков А. М.* Награды Отечественной войны 1812 года [электронный ресурс] // <http://www.xxc.ru/stati/text019.htm> (дата обращения 31.07.2012).
- Белоусов С. С.* Калмыкия в период преобразований (первая половина XIX в.) // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. С. 464–513.
- Кузнецов А. А.* Энциклопедия русских наград. М.: Голос-пресс, 2002. 532 с.
- Очиров У. Б.* Калмыкия в период революции 1917 года и начала Гражданской войны // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. С. 151–195.
- Калмыки в Отечественной войне 1812 года: сборник документов / сост. М. Л. Кичиков, Б. С. Санджиев.* Элиста: Калмгосиздат, 1964. 163 с.
- Митиров А. Г.* Истоки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 272 с.
- Митиров А. Г.* Ойраты — калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 384 с.
- Леонтович Ф. И.* К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий и ойратский устав взысканий (Цааджинь-Бичик). Одесса: Тип. Н. Ульриха, 1879. 267 с.
- Прозрителев Г. Н.* Военное прошлое наших калмык. Элиста: Санан, 1990. 144 (I) + 28 (II) + 60 (III) + 44 (IV) + 30 (V) + XXXXIII с.

УДК 930.2

ББК 63.3 (2Рос=Калм)

О НОВОМ ИЗДАНИИ «РОДОСЛОВНОЙ ТОРГУТОВ»

В. П. Санчи́ров

Сочинение, полное название которого в переводе звучит как «Книга родословных и истории происхождения хана и князей Старых торгутов [сейма] „Үнэн сүзүгтү“ и Новых торгутов [сейма] „Чин сэдкильтү“» (далее — «Родословная...»), хранилось у торгутов Синьцзяна и представляет собой семейную родословную торгутского ханского рода. Оно стало известно в научных кругах только после того, как о нем написал датчанин Хеннинг Хаслунд-Кристенсен в своей книге «Люди и боги в Монголии. Заяган», вышедшей на шведском языке в 1934 г.¹ С этого издания был сделан перевод на английский язык, опубликованный в 1935 г. в Лондоне и Нью-Йорке [Haslund-Christensen 1935: 188]. Х. Хаслунд-Кристенсен принимал участие в экспедиции 1928–1930 гг. по Центральной Азии, которую возглавлял знаменитый шведский путешественник Свен Гедин, и посвятил книгу описанию своих приключений во время путешествия. После этого Датский национальный музей в Копенгагене поручил ему организовать еще одну экспедицию в Восточную Монголию в 1936–1937 гг., во время которой он собирал антропологический материал. Во время экспедиции в Центральную Азию с посещением Афганистана, Тибета и Западной Монголии Х. Хаслунд-Кристенсен умер в возрасте 52 лет [Okada, Miyawaki-Okada 2007: 124].

В феврале 1929 г. Х. Хаслунд-Кристенсен воспользовался возможностью посетить торгутский монастырь Шара Сюме («Желтый монастырь») в горах Тянь-Шаня к северу от Карашара в Синьцзяне. Здесь ему довелось присутствовать на праздновании буддийского Нового года (по лунно-солнечному восточному календарю — года железа-змеи). В библиотеке монастыря, имевшей богатый выбор литературы, он наткнулся на старинный документ (озаглавленный им впоследствии как «Toregut Rarelro»), который он попросил прочитать для него. Свой

интерес к ойратской рукописи по истории торгутов Х. Хаслунд-Кристенсен объясняет следующим образом:

Покрытая легендами история торгутов долгое время занимала мое воображение, и я в течение многих лет пытался из книг и первоисточников восстановить исторические предпосылки нынешних условий существования этого монгольского племени.

Я почерпнул много сведений из «Toregut Rarelro», которую мне прочитали и растолковали ученые ламы в торгутском Желтом монастыре в горах Тянь-Шаня. Это старое собрание документов, написанных на монгольском языке, чисто монгольского происхождения, является весьма цветистым и образным рассказом самих торгутов о предках хана и народа, их битвах в прошлые века [Haslund-Christensen 1935: 31].

Датский путешественник и ученый подробно описал виденную им в монастыре ойратскую рукопись: «...Разговор с настоятелем выявил существование древнего труда, составлявшегося на протяжении веков торгутскими историками и озаглавленного «Toregut Rarelro» («Происхождение торгутов»). Это произведение, как и многие другие древние торгутские рукописи, сохраняется с почти религиозным благоговением, и только немногие избранные имеют доступ в тот флигель, в котором он хранится.

«Toregut Rarelro» состоит из некоторого количества переплетенных листов из какой-то похожей на чесучу ткани, которые помещены между двумя богато украшенными резьбой и раскрашенными дощечками, которые в свою очередь были обернуты в несколько слоев кожи и парчи. Листы размером шесть на пятнадцать дюймов [в датском издании 15x40 см — В. С.] исписаны торгутским письмом черными и красными чернилами, а записи, очевидно, делались различными лицами и в разное время. Надпись на вводных листах выцвела и читается с трудом, но, тем не менее, можно прийти к заключению по характеру слов о том, что автор был ламой» [Haslund-Christensen 1935: 32].

¹ О запутанной истории публикации этой книги см. в статье американского монголиста Джона Крюгера [Krueger 1974: 30].

Затем Х. Хаслунд-Кристенсен приводит пространную вводную часть из «Toregut Rarelro», где повествуется о первых правителях торгутов, начиная от их легендарного правителя Гэрэл-Дара-хана (в книге он именуется Geril Däre Khan «хан величайшего блеска») и заканчивая Шукур-Дайчином и его сыновьями. Сообщение датского путешественника о существовании ценного исторического источника по истории торгутов и версия этого источника о происхождении торгутов и этнонима «торгут» долгое время оставались вне поля зрения монголистов, в том числе и калмыковедов, пока на его книгу не обратил внимание американский ученый Дж. Крюгер.

Во время своего пребывания в Дании в 1972 г. он работал в Центральноазиатском институте при Копенгагенском университете, где хранятся научные материалы Х. Хаслунда-Кристенсена, полученные институтом после смерти ученого. Дж. Крюгер обнаружил среди материалов тетрадь с латинской транскрипцией ойратского текста, с которой и был сделан перевод, помещенный в книге «Люди и боги в Монголии» [Haslund-Chriestensen 1935]. Внимательное изучение транскрипции текста с помещенным там же английским переводом показало, что она несовершенна, так как была выполнена не монголистом, а человеком, хотя и хорошо знавшим разговорную монгольскую речь, но не владевшим письменным языком. Поэтому при записывании на слух ойратского текста им были допущены многочисленные ошибки. Тем не менее сама транскрипция позволила владельцу монгольским и ойратским языками Дж. Крюгеру в большинстве случаев после сравнения ее с напечатанным переводом определить, какое ойратское слово имеется в виду, и правильно прочитать текст (к примеру, ойратское выражение *торгудын харулта* 'происхождение торгутов' было передано как Toregut Rarelro). Исправленную транскрипцию ойратского текста с новым переводом Дж. Крюгер опубликовал в журнале «Central Asiatic Journal» [1974]. Исследователь пытался идентифицировать заинтересовавший его источник, но в то время, не имея в своем распоряжении открытых позднее ойратских историко-генеалогических сочинений, он пришел к неутешительному заключению: «Ни одно произведение под таким названием не было обнаружено мною в известных монголистам каталогах

фондов монгольских рукописей и ксилографов» [Krueger 1974: 34].

Введение в научный оборот новых ойратских сочинений по истории торгутов позволило установить ойратский оригинал «Toregut Rarelro». Им оказалась «Родословная торгутских ханов и князей», которая будет рассмотрена нами ниже. Сравнение уже вводной ее части, где говорится о происхождении названия «торгут» и о вхождении торгутов в состав дурбэн-ойратов при Тогоне-тайши (первая половина XV в.), с отрывком, опубликованным датским ученым, позволяет сделать вывод об их идентичности. Тексты совпадают вплоть до имен и мельчайших подробностей, за исключением некоторых содержательных моментов, которые отсутствуют в «Родословной...». Их появление в книге Х. Хаслунда-Кристенсена можно объяснить тем обстоятельством, что торгутские ламы, пересказывая текст, давали устные разъяснения к отдельным темным местам «Toregut Rarelro».

В 1985 г. в Издательстве культуры Внутренней Монголии вышел сборник на старописьменном монгольском языке, в котором наряду с переизданием текстов калмыцких историко-литературных памятников (сочинений Габан Шараба, Батур-Убаши Тюменя и «Истории калмыцких ханов») опубликованы вновь открытые ойратские сочинения [Oyirad teüken surbulji bičig 1985: 442]. Одно из них называется «Ünen süjigtü qayučin toγud kiged čing sedkiltü šin-e toγud-un qayan noyad-un uy ündüsün-ü ilelkel teüke-yin bičig» («Книга родословных и истории происхождения хана и князей Старых торгутов [сейма] «Үнэн сүзүгтү» и Новых торгутов [сейма] «Чин сэджилтү»)» [Oyirad teüken surbulji bičig 1985: 365–389]. Названия «Үнэн сүзүгтү» («Истинно верующие» или «Имеющие истинную веру») и «Чин сэджилтү» («Имеющие честное сердце», «Непоколебимые» или «Благородные») в заглавии данного источника обозначают соответствующие названия сеймов, присвоенные им цинскими властями.

Те, кого называли «старыми торгутами», откочевали на берега Волги в 30-х гг. XVII в., а затем вернулись в район Или в 1771 г. Они были разделены на 10 аймаков и расселены во многих местах новообразованной провинции Синьцзян. Возглавлявшему их Убаши, являвшемуся наместником Калмыцкого ханства до 1771 г., цинскими властями был пожалован ханский титул, а их князья были

произведены в различные чины (ван, бэйлэ, бэйсэ, гун, тайджи I-й степени) по образцу административной системы управления, введенной ранее маньчжурскими завоевателями для монгольских князей.

«Новыми торгутами» назывались те торгуты, которые ранее входили в состав Джунгарского ханства и после его разгрома цинской армией в 1755 г. бежали на Волгу, а в 1771 г. вернулись в Джунгарию вместе с наместником Убаши. Название «новые торгуты», как предполагают, могло быть им дано на Волге. Несмотря на их прежнюю, «изменническую» с точки зрения цинского двора, деятельность император Цяньлун пожаловал их князю Шэрэнгу титул цзюньвана, а его племяннику Шара-Кюкэну — титул бэйсэ, образовав из их людей два хошуна и наделив кочевьями в Кобдоском округе на р. Булган [Санчилов 1990: 104].

Основная масса «старых торгутов», по данным «Илэтхэл шастир», была поселена в Синьцзяне. Их кочевья находились в четырех районах: Чжайр и Хобок-сари в подчинении Куркара-усуского амбана, на р. Цзинхэ в подчинении Тарбагатайского правителя (цаньцань дачэня) и на р. Булган в подчинении Карашарского амбана. Все вместе «старые торгуты» находились под общим управлением Илийского военного губернатора-цзянцзюня [Okada, Miyawaki-Okada 2007: 133; см. подробнее Мэн-гу-ю-му-цзи 1895: 143–152; Санчилов 1990: 106–108].

Японский исследователь Х. Окада опубликовал в 1995 г. статью о «Toregut Rarelgo», посвященную анализу содержащегося в ней исторического материала [Okada 1995]. Вскоре в другой статье он указал, что текст, опубликованный в сборнике, который вышел во Внутренней Монголии, идентичен тексту «Toregut Rarelgo» Х. Хаслунда-Кристенсена [Okada 1997]. После этого его жена, тоже монголистка Дзюнка Мияваки обнаружила в Улан-Баторе в Национальной центральной библиотеке рукопись, название и текст которой совпадали с синьцзянским сочинением. Между ними было лишь одно различие. В тексте синьцзянского документа перечисляется больше поколений ханов, чем в уланбаторской рукописи. Поскольку и рукописная копия, и текст, отпечатанный типографским способом в Китае, были составлены на монгольской письменности, то оба японских исследователя высказали предположение, что оригинал родословной торгутских ханов и князей был написан так-

же на монгольском языке, что не соответствовало действительности.

Ясность внесла опубликованная Ц. Чойдандаром в Китае в 1991 г. на монгольском языке «Родословная торгутских ханов и князей» [Šine qaγučin Torγud-un qaγad noγad-un uγ ündüsüten-ü ilelkel šastir 1991]. К этому времени был уже найден еще один список «Родословной...» на ойратской письменности у эдзинеиких торгутов. Он хранится в библиотеке Эдзэнэ-хошуна во Внутренней Монголии. В конце сочинения содержится приписка: «Эту „Историю“ написал монах-гелюнг, рожденный в роду торгутских князей, Гэлэг Цогдан, известный под именем Эджэй»².

Ц. Чойдандар переложил оригинальный ойратский текст на «ясном письме» на уйгуро-монгольскую письменность, написал к нему введение и снабдил комментариями. В этой рукописи имена ханов и князей, лам и хубилганов, а также названия титулов и должностей выделены красными чернилами, имена остальных написаны черным цветом. В ней помещены имена 439 человек из рода торгутских ханов и князей, живших на протяжении семи с лишним столетий, если брать от родоначальника торгутов Ван-хана Тогорила и до конца XIX в., то речь идет о 25 поколениях. Автор «Родословной...» вписал в нее всех знатных предков торгутов, начиная с оставшихся на Волге в России и заканчивая торгутами, живущими во многих районах нынешнего Синьцзяна, Кукурнора (провинция Цинхай) и Эдзэнэ-хошуна Внутренней Монголии.

Не указано, где и когда именно Эджэй Гэлэг Цогдан написал это свое сочинение. Ц. Чойдандар допускает, что он написал его в период между 1853 и 1889 гг., т. е. после того, как его перевели в должность ламы-настоятеля в хошуне эдзинеиких «старых торгутов». Гэлэг Цогдан особо выделяет из 439 торгутских ханов и князей Арабджура — родоначальника 22 князей хошуна эдзинеиких «старых торгутов», — доведя его родословную до князя Донруб Раши, князя в 18-м поколении, унаследовавшего титул «төрү-йин бэйлэ» в 12-м году правления цинского императора Тунчжи (1873).

Список, хранящийся в библиотеке Эдзэнэ-хошуна, представляет собой книгу монгольского образца размером 27x36 см, состоящую из прошитых нитью листов.

² Гэлэг Цогдан родился в 1811 г. и умер в 1889 г.

Сами листы из белой хлопчатобумажной ткани расчерчены красной краской на графы, среди которых вписан от руки текст на ойратском «ясном письме». Всего в книге 16 страниц, из них восемь оставлены с незаполненными графами. На внутренней стороне первой страницы книги помещено датированное 25 августа 1964 г. разъяснение об обстоятельствах появления списка, данное писарем управления хошуна эдзинэйских «старых торгутов» по имени Гава-авгай (1916–1968): «Это историческое сочинение, хранившееся [у него], привез лично хубилган-лама Эдзэнэ-хошуна по имени Эджэй Гэлэг-Дагбу-Намджил писарю хошунного управления жингийн бэйлэ «старых торгутов», живущих в [местности] Богда Эрийэн Хабирга в провинции Синьцзян [сейчас это уезд Цзиньхэ Боротала Монгольского автономного округа Синьцзяна], по имени Широб-захиругчи в году синеватого зайца (1915 г.)» [Šine qaγučin Torγud-un qaγad noyad-un uγ ündüsüten-ü ilelkel šastir 1991: 7].

Ц. Чойндандар называет этот список в своем предисловии «списком Широба». При его подготовке к публикации он использовал и текст другого списка из сборника «Ойратские исторические источники» (1987 г.), выпущенного Х. Бадаем, Эрдэни и Алтан-Оргилом в Синьцзянском народном издательстве на ойратском языке [Oyirad teüken surbulji bičig 1987: 375–399] и являвшегося переизданием на «ясном письме» сборника, вышедшего в 1985 г. в Издательстве культуры Внутренней Монголии на старописьменном монгольском языке [Oyirad teüken surbulji bičig 1985]. Помещенный в этом сборнике список «Родословной...» был приобретен Х. Бадаем в Синьцзяне у человека по имени Дорджи, поэтому Ц. Чойндандар называет его «списком Дорджи» и указывает, что, сличив изданный Х. Бадаем «список Дорджи» со своим «списком Широба», дополнил его и заимствовал из изданий 1985 и 1987 гг. отдельные комментарии. Оба эти списка, по его словам, в основе своей идентичны, но в конце каждого есть строки, отсутствующие в другом списке. Так, в «списке Широба» повествование доведено только до сыновей торгутского хана в 20-м поколении Маха Базара: Буян Өлзэйтү, Буян Иргту и Буян Бадарху. В «списке Дорджи» включены отсутствующие в «списке Широба» шестеро сыновей Буян Цогту. В то же время в «списке Дорджи» отсутствуют

имеющиеся в «списке Широба» такие сведения, как «четвертый сын Лэйджи Донруба-Дайбунг Баяр»; «у бэйлэ Данджина было три сына: Өлзэйбадарху, Тойн Цөлтөм, Гүнгджингнима», которые вписаны в «список Широба».

Оригинал «Родословной...» до наших дней не сохранился: он был утрачен во время мятежей и военных действий в период с 1869 до 1876 гг. Но еще до этого времени с него было сделано несколько копий, имевших хождение среди ойратов. Одна из них попала в Синьцзян и хранилась в Шара Сюме. Сам Гэлэг Цогдан, будучи по происхождению торгутом из ханского рода, потомком князей хошуна эдзинэйских «старых торгутов» и ламой-хубилганом, был известен и как религиозный деятель. После того, как он в 1851 г. был привезен из Лхасы в Эдзэнэ-хошун и стал настоятелем храма Дашичэйлинг, он стал активно подавлять шаманизм и энергично насаждать буддизм. Известно, что Гэлэг Цогдан ввел в своем монастыре в культовую практику так называемый «устав вечного собрания» (mōngke qural-un dūrim) [Šine qaγučin Torγud-un qaγad noyad-un uγ ündüsüten-ü ilelkel šastir 1991: 11]. Ц. Чойндандар предполагает, что именно в этот период, с 1853 по 1889 гг., он написал свое сочинение.

«Родословная...» несет на себе явные следы влияния религиозных и политических взглядов ее автора. Видно, что он ставил во главу угла укрепление сплоченности между мирянами и духовными лицами, улаживание противоречий между ними, защиту законов государства и религии. В заключительном разделе своего сочинения Гэлэг Цогдан написал: «подобно этому написано, что распространение счастья и благополучия обыкновенных людей в этой жизни и в следующем перерождении произойдет, если они все будут жить в согласии и следовать законам религии и государства. Так как из-за отсутствия согласия происходят междоусобицы (ebderel temečel) и гибнут религия Будды и ханское правление, то необходимо укреплять согласие» [Šine qaγučin Torγud-un qaγad noyad-un uγ ündüsüten-ü ilelkel šastir 1991: 117]. Призывая к консолидации во имя мира, автор приводит яркие примеры из индийских фольклорных и религиозных текстов. Так, доказывая необходимость борьбы с междоусобицами, он ссылается на предания, согласно которым в прежние времена в

стране Каши³ четыре вида животных разного происхождения — голубь, заяц, обезьяна и слон⁴ — стали братьями и стали жить в дружбе и согласии. Гэлэг Цогдан обращается к своим соплеменникам с горячим призывом к объединению, указывая, что «когда разного рода животные ведут себя подобным образом, то надо ли говорить о том, что братские (ага degüü) одного происхождения люди и князья должны жить в согласии» [Šine qayučin Torγud-un qayad noyad-un uy ündüsüten-ü ilelkel šastir 1991: 118].

Таким образом, «Родословная торгутских ханов и князей» является не только письменным памятником, содержащим сведения по генеалогии аристократических родов торгутов, но и ценным источником по истории ойратов.

Литература

- Мэн-гу-ю-му-цзи*. Записки о монгольских кочевьях / пер. с кит. П. С. Попова. СПб., 1895. 487 с. + 92 с. + VIII с.
- Санчилов В. П.* «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит-ры, 1990. 137 с.
- Haslund-Chriestensen H.* Men and Gods in Mongolia.

Zayagan. London, 1935. N. Y. (Dutton), 1935. 358 p.

- Krueger Jonn R.* New Materials on Oirat Law and History. Part Two: «The Origins of the Torgouts» // *Central Asiatic Journal*. Vol. XVIII. № 1. Wiesbaden, 1974. P. 30–34.
- Okada H.* Haslund's «Toregut Rarelro» Deciphered // *Historical and Linguistic Interaction between Inner-Asia and Europe. Proceedings of the 39th Permanent International Altaistic Conference (PIAC)*. Studia Uralo-Altaica 39. Szeged, 1995. P. 217–223.
- Okada H.* Haslund's «Toregut Rarelro» rediscovered // *Writing in the Altaic World. Studia Orientalia* 87. Helsinki, 1997. P. 187–194.
- Okada H., Miyawaki-Okada J.* Haslund's Toregut Rarelro in the Parallel Text in Ulaanbaatar // *Mongolian Studies. Journal of the Mongolia Society*. Vol. XXIX. (2007). P. 123–140.
- Oyirad teüken surbulji bičig.* Badai, Altanorgil, Erdeni emkidgen tayilburilaba. Öbör Monγol-un soyol-un keblel-ün qoriya, 1985. 442 x.
- Oyirad teüken surbulji bičig.* Šijiyang-giyin aradiyin kebleliyin xoro., 1987. 453 x.
- Šine qayučin Torγud-un qayad noyad-un uy ündüsüten-ü ilelkel šastir.* Čoyidandar qaryuγulun baγulyaju tayilburilaba. Begejing: Ündüsüten-ü keblel-ün qoriya, 1991. 146 p.

УДК 94(470.47)

ББК 63.3 (2)46

УЧАСТИЕ КАЛМЫКОВ В РУССКО-ПОЛЬСКОЙ ВОЙНЕ 1654–1667 гг.

В. Т. Тенкеев

Участие калмыков в Русско-польской войне 1654–1667 гг. еще не было предметом отдельного исследования ученых, изучавших историю Калмыкии XVII в. К сожалению, объем статьи не позволяет дать подробный и всесторонний обзор боевых действий калмыцкой конницы за этот период, поэтому автор ставил перед собой задачу на основе уже известных и выявленных архивных материалов осветить наиболее значительные боевые события этой военной кампании, в которых калмыки приняли непосредственное участие.

³ Согласно раннебуддийским сочинениям, Каши (Каси) называлось небольшое, но игравшее заметную роль в Древней Индии государство со столицей в Варанаси. В годы жизни Будды (наиболее принятая датировка — 563–483 гг. до н. э.) в Северной Индии существовало 16 таких «великих стран» (махаджанапад) [Бонгард-Левин, Ильин 1985: 194].

⁴ Поэтому Гэлэг Цогдан поместил на передней странице своего сочинения изображение этих четырех дружелюбных животных (ebtü dörben amitan).

После перекочевки из Центральной Азии на запад калмыки в первой половине XVII в. начинают активно осваивать степные пространства Северного Прикаспия, входя в непосредственные контакты с народами Северного Кавказа и Причерноморья, т. е. населением юга России. Однако, с одной стороны, самостоятельный выход калмыков на Волгу и Дон в то время не совпадал с интересами царского правительства, с другой — возможность использования калмыцкой конницы для охраны слабо укрепленных южных границ России представляла несомненный интерес для нее. В результате неудачной Смоленской войны 1632–1634 гг. Московскому государству не удалось вернуть территории, потерянные в период Смуты. Для достижения этой цели царскому правительству необходимо было решить две основные задачи: создание современной армии и надежное прикрытие протяженных южных границ от вторжений

кочевников. Вторая задача приобретала особенно важное значение в связи с возможностью наступлений на юге во время военных действий на других направлениях.

Одним из наиболее значительных и сложных вопросов России в XVII в. был вопрос о воссоединении с Украиной, большая часть которой входила в состав Речи Посполитой. 1 октября 1653 г. Земский собор принял решение об объединении Украины с Россией, 23 октября в Успенском соборе великий государь объявил о начале войны с Речью Посполитой. Наступление трех основных русских армий в Литве должны были поддержать на Украине Б. Хмельницкий и воевода А. Бутурлин с полком. С юга, со стороны Крымского ханства, прикрывал только воевода В. Шереметьев с Белгородским полком (свыше 7 000 чел.) [Малов 2006: 15–16]. Следовательно, южное направление в предстоящей войне оставалось недостаточно защищенным участком в случае возможного крымского вторжения, как это произошло во время Смоленской войны.

Перед царским правительством встал вопрос окончательного урегулирования русско-калмыцких отношений. С весны 1654 г. в дипломатических кругах России начал активно обсуждаться вопрос о более глубокой интеграции калмыков и использовании их отрядов против Крымского ханства. Поводом к этому послужили события на Украине. 8 января 1654 г. вопрос о воссоединении Украины с Россией был единогласно решен участниками Переяславской рады. Именно здесь в личной беседе московского боярина В. Бутурлина¹ с войсковым писарем И. Выговским была озвучена идея привлечения калмыков в войну против Крыма. В письме от 21 марта 1654 г. Б. Хмельницкий сообщил боярину В. Шереметьеву, что «калмыки с донскими казаками живут советно» и только ожидают царского указа, чтобы двинуться на Крым. Б. Хмельницкий предлагал направить калмыков степью, а «донцов» — морем на Крым, тогда татары бы оберегали свои города и не имели бы возможности прийти на помощь к польскому королю Яну Казимиру [Санин 1987: 124, 125–126].

В конце 1654 г. донские казаки отправили к калмыкам посланцев с предложением совместного военного похода против Крыма. Момент для этого был вполне подходящий, поскольку большинство крымцев ушли в польские и литовские города,

ослабив тем самым защиту своего ханства. Тайши согласились и уже на весну 1655 г. запланировали совместно с казаками выступить на Крым. Правительство, всячески поощряя такие связи, предоставило калмыкам вольную и беспошлинную торговлю в русских городах [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1655 г. Д. 2. Л. 19–20, 70–71]. Мирное соглашение с калмыками также давало возможность освободить значительные силы стрельцов, размещенных в волжских городах на границе с восточными кочевниками, и передислоцировать их на польско-литовское направление [Khodarkovsky 1992: 80].

Соглашение с калмыками требовало и конкретных шагов, подкрепленных материальным стимулированием: для этой цели уже в феврале 1655 г. из Москвы к тайшам Дайчину и Лузану были отправлены З. Волков и И. Горохов с жалованьем. Им предписывалось склонить тайшей к совместному военному выступлению на Крым и участию в польской кампании, позже послы в дороге были отозваны обратно [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1655 г. Д. 2. Л. 1; Преображенская 1960: 65]. Причиной такого шага послужило получение в царской ставке под Смоленском отписки астраханского воеводы И. Пронского, сообщившего об уже заключенном письменном акте (шерти) калмыками под Астраханью. Правительство строго запретило своим подданным нападать на калмыцкие кочевья, фактически признавая их право кочевать по берегам Волги [Санин 1987: 126].

От донских атаманов к тайшам были направлены посланцы с повторным предложением совместного выступления на Крым. Примерно в конце ноября — начале декабря 1655 г. калмыки начали переправляться на правый берег Волги, весьма встревожив этим крымские дозоры на границе. Из донесений волуйского воеводы Ф. Зарубина известно, что в начале 1656 г. калмыцкий отряд в 1,5 тыс. человек за Молочными Водами под Крымом захватил ногайский улус Армамет-мирзы, в результате чего ими были взяты в плен свыше тысячи человек, а также досталось в качестве трофеев около 15 тыс. лошадей. Позже, 17 февраля, этим же маршрутом на Крым двинулся и другой калмыцкий отряд в 500 сабель. На этот раз удар был нанесен уже по татарским улусам на азовском взморье, южнее крепости Азов [Санин 1987: 126–127]. Можно сделать вывод, что военная служба калмыков России

¹ Родной брат А. Бутурлина.

началась именно с 1656 г., хотя она первоначально и не носила совместный с русской армией характер.

Крупные сражения 1658–1661 гг. в ходе русско-польской войны привели к значительному истощению сил с обеих сторон. Русская армия потерпела крупные поражения под Конотопом (1659 г.), где погибла элитная дворянская конница князей С. Пожарского и С. Львова, и под Чудновым (1660 г.), где был пленен полководец боярин В. Шереметьев. Участие в войне на стороне Речи Посполитой значительной массы крымских татар привело к тому, что в российском правительстве вновь встал обсуждаться «калмыцкий вопрос». В 1660 г. был создан особый Калмыцкий приказ как одно из отделений Посольского приказа под управлением боярина В. Ромодановского и дьяка И. Горохова. Возможность использования калмыцких отрядов в войне с Крымом представлялась правительству существенным шагом в улучшении положения на фронте [Преображенская 1960: 69–70].

В 1662 г. Россия и Польша накапливали силы, ожидая благоприятного момента, чтобы переломить военно-политическую ситуацию в свою пользу. На южном направлении война с Крымом превратилась в серию взаимных мелких набегов, в которых калмыки показали себя настоящими мастерами малой полевой войны. В целях укрепления прежних договоренностей 27 октября 1662 г. под Царицыном состоялся русско-калмыцкий съезд, где князь Г. Черкасский с племянником К. Черкасским лично встретился с тайшами [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1663 г. Д. 1. Л. 11, 15]. В результате заключенного договора Мончак, Дугар, Солом-Церен и другие тайши отправили свои отряды на Крым [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1662 г. Д. 1. Л. 101].

В марте 1663 г. в Царицын прибыли люди Мончака и представили князю Г. Черкасскому военный отчет о зимней кампании под Перекопом. Всего они захватили у крымцев: в первом походе — 200 лошадей, 60 коров, 3 тыс. баранов и 10 ясырей; во втором — 200 лошадей и 6 польских ясырей; в третьем — 300 лошадей и 20 ясырей. Были убиты 100 крымцев, а также мирзы Карашбий и Казымбек. Вполне ясную картину о результатах таких калмыцких набегов можно представить по словам польских пленников, захваченных у татар: «от калмыцкого разоренья их [крымцев. — В. Т.] стало мало, лутче б де им смерть, а не явное

разоренье; николи де ниотково такова разоренья не бывало, какое разоренье им ныне чинитца» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1663 г. Д. 1. Л. 127–129].

Активные действия калмыков и запорожцев под Крымом вызвали у крымского хана желание укрепить днепровские границы новыми городами и создать сплошной вал до Азовского моря. По мнению А. А. Новосельского, калмыки активно мешали, тормозили свободный и широкий размах татарских вторжений [Новосельский 1994: 94–95].

3 марта 1663 г. князь Г. Черкасский дал новый приказ Мончаку, Солом-Церену, Дугару и другим тайшам об отправке новых отрядов на Крым. Мончак вскоре отправил свои отряды под командой База-Батура, Усман-Батура и Сахан-Кашки. Солом-Церен также направил команды под началом Зан-Кашки, Басу, Мерген-Кошучи. Активное участие калмыков в новой крымской кампании было вызвано еще и тем обстоятельством, что зима 1662–1663 гг. выдалась чрезвычайно холодной и привела к огромному падежу скота и лошадей, что и стало причиной возникновения голода в калмыцких улусах [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1663 г. Д. 1. Л. 3, 139], поэтому калмыки остро нуждались как в военных трофеях, так и в дополнительном царском жалованье за службу.

Постоянные калмыцкие набеги на территорию Крыма привели к тому, что крымский хан отказал польскому королю в помощи против «непослушных» украинских гетманов. Турецкий султан, не считаясь с трудным положением Крыма, также потребовал от Мухаммед-Гирея помощи в войне против Венгрии. Крымский хан пытался отказаться, боясь новых нападений восточных соседей, но нашел выход, отправив в поход против венгров своего сына Ахмед-Гирея с небольшим количеством людей.

Весной 1663 г. произошло столкновение калмыков с крымцами, в результате чего многие татары были побиты и захвачено большое количество лошадей и ясыря. Одна часть калмыков вернулась с добычей обратно на свою военную базу на Дону, а другая часть, состоящая из отборной тысячи, направилась в Запорожье на помощь казакам, прибыв 19 апреля к кошевому атаману С. Туровцу. После них на Крым пришла уже другая калмыцкая партия, учинив под Перекопом крупный бой с татарами.

Калмыки полностью разгромили крымцев [Акты 1867: 171–172].

Под Цибульником у калмыков и запорожцев произошел ночной бой с 10-тысячным крымским войском. Перед атакой они окружили татарский лагерь и предварительно договорились: «в добычу ни на какую не падатца и языков не иметь, чтоб всех побивать». В результате они захватили вражеский обоз и перебили всех татар, кроме одного султана, который через 3 дня умер от ран. Спаслись из татар лишь немногие, «разве кто в болоте оттопился». Затем калмыки с запорожцами двинулись за Днепр и Буг, узнав о нахождении здесь крымских улусов, но когда они были в дороге, пришло сообщение, что татары исчезли. Крымский хан, узнав о совместных действиях калмыков с казаками, весной трижды посылал в Запорожское войско послов с предложением мира, но получил отказ [Акты 1867: 172–173].

В начале лета 1663 г. война на территории Украины носила переменный характер. Ногайские улусы в степях Северного Причерноморья подверглись новому нападению калмыков. В этих условиях крымский хан, опасаясь нового прихода калмыков и запорожцев, продолжал держать большие военные силы непосредственно в Крыму. Но, выполняя союзнические обязательства перед польской стороной, часть крымских отрядов направилась и на помощь королю [Новосельский 1994: 75].

В июне 1663 г. в Запорожье прибыли 600 калмыков, «где мир и веру соопча приняв, ходили под Чигирин, и под Крыловым кош татарской взяли» [Акты 1867: 169]. В июле 1663 г. 400 калмыков приходили к Перекопу, сбивали ханские шатры, захватили в бою мирзу, побили многих татар, едва не пленив самого Мухаммед-Гирея и Нуреддина. В Перекоп с подкреплением был вызван калга. Однако после ухода Мухаммед-Гирея калмыки вновь напали на Крым и уже за Перекопом сожгли хлеб в копнах и сено. В сентябре атаман И. Серко с калмыками под Перекопом отогнал большие стада. Позднее И. Серко с калмыками под Перекопом снова напали на татар, погромили и сожгли посад, захватили богатую добычу [Новосельский 1994: 96].

Калмыки просили у гетмана И. Брюховецкого разрешение поехать в Москву с вестями о военных успехах на Украине и под Крымом. Причем весьма любопытны

сохранившиеся личные впечатления гетмана о калмыках, изложенные в письме к государю в мае 1663 г.: «хотя люди некрещенные и в поступках своих с христианами не сообщники, но желательством своим к вашему царскому пресветлому величеству лутчие от изменников поставляютца» [Акты 1867: 169–170].

1 декабря 1663 г. в Запорожское войско от Мончака прибыл отряд в 100 калмыков под командой Эркета Атуркая. И. Серко и Г. Косагов с калмыками 6 декабря направились в набег под Перекоп, чтобы не допустить соединения крымского хана с польскими войсками, а также для взятия «языков». Они беспрепятственно сжигали татарские села и отбили около сотни русско-украинского полона, пока 11 декабря перекопский комендант Карачбей с татарами не вышел с ними на бой. Соотношение сил было на стороне крымцев: 1 000 татар против 90 запорожцев, 30 «донцов» и 60 калмыков. Казаки и калмыки применили тактику ложного отступления против татар, а затем, предоставив возможность противнику переправиться через реку Колончак, «устроив коньми кош», пошли в атаку, «побили и рубили татар до Перекопи». По сведениям казаков, «живых калмыки брать не дали, в руках кололи», кроме одного знатного турка. Пленник рассказал им о приказе турецкого султана крымскому хану двигаться на помощь польскому королю против основных сил русско-украинской армии, но хан из-за боязни прихода калмыков и казаков ослушался распоряжения [Акты 1867: 148–149; Соловьев 1991: 128].

Действия калмыцких отрядов в Северном Причерноморье и на Кубани достигли своей цели в планах российского командования и облегчили положение русской армии в войне против Польши. Москва одобряла успешные совместные действия казаков с калмыками против Крыма. В февральской директиве центра 1664 г. пограничным воеводам указывалось: «калмыков наговаривать и нашею великого государя милостию обнадеживать, чтоб они нам, великому государю, служили и против неприятелей стояли твердо и непоколебимо и ни на какие неприятельские прелести и подсылки не склонялись; а служба их от нас, великого государя, никогда забвенна не будет» [Акты 1867: 149].

В начале 1664 г. Мончак со своей армией находился на Дону в районе Черкасского городка, откуда на Крым в январе направил

20-тысячное войско [Акты 1901: 551–552]. Весной 1664 г. практически вся крымская орда вышла за Перекоп в степь для охраны полуострова от набегов калмыков, перебивших полностью единственную сухопутную дорогу из Крыма в Азов, по которой доставлялись подкрепление и казна. Действия калмыков привели к тому, что среди крымских подданных царили настроения о напрасно развязанной войне хана в союзе с поляками против России. Мухаммед-Гирей, поддавшись этим настроениям, командировал в Москву посольство с предложением мира, а при отправке наказывал своим послам ехать только ночью, останавливаясь днем в «крепких местах в чернях и в камышах, чтоб их было не видно, ведомо де в Крыму, что калмыцкие многие люди на крымской степи». Однако послы до Москвы не доехали, и хан предположил, «что их калмыки побили в степи». Действительно, этой весной И. Серко и Г. Косагов с калмыками разгромили неизвестный крымский обоз (850 человек), шедший из Крыма в Черкасский городок [Акты 1867: 201–202, 209].

В июне 1664 г. по приказу гетмана И. Брюховецкого объединенный отряд И. Серко, Г. Косагова и калмыков двинулся из Канева на правобережную Украину. В 25 верстах от Корсуни они разбили крымское войско, шедшее на соединение с польским генералом С. Чарнецким. Затем они двинулись на Умань на помощь поднестровским городкам, перешедшим на сторону России. За Уманью был разбит еще один крымский отряд, шедший также к С. Чарнецкому, там же и «салтанова сына взяли». Еще один бой произошел в Сарачинском лесу, где были убиты 100 татар и поляков [Акты 1867: 154, 157, 202–203, 210].

В августе 1664 г. калмыки из украинских городов вернулись в свои улусы, обещая уже следующим летом вернуться, заявив, что «они и впредь великому государю служить с Серком ради». Уход калмыков был связан с приходом к Чарнецкому новых подкреплений и рядом поражений, понесенных казаками И. Серко и Г. Косагова. В Каневе гетман И. Брюховецкий пытался удержать калмыков, давал им подарки в виде сукна, но они ничего у него не взяли и перешли на левый берег Днепра. И. Серко со своими людьми ушел в Торговицу, а Г. Косагов, потерпев поражение от поляков под Корсунью, — в Канев [Акты 1901: 580].

В этом же году тайша Мончак выделил для русской армии 3 тыс. воинов под командованием Маничар-Дайчи. Причем одна половина отправилась в новый крымский поход с Г. Черкасским, а другая половина ушла в Запорожье к гетману И. Брюховецкому [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1664 г. Д. 9. Л. 22–24, 26]. В ноябре 1664 г. из Москвы к гетману И. Брюховецкому пришло указание о полном обеспечении продовольствием и кормами прибывших на войну калмыков, при этом предписывалось всячески способствовать тому, чтобы они согласились остаться зимовать в Малороссии. Поскольку тайши сообщали в Москву об отправке самых лучших командиров во главе этого войска, И. Брюховецкому центр предписывал «тех калмыцких людей покоить, чтоб им ни в каких запасах скудости не было». Действительно, как это видно по отчетам гетмана, по государеву указу калмыков обеспечивали «добрым товаром, овечками, хлебом, медом, пивом, тютюном... и в иных вещах выгоду имеют доброю» [Акты 1867: 210, 220–223, 282].

В начале 1665 г. Мончак на очередную просьбу гетмана И. Брюховецкого о военной помощи дал согласие прислать своих людей [Акты 1869: 52]. Служба калмыцких воинов на Украине скоро дала свои результаты. 21 мая 1665 г. в 10 верстах от г. Белая Церковь калмыки, предварительно окружив, полностью разбили военный лагерь поляков и немцев-наемников, уничтожив около тысячи человек противника. Победителям достались огромные трофеи: кони, одежда, панцири, сбруи, копья гусарские и другие вещи [Акты 1867: 274, 282–283]. Польский военачальник Яблонский, потеряв множество своих людей, в страхе перед калмыками ушел в Польшу. Анонимный автор украинской «Летописи Самовидца» после этого события высоко отзывался о боевых качествах калмыцких воинов: *Вправді, люд военній, с копием всідаєт на коня, а нікторіє и сагайдаки и стріли великіє с площиками широкими. Тилко найбільше до потреби копій заживають кожен, бо справне уміють вбити копієм, в нікторих и панціри, а инніє и наго идут до потреби. Люд отважній, а на взгляд чорній, нікчемній, страшній, чарамі бавяється, бо балвохвалці...* [Літопис Самовидця 1971: 98–99].

Это была первая крупная победа калмыков над польской армией, которую по достоинству оценили многие военные специали-

сты в России. Белая Церковь — важнейший стратегический пункт в центре Правобережной Украины: крепость стояла на пересечении торговых путей, а обладание ею давало возможность контролировать положение во всем междуречье Днепра и Южного Буга [Санин 1987: 136]. После такой громкой победы спрос на военную службу калмыков в русской армии резко возрос. По одним данным, у гетмана И. Брюховецкого насчитывалось 7 тыс. калмыков, а всего на Украине действовало около 10 тыс. калмыцких воинов. Именно они и совершили новый поход под Перекоп, разбили 10 тыс. татар и «добычу себе многую учинили» [Акты 1867: 283].

Активное и успешное участие калмыков в крымско-польской кампании по достоинству было оценено в Москве. Выражением доверия и признания заслуг в военной службе Русскому государству явилась отправка в июне 1664 г. казанца Андрея Нармацкого к тайшам с жалованьем. Наибольший интерес представляет привезенное им тайше Мончаку военное знамя, свидетельствовавшее о калмыцком войске, по мнению П. С. Преображенской, как органической части или одном из подразделений русской армии [Преображенская 1960: 83].

В течение 1665–1666 гг. нет никаких существенных сведений о татарских нападениях на Русское государство, поскольку в это время они были вовлечены в междоусобную войну в Северном Причерноморье. В начале 1666 г., воспользовавшись их междоусобицей, отряд из 77 калмыков совершил нападение на крымские улусы, отогнав 8 тыс. лошадей, и без потерь пришел в свои улусы [Акты 1869: 86].

Денежное жалованье из Москвы к тайшам теперь поступало регулярно. Например, перед заключением Андрусовского перемирия поляки запросили у российской стороны огромную контрибуцию, в которой боярину А. Л. Ордин-Нащокину пришлось отказать, мотивировав это большими денежными расходами, направляемыми правительством к калмыкам, «чтоб они теснили Крымский юрт и не пускали хана на Польшу» [Соловьев 1991: 175]. На самом деле это было лишь всего дипломатической уловкой царского сановника, чтобы отказать польской стороне в выплате контрибуции, поскольку размеры годового денежного жалования тайшам, как показывают документы, не были столь внушительными. Несмотря на это, условия по-

литического соглашения с Москвой вполне устраивали калмыцкую верхушку, представители которой во многом компенсировали небольшое по размеру жалованье за счет возможности беспошлинно торговать с русскими городами, обеспечить относительную безопасность калмыцких кочевий и получить трофеи в ходе военных походов.

Таким образом, можно отметить, что ключевое влияние на изменение политики России по отношению к калмыкам в положительную сторону, конечно, имела начавшаяся Русско-польская война в 1654 г. Выступление Крымского ханства на стороне Речи Посполитой, поражения русских армий на Украине повлекли активизацию русско-калмыцких переговоров на качественно ином уровне. Калмыцкие тайши все больше начали склоняться к мысли принятия на себя определенных обязанностей, а царское правительство шло на уступки по вопросам предоставления калмыкам кочевий и рынков в Нижнем Поволжье. Именно заключение шертей в 1655 и 1657 гг. создало политическую основу для вступления калмыков в Русско-польскую войну. После заключения в 1661 г. двух шертей, которые во многом носили характер военных договоров, калмыцкая конница вступает уже в активную фазу боевых действий в крымском направлении и на Украине.

В участии калмыков в Русско-польской войне 1654–1667 гг. условно можно выделить два этапа: самостоятельные военные действия на Кубани и в Северном Причерноморье (1656–1660 гг.) и совместные выступления с русской и украинской армиями в Причерноморье и на Украине (1661–1666 гг.). Военные действия калмыков во многом носили вспомогательный характер и кардинально не меняли ситуацию на театре боевых действий, однако они с 1661 г. существенно снижали активность Крымского ханства на Украине, облегчая тем самым положение русско-украинских армий на главных направлениях.

Источники

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Литература

Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею Наук / Под ред. Н. А. Попова. Т. 3. Разрядный приказ. Московский стол. 1660–1664 гг. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1901. 674 с.

- Акты*, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 5. 1659–1665. СПб.: Тип. Праца, 1867. 335 с.
- Акты*, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 6. 1665–1668. СПб.: Тип. Праца, 1869. 280 с.
- Літопис Самовидця* / видання підготував Я. І. Дзира. Київ: Наукова думка, 1971. 207 с.
- Малов А. В. Русско-польская война 1654–1667 гг. М.: Цейгауз, 2006. 48 с.
- Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма (научное наследие). М.: Наука, 1994. 223 с.
- Преображенская П. С.* Из истории русско-калмыцких отношений в 50–60-х годах XVIII в. // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Элиста: КНИИЯЛИ, 1960. Вып. 1. С. 49–83.
- Санин Г. А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М.: Наука, 1987. 272 с.
- Соловьев С. М. История России с древнейших времен / отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. Кн. VI. Т. 11–12. М.: Мысль, 1991. 666 с.
- Khodarkovsky M.* Where Two Worlds Met: The Russian State and The Kalmyk Nomad, 1600–1771. Ithaca, London: Cornell Univ. Press, 1992. 280 p.

УДК 94 (47).066.2

ББК 63.5

УЧАСТИЕ СВОДНОГО ОТРЯДА ПОД КОМАНДОВАНИЕМ КНЯЗЯ А. ДОНДУКОВА В КУБАНСКОМ ПОХОДЕ В 1771 г.

В. В. Батыров

В отечественной историографии участие калмыков в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. обычно ограничивалось периодом до ухода калмыцкого народа в Джунгарию в 1771 г. К тому же в дореволюционной и советской исторической литературе военным действиям на Северном Кавказе по большей части не придавалось большого значения. Например, в объемном труде К. А. Петрова «Война России с Турцией и польскими конфедератами, с 1768–1774 г.», вышедшем в 1866 г., боевые действия на Северном Кавказе не упоминаются [Петров 1866]. Соответственно и роль калмыков в русско-турецкой войне в большинстве случаев оставалась незамеченной.

Между тем, с началом русско-турецкой войны калмыки активно участвовали в походах на Кубань в 1769 г. и 1770 г. Весной 1770 г. наместник Калмыцкого ханства Убаши отправил 5 000 калмыков в армию графа А. А. Прозоровского в Молдавию. 2 июня 1770 г. наместник Убаши, действуя уже самостоятельно, отправил отряд в 1 500 человек под командованием нойона Емегень Убаши на г. Копыл. 9 августа 1770 г., переправившись через р. Кубань, наместник Убаши с калмыцким войском и отрядом полковника И. А. Кишенского атаковал кубанцев. После недолгой битвы, потеряв убитыми 100 человек, кубанцы отступили.

Командующий русскими войсками на Кавказе генерал-майор И. Ф. де Медем

остался недовольным преждевременным открытием военных действий на Кубани. Не имея достаточного количества войск для продолжения операций на Кубани, он рассчитывал довольствоваться формальной «покорностью кубанцев», но действия калмыков нарушали его планы. Чтобы удержать калмыков от последующих походов, И. Ф. де Медем выступил в верховья р. Калаус и 20 августа объединился с калмыцким войском. 27 августа, когда наместник прибыл к И. Ф. де Медему для обсуждения дальнейших планов, между ними произошел конфликт, после которого Убаши собрал свои войска и 31 августа 1770 г. ушел на Волгу, сославшись на необходимость пополнения войск и продовольствия. Следующая встреча была назначена на октябрь–ноябрь 1770 г., но больше И. Ф. де Медем и Убаши уже не встречались. В январе 1771 г. большая часть калмыцкого народа во главе с наместником ханства Убаши покинула пределы Российской империи и ушла в направлении разгромленной к тому времени цинскими властями Джунгарии.

Участие калмыков в кампании 1770 г. обычно считается последней датой их участия в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. Так, в начале XX в. калмыцкий историк Е. Ч. Чонов, рассматривая роль калмыков в русско-турецкой кампании, писал: «Следующий затем сорокалетний период, с 1770 г. вплоть до Отечественной войны, не отмечен

никакими особенными военными действиями калмыков, не считая похода калмыков в 1796 г. под предводительством Сербеджаба Тюменя против кавказских горцев» [Чонов 2006: 34]. В 1960 г. Т. И. Беликов указывал, что после ухода калмыков 5 января 1771 г. генерал-майор «де Медем со своим малочисленным отрядом вынужден был простоять на линии, не предпринимая активных действий» [Беликов 1960: 75]. Первое появление калмыцких войск в составе русских войск после 1770 г. Т. И. Беликов относит к 1774 г., когда 1 000 калмыков участвовали в походе генерал-поручика И. Ф. де Медема против «каракотайского улма Эмира-Эмзе» [Беликов 1960: 75]. Военный историк К. П. Шовунов также отмечал, что калмыки после конфликта наместника Калмыцкого ханства Убаши с генерал-майором И. Ф. де Медемом в 1770 г. в русско-турецкой войне больше не участвовали [Шовунов 1991: 169].

Необходимо отметить, что после ухода калмыков в Джунгарию в начале 1771 г. военные действия на Северном Кавказе были фактически прекращены. После ухода калмыков, выполнявших охрану южных границ России, российскому правительству пришлось пересмотреть свои действия на Северном Кавказе. Генерал-майор И. Ф. де Медем почти не проводил военных операций, за исключением похода майора Криднера, когда «летом 1771 г. князь Сокур Арсланбек Аджи¹ разграбил станицу Романовскую — часть жителей изрублена, остальные попали в плен. Через Кубань пленников перенесли в брод, получившему затем название Романовский», где «хищников» догнали войска и разбили их [Скиба 2005: 18–34].

Этот факт упоминался у П. Г. Буткова, который писал, что «в 1771 году корпус моздокский никаких движений не производил, кроме, что когда Сокур-Аджи-Мурза Расламбеков закубанский (тот, который 1765 года приступал к Кизляру) с Кубанцами проникал до селений Донских Казаков, кои тогда находились в армиях, и разорил Романовскую станицу, то на обратном пути встречен из корпуса моздокского майором Криднером, преследован за Кубань и там в аулах его разбит» [Бутков 1869: 306]. Позже А. Новиков уточнял: «в начале 1771 г. ушли калмыцкие улусы и этим воспользовался

¹ Сокур Арсланбек Аджи в источниках также упоминается под именами: Сокур-Аджи, Сокур-Аджи-Мурза Расламбеков, Сокур-Аджи-Мурза, Сокур Аджи, мурза Сохур Арсланбек.

горский князь Сокур-Аджи Карамурзин, и 30 июня 1771 г. он напал и разграбил станицу Романовскую. Было убито 7 казаков, 54 угнано в плен» [Новиков].

Однако продолжение военных действий на Кубани было неминуемым. Уход калмыков сильно ослабил границу России, поскольку степь между Доном, Волгой и Предкавказьем оказалась фактически без защиты. А. В. Потто писал, что после этого «вся степь между Волгой и рекой Калаус опустела до такой степени, что когда Аджи Карамурзин в 1771 году сделал набег, то черкесы беспрепятственно дошли до земли Донского войска и разорили там Романовскую станицу и только уже на обратном пути имели небольшую перестрелку с гусарами майора Криднера, которые преследовали их до Кубани» [Потто 1887: 60].

Между тем, выявленные архивные материалы позволяют утверждать, что участие калмыков в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. продолжалось и в 1771 г. Судя по документам, поход майора Криднера, который был связан с нападением Сокур-Аджи, также известным в литературе как «Романовское разорение», на самом деле проходил под командованием полковника Алексея Дондукова и с участием калмыцких войск, которые составляли большую часть отряда [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17]. Князь А. Дондуков² происходил из рода известного калмыцкого хана Аюки, являлся сыном калмыцкого хана Дондук Омбо и был владельцем Багацохуровского (т. е. Малого Цохуровского) улуса.

Летом 1771 г. полковник А. Дондуков во главе своего сводного отряда по приказу генерала-майора И. Ф. де Медема выдвинулся на р. Калаус для разведки и прикрытия донских станиц от набегов со стороны жителей Кубани. В войско полковника входил моздокский отряд секунд-майора³ Криднера, два отряда казаков Войска Донского во главе с походными полковниками Петром Курбаковым и Карпом Киреевым, отряд поручика князя Уракова и артиллерия под командованием поручика Масалова. Также в походе участвовало 1 500 калмыков во главе с хошутским владельцем, нойоном Теке (по всей вероятности, отряд был сборным, из разных калмыцких улусов), которые и

² Дата рождения неизвестна, дата смерти — 15 апреля 1784 г. [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 179. Л. 150].

³ Секунд-майор — военный чин VIII класса, следовавший за чином капитана, существовал в России с 1716 по 1797 гг.

составляли большую часть войска [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17. Л. 142].

Восстановить события похода полковника А. Дондукова можно по поданному им рапорту на имя генерал-майора Ивана Федоровича де Медема. В документе указывалось, что 3 июля 1771 г. «прибыл я с войском имеющимся при мне российским и калмыцким на реку Калауз при которой для зделания чрез оную моста». При осмотре территории на обоих берегах р. Калаус были обнаружены следы до «мест здешняго лагеря пребывания», которые посчитали принадлежащими российской разъездной команде. Другая команда, посланная к броду, через который в прошлом, 1770 г., калмыцкое войско переходило за р. Кубань, также «никакого вида неприятельского не усмотрела» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17. Л. 142].

Не обнаружив неприятельских следов, князь А. Дондуков, предполагая, что их надо искать в «гораздо нижних по Кубани местах», проследовал от р. Калаус на р. Зегерлик, «посылая между тем вперед еще надежных людей, приказав им ехать до самой крайней от шести вод речки». Через 10 дней после нахождения на р. Зегерлик посланные им разведчики принесли известие о том, что по ту сторону «речки Ханали усмотрены свежие следы лежащие от Дону до Кубани». Это и были следы отряда Сокур-Аджи, возвращавшегося после разграбления 30 июня 1771 г. станицы Романовской. Разведчики пришли к выводу, что это следы «немалочисленной партии» и, несомненно, они были оставлены неприятелями, которые возвращались с набега. В тот же день князь А. Дондуков, «оставя излишние тягости на Зегерлике за надлежащим присмотром», вместе с секунд-майором Криднером начал преследование «на лехке» к р. Кубань, взяв с собой артиллерию под командованием поручика Масалова [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17. Л. 142].

После перехода р. Ханали полковник немедленно выслал отряд для получения сведений о противнике и обнаружения места их переправы за р. Кубань. Вечером 11 июля 1772 г. отряд обнаружил место переправы неприятеля через р. Кубань рядом с впадающей в нее р. Шарбаса. Здесь им встретился молодой человек русской национальности, который рассказал, что «он 30 минувшего июня <...> человеках в шестидесяти мужеска и женска полу людей захвачен был подбежавшею с Кубани неприятельскою партией из Донской Романовской стани-

цы, но по переправе через Кубань изыскав способ в ночное время от них бежал назад тому четвертой день», а командовал нападением «известной вор кубанский мурза Сохур Араслан бек», который со «своими аулами и протчими кубанскими татарами кочевье имеет между рек Лабою и Кубанью, неподалеку от последней» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17. Л. 142об.].

Получив эти сведения, полковник А. Дондуков, хотя и знал, что есть «две к тому препоны первую, настоящее сей реки половодие (в каковое время прежде здешняя войски переправляться на ту сторону способа не имели), а другую, болезнь⁴ там опасную о которой ваше превосходительство пред сим ордером мне знать дать уже изволили», но, «положась на сохранение божие, желая нетерпеливо злодеям сделать возможное отомщение разсудил для сего скрытно переправить за Кубань потребное число надежных людей» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17. Л. 142об.].

В этом решении князь поддержал и опытный в военном деле секунд-майор Криднер, который в своем письменном рапорте на имя А. Дондукова выразил свое мнение, что отряд, включавший 400 человек из регулярных войск и 1 500 калмыков, представлявших нерегулярное войско, сможет успешно напасть на место пребывания Сокура-Аджи на р. Кубань ночью, пока неприятель будет охвачен глубоким сном [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17. Л. 143].

Князь А. Дондуков приказал секунд-майору с конным отрядом в 400 человек, в их числе и калмыкам, «следовать ради проведения сего намерения в действо прямо потому неприятельскому тракту; а меня ради сикурсу⁵ своего з достаточным войском и артиллериею прибыть на Кубани у переправы неприятельской ожидая 14 (т. е. 14 июля 1771 г.) поутру рано». Под командование секунд-майора Криднера передавались отряд поручика князя Уракова, отряд казачьего походного полковника Петра Курбакова, отряд казачьего походного полковника Карпа Киреева, а также калмыцкое войско под командованием нойона Теке. Сам А. Дондуков остался с пехотными частями и артиллерией [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17. Л. 143].

Вечером 13 июля 1771 г. согласно утвержденному плану А. Дондуков отправился к

⁴ Речь идет об эпидемии чумы [Карпов, Коган 1994: 66].

⁵ Франц. «secours» — помощь.

р. Кубань, однако ночью секунд-майор Криднер дал знать, что местонахождение противника гораздо ниже по течению р. Кубань, чем предполагалось. Это привело к тому, что А. Дондуков с отрядом еще несколько часов двигался к другому месту по р. Кубань. В то же время секунд-майор скрытно передвигался по «неприятельскому тракту», выслал на разведку кизлярского дворянина Семена Наумова и сотника Терского войска Ивана Блищукина, от которых он получил сведения, что неприятель расположился за р. Кубань «разстоянием от сея реки верстах в пяти» возле переправы под названием Ялан Кечу [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17. Л. 143].

Узнав точное местонахождение противника, секунд-майор немедленно стал переправляться через реку, используя при этом предусмотрительно взятый с собой *каюк*⁶. Полковник А. Дондуков с войском, несмотря на начавшийся сильный дождь и «тяжелый ход» артиллерии, к рассвету прибыл к той же переправе. Дождь помешал секунд-майору Криднеру переправить свою команду через реку до рассвета, поэтому он приказал калмыкам во главе с Теке переправляться только с копьями и саблями, так как ружья при отсутствии лодок было невозможно перевезти [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17. Л. 143об.].

После того как калмыки со своими зайсангами во главе с нойоном Теке, а также отряды секунд-майор Криднера совершили переправу и отправились в сторону неприятеля, полковник А. Дондуков организовал на переправе «при дву артиллерийских орудиях караул» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17. Л. 143об.], сам же для «показания большаго неприятелю страха» с последним артиллерийским орудием двинулся вниз по р. Кубань на расстояние шести верст и остановился напротив кочевья неприятеля у переправы под названием Ялан Кечу, чтобы в случае опасности оказать помощь или прикрыть отступающих людей из отряда секунд-майора Криднера «и доказать неприятелю, что кроме оной команды и еще довольно число к военному действию готоваго войска на сей стороне осталось». С этой же целью с началом нападения команды секунд-майора Криднера на обеих переправах артиллеристы сделали предупредительные выстрелы из пушек. После того как войска скрылись из вида, двигаясь в направлении р. Лаба, для подкрепления отряда секунд-майора артиллеристы направи-

ли к нему одно орудие с верхней переправы [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17. Л. 144].

Оставшиеся на обеих переправах пехотные войска во главе с А. Дондуковым также собирались идти на помощь, но вечером вернулся «посланной для получения того известия зайсанг» и объявил, что секунд-майор Криднер с командою двигается обратно к верхней переправе. А. Дондуков с оставшимися при нем войсками оставил нижнюю переправу и, «оставя при оной только один караул», стал двигаться на соединение с секунд-майором. Как только секунд-майор Криднер переправился через реку, «по отбрании от него репорта» стали известны все перипетии случившегося сражения. Оказалось, что при следовании к неприятельским аулам секунд-майор отправил вперед 100 человек из отряда поручика князя Уракова во главе с казачьим полковником Карпом Киреевым. Они быстро догнали кубанцев, которые спешно откочевывали «з домами» к р. Лаба «от Кубани верстах в пятнадцати» и сразу же их атаковали, задержав до подхода главных сил. Секунд-майор Криднер с войском по прибытии атаковал неприятеля и отрезал кубанцев от р. Джикинли, топкие берега которой были покрыты густым камышом. На ее берегах и развернулось жестокое сражение, которое началось в 5 часов утра, «причем, хотя к неприятелю от окрестностей в помощь войско прибавлялось», однако отряд секунд-майора, невзирая на превосходство в численности неприятельского войска, с «великою храбростью, отвагою и проворством» обратил неприятеля в бегство. Российские войска гнались за кубанцами сколько было сил «и поражение делали», пока не устали лошади, изнуренные походом. На обратном пути, оставив погоню, секунд-майор встретил и артиллеристов, посланных к нему на помощь с орудием [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17. Л. 144об.].

Между тем, бежавшие с поля боя кубанцы снова начали организовываться — «толпами показываться паки [т. е. опять]», но, увидев в этом возможность полного разгрома неприятеля, секунд-майор Криднер повторно их атаковал, и, хотя и с трудом, догнал и оставшиеся аулы, которые прикрывались конными и пешими неприятельскими воинами, и «вовсе истребил», после чего «оставшей же неприятель видя себя в отчании обратился паки в бег, котораго и догнать уже было не можно». В ходе сражения войско Криднера отделилось от

⁶ Каюк — лодка-долбушка, однодеревка.

р. Кубань уже на 30 верст. Имея на руках тяжелое орудие, уставших лошадей, а также в связи с наступлением вечера секунд-майор со своим отрядом стал возвращаться к переправе. В результате позднего возвращения, чтобы «не последовало в ночи на сияю команду какого неприятельского ко отмщению покушения», секунд-майор оставил на переправе 200 человек под командованием поручика князя Уракова с артиллерийским орудием (которое было послано ему на помощь). Собрав оставшихся людей, жаждущие мщения кубанцы уже в полночь дважды делали «скрытные подбеги», но оба раза были отбиты и, понеся потери, к утру были вынуждены оставить свои замыслы [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17. Л. 144об.–145]. Эти ночные стычки и стали завершением сражения.

Итоги сражения были подведены полковником А. Дондуковым, писавшим, что «при сем сражении с неприятельской стороны сколько можно было по тракту и на местах пребывания их изчислить, побито (т. е. убито) двести тридцать два человека, в том числе несколько мурз и узденей их». В сражении погиб Би Араслан — старший сын Сокур-Аджи, «да в воде потопился сын онаго Би Араслана трехлетний». Отмечалось, что была разорена 741 кибитка «со всеми пожитками», которые, по полученным сведениям от пленных, состояли из подвластных мурз Сокур Аджи, Замада, Алахая, Мамы, Тогуна, Дуулат Гирея, Шангизы и Би Араслана. В плен было взято «людей мужеска и женска полу старых и малолетних до трехсот». В плен также попала и «Хасбулатова дочь и Бек мурзина жена с дочерью малолетнею». Был захвачен скот: «лошадей быков и коров, овец и коз в добычу получено до тринадцати тысяч, и с которого большая часть рогатой, да в воде при переправе чрез Кубань сверх того потоплено». И, наконец, были освобождены три грузина и русские жители станицы Романовской (двое мужчин и трое женщин из угнанных шестидесяти «мужеска и женска полу людей») [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17. Л. 145об.]. Интересно, что в числе имущества князя Дондукова упоминался панцирь «Алтыншиге с наручами и перчатками панцырными», который был подарен ему в 1771 г. в Кабарде (т. е. возможно это был не подарок, а трофей) [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 190. Л. 109об.].

В сражении погибло четыре казака Войска Донского, еще один утонул при переправе. Ранены были четверо казаков и один

«дербетев» калмык по имени Бар. Раненый Бар оказался героем сражения, который, по «достоверному свидетельству» товарищей, сразил старшего сына Сокур-Аджи мурзу Би Араслана и «платье на нем бывшее, также и саблю ево в добычу получил» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17. Л. 146].

После сражения князь А. Дондуков не стал задерживаться на Кубани в связи с истощением лошадей, а также резонно опасаясь свирепствовавшей там эпидемии чумы, — «о которой и пленные показывают, что за Лабою точно оная продолжается». Как раз в ту сторону и ушел разбитый в сражении Сокур-Аджи с оставшимися при нем людьми, поэтому речи о продолжении его преследования не возникло. 15 июля 1771 г. князь А. Дондуков со своим «деташаментом»⁷ двинулся к лагерю, оставшемуся на р. Зегерлик, куда прибыл 18 числа, а оттуда, не задерживаясь, проследовал на р. Калаус и далее на р. Куму, двигаясь на соединение с войском генерал-майора И. Ф. де Медема.

При возвращении с Кубани люди полковника А. Дондукова обнаружили следы, по которым выяснили, что «бывшей на Дону неприятель ис жилищ своих» следовал от урочища Йош Кул⁸, которое находилось «подле самого Азовского моря по ту сторону шести вод». Следы также поведали о том, что неприятельская партия состояла из трех частей, причем следы одной из них вели по направлению к калмыцким улусам. Встревоженный полученными вестями полковник со своим войском оставил решение идти к генерал-майору И. Ф. де Медему и немедленно двинулся по следам, чтобы догнать, уничтожить противника, угрожавшего калмыцким улусам, и «отвратить <...> и последнюю партию от желаемого злаго предприятия» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17. Л. 146].

В своем рапорте полковник А. Дондуков отметил в заключение, что «бывший против неприятеля российския и калмыцкие войска весьма изрядно и храбро поступали». Особо полковник отметил действия секунд-майора Криднера, который «разумным своим рассуждением и добрым поведением находясь в здешнем дешатаменте подчиненных ему содержит в надлежащем порядке и повиновении, и при нынешнем с неприятелем поступке весьма оказал себя мужественно и храбростию равно и не-

⁷ Деташамент — отряд, подразделение.

⁸ Возможно, Уш-куль — горы в верховьях Кубани, тюрк. «три озера» [Коков 1974: 43].

устрашимостью своею во всяких препонах старался оные возможными способами преодолеть и сделать неприятелю вред а Высочайшему Ея Императорскому Величества интересу пользу» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17. Л. 146об.].

Таким образом, выявленные архивные материалы свидетельствуют, что в период русско-турецкой войны 1768–1774 гг. калмыки продолжали защищать южные рубежи России и после ухода их большей части в 1771 г. в пределы Джунгарии. В результате похода князя А. Дондукова была разбита кубанская группировка враждебных России племен (мурз Сокур-Аджи, Замада, Алахая, Мамы, Тогуна, Дуулат Гирея, Шангизы и Би Араслана). Возглавляемый им отряд поставил заслон на российских границах. Найденный источник также показывает способы и методы ведения военных действий регулярных российских и иррегулярных калмыцких войск в конце XVIII в. и содержит новые сведения по «Романовскому разорению». По данным выявленного нами архивного дела, настоящим командиром кубанского похода и спасителем жителей станицы Романовской является полковник А. Дондуков.

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Литература

- Беликов Т. И. Участие калмыков в войнах России в XVII, XVIII и первой четверти XIX веков. Элиста: Калмгосиздат, 1960. 144 с.
- Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 3. СПб.: Тип. Император. академ. наук, 1869. 657 с.
- Карпов А. Н., Коган В. Г. Азовский флот и флотилии. Таганрог: Сфинкс, 1994. 296 с.
- Коков Дж. Н. Адыгская (Черкесская) топонимия. Нальчик, 1974. 54 с.
- Новиков В. Три станицы [электронный ресурс] // URL: www.nativregion.narod.ru/simple_page17.html (дата обращения: 15.05.2012).
- Петров К. А. Война России с Турцией и польскими конфедератами, с 1768–1774 г. Т. III. год 1771. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1866. 364 с.
- Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Том I. От древнейших времен до Ермолова. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1887. 737 с.
- Скиба К. В. Из истории «Малой кавказской войны» на Кубанской линии. Армавир: Армавир. гос. педагог. ин-т, 2005. 123 с.
- Шовунов К. П. Очерки военной истории калмыков (XVII–XIX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 189 с.
- Чонов Е. Ч. Калмыки в русской армии XVII в., XVIII в. и 1812 г. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 142 с.

УДК 94(47).083
ББК 63.3

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ И ВЛАСТЬ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг. (на примере города Ставрополя)

А. А. Кондрашова

Отношения общественности и власти в России требуют научного анализа всей эволюционной картины их взаимодействия. Современная методология исторической науки позволяет осмыслить не только трудности их отношений, но и реакцию общественности на политику власти в регионах, а также в конкретных исторических ситуациях. В связи с реформированием всех уровней государственного управления возрастает необходимость рассмотрения данного вопроса, в том числе в контексте исторического опыта, позволяющего проследить процесс становления существовавшей системы местного управления и самоуправления в России, выделить в нем конструктивные доминанты и использовать их в современной практике.

Первая русская революция открыла новый период политических изменений и революционных потрясений общественной жизни царской России. В дореволюционной историографии на первый план выдвигалось изучение событий 1905–1907 гг. [Грингмут 1908; Черняев 1906]. Это было связано с определением дальнейших перспектив политического развития страны, а также с выработкой стратегии и тактики всеми участниками революционной борьбы.

В работах советского периода даются характеристика и анализ состава движущих сил в первой русской революции. Теме взаимодействия самодержавия, дворянства и буржуазии посвящены труды В. С. Дякина,

Ю. Б. Соловьева, в которых исследуются взаимоотношения буржуазии и дворянства в условиях «третьеиюньской монархии» [Дьякин 1978; Соловьев 1981]. В работе Л. К. Ермана проанализированы состав и положение интеллигенции, тенденции взаимодействия интеллигенции и разных слоев общества, их внутренняя борьба [Ерман 1966].

Качественно новый научный этап в изучении истории русской революции 1905–1907 гг. наступил в связи с деидеологизацией российской исторической науки в 1990-е гг. Развитие парламентаризма в России привлекло закономерное внимание историков к выборным процессам начала XX в. [Ганелин 1991; Нардова 1994]. В монографии Р. Ш. Ганелина рассматривается проблема взаимосвязи политических реформ и революционного процесса перед началом революции и в течение 1905 г. Автор показывает, что попытки установления царским правительством политического взаимопонимания с либеральной оппозицией, преследовавшие цель помешать развитию освободительного движения, заканчивались неудачей.

В последнее время актуальность приобретают исследования различных аспектов истории первой российской революции [Первая революция ... 2005; Федоров 2010]. В работе А. В. Лихоманова рассматривается история борьбы самодержавия за общественное мнение в 1905–1907 гг. [Лихоманов 1997]. Н. Д. Судавцов детально описывает отношение городского общественного управления к первой русской революции, взаимодействие различных слоев общества и власти в этот период [Судавцов 2005].

Противоречивость в оценках революции 1905–1907 гг. вызывает постоянный исследовательский интерес. Поэтому представляется важным обратиться к истории первой российской революции и на конкретном историческом материале рассмотреть место общественных учреждений в системе управления в один из острых периодов развития российской государственности.

До начала XX в. органы городского общественного управления в России находились в стороне от оппозиционного движения, поскольку Городовое положение 1892 г., ограничив компетенцию Городских Дум узкохозяйственной сферой, исключило возможность каких бы то ни было проявлений их политической активности. Однако на рубеже веков либералы стали связывать разрешение большинства местных проблем

городского самоуправления с реформированием государственного строя.

Одним из проявлений формировавшейся политической активности и либерализма городского самоуправления стало движение за созыв Общероссийского съезда городских голов. После опубликования Указа 12 декабря 1904 г., в котором царизм обещал расширить права земских и городских учреждений, в постановлениях Дум начинают формулироваться требования немедленного законодательного пересмотра действующего Городового положения 1892 г. при участии городских выборных представителей. В. А. Нардовой удалось установить, что только в ноябре–декабре 1904 г. органы самоуправления двадцати городов направили ходатайства о созыве съезда [Нардова 1994: 51].

Не осталось в стороне и Ставропольское городское общественное управление. В постановлении Городской Думы от 3 декабря 1904 г. говорилось: «...при переработке Городового положения 1870 года (в 1892 году) не был заслушан голос тех лиц, которых это было более всего касалось. Не был использован многолетний опыт городских общественных деятелей. Строгая административная опека лишила городские общественные управления всяческой самостоятельности и возможности проявлять самостоятельность, почему развитие городской жизни, обусловленное необходимой долей свободы, совершенно остановилось. Ставропольская Городская Дума присоединяется к ходатайству других городов о разрешении съезда городских голов и депутатов Городских Дум» [ГА СК. Ф. 96. Оп. 2. Д. 1221. Л. 19–21].

Ставропольское городское общество стремилось в союзе с центральной властью провести либеральные реформы и расширить функции местного самоуправления. Однако нерешенность крестьянского вопроса, конфликт между трудом и капиталом, кризис отношений империи с национальными окраинами — эти острые противоречия вызвали глубокий и общенациональный кризис. Назревшие в стране противоречия между существовавшим строем и широкими народными массами вылились в жестокое противостояние между органами государственной власти и общественностью.

Известие о расстреле мирной манифестации петербургских рабочих 9 января 1905 г. пришло в Ставрополь вечером 11 января. 12 января 1905 г. революционно на-

строенные рабочие, ремесленники, учащиеся во всеуслышание выступили с призывами к свержению самодержавного строя. Антиправительственный митинг был приурочен к торжественному собранию ставропольской интеллигенции, посвященному 150-летию Московского университета [Очерки истории ... 1970: 18–19]. Далее поступило предложение послать приветствие Московскому комитету РСДРП с выражением солидарности по поводу начавшейся в Москве забастовки. На Ставрополье это было первым откликом на события 9 января 1905 г.

Начало весны 1905 г. стало временем упущенных возможностей. Социальное брожение в городах возрастало. Повысилась активность местного самоуправления, хозяйственные проблемы городов стали отходить на второй план и начали доминировать общественно-политические вопросы.

Бурный протест общественности в губернии вызвало поражение 2-й Тихоокеанской эскадры З. П. Рожественского у острова Цусима. Около 200 жителей Ставрополя подписали по этому поводу в конце мая заявление в Городскую Думу, выразив уверенность в том, что она «возвысит свой голос в интересах спасения государства от грозящего разорения и гибели, о крайней необходимости созыва представителей с целью устранения бюрократии от дальнейшего влияния на ход государственных дел... требуем немедленной передачи распорядительной власти в руки народных представителей» [Очерки истории ... 1970: 21]. Этому же посвятили заявление 25 гласных Городской Думы, которые хотели показать, что они будут находиться в оппозиции правящему режиму до тех пор, пока не произойдет легитимная демократизация местного управления.

Крупные выступления общественности произошли в Ставрополе 3 июня 1905 г. На заседание Городской Думы, которая собралась для рассмотрения ходатайства к царю с просьбой о созыве народных представителей и прекращении русско-японской войны, по призыву большевиков явились рабочие предприятий города и студенты, всего свыше 200 человек. После того, как городской голова Н. Т. Иванов зачитал ходатайство к царю, из зала поступило предложение огласить требования рабочих. Оно было отвергнуто председательствующим, тогда рабочие стали бросать в зале пачки прокламаций под названием «Резолюция рабочих города Ставрополя». В них говорилось: «Несколь-

ко тысяч матросов, сынов многострадального русского народа, нашли себе могилу на дне океана. Царская авантюра, как и следовало ожидать, потерпела полную неудачу. Смерть царизму, затеявшему вопреки воле народа русско-японскую войну» [Очерки истории ... 1970: 21]. Социал-демократы превратили заседание Городской Думы в политический митинг, требования полиции разойтись не имели никакого воздействия. Только с помощью жандармов и конной полиции местным властям удалось захватить здание Городской Думы, захваченное рабочими. Митинг и демонстрация 3 июня показали, что большевистские лозунги встречают поддержку среди городского населения.

Вслед за этой демонстрацией произошли события, вошедшие в историю города как «Кровавый день Ставрополя». 7 июня 1905 г. на площади перед Думой у Рядской церкви проходил диспут между православными священниками и старообрядцами. Шум, поднявшийся на площади, собрал огромную толпу любопытных. На площади зазвучали антиправительственные речи, призывавшие народ к революционной борьбе, инициаторами были социал-демократы и эсеры. Религиозный диспут был прекращен, уступив место общей ненависти народа к самодержавию и его ставленникам — местной администрации. Толпа шла на солдат, отправленных губернатором для подавления митинга, и те открыли огонь по безоружным людям [Шацкий, Муравьев 1977: 88]. Было убито и ранено 116 человек, в том числе женщины и дети [ГА СК. Ф. 95. Оп. 2. Д. 60. Л. 13–137]. Их похороны превратились в политическую манифестацию, в которой участвовало более тысячи человек. В городе появились листовки с призывами к борьбе против правительства, влияние социал-демократов возрастало. Наряду с экономическими требованиями, рабочие выдвигали ряд политических: свободы слова, собраний, союзов, созыва Учредительного собрания.

До осени 1905 г. либеральные гласные из буржуазии не заявляли о своих особых интересах, считая, что царское правительство проведет в достаточно сжатые сроки преобразования в сфере местного управления. Однако в сентябре–октябре 1905 г. на волне подъема в стране революционного движения буржуазия в лице либеральных гласных Городских Дум поставила вопрос об освобождении муниципалитетов от излишней опеки административных органов. Консер-

вативная часть городского общественного управления временно притаилась, выжидая благоприятного момента выступить против «думских революционеров».

17 октября 1905 г. император Николай II издал Манифест, в котором декларировались гражданские свободы, Государственная Дума объявлялась законодательной, к участию в выборах в нее допускались рабочие [Шацкий, Муравьев 1977: 91]. Манифест от 17 октября 1905 г. с ликованием был встречен в буржуазной среде. Крупная буржуазия и помещики организовали партию «Союз 17 октября», ставшую открыто на контрреволюционные позиции. Либерально-монархический лагерь еще в начале октября 1905 г. организовал партию конституционных демократов и тоже горячо приветствовал царский Манифест. За кадетами пошла и опьяненная первой победой над самодержавием часть мелкой городской буржуазии. Большевики также весьма положительно оценивали Манифест, рассматривая его как поворотный пункт в развитии страны по конституционному пути. Другую тактику по отношению к Манифесту занимали большевики, которые расценили его появление лишь как первую победу революции.

На заседании Ставропольской Городской Думы 21 октября 1905 г. городской голова Н. Т. Иванов предложил гласным обсудить вопрос о отправке телеграммы императору от имени жителей города с благодарностью за дарование гражданских и политических прав. Против этого высказалась либеральная оппозиция [Ставропольская Городская Дума ... 2009: 92]. Гласный Я. В. Абрамов заявил, что благодарить нужно не правительство, а тех отважных борцов, организовавших движение пролетариата, которые «смело в рядах первых в борьбе за свободу подставляли грудь свою под пули правительства» [Судацов 2005: 28]. Решение об отправке телеграммы было принято с перевесом всего в три голоса [ГА СК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 1694. Л. 398]. В октябре–ноябре 1905 г. в г. Ставрополе были созданы отделы буржуазных партий: народной свободы (кадетов) и «Союза 17 октября».

Издание Манифеста от 17 октября 1905 г. не только не успокоило общество, а лишь усилило противостояние. К концу 1905 г. под влиянием борьбы рабочих небывалого размаха достигло революционное движение крестьянских масс, которое охватило более 40 сел Ставропольской губер-

нии. В политическую борьбу включились все слои общества.

Подъем политической активности российского общества в начале 1906 г. был связан с выборами в I Государственную Думу. В аграрной Ставропольской губернии из 47 выборщиков 33 были от крестьян. Несмотря на давление местных властей, широкую пропаганду кадетов и октябристов, крестьянские выборщики избрали своих депутатов: З. С. Мишина, волостного старшину из села Ладовская Балка Медвеженского уезда, Я. В. Борисова от крестьян Александровского уезда, Ф. М. Оникко, волостного писаря села Большая Джалга Благодаринского уезда [ГА СК. Ф. 96. Оп. 2. Д. 1600. Л. 12, 49]. В период работы I Государственной Думы значительно возросли политическая активность ставропольского крестьянства, его сплоченность и организованность. Власти с тревогой наблюдали за происходившими процессами, но все попытки предотвратить надвигающуюся грозу не дали результатов.

I Государственная Дума через 72 дня после начала ее работы была распущена Манифестом от 8 июля 1906 г. императора Николая II. Свообразным катализатором общественно-политической активности на Ставрополье явилось известие о предании военному суду бывшего депутата Государственной Думы Ф. М. Оникко, которое произвело на г. Ставрополь огромное впечатление. Утром 25 июля 1906 г. первыми отреагировали на трагическую весть рабочие нескольких заводов Ставрополя. Собравшись, они решили организовать митинг, чтобы «спасти Оникку от расстрела». Народ направился на Софийскую площадь, где была составлена телеграмма на имя первого министра П. А. Столыпина, в которой говорилось, что ставропольцы в числе 10 тысяч человек требуют освобождения Ф. М. Оникко и отмены в его отношении военного суда. После этого тысячная толпа мирно разошлась [Северокавказский край 27.07.1906]. С 26 июля 1906 г. по всей губернии начались забастовки на предприятиях и сельские сходы крестьян.

Широкий размах крестьянского движения в губернии вызвал обеспокоенность местных властей. Для наведения порядка 8 августа 1906 г. в Ставрополь прибыл генерал Н. М. Литвинов [Северокавказский край 09.08.1906]. В этот же день император подписал указ, объявлявший Ставропольский, Благодаринский и Медвеженский уезды на положении «чрезвычайной охраны»

[Северокавказский край 10.08.1906]. В уезды были направлены войска, закрывались оппозиционные газеты, прекращалась деятельность профсоюзов. Был издан ряд постановлений, ужесточивших меры против революционных выступлений.

Осенью 1906 г. шла активизация реакционных сил на Ставрополье. Понимая, что для борьбы с революционными выступлениями нужны организованность и политическая партия, землевладельцы поставили вопрос об открытии в Ставрополе отдела монархической партии «Союз русского народа». Поддерживая инициативу землевладельцев, новый губернатор Б. М. Янушевич направил 27 ноября 1906 г. уездным исправникам письма с извещением о начале деятельности «Союза русского народа» в Ставрополе.

Выборы во II Государственную Думу на Ставрополье, как и в целом по России, проходили в условиях усиливавшейся политической реакции. На избирателей было оказано мощное давление чиновничьего аппарата, правоохранительных органов и средств массовой информации. Однако ставропольцы избрали своих крестьянских депутатов — С. И. Карелина, В. В. Небовидова, И. А. Ефремова [Судацков 2005: 39]. Ставропольские депутаты активно обсуждали во II Государственной Думе аграрный вопрос.

2 июня 1907 г. губернатор Б. М. Янушевич получил телеграмму: «Высочайшим указом Государственная Дума будет распущена третьего сего июня с назначением созыва новой Думы первого ноября сего года. Благоволите принять все меры к поддержанию порядка. Министр внутренних дел Столыпин» [Кемпинский 1995: 59]. Одновременно был издан новый избирательный закон, резко ограничивавший участие населения в выборах. Теперь по закону от губернии мог избираться только один крестьянский депутат. В стране наступила политическая реакция. На Ставрополье продолжало сохраняться положение «чрезвычайной охраны».

Таким образом, в период первой русской революции общественность активно выступала за демократизацию городского самоуправления, увязывая это с модернизацией государственного устройства на основе представительной формы правления, однако самодержавие всячески тормозило решение данных проблем. Процесс консолидации общественности, с одной стороны, свидетельствовал о появлении предпосылок

формирования местного самоуправления на демократических принципах, а, с другой стороны, одним из важных моментов борьбы был рост политического сознания народных масс. Явное нежелание власти выполнить основные требования гласных Городских Дум вынудило общественность стать в оппозицию правительству.

Источники

Государственный архив Ставропольского края (ГА СК).

Литература

Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб.: Наука, 1991. 221 с.

Грингмут В. А. История народовластия. М.: Изд-во «Русская печатня», 1908. 76 с.

Дякин С. В. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л.: Наука, 1978. 244 с.

Ерман Л. К. Интеллигенция в первой русской революции. М.: Наука, 1966. 373 с.

Кемпинский Э. В. Революция 1905–1907 годов в Ставропольской губернии. Ставрополь: Изд-во СГПУ, 1995. 75 с.

Лихоманов А. В. Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905–1907 гг. СПб.: Российская национальная библиотека, 1997. 134 с.

Нардова В. А. Самодержавие и Городские Думы в России в конце XIX — начале XX вв. СПб.: Наука, 1994. 196 с.

Очерки истории Ставропольской организации КПСС. Ставрополь: Кн. изд-во, 1970. 632 с.

Первая революция в России: Взгляд через столетие / отв. ред. А. П. Корелин, С. В. Тютюкин. М.: Памятники ист. мысли, 2005. 602 с.

Северокавказский край. 1906. 27 июля.

Северокавказский край. 1906. 9 авг.

Северокавказский край. 1906. 10 авг.

Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л.: Наука, 1981. 256 с.

Ставропольская Городская Дума. 200 лет. Историческая хроника / под ред. Н. Д. Судацкова. М., 2009. 384 с.

Судацков Н. Д. Ставрополье в первой российской революции 1905–1907 гг. // Ставропольский хронограф на 2005 год. Ставрополь, 2005. С. 25–42.

Федоров В. И. Якутия в начале XX века в контексте национально-демократического движения народа саха // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 2. С. 30–33.

Черняев Н. И. Необходимость самодержавия для России. Екатеринослав, 1906. 373 с.

Шацкий П. А., Муравьев В. Н. Ставрополь. Исторический очерк. Ставрополь: Ставропольск. кн. изд-во, 1977. 263 с.

УДК 94(47)
ББК 63.3 (2Рос=Калм)

СОБЫТИЯ 1932–1933 гг. В СУДЬБАХ КАЛМЫЦКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Е. Н. Бадмаева

Голод 1932–1933 гг. в СССР — трагическая страница в истории нашей страны и, по мнению многих российских ученых, это была одна из величайших катастроф советского периода. В последнее десятилетие XX в. актуальным стало изучение исторических событий 1930-х гг. Сегодня благодаря новым отечественным и зарубежным исследованиям по этому периоду можно однозначно утверждать, что голод в отдельных регионах СССР возник не из-за плохих погодных условий, как утверждал, например, зарубежный историк Марк Таугэр [Таугэр 1996: 301], хотя засуха и другие негативные природные явления наблюдались в некоторых местах, а в силу субъективных предпосылок в цепи взаимосвязанных и взаимозависимых сталинских акций, способствовавших наступлению катастрофы. Но вряд ли можно поддерживать высказанное отдельными учеными суждение о целенаправленной сталинской политике по уничтожению крестьянства и заранее спланированном голоде. Из зарубежных исследователей апологетами данной концепции являлись Р. Конквест [1988: 45] и Д. Мейс [Mase 2004: 409], в ее поддержку выступили и украинские исследователи С. Кульчицкий [2007:43], Ю. Шаповал [2003: 85] и др. Российские же исследователи В. Данилов [1990: 15], И. Зеленин [1990: 38], Н. Ивницкий [2000: 248], В. Кондрашин [1996: 95] и другие считают несостоятельной данную концепцию о преднамеренной организации голода и уничтожении отдельных народов СССР, крестьян на отдельных территориях.

В данной статье описываются причины возникновения голода на основе документов из архивов и полевых материалов автора.

Представляется, что одной из причин голода в Калмыкии стала отчасти жесткая хлебозаготовительная кампания, проводившаяся государственными органами в целях ускорить темпы проведения индустриализации страны, а также обеспечить продовольствием население промышленных районов. Несмотря на применение репрессивных мер, в январе 1933 г. годовой план по сдаче зерна в Калмыцкой автономной области был выполнен лишь на 75,4 %. Сарпинский

улус под жесточайшим нажимом перевыполнил план в три раза, но при этом изъял запасы у 6 колхозов, не оставив зерна для семенного фонда [НА РК. Ф.П-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 43]. В 1933 г., несмотря на то, что Калмыкия с трудом пережила тяжелую голодную зиму, ей был установлен новый план сдачи хлеба в объеме 86 059 ц, что в 7,3 раза превышало поставки предыдущего года. Из них 76 901 ц (89,3 %) должны были сдать колхозы, а 9 158 ц (10,7 %) — единоличные хозяйства. Реализация поставленных задач в 1933 г. осуществлялась за счет увеличения посевных площадей в животноводческих колхозах с 24 тыс. до 37 тыс. га. В хозяйствах единоличников за этот же период посевные площади также значительно расширились с 1 тыс. до 11 тыс. га [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 39].

Голод в Калмыцкой автономной области в основном был вызван не столько непомерными хлебозаготовками (КАО не была серьезным производителем хлеба), а сколько недостаточной поставкой продовольствия. К тому же имевшийся скот в автономии значительно уменьшился в результате сельхоззаготовок. Из-за отсутствия продуктов питания и продовольственных запасов появились первые признаки надвигавшегося массового голода. Надежды на помощь государства не было; сами колхозы были маломощны и слабы в материально-финансовом плане, многие из них существовали только на бумаге. В действовавших колхозах не было достаточного количества скота и посевных семян, тракторов и сельхозинвентаря. В период насильственной сплошной коллективизации крестьяне зачастую намеренно забивали скот, гноили семена и т. д., что тоже вело к дезорганизации сельскохозяйственного производства. Раскулачивание деревни (в некоторых районах было репрессировано почти все крестьянство) привело к тому, что страна лишилась опытных хлеборобов и скотоводов, наиболее трудолюбивых и знающих сельскохозяйственное дело крестьян. Из-за налоговых, экономических и репрессивных мер значительно сократилось число зажиточных крестьян, к которым раньше можно было наняться на работу, чтобы спастись от голода.

О тяжелом продовольственном кризисе и массовом голоде калмыцкие партийные и государственные органы, спецслужбы неоднократно информировали центральные власти. Например, из секретной информации полномочного представителя по Нижне-Волжскому краю Калмыцкого областного отдела ОГПУ Полетаева от 25 марта 1932 г.: «В дополнение наших сообщений о продовольственных затруднениях в области, к настоящему моменту положение остается напряженным, особенно в Западном улусе. Отсутствие хлеба вызывает у крестьян опухание отдельных членов семьи. В Абганеровском аймаке колхозник Коплухов Г. голодает, распух и уже не может встать»¹ [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 204].

Полное изъятие хлебопродуктов, лишение даже семенного фонда, невыплата трудодней вызвали массовое недовольство крестьян, так называемые «голодные бунты». Так, 5 января 1932 г., по сообщениям спецслужб, в Кумском аймаке Западного улуса 32 колхозника отказались выйти на работу и потребовали выдать хлеба их семьям. В поселке Шенфельд Нем-Хагинского сельского совета Западного улуса произошло организованное выступление 30 голодных женщин [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 25, 27]. 27 марта 1933 г. руководство регионального ОГПУ сообщало в Калмыцкий обком ВКП(б) о том, что «продовольственные затруднения принимают все больший размах и увеличивается число смертей от голода» [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 143–144]. Недовольство населения все больше нарастало, оно проявлялось, как отмечалось в сообщениях, даже со стороны руководящих работников. По агентурным данным органов НКВД, государственный и партийный деятель Калмыкии, писатель А. Амур-Санан в сентябре 1933 г. писал своему другу А. Чапчаеву в г. Ургу (Монголию) о тяжелом голоде, свирепствовавшем в СССР и Калмыкии. В этом письме, полном отчаяния, А. Амур-Санан выражал свое сочувствие голодающим землякам: «плачу, когда вижу, как батраки и бедняки голодают» [НА РК. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 150. Л. 129].

Из 225 опрошенных нами свидетелей голода в Калмыкии у 125 от голодной смерти погибли близкие родственники. Например, в семье жительницы колхоза «20 лет Октября» Караванинского сельского совета Долбанского улуса Ц. А. Мангутовой от голода

умерло четыре члена семьи [ПМА: 1]. В результате опроса очевидцев было установлено, что в 1931–1933 гг. случаи людоедства и трупоедства не имели места в селах и колхозах Калмыкии. Однако, по словам очевидца голода П. И. Манжиковой из х. Зюнгар Кебют Бюдермес-Кебютковского с/с Западного улуса, жители откапывали на скотомогильниках трупы животных, облитых креолином, отмывали их водой и варили из них супы [ПМА: 2].

В ходе опроса очевидцев голода 1932–1933 гг. был задан вопрос «Была ли оказана вам и членам вашей семьи во время голода какая-либо помощь колхозом, сельсоветом и т. д.?». Из 90 человек, ответивших на этот вопрос, 25 высказались утвердительно. Некоторые из них вспомнили, что государственная помощь их семьям оказывалась, но разово и в небольшом размере, другие говорили о помощи руководства колхоза, выдавшего им немного хлеба и отрубей. Но все они были едины во мнении, что помощь со стороны государства не была определяющей в их спасении. 65 очевидцев решительно заявили, что никакой помощи их семьям во время голода не оказалось².

Одним из распространенных средств выживания деревни в условиях голода во все времена было нищенство — последняя надежда попавших в беду крестьян. В 1932–1933 гг. так было и в Поволжье, и на Северном Кавказе, и в других охваченных голодом районах. Крестьяне Поволжья, в основном, побирались в местах, где традиционно были развиты огородничество и садоводство. У калмыка-кочевника ситуация была несколько иной. Он никогда не просил подаяния, так как это занятие считалось недостойным для калмыка. Фактически факты попрошайничества нельзя было встретить в калмыцких аймаках. Кроме того, калмык не мог позволить, чтобы нищий сородич ходил с протянутой рукой, поскольку задевалась честь его рода. Из опрошенных очевидцев голода ни один не подтвердил факта попрошайничества. Вся жизнь калмыка-скотово-

² Для примера приведем высказывания некоторых из них. А. Е. Таджикиева из Сарпинского улуса: «Кто нам помогал?! Помощи никто не оказывал. Председатель был хороший, понимающий, но ничем помочь не мог» [ПМА: 3]. Большинство опрошенных говорили о том, что помощь, если и была оказана, то слишком поздно. Так, О. М. Горбанева из Сладковского сельсовета Западного улуса вспоминает, что помощь оказали, но к тому времени у нее от голода уже умерли два брата [ПМА: 4].

¹ Здесь и далее текст приводится без изменений.

да была связана со скотом. Иметь лошадь означало жить в достатке, поэтому богатство калмыка определялось количеством имевшихся у него коней. Традиционно угон лошадей у калмыков, как и у других кочевых народов, не относился к числу преступлений или порочных деяний. Кража скота была решением экономических проблем угонщика и демонстрацией его мужества, поскольку для угона лошадей или других видов скота требовалось немало храбрости, смекалки, выдержки. Как правило, краденый скот угонщик делил между своими родственниками, поэтому он пользовался большим авторитетом. Благодаря его добыче жили целые семьи и рода [Шантаев, Батыров 2007: 150]. Информант В. И. Теврюков рассказывал, как в возрасте 10-ти лет воровал скот в голодные 1932–1933 гг. Ему подбирали хорошую лошадь, и, будучи отличным наездником, он ночью один отбивал скотину от стада и угонял. Таким образом ему удалось спасти от голодной смерти все село [ПМА: 5]. Г. С. Очирова поведала, как ее свекор С. У. Очиров, проживавший в голодные годы в с. Кануково Сарпинского улуса, рассказывал с нескрываемым чувством гордости о том, что благодаря ему, лихому конокраду, от голода спаслись он сам и его ближайшие родственники [ПМА: 6]. Ч. М. Бамбаева, уроженка Ики-Манлана Сарпинского улуса, вспоминает, что жили бедно и голодно, но в их деревне никто не просил подаяния [ПМА: 7]. Обычно, если нуждалась калмыцкая семья, то они обращались за помощью к богатым соседям и родственникам. Могли остановиться у них, чтобы с их семьями разделить трапезу.

В голодные годы распространенным способом выживания стало употребление в пищу различных суррогатов. Среди них, по свидетельствам очевидцев, наиболее распространенными были: ботва картофельная, солома, опилки, глина, мясо и кости падших животных, «холодец» из сырых шкур животных. В Калмыкии активно употребляли в пищу мясо сусликов. Очевидцы голода Г. С. Чюрюмова, Н. Б. Халгинова, Н. К. Учурова и другие спасались тем, что варили суп из сусликов с тыквой. Особым лакомством считался дикий паслен. Зачастую на трудодни выдавались отруби на питание [ПМА: 8, 9, 10]. Использование возможностей личного подворья (сада, огорода), сбор трав спасало многих голодающих, но советская власть пыталась

установить контроль над всеми продовольственными запасами крестьянской семьи, в том числе и над тем, что давало подворье, что еще больше обостряло ситуацию.

Таким образом, разрушение коллективизацией и политикой советского правительства традиционной системы выживания крестьян в период голодного бедствия привело к значительному росту смертности. Хотя вряд ли можно утверждать, что советское правительство осознанно шло к этому. Попытки Сталина вывести страну из кризисного состояния были обречены на провал, поскольку масштабные и форсированные мероприятия по индустриализации страны и модернизации армии, проводимые, в основном, за счет деревни, насильственная коллективизация и раскулачивание разрушили сельское хозяйство, которое не могло при всем напряжении сил обеспечить продовольственную безопасность государства.

Крестьянская трагедия 1932–1933 гг. во всех ее проявлениях по существу идентична. То обстоятельство, что хлеб у крестьян изымался на нужды индустриализации, не может оправдать ни насилия при создании колхозов, ни тем более голода. Голод 1932–1933-х гг. не может быть оценен иначе, как крупный провал экономической политики советского государства и как геноцид против всего российского крестьянства.

Полевой материал автора: информанты

1. Мангутова Цаган Алкаевна, 1925 г. р., с. Бичк Шаха Караванинского сельского совета Долбанского улуса.
2. Манжикова Раиса Матвеевна, 1924 г. р., х. Зюнгар Кебют Бюдермес-Кебютского сельского совета Западного улуса.
3. Таджикива Александра Есеновна, 1918 г. р., п. Кетченеры Кетченеровского района.
4. Горбанева Ольга Михайловна, 1926 г. р., г. Элиста.
5. Теврюков Виктор Иванович, 1932 г. р., уроженец ст. Иловайской Сальского округа Северо-Кавказского края.
6. Очирова Галина Сангаджиева, 1933 г. р., к. «Улан Малч» Шамбайского сельского совета Приволжского улуса.
7. Бамбаева Читля Андреевна, 1924 г. р., с. Ики-Манлан Сарпинского улуса.
8. Чюрюмова Гарма Саранговна, 1922 г. р., уроженка х. Николаевский Сальского округа Северо-Кавказского края.
9. Халгинова Наталья Бадминовна, 1904 г. р., ст. Кутейниковской Сальского округа Северо-Кавказского края.

10. Учурова Надежда Кирсановна, 1917 г. р., с. Атамановка Сальского округа Северо-Кавказского края.

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Литература

- Данилов В. П. Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. 1990. № 5. С. 7–30.
- Зеленин И. Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» // История СССР. 1990. № 6. С. 31–49.
- Ивницкий Н. А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М.: ИРИ РАН, 2000. 350 с.
- Конквест Р. Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом. Лондон, 1988. 620 с.
- Кондрашин В. Голод в 1932–1933 гг. в Поволжье // Вопросы крестьяноведения. Вып. 3. Саратов, 1996. С. 92–99.
- Кульчицкий С. Почему он нас уничтожил? Киев, 2007. С. 39–45.
- Таугер М. Б. Урожай 1932 года и голод 1933 года // Судьбы российского крестьянства. М.: РГГУ, 1996. С. 298–332.
- Шановал Ю. Политическое руководство УССР и Кремля // Современность. 2003. № 6. С. 78–101.
- Шантаев Б. А., Батыров В. В. Угон скота у калмыков: кража или доблестный поступок // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов / отв. ред. Э. П. Бакаева. Элиста: Изд-во КГУ, 2007. С. 148–157.
- Mase James E. Is the Ukrainian Genocide a Myth // La morte della terra. La grande “carestia” in Ucraina nell 1932–1933. Viera, Roma, 2004. P. 407–415.

УДК 94

ББК 63.3 (2Рос=Калм)

БОРЬБА СО ВСПЫШКОЙ ЭПИДЕМИИ ЧУМЫ В КАЛМЫЦКОЙ АССР И СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1937–1938 гг.

М. В. Бадугинова

Юго-восток Европейской части России, в том числе территория Астраханской губернии и Калмыцкой степи в начале XX в. нередко становились очагом опасных инфекционных заболеваний: здесь возникали и получали широкое распространение эпидемии оспы, чумы, холеры и других инфекционных заболеваний [Дойникова, Сусев 1967: 164]. К сожалению, до настоящего времени в России чума до сих пор не ликвидирована, например, только на территории Калмыкии находятся части двух природных очагов чумы, одного — туляремии и лептоспироза, поэтому периодические вспышки эпидемий, по мнению ученых, неизбежны [Очиров 2009: 604].

Первые противочумные лаборатории на юго-востоке Европейской России были организованы в начале XX столетия в связи с признанием этой территории как постоянного эндемического очага чумы. Только за период с 1899 г. по 1914 г. в Астраханской губернии была зарегистрирована 81 вспышка с 1 931 заболеванием и 1779 случаями смерти, что составляет 93 %; по другим данным, за 1899–1917 гг. было 124 вспышки с 3 200 заболеваниями. В подчинении Астраханской

лаборатории, открытой в 1901 г., была целая сеть противочумных лабораторий, развернутых в Ханской ставке (1909), Новой Казанке (1912), Джамбейте (1912, затем переведена в Уральск), Царицыне (1913), Новоузенске (1913, затем переведена в Александров-Гай), Калмыкове (1913), Заветном (1914), Владимирове (1914). Эти лаборатории являлись районными пунктами для наблюдения за проявлениями чумной инфекции среди людей и грызунов и принятия первых мероприятий при появлении чумных заболеваний [Метелкин 1960: 394, 396].

С открытием Царицынской противочумной лаборатории в Калмыцких степях впервые были начаты работы по ликвидации чумы. С 1913 по 1987 гг. в Прикаспийском очаге было зарегистрировано 36 случаев эпизоотических вспышек, из них 34 случая в Калмыкии. Основными причинами заболеваний были такие формы контакта с носителями чумы, как заготовка пушнины и употребление мяса зверьков в пищу (52,7 %), а также основная деятельность жителя степи — скотоводство. Были зарегистрированы две вспышки, связанные с заболеваниями верблюдов: осенью 1924 г. в поселке Яста

Яндыко-Мочажного улуса, когда заболело 13 человек, из них умерло 12; летом 1936 г. в поселке Нарын-Худук заболело 7, из них умерло 5 человек [НА РК. Ф.Р-158. Оп. 1. Д. 26Б. Л. 2–3].

Возникновению эпидемий также способствовали тяжелые социальные условия жизни населения степи — скученность, теснота, грязь, низкий уровень санитарной культуры. Нередки были случаи вымирания целыми землянками, которые были перенаселены людьми, жившими в постоянном контакте с грызунами и блохами. Низкая плотность населения, разобщенность животноводов, малочисленность и небольшая величина населенных пунктов являлись основной причиной того, что в степях Калмыкии преобладала бубонная форма чумы (67,3 %). Наибольшее число заболеваний здесь приходилось на летние месяцы — 63,6 %, особенно на июнь и июль, тогда как в зимние месяцы было зарегистрировано только 15 % заболевших [НА РК. Ф.Р-158. Оп. 1. Д. 26Б. Л. 3–4].

В связи с интенсивными эпизоотиями среди малых сусликов и мелких мышевидных грызунов, часто осложнявшимися эпидемическими вспышками, в 1926–1927 гг. в селах Тундутово и Яндыки были организованы первые в Калмыкии противочумные лаборатории. Тогда же была открыта и противочумная лаборатория в г. Элисте. До 1933–1934 гг. профилактическая работа проводилась в небольших размерах: кроме трех стационарных лабораторий, здесь работали сезонные отряды под руководством Саратовского противочумного института «Микроб».

С 1934 г. было начато систематическое и всестороннее изучение природной очаговости чумы на правом берегу Волги, разворачивались работы по истреблению грызунов с целью ликвидации чумной эпизоотии. В 1937 г. были открыты еще два противочумных отделения в поселках Улан-Хееч и Башанта, а лаборатория в Элисте была преобразована в противочумную станцию. В 1934–1937 гг. было обработано 10 млн гектаров по истреблению сусликов. Работниками станции также проводилась вакцинация населения, дезинсекция, научно-исследовательская работа, изучалась зоогеография носителей чумы и переносчиков [НА РК. Ф.Р-158. Оп. 1. Д. 26Б. Л. 4–5].

В газетах и журналах того периода редко можно встретить материалы о бубонной

или легочной чуме, холере, брюшном тифе и т. д. Информация о любой эпидемии в стране могла подорвать авторитет существующей власти как перед зарубежными державами, так и перед собственным народом. В Советском государстве все страшные болезни относились к разряду средневековых мифов или издержек царского времени, при этом утверждалось, что «большие успехи достигнуты за 50 лет Советской власти в области здравоохранения, ликвидированы такие опасные инфекционные заболевания, как натуральная оспа, холера, чума, ликвидирована малярия, паразитарные тифы» [Дойникова, Сусеев 1967: 161]. Такие заявления характерны для многих работ по медицине и здравоохранению, изданных в советский период. Не стал исключением и итоговый доклад к 60-летию противочумной службы Калмыкии и 50-летию Элистинской противочумной станции, отмечавшихся в 1987 г. Автор доклада акцентировал внимание на том, что «до ВОСР [Великой Октябрьской социалистической революции. — М. Б.] профилактика чумы и борьба со вспышками этой болезни очень слабо подкреплялась государственными мероприятиями и основывалась главным образом на самоотверженной, героической работе русских врачей» [НА РК. Ф.Р-158. Оп. 1. Д. 26Б. Л. 3]. И далее докладчик, характеризуя противочумные мероприятия, проводимые с приходом советской власти, отмечал: «Последняя вспышка чумы была зафиксирована [на территории Калмыцкой АССР. — М. Б.] в 1936 году в п. Нарын-Худук» [НА РК. Ф.Р-158. Оп. 1. Д. 26Б. Л. 6]. Другими словами, по утверждению докладчика после 1936 г. в Советской Калмыкии эпидемий чумы не было. В действительности сведения о многих эпидемиях, имевших место на территории бывшего Советского Союза, были недоступны для общественности и относились к разряду конфиденциальных.

В конце XX в. многие документы из секретных архивов, относящихся к советскому периоду, стали общедоступны, в том числе дело с грифом «Сов. секретно» № УД 245-26 «О мероприятиях по ликвидации случаев чумных заболеваний в Калмыцкой АССР и Сталинградской области в 1937–1938 гг.», переданное на хранение в Государственный Архив Российской Федерации [ГА РФ. Ф.Р-5446. Оп. 22. Д. 362]. Именно в подобных делах содержатся объективные данные,

предназначенные для руководителей «высшего звена», которые могут пролить свет на неизвестные страницы истории, восстановить полную картину происшедшего. В этом деле, помимо других документов, содержатся доклады Председателю СНК СССР В. М. Молотову от наркома здравоохранения СССР М. Ф. Болдырева и отчет его заместителя Н. И. Проппер-Гращенко, который проводил расследование эпидемической вспышки 1937–1938 гг., попытался восстановить хронологическую последовательность произошедшего и вскрыть основные причины возникновения этого инфекционного заболевания. Также в своем докладе он дал характеристику проводимым противочумным мероприятиям, указал на ошибки, допущенные при ликвидации эпидемии, и сделал выводы. Эти документы опровергают заявление докладчика и доказывают, что советская власть скрывала объективную информацию по чуме в стране. Следует отметить, что информация об эпидемии в Калмыцкой АССР в 1937–1938 гг. в фонде санитарно-эпидемической службы Национального архива Республики Калмыкия отсутствует.

Вспышка чумы 1937–1938 гг. началась в районе Приволжского улуса Калмыцкой АССР, в южной части Енотаевского и Харабалинского районов Астраханского округа в конце ноября 1937 г. Причиной возникновения этой вспышки стало появление эпизоотии на мышах, которые в свою очередь через крыс и блох передали чуму человеку [ГА РФ. Ф.Р-5446. Оп. 22а. Д. 362. Л. 64–65]. Как позже отметил заместитель наркома здравоохранения СССР Н. И. Проппер-Гращенко, «данная территория по сведениям Астраханской противочумной станции считалась совершенно здоровой и не эндемичной по чуме. Этим отчасти объясняются отсутствие достаточного наблюдения за ней, а также несвоевременная сигнализация об эпизоотии на грызунах, следствием чего явилась острая вспышка чумных заболеваний. Насколько удалось проследить к настоящему времени [отчет зарегистрирован в Секретном отделе СНК СССР 16.01.1938. Вх. № 843. — М. Б.], заболевание началось 25.11.37 г. в поселке Кзыл-Казях в семье казаха Джумахмедова; 28.11. заболела его сестра, а 01.12. их соседка Урузахова, часто их посещавшая» [ГА РФ. Ф.Р-5446. Оп. 22а. Д. 362. Л. 66]. Инфекция распространялась по бытовому признаку, заболевали целые

семьи, представители которых контактировали с больными.

7 декабря 1937 г. Секретный отдел Управления Делами СНК СССР (Вх. № 17414) зарегистрировал докладную записку Наркома здравоохранения СССР М. Ф. Болдырева председателю Совнаркома СССР В. М. Молотову: «Исх. № 763/18с от 7 дек. 1937 г. Срочно. Секретно. Сегодня, 7.12.1937, Наркомздрав СССР получил телеграфное извещение о том, что в хотоне Кзыл-Казях в 20 км севернее Замьян Калмыцкой АССР обнаружено 8 чел., больных чумой, из них 6 умерло. Заболевания обнаружены в 4-х семьях. Кроме того, изолировано 15 человек в хотоне Кзыл-Казях и Калмбазаре 9 человек, соприкасавшихся с больными». Далее М. Ф. Болдырев сообщает о принятых мерах противочумной организацией: «...назначен уполномоченный по борьбе с чумой — врач Саларов; из Астрахани выехало 2 врача с медперсоналом для обсервации; обследовательский отряд во главе с врачом Кудрявцевым и 2 технорука по истребительным работам. Отправляется три классных вагона и один вагон-лаборатория. Кроме того, из Астрахани выехал на двух автомашинах отряд из 3-х врачей и лаборанта с лабораторным оборудованием [начальник отряда Новиков. — М. Б.]. Из Саратова выехал директор Противочумного Института тов. Смирнов и врач Денменков. Противочумной организацией объявлен карантин в Кзыл-Казяхе и Актюбеевке. Сообщите об изложенном, прошу санкционировать наложение карантина в указанных селениях» [ГА РФ. Ф.Р-5446. Оп. 22а. Д. 362. Л. 1а]. 8 декабря 1937 г. записка М. Ф. Болдырева с резолюцией В. М. Молотова «За» была направлена Управляющему делами СНК СССР Н. Петричеву [ГА РФ. Ф.Р-5446. Оп. 22а. Д. 362. Л. 1б].

Через неделю в очередной секретной записке В. М. Молотову от Наркома здравоохранения сообщалось, что «по ликвидации вспышки работает 35 врачей, из них 19 врачей специалистов по чуме с обслуживающим персоналом, на пяти ближайших железнодорожных станциях находятся врачебные отряды с особыми вагонами и дрезиной, установлено тщательное медицинское наблюдение за населением во всех хотонах, где наблюдались заболевания или выявлены соприкосновения с больными. За пределами карантина заболеваний не

установлено» [ГА РФ. Ф.Р-5446. Оп. 22а. Д. 362. Л. 4]. В зоне очага были развернуты работы по истреблению грызунов, дополнительно командированы специалисты по чуме, профессор Сукнев — из Ашхабада, доктор Покровская — из Ворошиловска [ныне Ставрополь — М. Б.] и 10 врачей — из Ростовского облздрави, ранее участвовавших в ликвидации вспышек, развертывается лагерь-изолятор на 100 человек. Тем не менее, эпидемия продолжала распространяться. На 13 декабря были госпитализированы 5 больных, 19 человек умерло, а также 87 человек были изолированы. О том, какую опасность представляла чума, и как важно было сохранить эту информацию в тайне, говорит и тот факт, что на месте вспышки находился заместитель Наркомздрава РСФСР Л. Вебер, а утром 15 декабря 1937 г. в Астрахань выехал Главный государственный санитарный инспектор СССР И. Елкин в сопровождении работников Наркомздрава СССР. Позже сюда в качестве уполномоченного Совнаркома СССР прибыл заместитель Наркома здравоохранения СССР Н. И. Проппер-Гращенко. В очаг эпидемии были переброшены 5 самолетов, 8 легковых и 15 грузовых машин к 15 имевшимся на месте, карантин обеспечивали 80 милиционеров, на ликвидацию эпидемии были переведены ассигнования в размере 150 тыс. рублей [ГА РФ. Ф.Р-5446. Оп. 22а. Д. 362. Л. 4]. В своем отчете Н. И. Проппер-Гращенко оценил работу экспедиции следующим образом¹:

Хотя и с некоторым запозданием с момента появления первого чумного заболевания, но в район вспышки прибыла большая группа научных сотрудников Саратовского противочумного института «Микроб» в довольно короткий срок. В район очага были стянуты большие людские и материальные средства.

Достаточно, к примеру, указать, что в середине декабря в экспедиции в районе очага было 182 человека, из них 37 врачей, 20 человек среднего медперсонала и т. д. Были собраны большие технические средства: больше 60 машин, грузовых и легковых, белья, палаток, химикатов и т. д. Наличие в составе экспедиции отряда по проведению истребительных работ в количестве 30 человек — все это, несомненно, предполагало очень быструю ликвидацию

¹ Отчет Н. И. Проппер-Гращенко приводится без изменений.

вспышки и по постановке работы на такую высоту, которая не только исключала бы распространение и продолжение заболеваний, но, безусловно, повела бы к ликвидации заболевания, к выявлению точных границ эпизоотии на грызунах, как равно к полной и своевременной госпитализации заболевших и к правильной постановке лечебного дела, гарантирующего возможность выздоровления, особенно смешанных и бубонных форм.

Между тем, работа экспедиции, как мне удалось это выяснить при личном посещении несколько раз очага, ознакомлении на месте и на специальном совещании членов партии, участвующих в экспедиции, — была явно неудовлетворительной.

Руководство экспедиции не только не обеспечило полной ликвидации вспышки, но и не справилось с выявлением больных и их ранней госпитализацией, ибо большинство больных было подобрано в виде трупов.

Руководство экспедиции не обеспечило изучение эпидемиологии данной вспышки, следствием чего является полная невыясненность связи между отдельными очагами вспышки, не вскрыты первые случаи заболевания чумой, с большим запозданием начата работа по исследованию эпизоотии на грызунах в то время, когда уже было 15 смертей от чумы; очень неудовлетворительно велась работа лаборатории, которая запаздывала с микробиологическими анализами, а в ряде случаев, от заведомо погибших от легочной чумы, не сумела выделить чумную культуру.

Половина всех случаев, заболевших чумой, была обнаружена экспедицией в виде трупов — на дому. Остальная половина, как правило, госпитализировалась с большим опозданием. Сам госпиталь был организован неудовлетворительно и скорее являлся тюрьмой для чумного, нежели госпитальным учреждением. В нем отсутствовали медикаменты, правильная организация госпитального режима, что не исключало возможности внутригоспитального заражения. К этому следует прибавить, что сыровотка, являющаяся пока наиболее могучим средством при лечении чумных заболеваний, была привезена Саратовским противочумным институтом в очень небольшом количестве, едва позволявшим применять ее в заведомых случаях чумных заболеваний [ГА РФ. Ф.Р-5446. Оп. 22а. Д. 362. Л. 61–62.].

Отрицательная характеристика дается уполномоченным Совнаркома и врачам, участвовавшим в ликвидации эпидемии: «Как показывает опыт развертывания борьбы с настоящей вспышкой, наши противочумные организации совершенно не подготовлены для борьбы с чумовой вспышкой и не имеют к тому ни людских, ни материальных средств. Наличный штат чумологов отличается или чрезмерной молодостью и неопытностью или узостью своей подготовки и полным отрывом от общих задач микробиологии и эпидемиологии.

Большим недостатком является также полная неосведомленность общих врачей о противочумных мероприятиях, что в конечном счете ведет к появлению паники среди общих врачей даже в большей степени, чем среди населения, и незнание с самыми элементарными фактами в области борьбы с чумой» [ГА РФ. Ф.Р-5446. Оп. 22а. Д. 362. Л. 60].

Эпидемия чумы 1937–1938 гг. привела к обсервации Приволжского района Калмыцкой АССР (23 поселения), Карабахинского [правильно Харабалинского — М. Б.] (3 поселения, 4 полеводческие бригады, 3 фермы), Енотаевского (4 поселения), Красноярского (2 поселения, 4 фермы) районов Сталинградской области [ГА РФ. Ф.Р-5446. Оп. 22а. Д. 362. Л. 5]. Несмотря на предпринимавшиеся меры и наличие более 50 человек медперсонала, число умерших и карантинированных продолжало увеличиваться. Если на 16 декабря умерло от легочной формы чумы 21 человек, а на карантине находилось 73 человека [ГА РФ. Ф.Р-5446. Оп. 22а. Д. 362. Л. 7], то уже на 23 декабря умерших было 32 и карантинировано 92 человека [ГА РФ. Ф.Р-5446. Оп. 22а. Д. 362. Л. 11]. Для 1937 г. это были довольно высокие показатели, ср. с данными во время Одесской эпидемии чумы 1837 г. где заболело 125, из которых умерло 108 человек [Васильев, Сегал 1960: 240]. Заметим, что в 1837 г. вакцины от чумы еще не существовало, не проводились и профилактические мероприятия, отсутствовал богатый опыт предыдущих поколений по борьбе с чумными эпидемиями.

Для усиления результатов работы по истреблению мышевидных грызунов Осоевским направил 3 истребительных отряда по 100 человек каждый. Для медицинского наблюдения из Куйбышева, Сталинграда и Саратова было направлено дополнительно 40 врачей и 50 фельдшеров [ГА РФ.

Ф.Р-5446. Оп. 22а. Д. 362. Л. 11]. Несмотря на все предпринятые меры, эпидемия продолжала расти, о чем свидетельствовали дальнейшие доклады наркома М. Ф. Болдырева. Частичное объяснение этому можно найти в секретной записке от 30 декабря 1937 г. В. М. Молотову от исполняющего обязанности Председателя Сталинградского облисполкома Семенова: «Группа врачей и профессоров, присланная Наркомздравом, практической помощи экспедиции не оказывает, до последнего времени отсиживается в Астрахани» [ГА РФ. Ф.Р-5446. Оп. 22а. Д. 362. Л. 27].

В конечном итоге усилиями властей и медиков подавить эпидемию удалось лишь в январе 1938 г. По данным на 26 января в госпитале находилось 3 выздоравливавших, на карантине людей не состояло. Наркомздрав доложил в СНК СССР о возможности снятия воинского оцепления и отмены карантина в зоне, окружавшей очаг [ГА РФ. Ф.Р-5446. Оп. 22а. Д. 362. Л. 44].

Н. И. Проппер-Гращенко в своем отчете отметил дальнейшее возникновение на территории очага и зоны карантина единичных чумных вспышек в связи с наличием песчанок (мышей) и невозможного их полного истребления. Трудные бытовые условия, по его мнению, сыграли в данном случае не последнюю роль. В своих наблюдениях за соседними местностями, находившимися в зоне риска, он выявил некоторую закономерность возникновения очагов инфекции: чума появлялась в землянках, тогда как население, жившее в районе эпидемии в деревянных домах с высоким фундаментом и полом, не заболело [ГА РФ. Ф.Р-5446. Оп. 22а. Д. 362. Л. 55]. Завершая свой доклад, Уполномоченный Совнаркома СССР осуждает существующую систему строгого засекречивания всех исследований и публикаций, относившихся к чуме, что сыграло «свою отрицательную роль, как для чумологов, оказавшихся абсолютно изолированными и малограмотными в вопросах общей микробиологии и эпидемиологии, так и для общих врачей, которые совершенно невежественны в вопросах диагностики и терапии чумных заболеваний. Необходимо полное осведомление врачей о диагностике и лечении чумы, особенно работающих в эндемических районах, так это может способствовать раннему выявлению первых чумных заболеваний и безусловному предупреждению вспышки легочной формы чумы» [ГА РФ. Ф.Р-5446. Оп. 22а. Д. 362. Л. 54].

Как видно из данного документа, информация по эпидемиям в СССР была совершенно закрытой. Даже сегодня мы точно не знаем, сколько вспышек чумы было зарегистрировано за годы советской власти. Рассекречивание материалов из архивов позволяет провести анализ для воссоздания подлинной картины прошлого, позволяющий предотвратить ошибки будущего, дает возможность объективно исследовать проблемы не только здравоохранения, что, безусловно, важно для изучения истории страны в целом. К сожалению, даже в XXI в. мы находимся в неведении относительно многих исторических событий из-за закрытости информации в СССР. Поэтому в исследованиях, основанных на данных, которые были опубликованы в советский период, неизбежно будет отражена картина, соответствующая этим источникам. Так, ссылаясь на предпринимаемые меры и рост ассигнований на здравоохранение, автор одной работы делает вывод, что в 30-х гг. XX в. в Калмыкии «такие болезни, как натуральная оспа, холера, чума, были полностью ликвидированы» [Сусеев 2006: 74]. На основании новых, рассекреченных материалов можно утверждать, что вспыш-

ки эпидемии чумы как в 30-х гг. XX в., так и в последующие годы на территории страны происходили.

Источники

- Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).*
Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Литература

- Васильев К. Г., Сегал А. Е.* Эпидемии чумы // История эпидемий в России. М: Медгиз, 1960. С. 226–247.
- Дойникова Е. А., Сусеев П. Н.* На страже здоровья // 50 лет под знаменем Октября. Элиста: Калмиздат, 1967. С. 160–186.
- Метелкин А. И.* Противочумная организация дореволюционной России // История эпидемий в России. М: Медгиз, 1960. С. 377–397.
- Очиров У. Б.* Развитие здравоохранения республики во 2-й половине XX века // История Калмыкии с древнейших времен и до наших дней: в 3 т. Т. 3. Элиста: Издател. дом «Герел», 2009. С. 591–607.
- Сусеев П. Н.* К истории здравоохранения Калмыкии // Очерки истории здравоохранения Калмыкии (Воспоминания министра). Элиста: НПП «Джангар», 2006. С. 58–76.

УДК 94(47).084.3 + 94(47).084.5 + 94(47).084.6 + 94(47).084.8
 ББК 63.3(2)613 + 63.3(2)614 + 63.3(2)615 + 63.3(2)622

ПРИЧИНЕННЫЙ УЩЕРБ НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ г. ЭЛИСТЫ КАЛМЫЦКОЙ АССР В ПЕРИОД НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ

З. Г. Гаряева

В последнее время в исследованиях по истории Калмыкии периода Великой Отечественной войны предметом пристального внимания стал оккупационный период. Причиненный ущерб Калмыкии фашистами в период временной ее оккупации недостаточно исследован и является пробелом в истории Калмыкии военного периода. В данной статье на основе архивных данных, впервые введенных в научный оборот, рассмотрен ущерб материальной базе в сфере образования в городе Элисте Калмыцкой Автономной Союзной Социалистической Республики (КАССР).

В 1920–1930-е гг. одной из важнейших задач культурного развития стала ликвидация неграмотности взрослого населения. Большевики впервые разработали программу преодоления массовой неграмотности и

развернули широкое общественное движение по ее реализации. Кампании ускоренного ликбеза позволили поднять уровень элементарной культуры у взрослого населения, подавляющее большинство которого в силу своих жизненных условий не могло посещать общеобразовательную школу. К 1920 г. на 1 000 жителей Калмыцкой области приходилось всего 56 грамотных калмыков [цит. по: Сартикова 2008: 112–113]. В феврале 1923 г. были открыты 14 школ ликбеза, и постепенно их число возрастало [цит. по: Сартикова 2008: 115].

В 1930–1931 учебном году в пунктах по ликвидации неграмотности обучались 39 740 взрослых, в 1933 г. — 18 000 неграмотных и 24 850 малограмотных. В 1936–1938 гг. обучались уже около 37 000 неграмотных и малограмотных, а к

1 июня 1939 г. обучалось 10 638 неграмотных и 11 532 малограмотных [НА РК. Ф.Р-3. Оп. 2. Д. 1825. Л. 43–44].

Если в первые годы образования Калмыцкой автономной области успехи в ликвидации неграмотности были не столь значительны, то в конце 1920-х и в начале 1930-х гг. этой работе были заданы новый ритм и формы организации (культпоход, культштурм), как и в центральных районах страны [цит. по: Сартикова 2008: 124].

Это дало новый толчок развитию процесса ликвидации неграмотности, проведение ее было уже поставлено на твердую материальную базу. В течение 1935 г. были открыты 204 школы с постоянными штатами работников. В них обучались 5 908 неграмотных и 4 461 малограмотный. Бюджетные ассигнования увеличились с 206 тыс. руб. в 1935 г. до 475 тыс. руб. в 1936 г., на эти средства были развернуты 340 школ ликбеза и 10 школ повышенного типа. За счет колхозов и совхозов были открыты 630 школ. 5 040 неграмотных и малограмотных были охвачены индивидуально-групповым обучением, обеспечены бесплатными учителями-общественниками.

Таким образом, процесс ликвидации неграмотности стал приобретать более систематический и последовательный характер. Переписью зафиксировано, что грамотные люди в Калмыцкой АССР в возрасте от 9 лет и старше составляли 70,8 %, что в сравнении с 1926 г. (26,3 %) являлось принципиальным достижением [цит. по: Сартикова 2008: 129].

В 20–30-е гг. XX в. в Советском Союзе, в том числе и в Калмыкии, сложилась система школьного образования, достижения которой общепризнанны. Процесс создания государственной советской школы сопровождался возникновением препятствий как объективного, так и субъективного свойств. Вместе с тем именно эти годы характеризуются расширением школьного строительства, развитием системы образования. В 1940 г., к двадцатой годовщине автономии Калмыкии, в республике было 302 школы, или почти в 9,5 раза больше, чем в 1920 г. Из них 70 семилетних и средних школ. Вместе с ростом сети школ значительно выросло и количество учащихся в этих школах. Если в 1920 г. общее количество учащихся составляло 7 500 детей, то к 1940 г. число учащихся увеличилось до 45 тысяч или почти в 70 раз более, чем во всей дореволюционной Калмыкии. Формы и методы работы школ

совершенствовались, росла численность учащихся, повышалась их успеваемость, улучшилось обеспечение школ учебниками на родном языке, развернулась работа по подготовке учительских кадров, было положено начало преподаванию в школе родного языка [цит. по: Номинханов 1969: 60].

Государство выделяло значительные средства на школьное строительство. В 1938–1941 гг. за счет государственных ассигнований было построено более 30 новых типовых зданий семилетних и средних школ, которые имели, как правило, хорошо оборудованные учебные кабинеты по физике, химии и другим предметам. Это позволило улучшить учебно-воспитательную работу, готовить учащихся к самостоятельному труду [Очерки истории КАССР 1970: 245].

В середине 30-х гг. XX в. шло интенсивное строительство школьных и интернатных зданий. Так, в 1935 г. в Элисте было построено здание средней школы №1, в 1936 г. — здание семилетней школы №1, в 1937 г. — здание средней школы №2, в 1938 г. — средней школы №3, в 1939 г. — средней школы №4 и в 1940 г. — здание средней школы №5.

В 5 начальных школах обучалось 386 детей, в одной неполной средней школе — 746 детей, в четырех средних полных школах — 2 413. Всего насчитывалось 10 школ с 3 545 учениками и 110 учителями.

На строительство этих школ было затрачено 3 650 000 руб. Все эти школы, построенные в современном для того периода архитектурном стиле и оснащенные новым оборудованием, вполне удовлетворяли основным требованиям учебно-воспитательной работы с подрастающим поколением.

Таким образом, к 1940 г. в Элисте были в основном созданы необходимые условия для получения детьми семилетнего и среднего образования [Ташнинов 1965: 37]. Были созданы необходимые условия и для подготовки педагогических кадров для школ республики и столицы, причем особое внимание было обращено на подготовку учителей-калмыков.

В 1919–1920 учебном году Калмыцкий отдел народного образования организовал краткосрочные педагогические курсы для подготовки учителей школ 1-й ступени. На базе педагогических курсов 26 октября 1920 г. открылись постоянные курсы, которые должны были системно готовить учителей школы 1-й ступени. Одновременно

приказом по отделу народного образования Калмыцкой области были организованы в Астрахани двухгодичные курсы. 1 июля 1921 г. курсы были преобразованы в 3-го-дичные. Постепенно накапливался опыт по организации деятельности курсов, на основе которых в 1923 г. был создан Калмыцкий педагогический техникум. Его программа была рассчитана на 4-годичный срок обучения. Педагогический техникум готовил квалифицированных учителей начальных школ [цит. по: Максимов 2009: 397].

Здание педагогического училища было построено в Элисте еще в 1928 г., но в связи с острой нехваткой помещений в нем до 1933 г. размещались руководящие областные учреждения и организации, а до 1937 г. — различные школы города. С 1937 г. в этом здании начали учебную работу 250 будущих учителей начальной школы.

Работавший в Элисте педагогический рабфак успешно выполнял задачу подготовки молодежи в педагогический институт. Он имел свой учебный корпус, общежитие и другие служебные помещения. С 1 сентября 1939 г. в Элисте начал работу первый вуз Калмыкии — Калмыцкий педагогический институт, который до этого некоторое время размещался в городе Астрахани.

К 1941 г. все семилетние и средние школы Элисты были укомплектованы молодыми учителями с высшим и средним образованием. Естественно, это принесло значительные успехи в учебно-воспитательной работе школ нашего города [Ташнинов 1965: 38].

В связи с началом Великой Отечественной войны потребовалась перестройка всех сфер жизни страны на военный лад. С первых же дней перед школой был поставлен ряд задач: усилить идейно-политическое воспитание учащихся, улучшить общеобразовательную и военно-физическую подготовку школьников, организовать помощь колхозам и совхозам в уборке урожая, развитии животноводства, обеспечить полный охват обучением детей школьного возраста.

В пленум Калмыцкого обкома ВКП(б) постановил: обеспечить полный охват обучением всех детей, отсеявшихся в течение первого полугодия 1940–1941 учебного года, и обеспечить повседневный контроль над осуществлением закона о всеобщем и семилетнем образовании; обязать Наркомпрос организовать систематическую работу по повышению квалификации учителей [Максимов 2009: 401–403].

До временной оккупации в Калмыцкой АССР насчитывалось 225 начальных, 44 неполных средних и 27 средних школ, в которых обучалось 39 784 детей, работали 920 учителей и 560 учителей — предметников.

12 августа 1942 г. между 7 и 8 часами фашисты силой до моторизованного полка и 40 танков вошли в Элисту. 14 августа 1942 г. прибыло командование 111-й и 370-й пехотной дивизий, основные их подразделения, имея с собой уже готовую военную комендатуру во главе с гауптштурмфюрером СС Мауэром. 15 августа жители Элисты были собраны на сход, где Мауэр объявил об упразднении советской власти и ее государственных учреждений, зачитал приказ об установлении «нового порядка» и о формировании местных органов управления. Присутствующим он сообщил о том, что главой города назначен В. Ф. Биленко, начальником полиции — Курахтонов, его заместителем — Савельев. Последние уже 17 августа приступили к комплектованию полиции [цит. по: Максимов 2007: 111].

Таким образом, по данным разведки 28-й армии, на 18 августа 1942 г. в Элисте противник располагал почти двумя полками пехоты, 12–18 крупными танками и несколькими танкетками и 40 бронемашинами [цит. по: Максимов 2007: 160].

На оккупированных территориях были разрушены и закрыты 118 начальных школ на 5 803 учащихся 5–7 классов; 17 средних школ на 1 046 учащихся 8–10 классов, 3 детдома на 280 воспитанников, 13 детсадов на 325 детей, 21 библиотека, 8 Домов культуры, 72 избы-читальни, музей, республиканская библиотека. Рассмотрим причиненный ущерб материальной базе в сфере народного образования столице г. Элисте КАССР в период временной оккупации и во время отступления немецко-фашистской армии. Об этом свидетельствуют Акты о разрушениях и ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками за время оккупации в г. Элисте Калмыцкого народного комиссариата просвещения КАССР.

10 января 1943 г. в г. Элисте комиссия в составе наркома просвещения КАССР Н. Ш. Ташнинова, ст. инспектора наркомпроса И. Г. Шнырева, главного бухгалтера Н. Ф. Годяева, от ГОРОНО — Никитиной, от школ — учителей Соловьевой и Мадиевской, директора дома пионеров И. Г. Жаворонкина составили акт ущерба, причи-

ненного немецко-фашистскими войсками за время оккупации г. Элисты по линии народного образования. Данные приведены в таблице, составленной по вышеупомянутому акту ущерба, хранящемуся в [НА РК. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–3].

Материальный ущерб, причиненный немецко-фашистскими войсками образовательным учреждениям в городе Элисте КАССР в период временной оккупации¹

№	Наименование	Количество (шт.)	Стоимость за 1 шт.	Сумма (руб.)
Начальные школы				
1.	Здание			50 000
2.	Учебные парты	80	150	12 000
3.	Стулья	50	50	2 500
4.	Учебные пособия и оборудование ¹			20 000
5.	Оборудование пионерской комнаты			15 000
6.	Хозяйственное оборудование и пристройка			20 000
Итого:				121 500
1.	Парты	150	100	15 000
2.	Шкафы	30	300	9 000
3.	Стол	20	200	4 000
4.	Стулья	300	50	15 000
5.	Оборудование химического кабинета			25 000
6.	Оборудование литературно-исторического кабинета			15 000
7.	Экземпляры школьной библиотеки	20 000		60 000
8.	Хозяйственное оборудование			40 000
Итого:				198 000
Средние школы				
Школа № 1				
1.	Здание			500 000
2.	Парты	200	100	2 000
3.	Стол	40	150	6000
4.	Шкафы	50	300	15 000
5.	Стулья	500	50	25 000
6.	Классные доски	20	150	3 000
7.	Оборудование химического кабинета			20 000
8.	Оборудование физико-математического кабинета			40 000
9.	Оборудование литературного и других			20 000
10.	Экземпляры школьной библиотеки	10 000		30 000
11.	Хозяйственное оборудование			80 000
12.	Пристройка и служебное помещение			15 000
Школа № 2				
1.	Здание 1937 г.			650 000
2.	Оборудование химического кабинета			30 000
3.	Оборудование физико-математического кабинета			
4.	Оборудование литературно-исторического кабинета			30 000

¹ В некоторых столбцах таблицы отсутствуют цифры, поскольку в архиве были указаны данные общей стоимости.

5.	Оборудование школьной библиотеки			20 000
6.	Хозяйственное оборудование			80 000
7.	Парты			20 000
8.	Столы			6 000
9.	Шкафы			5 000
10.	Стулья			15 000
11.	Классные доски			3 000
12.	Пристройка к школе			15 000
Школа № 4				
1.	Здание 1939 г.			800 000
2.	Оборудование физико-химического кабинета			40 000
3.	Оборудование литературно-исторического кабинета			20 000
4.	Оборудование школьной библиотеки			30 000
5.	Классное оборудование			60 000
6.	Хозяйственное оборудование			70 000
7.	Пристройка и служебное помещение			
Школа № 5				
1.	Здание 1940 г.			700 000
2.	Оборудование химического кабинета			15 000
3.	Оборудование физико-математического кабинета			20 000
4.	Школьная библиотека			25 000
5.	Классное оборудование			65 000
6.	Хозяйственное оборудование			50 000
7.	Пристройка и служебные сооружения			20 000
8.	Подсобное хозяйство			30 000
Итого по средним школам:				3 683 000
Педучилище				
1.	Здание педучилища 1927 г.			1 000 000
2.	Здание общежития 1937 г.			250 000
3.	Здание второго педучилища 1939 г.			300 000
Итого:				1 500 000
Высшие учебные заведения Педагогический институт				
1.	Здание пединститута 1938 г.			650 000
2.	Парты	200	150	30 000
3.	Шкафы	50	200	10 000
4.	Столы	50	300	15 000
5.	Оборудование физического кабинета			150 000
6.	Оборудование военного кабинета			150 000
7.	Оборудование литературно-исторического кабинета			20 000
8.	Библиотека	50 000	5	250 000
9.	Хозяйственное оборудование			200 000
10.	Пристройка и служебные сооружения			40 000

11.	Оборудование общежития студентов:			
12.	Койки	100	150	15 000
13.	Постель и принадлежности	100	500	50 000
14.	Хозяйственное оборудование			10 000
15.	Подсобные хозяйства			60 000
Итого:				1 600 000
Управление Институт усовершенствования учителей				
1.	Столы	40	200	8 000
2.	Стулья	300	50	15 000
3.	Шкафы	20	300	6 000
4.	Койка	100	150	15 000
5.	Постельные принадлежности	100	500	50 000
6.	Оборудование химического кабинета			40 000
7.	Оборудование физико-математического кабинета			40 000
8.	Оборудование литературно-исторического кабинета			30 000
9.	Книги	20 000	5	10 000
10.	Хозяйственное оборудование			15 000
Итого:				229 000
Наркомпрос КАССР				
1.	Хозяйственный инвентарь			68 000
2.	Учебно-наглядные пособия и военное оборудование			20 000
3.	Библиотека методической литературы			10 000
4.	Ремонтно-строительные материалы			5 000
5.	Жилой дом работников (недостроенный)			45 000
Итого:				148 000
ГОРОНО				
1.	Здание общежития сотрудников 1940 г.			25 000
2.	Учебно-наглядные пособия			
3.	Библиотека и методическая литература			2000
Итого:				55 000

Таким образом, общий ущерб, причиненный немецко-фашистскими войсками в сфере образования, составил 7 584 500 руб. (данные подсчитаны автором). Были взорваны и сожжены здания всех семилетних и средних школ города. Это варварское уничтожение всех школ Элисты надолго нарушило нормальную работу школ города, восстановление которых началось сразу же после освобождения нашей столицы от фашистских захватчиков и закончилось лишь после возвращения калмыцкого народа в родные края в 1957 г. [Ташнинов 1965: 39].

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Литература

- Максимов К. Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М.: Наука, 2007. 374 с.
- Максимов К. Н. Калмыкия в годы форсированного строительства социализма // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Т. 2. Элиста: Изд. дом «Герел», 2009. С. 363–405.
- Номинханов Д. Ц-Д. Очерки истории культуры калмыцкого народа. Элиста: Калмиздат, 1969. 137 с.
- Очерки истории КАССР. Эпоха социализма. М.: Наука, 1970. 432 с.
- Сартикова Е. В. Развитие школьного образования в Калмыкии в XX веке / отв. ред. К. Н. Максимов. Элиста: НПП «Джангар», 2008. 407 с.
- Ташнинов Н. Ш. Становление и развитие народного образования в Элисте // Элиста 100 лет. Прошлое, настоящее, будущее. Элиста: Калмиздат, 1965. С. 33–39.

УДК 391/393
ББК 63.529 (253)

ПРИМЕТЫ И ПОВЕРЬЯ, СВЯЗАННЫЕ С РОЖДЕНИЕМ СЫНА В БУРЯТСКОЙ СЕМЬЕ

В. О. Очиров

В традиционном обществе бурят рождение сына являлось большим событием в жизни его родителей и всего рода. С его рождением укреплялись статус и положение его матери в семье мужа, а отец ребенка получал сына-наследника, что являлось одним из непереносимых условий определения его как настоящего мужчины, продолжателя рода. Ребенок мужского пола всегда ассоциировался с будущим семьи, рода, социума, поскольку счет поколений по традиции велся по мужской линии. Не случайно, что в старину у бурят существовали многочисленные народные приметы и поверья, по которым можно было определить пол ребенка до его рождения. Так, например, если на лице женщины на ранней стадии беременности наблюдались пигментные пятна, то считалось, что она носит мальчика. Часто приметы касались формы живота беременной: небольшой, высокий и угловатый — к появлению сына, большой, низкий и овальный — к появлению дочери. Обращали внимание на вкусовые предпочтения беременной, если ей хотелось кислое, острое, соленое, мясное, то, как правило, рождался сын, если же тянуло к сладкому, то дочь. В случаях, когда беременной женщине хотелось заниматься «мужскими» делами (например, прибивать молотком гвозди), то это расценивалось как верный знак того, что она носит мальчика [ПМА: 1]. Сны, которые видела беременная, также могли сигнализировать о том, кто родится в будущем, например, если беременная видела во сне нож, то такой сон предсказывал рождение мальчика. Упоминания о подобных приметах можно встретить в архивных материалах: «Если во сне от кого-нибудь получаешь хороший револьвер, ружье, топор, кинжал, саблю или самовар, то родится сын, который будет счастливым и доживет до глубокой старости. Если во сне дарят ножницы, серебро, это знак того, что родится дочь. В случае, если перечисленные инструменты будут во сне повреждены или сломаны, значит, младенец долго не проживет, это плохой сон [ГА РБ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 16. Л. 8–8об.]».

Существовало еще одно поверье, по которому предугадывали пол будущего ребенка: «У ленивой матери рождаются девочки, при ленивом отце — мальчики; если мать старательная, работающая женщина, она родит мальчика, а у трудолюбивых отцов рождаются, как правило, девочки» [ГА РБ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 5. Л. 11об.]».

Кроме этого, у бурят бытовало известное гадание по бараньим лодыжкам — «бросание *шагай*». Разные части бараньей лодыжки (*шагай*) имели свое название: *ноен*, *гэлшэ*, *бугшэ*, *тарай*. В зависимости от того, как падала баранья лодыжка, предсказывали, кто родится в будущем — сын или дочь [Басаева 1991: 66]. Подобные гадания по бараньим лодыжкам (калм. *шаха*¹) встречаются и у калмыков. С приходом в дом гостя ему преподносили отваренное мясо с бараньей лодыжкой. Гость съедал мясо, а *шаха* бросал на стол. Если кость падала гладкой стороной (*та*), то это указывало на то, что родится мальчик, а если же неровной (*али*), то девочка [Омакаева 1998: 101–106].

Роды у бурят принимала повитуха, при этом мужу в редких случаях разрешалось присутствовать на них, он помогал перерезать пуповину и пеленать ребенка [Басаева 1991: 61]. Вызывает интерес акт перерезания пуповины: выбор инструмента, которым она перерезалась, зависел от половой принадлежности родившегося ребенка. Пуповину мальчика, как правило, перерезали специальным ножом (*хуйхэ хундэхэ хотиго*) [Басаева 1991: 61], пуповину девочки — ножницами. Перерезание пуповины этими инструментами символизировало вступление ребенка в отношения, существующие между полами [Обряды в традиционной культуре бурят 2002: 52–53].

Однако у агинских бурят нож при обрешении пуповины ребенка не использовали, поскольку он являлся мужским атрибутом и его использование могло осквернить этот инструмент, поэтому во время родов при об-

¹ Лодыжки других животных имеют иные названия.

резании пуповины повитуха использовала исключительно ножницы [ПМА: 2].

Как свидетельствуют материалы по культурам других народов, предметы, на которых отрезали пуповину, имели прямое отношение к будущему новорожденного. Так, у восточных славян пуповину мальчика отрезали на дубовой плахе или на топориче, чтобы сын в будущем был крепок, лучше орудовал топором и был хорошим работником. Иногда пуповину мальчика отрезали на книге для того, чтобы впоследствии он был умным и грамотным. Девочкам же пуповину отрезали на гребне, чтобы в будущем она была умелой рукодельницей и хорошо пряла [Байбурин 1993: 42].

Таким образом, манипуляции с пуповиной имели важное ритуальное значение: они «программировали» будущую жизнь ребенка, способствовали его половой идентификации, а также готовили его к будущей жизни в социуме. Происходили первые контакты со сферами, в рамках которых должна была проходить семейная, общественная и хозяйственная жизнедеятельность мужчин и женщин.

Родившегося ребенка пеленали в старую отцовскую рубаху или штаны, которые должны были защитить младенца от злых духов, такое отмечается у балаганских, аларских и унгинских бурят [Обряды в традиционной культуре бурят 2002: 63]. Известны случаи, когда послед ребенка при захоронении обертывали в отцовские штаны [Хангалов 1960: 369–370]. У бильчирских бурят, если жена рожала в отсутствие мужа и роды проходили тяжело, роженицу полагалось бить штанами мужа, так как существовало поверье, что ребенок ждет возвращения домой отца [Хангалов 1960: 60]. Пеленание младенца в отцовскую одежду подчеркивало то, что он принадлежит роду отца. Подобные обряды встречались и у других народов: так, например, у саянских тюрков на роженицу бросали мужской пояс [Бутанаев, Монгуш 2005: 140]. У телеутов роженице после родов обматывали живот штанами мужа. Если же новорожденный сильно плакал, то на него сверху клали отцовские штаны [Алексеев 1980: 148].

Таким образом, у многих народов, в том числе и у бурят, считалось, что одежда отца в родильной обрядности обладает магической силой и служит оберегом для ребенка. К тому же она имела важное символическое значение в социализации младенца, в про-

цессе «очеловечивания», когда ребенок переходил из мира природы в мир культуры.

Иногда при рождении сына его отец поднимал ребенка над головой, этот жест символизировал то, что отец принимает ребенка в свою семью [ПМА: 1]. Обычно в честь рождения ребенка устраивался пир, который сопровождался благопожеланиями и подарками. Мальчику обычно дарили мужские вещи: седло, лук со стрелами, нож. Рождение ребенка мужского пола встречалось более торжественно, об этом свидетельствует традиция колоть бычка (символ мужской силы, энергии, потенции, плодовитости) в случае рождения мальчика, если рождалась девочка — кололи барана, что исследователи связывали с солярным культом. [Николаева 2011: 280].

У бурят к колыбели привязывали мужские атрибуты в виде уменьшенных копий молотка, ножа или стрелы. Считалось, что все эти предметы оберегали новорожденного и защищали внутреннее пространство колыбели от злых духов. Стоит отметить, что колыбель у бурят передавалась по мужской линии («от родителей мужа»). У агинских бурят также существовал обычай привязывать к люльке новорожденного берцовую кость (во время захоронения последа), которая служила ему в качестве оберега. При этом имело значение, с какой стороны взяли кость барана: правую берцовую кость — если мальчик, левую берцовую — если девочка [Обряды в традиционной культуре бурят 2002: 71].

Во время обряда укладывания в колыбель ребенка нарекали именем. Имя ребенку мог дать уважаемый в семье пожилой человек, или *найжи-бабай* («покровитель в лице шамана, ламы»). Иногда ребенка называли по имени того человека, который первым войдет в дом его родителей после появления ребенка на свет. Но в целом выбор имени был весьма важным делом. Считалось, что имя оказывает воздействие на будущее человека, поэтому детям давали имена с положительным значением. Среди мужских имен были распространены такие имена, как Алдар («слава»), Баатар («богатырь»), Батлай («смелый»), Баян («богатый»), Тамир («энергия»), Золто («счастливый») и т. д. Давали имена, носящие характер благопожелания: Мэргэн («мудрый, меткий»), Сэсэн («умный»). Если ребенок часто болел, запрещалось называть его по имени, ему придумывали прозвище с негативным значением.

Бытовало суеверие, что злые духи не будут обращать внимание на ребенка с такими именами, как Ядагархан ('гнутой'), Табхагар ('плоский'), Дохолон ('хромой'), Муу хубуун ('плохой мальчик'), Улаан ('красный'); Сагаан ('белый') и др. Чтобы обмануть злых духов, использовались в качестве имен названия животных и птиц: Тугал ('теленка'), Булган ('соболь'), Бургэд ('орел, беркут'). Считалось, что такие имена, как *Батабулад* ('крепкая сталь'), Баташулуун ('твердый камень'), отпугивают злых духов. Суеверия послужили причиной того, что в семьях, где мало рождалось мальчиков, сыновьям давались женские имена [ПМА: 1]. Были распространены имена тибетского происхождения (Бимба, Буда, Галдан, Гарма, Ринчин, Содном и др.), обычно они давались ламами. Наряду с именем, данным ламой, ребенок имел и второе имя, которым его нарекали родители, родственники или уважаемые в семье люди. Христианизация и совместное проживание с русским населением способствовали распространению среди бурят русских имен, которые видоизменялись на бурятский лад, например, *Михаил* → *Михуули*, *Мяхуули*; *Василий* → *Башилла*, *Башили*, *Павел* → *Пайбал*. У бурят бытовало мнение, что имена, используемые в иноэтничной среде, например русской, являются чуждыми для бурят и с их помощью можно отпугивать духов.

В традиционной культуре бурят в мальчике видели отцовского наследника и продолжателя рода, именно дети мужского пола принимали эстафету у своих отцов, они в дальнейшем играли важную роль в воспроизводстве национальных традиций, обычаев

и заветов предков. Существование у бурят различных примет и преданий, связанных с рождением сына, обусловлено большим значением, придаваемом самому факту его появления в бурятской семье.

Полевой материал автора: информанты

1. Шойжолов Бато-Мунко Бадмаевич, 1936 г. р., уроженец с. Ширинга, Еравнинский район, Бурятия.
2. Тудунова Удомбра Очировна, 1935 г. р. уроженка с. Зугалай, Могойтский район, Бурятия.

Источники

Государственный архив Республики Бурятия (ГА РБ).

Литература

- Алексеев Н. А.* Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. 317 с.
- Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре (структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов). СПб.: Наука, 1993. 239 с.
- Басаева К. Д.* Брак и семья у бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1991. 192 с.
- Бутанаев В. Я., Монгуш Ч.* Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2005. 200 с.
- Николаева Д. А.* Женское пространство в традиционной культуре бурят: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011. 520 с.
- Обряды* в традиционной культуре бурят / отв. ред. Т. Д. Скрынникова. М.: Вост. лит., 2002. 222 с.
- Омакаева Э. У.* Магия и астрология в калмыцких обычаях и обрядах, связанных с рождением ребенка и первым годом его жизни // ALTAICA II. М.: Ин-т ИВ РАН, 1998. Вып. 2. С. 101–106.
- Хангалов М. Н.* Собрание сочинений: в 3-х тт. Т. III. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. 421 с.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 341.213.4

ББК 67.400

**ПРИНЦИП РАВНОПРАВИА И САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАРОДОВ
В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ РЕСПУБЛИКИ — СУБЪЕКТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(на примере Республики Калмыкия)****Е. А. Гунаев*

В ряду принципов российского федерализма особое место занимает принцип равноправия и самоопределения народов в Российской Федерации (ч. 3 ст. 5 Конституции РФ) [Конституция РФ 2008]. И это не случайно, так как этнический фактор оказывает влияние на федеративное устройство страны. В начале 1990-х гг. республики в составе Российской Федерации отказались от статуса автономных, приняв Декларации о государственном суверенитете и тем самым повысив свой статус. С принятием Конституции РФ 1993 г. окончательно утверждается термин «субъект Российской Федерации» по отношению ко всем ее составным частям (республикам, краям, областям, автономным округам и автономной области).

В 2000-е гг. большая часть автономных округов потеряла статус субъектов Российской Федерации в результате объединения с соседними регионами, образовавшись в «административно-территориальные единицы с особым статусом» в составе укрупненных регионов (см. подробнее [Гунаев 2010]). В этой связи вновь поднимается вопрос об административно-территориальных автономиях в России. Кроме того, активно развивается такой институт самоорганизации этносов как национально-культурная автономия (см. подробнее [Хабриева 2010: 35]). Вопросы равноправия и самоопределения народов (этносов), включая территориальный и национально-культурный аспекты их самоорганизации в многонациональной Российской Федерации, не утратили своей актуальности.

Цель настоящей статьи — рассмотреть, как реализуется указанный принцип федеративного устройства Российской Федера-

ции на региональном уровне (на примере Республики Калмыкия). В этой связи необходимо рассмотреть конституционные основы реализации принципа равноправия и самоопределения народов в Российской Федерации, выявить конституционно-правовую природу республики как субъекта Российской Федерации, провести анализ конституционных норм регионального Основного Закона, регулирующих сферу этнокультурной политики.

Конституционные основы реализации принципа равноправия и самоопределения народов в Российской Федерации проанализированы в трудах многих российских ученых, и к основным его положениям следует отнести следующие:

– равноправие народов означает, что Российская Федерация учитывает и обеспечивает равное положение всех народов, представленных как мононациональными (этнические общности), так и многонациональными группами людей (многонациональные народы, население субъектов Федерации), полное юридическое равенство этих групп независимо от их численности, экономического потенциала, культурных достижений и т. д., недопущение какой-либо дискриминации этносов по этим признакам. Независимо от того, являются ли народы «субъектообразующими» или нет, они обладают равными правами в Российской Федерации [Авакьян 2005: 96, 147];

– самоопределение народов (однациональных и многонациональных групп граждан) понимается как право на самоуправление, самостоятельное решение вопросов и проблем на той территории, на которой они компактно проживают. Помимо этого, самоопределение народов предполагает и их право определить свою судьбу в госу-

* Исследование выполнено в рамках проекта «Этнокультурная политика в мультиэтничном регионе: конструирование этничности» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Нации и государство в мировой истории».

дарственно-правовом плане (национально-территориальное самоопределение в виде национально-государственной единицы (субъекта федерации или национально-территориальной единицы) территориальной автономии, а также экстерриториальные формы самоопределения разрозненно проживающих этносов (культурно-национальная и национально-культурная автономии). Самоопределение народов не предполагает обязательного создания каждым из них «своего» субъекта Российской Федерации [Авакьян 2005: 96];

– право на самоопределение исключает волюнтаристские решения, оно связано с необходимостью учета численных характеристик народа, условий его жизни, его внешнего окружения и т. д. [Хабриева 2010: 63]. Все вопросы обсуждаются и решаются совместно, причем право окончательного решения остается за Федерацией. В этой связи другим важным признаком принципа равноправия и самоопределения народов является то, что самоопределение осуществляется в Российской Федерации. Что касается территориального самоопределения, то Конституция РФ не признает право выхода из состава Федерации за субъектами, в том числе образованными на этнической основе [Авакьян 2005: 97–98];

– базой государства являются не отдельные «народы» (даже в их совокупности и единстве), а единый многонациональный народ Российской Федерации, тем самым подтверждается, что суверенитет российского народа не зависит от этнической принадлежности составляющих его граждан [Авакьян 2005: 95; Хабриева 2010: 15–16];

– равноправие народов (этносов) имеет не только коллективные, но и индивидуальные формы своего выражения [Хабриева 2010: 30]. Обеспечивая права народов, государство создает предпосылки для реального осуществления индивидуальных прав и свобод человека и гражданина, в частности свободно выбирать язык общения, воспитания, обучения и творчества, исповедовать любую религию, быть защищенным от дискриминации по национальному признаку (ст. 9, 17, 28, 29, 45, 68, 69 и др. Конституции РФ) [Шахрай, Клишас 2010: 316].

Т. Я. Хабриева отмечает, что народ, а не публично-правовое образование как субъект федерации или территориальная

автономия имеет право на самоопределение. Такая дифференциация, пишет исследователь, важна для выбора формы выявления воли народа [Хабриева 2010: 64]. В этой связи необходимо отметить, что территориальное самоопределение этнических общностей в Российской Федерации осуществлено в уже избранных формах в виде субъектов федерации (например, республики). Конституция РФ не отражает вопрос о территориальной автономии. Национально-культурные автономии как общественные объединения не являются субъектами федеративных отношений [Хабриева 2010: 256].

В республиках Российской Федерации ключевым понятием выступает «многонациональный народ республики», в качестве которого выступают проживающие на территории республики граждане независимо от их национальной принадлежности. Вместе с тем в политико-территориальной общности, обозначаемой как народ республики, присутствует и этнический компонент. С учетом того, что в современной Российской Федерации с советского времени представлены «этнические» субъекты, прежде всего республики, думается, что термин «народ» несет в себе и этническую смысловую характеристику. Но общегражданский смысл, безусловно, первичен. Отсюда следует, что республика как субъект Российской Федерации реализует право на самоопределение как титульной нации, давшей имя республике, так и всего многонационального народа данного субъекта.

Относительно правовой природы (сущности) «этнических» субъектов Российской Федерации, в частности республик, в литературе представлены следующие точки зрения. Согласно одной из них, современные «этнические» субъекты Российской Федерации (республики, автономные область и округа) по сути своей продолжают оставаться автономиями, образованными в результате национального самоопределения [Биджева 2002; Кутафин 2006; Савельев 2010; Чистяков 2003].

Основные положения сводятся к следующему: «Россия как федеративное государство никогда не была и никогда не будет союзным государством, ее федерация всегда базировалась на автономии. Однако, если в Советской России автономия использовалась лишь для решения

национального вопроса, то в современной России она, хотя и не признанная юридически, фактически выступает прежде всего в качестве формы обеспечения децентрализации управления страной... Вместе с тем для целого ряда регионов автономия выступает и как форма организации национальной государственности многих народов и народностей России, официально признанной и юридически закрепленной» [Кутафин 2006: 342–343].

Территориальный уровень автономии определяется государством (Российской Федерацией) в процессе его признания, сегодня таковым является уровень субъекта федерации; официально признанными являются две формы автономии — автономная область и автономный округ [Кутафин 2006]. С. Ю. Биджева относит республику к высшей государственно-политической форме автономии [Биджева 2002].

Другие точки зрения исходят из того, что: — сущность субъекта федерации нельзя определить через понятие автономии, которая в свою очередь является более низким уровнем территориального самоуправления, нежели субъект федерации. В. Е. Чиркин считает, что «называть автономную область и автономные округа в России автономиями, исходя только из прилагательного „автономные“ неверно, это субъекты федерации» [Чиркин 2003];

— Конституция РФ 1993 г. не закрепляет национальный принцип в числе принципов федеративного устройства и не предоставляет отдельным народам права на создание своих национально-государственных образований [Андриченко, Хабриева 2006];

— автономия и государственность — качественно разные степени самостоятельности территориальных образований; автономные образования в отличие от субъектов федерации государственностью не обладают; с теоретической точки зрения федерация, основанная на автономном статусе образующих ее субъектов или признающая федеративную правосубъектность за отдельными автономными образованиями, не идентифицируема [Иванов 2003; Ким 2008].

Безусловно, следует согласиться с мнением, согласно которому статусы автономии и субъекта федерации не идентичны друг другу. Однако представляется ошибочным суждение о том, что политические ав-

тономии не обладают государственностью. К примеру, автономные республики в составе РСФСР являлись национально-государственными образованиями, и объем их полномочий, по сути, не уступал объему полномочий нынешних субъектов Российской Федерации [Максимов 2006].

В этой связи в юридической литературе представлены мнения о том, что автономные республики в РСФСР не являлись автономиями, а создавались именно как субъекты федерации, автономные области и округа, напротив, обладали автономией, административной по своему характеру [Белодед 2010; Лебедев 1999].

В Конституции РФ 1993 г. особенностями статуса республик как субъектов Российской Федерации являются:

1) республики характеризуются как «государства»¹ (ч. 2 ст. 5);

2) республики принимают свои конституции, тогда как другие субъекты Российской Федерации — уставы (ч. 2 ст. 5);

3) республики вправе устанавливать свои государственные языки (ч. 2 ст. 68). [Конституция РФ].

Отдельные ученые полагают, что характеристика республик как «государств» — это традиция советского периода, когда автономные республики в государствоведческой доктрине обозначались в качестве «несуверенных государств». Кроме того, исходя из принципа равноправия, все субъекты равны во взаимоотношениях с федерацией. В этой связи характеристика республик как «государств» является данью конституционно-правовой традиции и носит атрибутивный характер [Иванов 2003; Лебедев 1999; Чиркин 2003].

Атрибутивный характер государственности проявляется в наличии учредительного акта (республиканская конституция), государственной символики (флаг, герб, гимн), столицы, в наименовании государственных органов (правительство, парламент, верховный суд и т. д.), до недавних пор института президентства, института республиканского гражданства. Наличие у республик такого учредительного акта, как конституция, является и данью традиции, поскольку республики имели право принимать собственные конституции еще в советский период, будучи автономными. По юридической силе, свойствам и сущности

¹ Термин дан в скобках.

учредительные акты субъектов Российской Федерации равны, однако есть важное отличие: Конституция РФ не определяет порядок принятия конституций республик. Другими словами, республики сами определяют порядок принятия собственных конституций. Например, помимо принятия законодательным (представительным) органом власти республики, конституция может быть принята всенародно референдумом или специально созываемым конституционным собранием, тогда как уставы других субъектов РФ только законодательными (представительными) органами соответствующих субъектов (ч. 2 ст. 66 Конституции РФ). В этой связи при принятии республиканской конституции путем референдума осуществляется и волеизъявление избирателей титульной нации, давшей имя республике.

В большинстве республик в качестве государственных наряду с русским языком установлены языки титульных наций. Вместе с тем, как постановил Конституционный Суд РФ, введение второго государственного языка — это право республики, но не обязанность. При этом должны учитываться реальное соотношение языковых групп и предъявляться особые требования к признанию языка в качестве государственного по сравнению с иными языками, не имеющими статус государственных. Например, алфавиты государственных языков республик должны строиться на графической основе кириллицы, а иные графические системы государственных языков могут устанавливаться федеральными законами (см. подробнее [Гунаев 2008]).

Согласно Конституции РФ 1993 г., статус республики определяется Конституцией РФ и конституцией республики (ч. 1 ст. 66). В этой связи рассмотрим в качестве примера Степное Уложение (Конституцию) Республики Калмыкия 1994 г. (в ред. Закона РК от 29 июня 2012 г. № 358-IV-3) в части закрепления особенностей республики как субъекта Российской Федерации.

Субъект, от имени которого принята Конституция республики, — многонациональный народ Республики Калмыкия. В преамбуле Степного Уложения говорится также о народах России, в частности признается «общность исторических судеб народов великой России», выражаются решимость сохранения государственного

единства Российской Федерации, уважение к правам других народов и готовность к сотрудничеству с ними [Степное Уложение]. Исходя из смысла преамбулы, категория «народы России» несет в себе двойную нагрузку, включая общегражданский и этнический компоненты.

В тексте Степного Уложения нет характеристики или определения Республики Калмыкия как «государства». В статье 1 Калмыкия определена как «равноправный субъект Российской Федерации». Вместе с тем в преамбуле Степного Уложения содержится фраза «...сохраняя нашу исторически сложившуюся государственность», тем самым указывается на преемственность государственности Республики Калмыкия с предшествующими формами государственности [Степное Уложение].

В Республике Калмыкия придают большое значение сохранению и возрождению калмыцкого языка. В этой связи он объявлен государственным в республике, наряду с русским языком. Статья 17 Степного Уложения гласит: «Калмыцкий язык является основой национального самосознания калмыцкого народа. Его возрождение, сохранение, развитие и расширение среды употребления являются приоритетными задачами органов власти Республики Калмыкия» [Степное Уложение].

Получение калмыцким языком государственного статуса рассматривается как важная мера его защиты, одновременно и как защита национальной культуры, а также права человека на языковое разнообразие. Предполагается, что данная мера должна не только остановить исчезновение языка, но и значительно расширить сферу его использования [Омакаева 2009: 378]. В республиканском законе «О языках народов Республики Калмыкия» от 27 октября 1999 г. (в ред. Закона Республики Калмыкия от 26 декабря 2006 г. № 323-III-3) закреплено положение, аналогичное п. 2 ст. 68 Конституции РФ, где устанавливается, что Республика Калмыкия гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития [Закон 1999].

Помимо прерогатив, установленных Конституцией РФ, Степное Уложение содержит собственные положения, непосредственно касающиеся этнических общностей. Все они реализуются в наци-

онально-культурной сфере. Согласно статье 14, Республика Калмыкия всемерно содействует сохранению самобытности и этнической неповторимости традиций калмыцкого, русского и других народов республики. Статья 15 устанавливает, что Республика Калмыкия, являясь единственным очагом и хранителем калмыцкой национальной культуры, историко-культурного наследия, гарантирует их сохранение и развитие. Статья 16 закрепляет, что органы власти республики способствуют развитию культур народов, проживающих в Республике Калмыкия, на основе равноправного межнационального культурного взаимодействия.

Необходимо отметить, что важную дополнительную роль наряду с мерами государственной поддержки в развитии культур народов республики, представленных в виде диаспор, призван осуществлять институт культурно-национальной (национально-культурные центры, общества) и национально-культурной автономии (см. подробнее [Гунаев 2009]).

Многие этнические общности в России, в том числе имеющие собственную государственность в форме республики, учредили также национально-культурную (экстерриториальную) автономию в других регионах страны. Калмыки как этническая общность пока не воспользовались данным правом, востребован только институт культурно-национальной автономии в виде национально-культурных центров, обществ и т. д.

Таким образом, республики как субъекты Российской Федерации продолжают сохранять особенности, связанные с факторами их исторического развития в составе России. В то же время на статус республик как субъектов Федерации также оказывает влияние территориальный фактор. В этой связи республики обязаны проводить этнокультурную политику, ориентированную на все многонациональное население данных субъектов Российской Федерации.

Источники

Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (в ред. Законов о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и № 7-ФКЗ) // Российская газета. 2009. 21 янв.

Закон Республики Калмыкия «О языках народов Республики Калмыкия» от 27 октя-

бря 1999 г. № 30-П-3 (в ред. Закона Республики Калмыкия от 26 декабря 2006 г. № 323-П-3) [электронный ресурс] // Доступ из справоч. правов. системы «Консультант Плюс».

Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия от 5 апреля 1994 г. (в ред. Закона Республики Калмыкия от 29 июня 2012 г. № 358-IV-3) // Доступ из справоч. правов. системы «Консультант Плюс».

Литература

Авакьян С. А. Конституционное право России: Учебный курс. В 2 т. Т. 2. М.: Юристъ, 2005. 749 с.

Андрюченко Л. В., Хабриева Т. Я. Особенности автономии в России: взгляд ученого // Журнал российского права. 2006. № 4. С. 147–152.

Белодед А. Ю. Территориальная автономия в Российском государстве (конституционно-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Институт государства и права, 2010. 28 с.

Биджева С. Ю. Республики как субъекты Российской Федерации, сформировавшиеся в результате национального самоопределения // Конституционное и муниципальное право. 2002. № 2. С. 14–17.

Гунаев Е. А. Укрупнение регионов в Российской Федерации: этнополитический фактор // Социальное самочувствие населения в современной России: Тез. Всерос. науч.-практ. конф. (Ставрополь, 4–5 октября 2010 г.) / под ред. Г. Д. Гриценко. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН. 2010. С. 51–55.

Гунаев Е. А. Государственный язык республики — субъекта Российской Федерации: особенности конституционно-правового статуса (на примере Республики Калмыкия) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 1. С. 26–32.

Гунаев Е. А. Актуальные проблемы учреждения национально-культурных автономий в Республике Калмыкия // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 2. С. 45–49.

Иванов В. В. К вопросу о концепции территориального образования // Государство и право. 2003. № 11. С. 44–52.

Ким Ю. В. «Федерализм», «автономия», «самоуправление»: Смысл и трактовка // Право и политика. 2008. № 6. С. 1 295–1 301.

Кутафин О. Е. Российская автономия. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. 768 с.

Лебедев А. Н. Статус субъекта Российской Федерации (Основы концепции, конституционная модель, практика). М.: Институт государства и права РАН, 1999. 198 с.

Максимов К. Н. Автономные формы государственности Калмыкии в XX веке // Вестник Кал-

- мыцкого института гуманитарных исследований РАН. Сб. науч. трудов. Вып. 20. Элиста: НПП «Джангар», 2006. 240 с.
- Омакаева Э. У.* Калмыцкий язык: история и современность // Калмыки / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН. М.: Наука, 2010. С. 375–382.
- Савельев В. В.* Модель самоопределения народов в России. Учебно-метод. пособие. М.: РАГС, 2010. 116 с.
- Хабриева Т. Я.* Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2010. 288 с.
- Чиркин В. Е.* О сущности субъекта федерации: традиции и реалии // Государство и право. 2003. № 7. С. 5–9.
- Чистяков О. И.* О правовой природе «Российской Федерации» // В кн.: Чистяков О. И. Становление «Российской Федерации» (1917–1922). Изд. 2-е, репринтное. М.: Зерцало-М., 2003. 352 с.
- Шахрай С. М., Клишас А. А.* Конституционное право Российской Федерации. 2-е изд. М.: ОЛМА Медиа групп, 2010. 656 с.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 314.6

ББК 60.56

**НАСЕЛЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ ПО ИТОГАМ
ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ 2010 г.: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ***Б. Б. Нухаева*

Население — главное богатство государства, человеческий ресурс, от его количественных и качественных характеристик зависит развитие и безопасность страны. Демографическая ситуация в Российской Федерации характеризуется межрегиональной дифференциацией. Республика Калмыкия — один из регионов, в котором сохранялся естественный прирост населения на протяжении последних десятилетий. На основании итогов Всероссийской переписи населения 2010 г. можно осуществить сравнительный анализ региональных и общероссийских показателей.

По данным официального сайта Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (Ростата) итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. издаются в 2012–2013 гг. в 11 томах. К настоящему времени (апрель 2012 г.) опубликован первый том «Численность и размещение населения» [2012]. Статистическая информация относительно численности, размещения, поло-возрастной структуры, состояния в браке, рождаемости, числа и со-

става домохозяйств, национального состава и владения языками, гражданства, образования, источников средств существования, экономической активности населения представлена на официальном сайте Росстата в виде доклада «Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 г.» (далее — «Доклад») [2010]. Доклад содержит аналитическую справку о демографической ситуации в Российской Федерации, приложение, включающее 11 таблиц, и методологические пояснения. В статье использованы таблицы Доклада, на основании которых проводится анализ статистических данных.

По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. население Республики Калмыкия составляет 289 481 человек. Численность городского и сельского населения в республике показывает следующее соотношение: 127 637 человек (44,1 %) и 161 844 (55,9 %) городского и сельского населения соответственно. В таблице 1 содержатся выборочные данные таблицы «Городское и сельское население по субъектам Российской Федерации».

Таблица 1. Городское и сельское население по субъектам Российской Федерации

	Городское и сельское население	в том числе		в % от общей численности населения	
		городское	сельское	городское	сельское
Российская Федерация	142 856 536	105 313 773	37 542 763	73,7	26,3
ЮФО	13 854 334	8 649 147	5 205 187	62,4	37,6
Республика Адыгея	439 990	223 895	216 101	50,9	49,1
Республика Калмыкия	289 481	127 637	161 844	44,1	55,9
Краснодарский край	5 226 647	2 765 435	2 461 212	52,9	47,1
Астраханская область	1 010 073	673 737	336 336	66,7	33,3
Волгоградская область	2 610 161	1 983 322	626 839	76,0	24,0
Ростовская область	4 277 976	2 875 121	1 402 855	67,2	32,8

Как отмечено в 17-ом ежегодном демографическом докладе «Население России 2009», регионы Российской Федерации существенно отличаются по уровню урбанизированности [Население России ... 2011: 47]. Республика Калмыкия — регион с преобладанием сельского населения. По Южному Федеральному округу (ЮФО) распределение населения выражается в соотношении 62,4 % городского и 37,6 % сельского населения, по Российской Федерации городское население составляет 73,7 %, а сельское население — всего 26,3 %. Как видно из таблицы 1, среди регионов ЮФО только в Республике Калмыкия отмечается преобладание сельского населения, в других регионах преобладает городское население.

Рассмотрим население по полу и возрастным группам.

Поло-возрастной состав населения республики характеризуется существенной

гендерной диспропорцией. Согласно данным Росстата, численность мужчин в республике составляет 139 300 человек, женщин — 150 181. Женщины представляют 51,9 % от общей численности населения. Это преобладание обусловлено размерами старших возрастных групп. Если рассматривать процентное соотношение мужчин и женщин в трех возрастных группах («моложе трудоспособного возраста», «трудоспособного возраста», «старше трудоспособного возраста»), то можно отметить, что в первых двух возрастных группах удельный вес женщин составляет менее 50 % (48,4 % и 48,2 % соответственно). В группе «старше трудоспособного возраста» женщины составляют 70,9 %. Таким образом, мужчин трудоспособного возраста и моложе трудоспособного возраста больше, чем женщин, а в старшей возрастной группе их значительно меньше по причине низкой продолжительности жизни мужчин.

Таблица 2. *Население по полу и возрастным группам по субъектам Российской Федерации*

	Женщины в общей численности населения, процентов	в процентах к итогу			На 1 000 мужчин приходится женщин
		Мужчины и женщины	мужчины	женщины	
Российская Федерация	53,8	100,0	100,0	100,0	1 163
Население в возрасте:					
моложе трудоспособного возраста	48,4	16,2	17,9	14,7	953
в трудоспособном возрасте	48,6	61,6	68,5	55,7	945
старше трудоспособного возраста	71,8	22,2	13,6	29,6	2 542
Южный Федеральный округ	53,6	100,0	100,0	100,0	1 155
Население в возрасте:					
моложе трудоспособного возраста	48,5	16	17,9	14,6	943
в трудоспособном возрасте	48,5	60,5	67,0	54,6	942
старше трудоспособного возраста	70,1	23,5	15,1	30,8	2 346
Республика Калмыкия	51,9	100,0	100,0	100,0	1 078
Население в возрасте:					
моложе трудоспособного возраста	48,4	20,3	21,8	19,1	937
в трудоспособном возрасте	48,2	63,6	68,5	59,1	930
старше трудоспособного возраста	70,9	16,1	9,7	21,8	2 431

Если рассматривать процентное соотношение мужчин и женщин в трех возрастных группах по Российской Федерации и ЮФО, то можно отметить незначительные отличия в общероссийских, региональных и респуб-

ликанских показателях (табл. 2). Женщины в общей численности населения составляют 53,8 % по Российской Федерации, 53,6 % — по ЮФО и 51,9 % — по Республике Калмыкия. Статистические данные свидетель-

ствуют, что в возрастных группах «моложе трудоспособного возраста» и в «трудоспособном возрасте» преобладают мужчины (более 50 % как по России в целом, так по ЮФО и Республике Калмыкия). Как видно из таблицы 2, соотношение мужчин и женщин в возрастной группе «старше трудоспособного возраста» примерно одинаковое (71,8 % по Российской Федерации, 70,1 % по ЮФО и 70,9 % по Республике Калмыкия). Таким образом, гендерная диспропорция в структуре населения Российской Федерации достигается за счет преобладания женщин в возрастной группе «старше трудоспособного возраста».

Возрастная структура населения республики в 2010 г. распределяется следующим образом: 58 945 человек — моложе трудоспособного возраста (или 20,3 % от общей численности населения республики), 183 939 человек — в трудоспособном возрасте (63,6 %) и 46 573 человек — старше трудоспособного возраста (16,1 %). Распределение населения по возрастным группам по Российской Федерации представлено следующим образом: 16,2 % — население моложе трудоспособного возраста, 61,6 % — население в трудоспособном возрасте, 22,2 % — население старше трудоспособного возраста. Аналогичное распределение наблюдается по ЮФО: 16 % составляет население моложе трудоспособного возраста, 60,5 % — население в трудоспособном возрасте и 23,5 % — старше трудоспособного возраста. Сравнение с общероссийскими и

региональными статистическими показателями показывает, что в возрастной структуре населения Республики Калмыкия удельный вес населения моложе трудоспособного возраста выше, чем доля населения старше трудоспособного возраста.

В рамках анализа возрастной структуры населения рассчитан медианный возраст по субъектам Российской Федерации. Медианный возраст — это возраст, который делит все население на две равные группы таким образом, что одна из них является моложе, а другая старше данного возраста. Расчет медианного возраста производится на основании распределения численности населения по однолетним возрастным интервалам [Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года].

Медианный возраст является своеобразным индикатором старения населения. Повышение продолжительности жизни и снижение рождаемости ведут к устойчивой тенденции старения населения [Щербакова 2011]. А. Г. Вишневский отмечает, что в России наблюдается тенденция роста медианного возраста. В таблице 3, основанной на данных Приложения к Докладу «Население по полу и возрасту по субъектам Российской Федерации», показан медианный возраст регионов ЮФО. Согласно этой таблице, в Республике Калмыкия наблюдается самый молодой медианный возраст населения.

Одним из аспектов учета населения является брачная структура населения. Данные о количестве супружеских семей

Таблица 3. Медианный возраст населения Российской Федерации и регионов ЮФО

	Все население, лет	Мужчин, лет	Женщин, лет
Российская Федерация	38	35	41
Южный Федеральный округ	38,5	35,6	41,5
Республика Адыгея	38,1	35,1	40,9
Республика Калмыкия	34,0	31,9	36,1
Краснодарский край	38,6	35,7	41,3
Астраханская область	36,7	33,9	39,5
Волгоградская область	38,9	35,7	42,1
Ростовская область	39,1	35,9	42,3

и структуре семей будут опубликованы во второй половине 2012 г. На данном этапе мы располагаем сведениями только о брачном статусе населения по полу в возрасте 16 лет и более (таблица 4). Согласно данным приложения к Докладу, в Республике Калмыкия на 1 000 человек данного пола в возрасте 16 лет и более приходится

580 мужчин и 518 женщин состоящих в браке (633 мужчин и 524 женщины соответственно по Российской Федерации в целом). По сравнению с общероссийскими показателями в республике ниже коэффициент брачности у мужчин.

При учете брачного статуса предполагалось уточнение формы брака: зарегистриро-

Таблица 4. Население по полу и состоянию в браке по России, Южному Федеральному округу и Республике Калмыкия (на 1 000 человек данного пола в возрасте 16 лет и более)

	Состоящие	из них		Никогда не состоявшие в браке	Разведенные официально	разошедшие	вдовы
		в зарегистрированном браке	в незарегистрированном браке				
Российская Федерация							
мужчины	633	549	84	252	62	16	37
женщины	524	455	69	170	101	19	186
Южный Федеральный округ							
мужчины	532	558	74	244	66	18	40
женщины	528	466	62	158	107	21	186
Республика Калмыкия							
мужчины	580	516	64	312	58	16	34
женщины	518	460	58	213	82	15	154

ванный или незарегистрированный. Можно отметить, что сожителство как социальная практика в республике встречается реже. Если по Российской Федерации на 1 000 человек в возрасте 16 лет и более приходится 84 мужчины и 69 женщин, живущих в незарегистрированном браке, то в Республике Калмыкия — 64 мужчины и 58 женщин. Регистрация брака в республике остается традиционной формой оформления отношений, и незарегистрированные браки менее распространены, чем по России в целом.

По итогам Всероссийской переписи населения, число частных домохозяйств в Республике Калмыкия составляет 91 524. Данные о размерах частных домохозяйств республики свидетельствуют об относительно равномерном распределении: 18,15 % — домохозяйства, состоящие из одного человека, 23,17 % — домохозяйства, состоящие из двух человек, 20,9 % — домохозяйства, состоящие из трех человек, 18,71 % — домохозяйства, состоящие из четырех человек и 19,08 % — домохозяйства, состоящие из пяти и более человек. Средний размер частного домохозяйства в Республике Калмыкия составляет 3,1 человек, при этом средний размер частного сельского домохозяйства выше, чем городского (3,3 и 3,0 соответственно). Если сравнивать общероссийские, федеральные и республиканские показатели, то следует отметить, что в Республике Калмыкия средний размер частного домохозяйства выше: по Российской Федерации средний размер частного домохозяйства равен 2,6 человек

(2,5 городское и 2,8 сельское) и по ЮФО — 2,7 человек (2,6 городское и 2,9 сельское).

По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. в Республике Калмыкия 283 691 человек указали свою национальную принадлежность (98%) Национальный состав населения Республики Калмыкия представляет собой: 162 740 калмыков (57,4 % среди лиц, указавших национальную принадлежность), 85 712 русских (30,2 %), 7 590 даргинцев (2,7 %), 3343 чеченцев (1,2 %), 4 948 казахов (1,7 %), 3 675 турок-месхетинцев (1,3 %), 2 396 украинцев (0,8 %), 1 531 кореец (0,5 %), 1 071 немец (0,4 %), 9 343 других (3,3 %). Национальный состав республики характеризуется преобладанием двух этнических групп: калмыков и русских.

Уровень образования населения по субъектам Российской Федерации представлен в таблице, прилагаемой к «Докладу», и рассчитан на 1 000 человек в возрасте 15 лет и более, указавших уровень образования (см. таблицу 5).

Согласно таблице 5, на момент Всероссийской переписи населения 2010 г. в Республике Калмыкия наиболее распространенными были специалисты с высшим образованием, специалисты, имеющие среднее образование и общее среднее (полное). Согласно данным официального сайта Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Республике Калмыкия, на 1 000 человек городского населения в возрасте 15 лет и более, указавших уровень образования, 723 чело-

Таблица 5. Население по уровню образования в Российской Федерации, Южном Федеральном округе и Республике Калмыкия

	Имеют образование											Не имеют образования
	профессиональное								общее			
	послевузовское	высшее	в том числе			неполное высшее	среднее	начальное	Среднее (полное)	основное	начальное	
			бакалавриат	специалист	магистратура							
Российская Федерация	6	228	10	213	5	46	312	56	182	110	54	6
Городское население	7	269	11	252	6	54	330	47	164	87	38	4
Сельское население	3	111	7	102	2	23	263	80	233	176	98	13
Южный Федеральный округ	6	208	10	193	5	41	306	54	201	119	59	6
Городское население	7	261	11	244	6	51	329	46	172	89	41	4
Сельское население	3	117	7	108	2	24	267	69	249	171	40	10
Республика Калмыкия	5	217	8	205	4	48	275	37	223	121	62	12
Городское население	7	311	9	297	5	64	315	26	137	82	50	8
Сельское население	2	146	7	135	4	37	245	46	289	150	71	14

века имеют профессиональное образование (высшее, включая послевузовское, среднее и начальное). Впервые при переписи были получены данные о численности специалистов по ступеням высшего профессионального образования. Из 1 000 человек лиц с высшим профессиональным образованием степень бакалавра имеют 9 человек, специалиста — 297 человек и магистра — 5 человек. Среди специалистов с высшим профессиональным образованием 7 человек из 1 000 человек городского населения имеют послевузовское образование, в сельской местности этот показатель составил 2 человека [Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года].

Анализ уровня образования городского и сельского населения республики показывает, что более высокий уровень образования отмечается у городского населения. Среди городского населения в два раза выше коэффициент имеющих высшее образование: 311 и 146 человек на 1 000 человек в возрасте 15 лет и более; имеющих неполное высшее образование — 64 и 37 человек

соответственно, а также несколько больше имеющих среднее образование — 315 и 245. Соответственно среди сельского населения в два раза больше тех, кто имеет среднее полное (289 — 137) и среднее основное образование (150 — 82). Таким образом, образовательный уровень городского населения выше образовательного уровня сельского населения.

Если сравнивать общероссийские и региональные показатели, то можно заметить, что основное различие наблюдается в показателях по среднему образованию и общему (среднему полному). В Республике Калмыкия имеющих среднее образование больше, чем по России в целом (275 — 315 человек на 1 000 населения). Ситуация с общим полным средним образованием обратная: 223 на 1000 населения в Республике Калмыкия и 182 на 1000 населения в Российской Федерации. Такая же тенденция среди показателей ЮФО и Республики Калмыкия.

На основании статистических данных, представленных по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г., проанализи-

рована демографическая ситуация в Республике Калмыкия. Можно отметить, что в возрастно-половой структуре населения Республике Калмыкия, как и по России в целом, наблюдается гендерная диспропорция за счет преобладания женщин в возрастной группе «старше трудоспособного возраста» в связи с низкой продолжительностью жизни мужчин. Республика Калмыкия — единственный регион в ЮФО, в котором наблюдается преобладание сельского населения. Одной из специфических характеристик населения республики, выявленных при сравнении данных по возрастной структуре населения Российской Федерации, Южного Федерального округа и Республики Калмыкия, является то, что удельный вес населения «моложе трудоспособного возраста» выше доли населения «старше трудоспособного возраста». Помимо этого, в Республике Калмыкия зафиксирован самый молодой медианный возраст среди субъектов Южного Федерального округа. Следующим отличием является более высокий показатель среднего размера частного домохозяйства.

Таким образом, сравнительный анализ общероссийских, региональных и республиканских статистических данных по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. показывает наличие общих и специ-

фических для республики характеристик демографической ситуации.

Литература

- Об итогах* Всероссийской переписи населения 2010 года: доклад [электронный ресурс] // URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612 (дата обращения: 23.04.2012).
- Население России 2009* [Текст]: 17-й ежегодный демографический доклад / отв. ред. А. Г. Вишневский; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2011. 334 с.
- Об итогах* Всероссийской переписи населения 2010 года. Республика Калмыкия. Пресс-релиз 2011. № 3 [электронный ресурс] // URL: www.statrk.ru (дата обращения: 21.03.2012)
- Федеральная служба государственной статистики (Росстат) [электронный ресурс] // URL: www.gks.ru (дата обращения: 23.04.2012).
- Численность и размещение населения*. Т. 1 / Тома официальной публикации итогов Всероссийской переписи населения — 2010 г. [электронный ресурс] // URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis_2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 23.04.2012).
- Щербакова Е.* Медианный возраст населения россиян к середине века составит от 37,7 до 40,9 года, а к концу века — от 35,3 до 52,7 года // Демоскоп № 465–466 [электронный ресурс] // URL: www.demoscope.ru (дата обращения: 13.04.2012).

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81-25 + 811.1/2 + 811.161.1'34
ББК (Ш)81.2.Рус-3

ФОНЕТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВА
КАК ОДНА ИЗ ПРИЧИН ВОЗНИКНОВЕНИЯ
АЛЛЕГРОВЫХ ФОРМ РУССКОЙ РЕЧИ

Д. А. Пальшина

В истории русского языка уже несколько столетий происходит процесс, который можно назвать «аллегрризацией» фонетической структуры слова (*вообще* → *воще*, *тебе* → *те*, *сегодня* → *седня*). В последнее время — под действием универсального закона экономии речевых усилий — этот процесс приобрел особую интенсивность.

Лексику современного русского языка можно представить как систему, состоящую из трех концентрических кругов: *языковая периферия* (лексика редкая, малоупотребительная) — *основной лексический массив языка* (ядро системы; лексика частотная, употребительная) — «*сверхъядро*» (лексика сверхчастотная, сверхактивная) [см. об этом подробнее: Богданова 2001]. Именно лексика «сверхядра» устойчиво подвергается в речи сильной редукции и функционирует преимущественно не в своих «идеальных» фонетических обликах, а в редуцированных вариантах, иногда даже более распространенных и узнаваемых, чем «идеальные», «словарные». Звучание аллегрровых (или редуцированных) форм (далее — АФ) действительно зачастую естественнее и привычнее слуху носителя языка по сравнению с кодифицированными: *щас* (*сейчас*), *тыща* (*тысяча*), *здрасьте* (*здравствуйте*) и т. п. В аллегрровых формах выступают в нашей речи сверхчастотные слова самых разных грамматических классов: существительные (*чек*, *рупь*, *дяинька*), прилагательные (*блаародный*), глаголы (*грить*, *скаать*, *слушь*, *пили*), имена числительные (*тыща*, *пийсят*, *семьсят*, *восемьсят*), местоимения (*мя*, *тя*, *скоко*, *че-нить*), наречия и слова категории состояния (*прально*, *тода*, *нуно*, *моно*, *щас*, *неча*), служебные части речи (*кода*, *то ись*), междометия (*здрасьте*, *пожалста*), вводные слова (*каэтся*, *моэт быть*, *наэрно*, *кагорится*) и даже целые словосочетания (*чесслово*, *сла-ть господи*, *собсно гря*, *кочегря*).

В научной литературе существует множество разнообразных терминов для обозначения данной группы лексики: *неканоничная* [Реформатский 1966: 99], или *экстранормальная*, *фонетика* [Юшманов 1946], *аллегрровые формы*, *минимум разговорной речи*, *усеченные формы* [Реформатский 1966: 99–100], *особые ингредиенты речи* [Якобсон 1985б: 275], *компрессированные* [Касаткина 2007], *свернутые*, или *неполные*, *формы сверхчастотных слов* [Скрелин 1999; Светозарова 2001], *звуковые жесты*, *специфическая фонетика «междометий и онома-топозэтических слов»* [Якобсон 1985а: 107]. В настоящей работе используется термин *аллегрровые формы*, заимствованный из немецкой лингвистики, где дублетные формы, такие как *здравствуйте* и *здрасте*, *говорит* и *грит* и др., «известны под именем *Lento* и *Allegroformen*» [Щерба 1974: 142].

Материалом для исследования послужил корпус аллегрровых форм, включающий около 110 единиц из Национального (НКРЯ) и Звукового корпусов русского языка (блок «Один речевой день» — ОРД), печатных текстов разных жанров, сборников текстов разговорной речи [см.: Герд 2007; Юнаковская 2007], опубликованных текстов спонтанной речи в транскрипции [см.: Богданов и др. 1983; 1984а; 1984б], Интернета, а также из повседневной речевой практики.

Одним из основных факторов, влияющих на появление АФ, является *частотность* единицы, ср.: «Часто повторяющиеся в речи слова приобретают необычный фонетический облик, поскольку их довольно легко узнать в силу их предсказуемости: *когда* [kadá], *тогда* [tadá], *сколько* [skóka], *человек* [ček] и т. д.» [Бондарко 1998: 257]. Этот факт не раз отмечался в научной литературе. Мысль о том, что для редукции формы важна именно ее частотность в речи, а не фонетические условия, убедительно аргументирована в статье Н. Д. Светозаровой: автор сравнивает слова с одинаковыми

условиями для одинаковых звуков в частотных и редко употребляемых словах и показывает, что «работает» именно частота [Светозарова 2002: 121]. Так, редукции подвергается частотное слово *смотри: смотри* → *смори, мори*, однако редкое слово *проти* не имеет варианта */прари/*, или *спасибо* → *пасибо*, однако только *спагетти*, а не */пагетти/* и т. д.

В лингвистике существуют и другие мнения по поводу условий возникновения АФ в русской речи: слабая фразовая позиция, быстрый темп, неотчетливое произношение и т. д. Обращение к корпусному материалу позволяет усомниться в надежности подобных условий.

Уже обращение к письменным источникам из материалов НКРЯ позволяет говорить о том, что характер позиции (сильная или слабая) не имеет решающего значения для появления редуцированной формы слова; в некоторых контекстах можно найти фиксацию АФ в заведомо сильной фразовой позиции, ср.:

- *Хотя вы-то никогда больше шестидесяти не газуете, вот Аркадий Константинович, тот ваще!* [Д. Донцова. Доллары царя Гороха (2004)];
 - *– А у нас Илья седня, — добавила хозяйка* [А. Приставкин. Вагончик мой дальний (2005)];
 - *А прямо бы у выхода и шлепнуть, жаль, что не **щас*** [В. Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени (1996–1997)].
- Анализ контекстов ОРД подтверждает данную мысль. Например, лексема **седня** встречается во всех фразовых позициях, ср.:
- *Сашка-то **седня** не приедет?* (слабая — внутри синтагмы);
 - ***Седня** Максимка варит //* (полусильная — в начале синтагмы);
 - *И она такая **седня** /* (сильная — в конце синтагмы).

Наблюдения показывают, что возникновение АФ в нашей речи не зависит не только от положения слова в слабой или сильной фразовой позиции, но и от *темпа речи*. Например, С. В. Кодзасов говорит о том, что «утрата части элементов звуковой последовательности не является обязательным следствием ускорения темпа речи» и что «фонетический эллипсис наблюдается и в медленной речи» [Кодзасов 1973: 110]. Таким образом, появление АФ *не обязательно*

но связано с темпом речи или с позицией слова в синтагме: «Компрессии происходят или не происходят при наличии и совпадении нескольких факторов, важнейшую роль среди которых, как показывает материал, играют свойства исходной лексической единицы, в том числе строевые (ведь далеко не любое слово может иметь компрессированные варианты). Темп и позиция во фразе чаще выступают в качестве таких условий, которые поддерживают, усиливают или наоборот тормозят, препятствуют осуществлению компрессии» [Вещикова 2007: 201].

Действительно, неоспоримым и самым главным условием появления АФ в речи являются строевые свойства исходной лексемы, другими словами, *фонетическая структура слова*. Причины возникновения АФ «полностью определяются действующими фонетическими закономерностями, не раз описанными в литературе по фонетике разговорной или спонтанной речи» [Богданова 2010: 9]. Анализ нашего словаря позволил выделить 3 типовых случая редукции: 1) в области гласных; 2) в области согласных и 3) в области звуковых комплексов.

I. В области гласных — редукция гласного до нуля:

1) предупредительного:

- *п(о)шел;*
- *м(е)ня;*
- *п(и)хай;*
- *п(о)жалста;*

2) заударного неконечного:

- *пжал(у)ста;*
- *все-т(а)ки;*

3) заударного конечного:

- *скок(о);*
- *пасиб(о);*
- *прям(о);*
- *эт(о);*
- *каб(ы);*

4) безударного между одинаковыми согласными:

- *ощ(у)щение;*
- *защ(и)щают;*
- *обвор(ы)вал.*

По поводу последнего случая редукции писал еще Р. И. Аванесов: «Заударный неконечный гласный на месте буквы *о* в окончании *-ого* и суффиксе *-ов-* прилагательных, а также на месте *ы* (в глаголах на

-овывать) как норма не произносится, когда он находится одновременно после [в] и перед [в]. Утрата гласного компенсируется в этом случае удлинением первого согласного [в], приобретающего слоговой характер» [Аванесов 2009: 70], ср.: *нов(о)го, слив(о)вый, ив(о)вый, засов(ы)вать*. Редукция гласного до нуля между одинаковыми согласными наблюдается во всех позициях: 1) в первом предударном слоге: *ощ(у)щение, защ(и)щают*; 2) во втором предударном слоге: *п(а)пирасы, п(о)падать; х(о)хотать, фил(о)логический*; 3) в заударном неоконечном слоге: *выд(а)дут, сам(ы)ми, выс(о)сал*.

II. В области согласных:

1) ассимиляция согласных по месту и способу образования (как правило, после выпадения гласного):

- *щас*;
- *тыща*;
- *тыщный*;

2) усечение конечного согласного (одиночного или одного из консонантной группы):

- *ща(с)*;
- *радос(т)ь*;
- *ес(т)ь*;
- *жиз(н)ь/жис(н)ь*
- *руб(л)ь/руп(л)ь*;
- *болез(н)ь/болес(н)ь*;
- *зде(сь)*;

3) к более редким случаям относится усечение начального согласного из консонантной группы:

- *(с)пасиб*;
- *(з)десь*;
- *(з)драс(т)е*;

4) диереза интервокального согласного:

а) сонорного:

- *чиуек (человек)*;
- *поал (понял)*;

б) взрывного:

- *бу(д)ем, бу(д)еши*;
- *хо(д)им, хо(д)иши*;
- *бла(г)ародный*;

в) шелевого:

- *на(в)ерно*;
- *ка(ж)ется*;
- *мо(ж)эт быть*;
- *нра(в)ится*;
- *пра(в)ильно*;
- *ска(з)ать*.

III. В области звуковых комплексов:

1) диереза ГСГ (здесь и далее Г — гласный, С — согласный):

- *г(ово)рит*;
- *г(ово)рю*;

2) диереза СГС:

- *се(год)ня*;
- *вос(нов)ном*;

3) диереза СГ:

- *-ни(бу)ть*;
- *бу(де)м*;
- *пра(ви)льно*;
- *каго(во)рится*;
- *сла(ва)-ть Господи*;
- *хо(че)шь*;
- *семь(де)сят*;
- *восемь(де)сят*;
- *те(не)рь*;
- *го(во)рю*;
- *доста(то)чно*;

4) диереза ГС:

- *оч(ень)*;
- *с(ей)час*;
- *нич(е)го*;
- *т(еб)е*;
- *все р(ав)но*;
- *м(ен)я*;
- *с(еб)я*;
- *слуш(ай)*;
- *во(об)ще*;
- *мож(ет)*;

5) диереза сложного комплекса:

- *ч(елов)ек*;
- *здрас(твуй)те*;
- *р(азре)шите*;
- *с(овер)шенно*.

Интересны случаи диерезы сложного конечного комплекса у числительных: *семь(десят), восемь(десят)*, ср.:

- /s'em'/: *самый красивый пляж / который раньше стоил вход / когда я был там **семьдесят** седьмом / году / он стоил если не ошибаюсь | чуть ли не рубль / (ОРД);*
- /vos'im'/: *не разу не был на Украине // даже не [...] вру! был! в году **восемьдесят** шестом / но это не считается / хочу попасть обязательно // (ОРД).*

От сложного числительного в речи остается «аллегривый обрубок»¹ в виде простого числительного (*восемь* или *семь*). К такому случаю редукции также относятся единицы: *естес(твенно)*, *пожал(уйста)*, *здрас(т(вуйте))*.

б) упрощение сложного звукового комплекса:

- *п(яТЬде)сят* → *пийсят/пиисят*;
- *ш(еСТЬде)сят* → *шийсят*;

7) упрощение внутрисловного консонансного комплекса:

- *мо(ж)но*;
- *ну(ж)но*;
- *не(ль)зя*;
- *то(ль)ко*;
- *ско(ль)ко*;
- *во(б)щем*;
- *все ра(в)но*;
- *до(л)жен*;
- *ес(л)и*;
- *раз(в)е*;
- *з(д)есь*;
- *ч(т)об*;
- *ш(т)обы*.

Отдельно следует выделить единицы с сочетанием *зд*. По мнению Р. И. Аванесова, только два слова «в беглом разговорном стиле языка могут произноситься без [г]: [кʌдá], [тʌдá]» [Аванесов 2009: 158], тогда как, по материалам ОРД, в спонтанной речи наблюдается редукция и в других словах с указанным сочетанием согласных, например, *все(з)да*, *ино(з)да*.

Достигая максимальной степени редукции, полная форма слова может претерпеть несколько этапов сокращения, например, процесс редукции лексемы *сейчас* можно описать таким образом: *сейчас* (диереза звукового комплекса ГС) → *счас* (ассимиляция согласных по месту и способу образования) → *щас* (усечение конечного согласного) → *ща*.

Еще одним условием возникновения АФ является *морфемно-фонетическая структура* слова. Внутрисловные сегменты со сложным строением (*-тельн-*, *-тельск-*, *-тельств-*, *-ственн-*, *-ческ-*, *-овательн-*, *-овательск-*), как правило, подвергаются речевой редукции, ср.: *строит(ель)ный*, *учит(ель)ский*, *учит(ель)ствовать*,

¹ А. А. Реформатский относит к явлениям компрессивно-аллегривой речи те единицы, исходную форму которых невозможно опознать вне контекста из-за их максимальной редукции [Реформатский 1979: 244].

государс(твен)ный, *послед(ова)т(ель)ный*, *исслед(ователь)ский* и др.: «В заударном морфемном комплексе обнаруживается довольно часто выпадение гласных, т. е. уменьшение количества слогов по сравнению с заданным при нормативном произнесении в изолированных словах» [Фонетика спонтанной речи 1988: 113]. Среди сверхчастотных слов также имеются единицы, содержащие многоморфемные единства: *действительно*, *обязательно*, *естественно*, *собственно*, *практически*. Единство *-тельн-* реализуется в речи как звуковая цепочка [тн]: *действитно*, *обязатно*, морфемный блок *-ственн-* реализуется как [сн]: *естесно*, *собсно*, комплекс *-ческ-* редуцируется до [ск]: *практиски*.

Исследование материалов Звукового корпуса дает возможность говорить о спорадичности, нерегулярности появления большинства аллегривых форм в спонтанной речи, о том, что процесс их закрепления в лексиконе носителей языка еще не закончен. Некоторые единицы, претерпев череду фонетических изменений, все же закрепляются в нашей речи именно в виде аллегривых форм и из «зародышей будущих языковых состояний» [Щерба 1974: 143] становятся полноценными единицами современного лексикона. Некоторые из них могут поменять свое лексическое значение, стилистические и функциональные характеристики и, как следствие, частеречную принадлежность (например, АФ лексемы *тебе* — *те*, *говорит* — *грит*, *гыт*). Подобные формы даже получают лексикографическое описание в толковых словарях русского языка (см., например, о проекте Словаря русской бытовой разговорной речи: [Богданова, Осьмак 2011; Осьмак 2012]).

Сокращения

АФ — аллегривая форма; Г — гласный (в комбинациях типа СГ, СГС и т. п.); НКРЯ — Национальный корпус русского языка; ОРД — «Один речевой день»; С — согласный (в комбинациях типа СГ, СГС и т. п.).

Литература

- Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. Изд. 7-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 288 с.
- Богданов С. И., Богданова Н. В., Гейльман Н. И., Овчаренко Е. Б. Спонтанные тексты разговорной речи в транскрипции. Методическая разработка по современному русскому языку. Ч. 1. Л.: ЛГУ, фил. ф-т, 1983. 61 с.
- Богданов С. И., Богданова Н. В., Гейльман Н. И., Верхолетова Е. Ю. Спонтанные тексты

- разговорной речи в транскрипции. Методическая разработка по современному русскому языку. Ч. 3. Л.: ЛГУ, фил. ф-т, 1984а. 48 с.
- Богданов С. И., Богданова Н. В., Гейльман Н. И., Пережогина Т. А.* Спонтанные тексты разговорной речи в транскрипции. Методическая разработка по современному русскому языку. Ч. 2. Л.: ЛГУ, фил. ф-т, 1984б. 49 с.
- Богданова Н. В.* Живые фонетические процессы русской речи (пособие по спецкурсу). СПб.: Фил. ф-т СПбГУ, 2001. 184 с.
- Богданова Н. В.* Редуцированные формы русской речи: причины возникновения и степень фонетизированности их письменного представления // Фонетика: Мат-лы секции XXXVIII и XXXIX междунар. фил. конф. (16–20 марта 2009 г., 15–20 марта 2010 г., СПб.). / отв. ред. Н. Д. Светозарова. СПб.: Фил. ф-т СПбГУ, 2010. С. 8–13.
- Богданова Н. В., Осмак Н. А.* О некоторых лексических «открытиях» на материале русской спонтанной речи (корпусное исследование) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 25–29 мая 2011 г.). Вып. 10(17) / гл. ред. А. Е. Кибрик. М.: Изд-во РГГУ, 2011. С. 110–123.
- Бондарко Л. В.* Фонетика современного русского литературного языка. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. 275 с.
- Вещикова И. А.* Орфоэпия. Основы теории и прикладные аспекты. М.: Флинта; Наука, 2007. 312 с.
- Герд А. С.* Русская разговорная речь Заполярья: Мончегорск. Тексты. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 43 с.
- Касаткина Р. Ф.* Компрессированные формы слов и фразовые позиции в русской речи // Фонетика сегодня. Мат-лы докл. и сообщ. V Междунар. науч. конф. (8–10 октября 2007 г.). М.: ИРЯ РАН, 2007. С. 99–102.
- Кодзасов С. В.* Фонетический эллипсис в русской разговорной речи // Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. С. 109–133.
- Осмак Н. А.* Новые значения старых слов (корпусное исследование на материале повседневной русской речи) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 1. 2012. С. 12–17.
- Реформатский А. А.* Неканоничная фонетика // Развитие фонетики современного русского языка. М.: Наука, 1966. С. 96–109.
- Реформатский А. А.* Компрессивно-аллегорная речь (в связи с ситуацией говорения) // Звуковой строй языка. М.: Наука, 1979. С. 244–251.
- Светозарова Н. Д.* Некоторые особенности фонетики русской спонтанной речи // Бюллетень фонетического фонда русского языка. № 8, август 2001. Фонетические свойства русской спонтанной речи. СПб.: Vochum, 2001. С. 7–15.
- Светозарова Н. Д.* Фонетические особенности русской спонтанной речи // Язык и речевая деятельность. Научные чтения Петербургского лингвистического общества. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2002. С. 115–123.
- Скрелин П. А.* Сегментация и транскрипция. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 106 с.
- Фонетика спонтанной речи* / отв. ред. Н. Д. Светозарова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 245 с.
- Щерба Л. В.* О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слова // Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 141–146.
- Юнаковская А. А.* Разговорная речь носителей массовой городской культуры (на материале г. Омска). Хрестоматия. М.: Языки славян. культур, 2007. 167 с.
- Юшманов Н. В.* Экстранормальная фонетика (рукопись) // Архив АН СССР. Ф. 77. Оп. 5. № 251. 1946.
- Якобсон Р. О.* Звуковые законы детского языка и их место в общей фонологии // Р. О. Якобсон. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985а. С. 105–115.
- Якобсон Р. О.* Мозг и язык // Р. О. Якобсон. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985б. С. 270–286.

УДК 811.161.1 + 81-112 + 81-114
ББК (Ш)81.2Рус-3

**ПРОСТОРЕЧНЫЕ ПРЕФИКСАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XIX в.:
ПРОБЛЕМЫ СИНХРОННО-ДИАХРОНИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ
(на материале водевилей)**

Чэнь Ли

Общепризнано, что глагольное словообразование является одной из наиболее сложных сфер русской грамматической системы [Виноградов 1952; Земская 2009]. В словообразовании глаголов главенствующее место занимают префиксальный и префиксально-суффиксальный способы; в то же время считается, что среди способов словообразования наибольший интерес представляет префиксация как главный способ деривации в сфере глагольного класса.

Префиксация играла и продолжает играть ведущую роль в словообразовательной системе глагола на всем протяжении развития русского языка [Земская 2009: 305; Дмитриева, Крючкова 2010: 225]. Глагольные приставки в современных синхронно-диахронных исследованиях рассматриваются как мощное деривационное средство, связывающее разряд исходных корневых глаголов с классом производных слов. Отмечается, что лексический потенциал приставок позволяет передавать разнообразные смыслы и тем самым обеспечивает семантическую емкость префиксальных образований; префиксы, отличаясь большим богатством семантических оттенков, являются также источником выразительности языковых форм [Земская 2009: 310].

Приставка (префикс) как выделяющаяся в составе словоформы докорневая аффиксальная морфема выполняет преимущественно словообразовательную роль [Современный русский язык 1989: 203]. Что касается глагольной приставки, то она в структуре глагола может быть лишена собственного лексического значения и выступать исключительно как показатель вида. Тесная связь приставочного глагольного словообразования с грамматической категорией вида объясняет причину устойчивого интереса ученых к проблеме глагольной префиксации [Бондарко, Буланин 1967; Виноградов 2001; Гиро-Вебер 1990; Гуревич 1971; Зализняк, Шмелев 2000; Овчинникова 1984; Падучева 2009 и др.]. В исследованиях, посвященных данной проблематике, отмечается сложность разгра-

ничения категорий вида и способа глагольного действия при определении значения префикса [Виноградов 1952; Авилова 1976; Амиантова 1980; Волохина, Попова 1997; Кронгауз 1998; Маслов 1984; Падучева 2004; Дубовикова, Черткова 2007 и др.].

В рамках предлагаемой статьи рассматриваются некоторые лексико-семантические особенности префиксальных глаголов просторечного происхождения, сферой функционирования которых являются литературные тексты сниженного стиля — водевили XIX в. [Русский водевиль 1959; 1970]. В силу своей жанровой принадлежности эти тексты *a priori* содержат достаточное количество просторечных лексем, а в их ряду — именно глаголов. «Семантическая емкость» (разнообразие оттенков смысла, экспрессивность) префиксов позволяет предположить особую стилистическую роль подобных глагольных форм в анализируемых текстах. Глагольная лексика сообщает дополнительную динамику действию, раздвигая пространственно-временные рамки происходящего на сцене; экспрессивность глагольных форм передает специфику драматического действия (напряженность интриги, комизм ситуации и т. п.).

Несмотря на то, что словари считаются самым надежным источником материала по историческому и синхронно-диахронному словообразованию в силу проверенности и предварительной обобщенности собранных языковых фактов [Дмитриева, Крючкова 2010: 12], тем не менее, на наш взгляд, не стоит отказываться от наблюдения за конкретными языковыми фактами, представленными в самих текстах. Ряд исследователей подчеркивает, насколько важно «рассматривать взаимодействие приставки с текстом с точки зрения анализа» семантики префиксальных глаголов, так как «с одной стороны, приставка помогает интерпретировать текст, с другой стороны, текст помогает выбрать подходящее значение приставки и приставочного глагола» [Кронгауз 1998: 66]. В отношении XIX в. имеет смысл сделать это и по другим причинам. Обращение

к текстам данного периода в качестве источника для изучения указанных глагольных форм обусловлено и тем обстоятельством, что в синхронно-диахронных исследованиях этот период особо не выделяется, а входит в понятие «современный русский литературный язык» [Дмитриева, Крючкова 2010: 12]. Укажем и на очевидное противоречие между нормативностью и установкой на хронологические рамки «от Пушкина до наших дней» в концепции «Словаря современного русского литературного языка», вместившего факты, значительно отстоящие во времени и практически относящиеся к разным историческим периодам. Возникает необходимость в более тщательном анализе источников XIX в. в связи с особым местом этой эпохи в становлении норм русского литературного языка. Именно в это время определяется стилистический статус просторечных слов в рамках общенационального языка, ставших источником образности, выразительности литературно-художественной речи; активное же проникновение таких слов в литературно-письменные тексты началось гораздо раньше, особенно активно проявилось в последней трети XVIII в. Исследователями русского просторечия XVIII в. замечено, что аффиксальные образования в кругу просторечных глаголов отличаются большим разнообразием; их специфической особенностью является сравнительная немногочисленность суффиксальных образований при большем многообразии префиксальных. Значительную часть при этом составляют префиксальные глаголы, образованные от соответствующих просторечных бесприставочных глаголов [Князькова 1976: 104].

Принимая во внимание тот факт, что русские глагольные приставки выполняют двойную функцию: видовую и семантическую, мы, тем не менее, при анализе языкового материала акцентируем основное внимание на изучении семантического аспекта значения приставки — на том основании, что «процесс внутриглагольной префиксации в русском языке регулируется в первую очередь семантическими закономерностями» [Дмитриева, Крючкова 2010: 9].

Установлено, что в современной глагольной деривационной системе приставки являются морфемами с набором строго определенных значений, представляющими собой результат длительного взаимодействия их как словообразующих элементов с различными сериями исходных основ [Ва-

раксин 1996: 13]. В синхронно-диахронных исследованиях словообразовательных подсистем и процессов, например, внутриглагольная префиксация, приставочный глагол рассматриваются «как в аспекте языковой синтагматики, так и парадигматики, что определяется представлением о нем как о внутренней синтагме, соотносящейся с двумя понятийными рядами одновременно: по семантике префикса и по семантике производящего глагола» [Дмитриева, Крючкова 2010: 10]. Анализируя наш материал (функционирование префиксальных глаголов в конкретных текстах), мы основывались на заключении ряда лингвистов, указывающих на то, что следует говорить «о взаимодействии значения глагольной приставки с более широким контекстом и даже с ситуативной семантикой и прагматикой» [Кронгауз 1998: 88].

В проанализированных нами текстах представлены глаголы со следующими 15 приставками: *вы-, за-, из-, на-, о-, об-, от-, пере-, под-, по-, при-, про-, раз-, с-(со-), у-*. Для сравнения можем отметить, что современная академическая грамматика выделяет 28 приставок, участвующих в образовании глаголов [Русская грамматика 1980: 350]. Глаголы отбирались на основе имеющихся при них (при слове либо при лексико-семантическом варианте) помет *Разг.<оворное>*, *Простор.<ечное>* или *Устар.<евшее>* в современных толковых словарях русского языка¹.

Одной из задач исследования было установление отношений между приставочным глаголом и мотивирующей основой. Соотнося семантику и стилистическую окраску префиксального глагола и производящей основы, нам удалось выявить некоторые закономерности, касающиеся характера взаимоотношений между членами словообразовательной цепочки и роли префикса в семантико-деривационном процессе, а также уточнить значение префикса, участвующего в конкретной словообразовательной операции.

Самыми представительными в текстах являются глаголы с приставками *по-* (*побаловать, побрезгать, повольничать, повременить, поколотить, поладить, понакопить, пообчесть, потолковать, поубавить, пощеголять* и др.); *за-* (*замарать, заморить, захлопать* и др.); *про-* (*пробренчать,*

¹ Мы учитывали только те значения, которые совпадают с контекстуальным значением глагола в нашем тексте.

прозевать, прокутить, проложить, простынуть, протурить и др.); *раз-* (*разодеть, разломать, разхлебать, растрепать* и др.); *пере-* (*переколотить, перемять, перещеголять* и др.).

Что касается продуктивности определенных словообразовательных аффиксов в образовании просторечных глаголов, обусловленных особенностями их семантики, то среди них можно выделить такие, которые в процессе деривации получают дополнительное значение «интенсивности» действия. Такая семантика развивается, например, у глаголов с общим пространственным значением префикса (*вы-, из-, на-*). Это словообразовательные аффиксы, указывающие на направление действия или степень охвата действием. Например, у таких глаголов, как *вытаращить* ‘выпучить, широко раскрыть глаза, уставиться на кого-либо глазами’, *выпроводить* ‘заставить, вынудить уйти’, *выпрыгнуть* ‘выскочить, прыгнуть откуда-либо’, префикс *вы-* указывает на крайнюю степень проявления действия, его распространение за пределы какого-л. пространства.

Префикс в структуре глагола *вытаращить* ‘выпучить, широко раскрыть глаза, уставиться на кого-либо глазами’ [ССРЛЯ 2: 1 267] указывает на запредельность действия, обозначаемого производящей основой *таращить* ‘широко раскрывать глаза’, что видно из следующего контекста, рисуемого состоянием героя, которого возмущенно-требовательно призывают к ответу женские персонажи: [*Катерина Ивановна <Александру>*] *Да что же вы глаза вытаращили?* [*Марья Петровна <Александру>*] *Что вы стоите как вкопанный? Говорите же, объясните?* [Русский водевиль 1970: 333]. Приставка *вы-* в данном случае меняет вид глагола, но при этом происходят и важные семантические превращения, что показано и в словарной дефиниции с помощью синонимов с переносно-образными значениями, указывающих на наличие коннотации, экспрессивности в семантике словоформы. На оттенок «интенсивности» в значении префиксального глагола в словарной дефиниции указывают глаголы модальной окрашенности (см. выше *выпроводить*), в тексте — обстоятельственные детерминанты типа *вон, наружу* и т. п., общий эмоциональный характер контекста (см. приведенную выше цитату).

У оттенка интенсивности действия, добавляемого к значению мотивирующей основы, развивается отрицательная коннотация в

семантике производного глагола. По нашему мнению, это также связано с неким превышением меры, чрезмерностью осуществляемого действия. Например: *надуть, насплетничать* ‘сплетничая, наговорить что-л., о ком, чем-л.’, *наплевать* ‘не считаясь с кем, чем-нибудь, проявить равнодушие, безразличие, презрение’, *напаялить, насадить* ‘сажать, помещать куда-л. в каком-н. количестве’, *насолить* ‘сделать неприятности, навредить кому-нибудь’, *настрять* ‘небрежно, наспех что-либо сделать’, *нахватать* и др. На примере глаголов этой группы можно проследить непрерывность деривационного процесса, соединение морфологической деривации с семантическими изменениями (развитием переносных значений).

В определенной синтаксической позиции оттенок интенсивности и отрицательная коннотация могут усиливаться, например в случае с употреблением глагола *наплевать* в форме инфинитива «при выражении полнейшего равнодушия, безразличия» [ССРЛЯ, 7: 387]: [*Ростомахов*] *Здравствуйте, почтеннейший. Читал я в газетах, у вас, говорят, продается картина с изображением трех собак, двух свиней, барана и человека в черкесской шапке. Мне, признаться, и свины ваши, и человек, и бараны — наплевать!* [Русский водевиль 1970: 401].

Эта специфика семантики глагольного действия подчеркивается и в словарных дефинициях, например, для нового значения глагола *насолить*: *кому. перен. простореч.* *Сделать много неприятностей, сильно досадить* [СРЯ XVIII, 14: 123].

Приставка *из-* в глаголе *изъездить* ‘совершая поездки, побывать во многих, в разных местах’ указывает на степень охвата действием (по значению производящей основы), совершаемым субъектом; в словарной дефиниции это значение префикса производного глагола выражено детерминантами *во многих, в разных местах*. Реализация подобного значения наблюдается у некоторых производных глаголов с префиксами *о-* (*оглушить* ‘наполнить громкими звуками (воздух, пространство)’), *об-/обо-* (*обморочить, обсказать* ‘подробно рассказывать, объяснять’), *от-* (*отодрать* ‘сильно выпороть, высечь кого-либо’, *отхватать*), *у-* (*убить* ‘растратить, сгубить (средства, силы, время), расходуя чрезмерно щедро, расточительно’), *пере-* (*переколотить* ‘колотить, наносить удары всем или многим’, *перемять* ‘мять все или многое, всех или многих, все

целиком'), *раз-* (*разодеть* 'одеть очень нарядно; нарядить щегольски') и др.

Среди рассмотренных глаголов лишь следующие имеют производящую основу той же стилистической характеристики (см. в ССРЛЯ): *вытаращить, зажечь, заложить, замарать, занести, застращать, захворать, наплевать, напялить, насадить, настряпать, обморочить, обзреть, отснхнуть, перещеголять, подмалевать, подлить, побренчать, повременить, покалякать, покликать, поколотить, поладить, помереть, порадеть, поумничать, пощеголять, пробренчать, прозевать, проложить, протурить, сносить, состряпать, спрово- рить* — всего 34 глагола.

Однако из числа рассмотренных нами лексем у 79 % корневых глаголов в результате присоединения соответствующего префикса наблюдается изменение семантики и стилистической окраски. В ряде случаев именно приставка является причиной существенной семантической трансформации.

Так, глагол *насолить* 'делать неприятности, вредить кому-нибудь' [ССРЛЯ, 7: 478] благодаря приставке претерпевает не только семантическую эволюцию, но и приобретает статус просторечного: [Радимов] *Я прежде был с ним дружен: / Жил мирно восемь лет, / Но мне теперь не нужен / Привязчивый сосед. / За рошу он недавно / Стал есть меня, как моль, / И насолил мне славно / За всю мою хлеб-соль* [Русский водевиль 1970: 24]. Мотивирующий глагол *солить* не имеет подобного значения и является нейтральным. Приставка *на-* в данном случае, реализуя значение 'полнота, чрезмерность количества в проявлении действия', характеризует обозначаемое префиксальным глаголом действие со стороны интенсивности, что влияет, как полагают некоторые лингвисты, на экспрессивную стилистическую окраску [Мусиенко 2007: 195].

Похожая картина наблюдается в отношении глагола *пронюхать* 'узнать, разузнать что-либо, о чем-либо (обычно скрываемом, тайном)' [ССРЛЯ 11: 1247]: [Щекоткин] ... *Алена Ивановна у меня ужасно любопытна, так я, чтоб она не **пронюхала**, чем пахнет в шкафу, его на ключ* [Русский водевиль 1959: 279]. В данном случае приставка *про-*, обладающая в большинстве случаев пространственным значением, характеризует степень освоения пространства, добавляет глаголу *нюхать* экспрессии, что порождает и новое значение, и соответствующую стилистическую окраску.

Исследователи связывают процессы семантической деривации в сфере префиксальных глагольных образований с тем, что происходит расширение круга производящих глаголов, присоединяясь к которым, приставка получает «семантическое заражение», наблюдающееся «не на уровне лексического контекста, а на уровне контекста морфем», когда приставка наполняется новым содержанием из мотивирующей основы [Нефедьев 1995: 92].

Особый интерес при динамическом исследовании семантики префикса представляет развитие количественно-временных значений — для приставки *по-* это начальное и ограничительно длительное (делimitативное), развившиеся, как полагают, на базе исходного результативно-пространственного значения [Дмитриева, Крючкова 2010: 234]. Среди отобранных нами глаголов с префиксом *по-* довольно большую группу составляют глаголы, у которых данная приставка имеет ограничительно длительное значение.

В словарных дефинициях данная семантика подчеркивается специальными, как правило, обстоятельственными детерминантами (*некоторое время, немного, в некоторой степени* и т. п.). В ходе нашего исследования мы обратили внимание на сложности с определением значения производных глаголов с данным префиксом в толковых словарях русского языка, где они часто толкуются с помощью соответствующих бесприставочных глаголов. Например, *побренчать* 'бренчать некоторое время' [ССРЛЯ]; *повольничать* 'вольничать некоторое время' [ССРЛЯ], где *побренчать* и *повольничать* — это глаголы совершенного вида, а *бренчать* и *вольничать* — несовершенного. Отмеченная особенность лексикографического толкования глагольного значения лишней раз подтверждает специфику и семантическую неоднозначность префиксального глагольного словообразования. Преодолеть данное противоречие между категорией вида и семантической категорией способа глагольного действия в словарной дефиниции было бы возможно только путем подбора нейтрального синонима, аналогичного по виду, например: *побренчать* 'поиграть на музыкальном инструменте'; *повольничать* 'проявить своеволие'. Конечно, такое решение невозможно распространить на все глаголы, особенно на те, у которых просторечная специфика заключена в самой основе.

Наблюдения за деривационными процессами в сфере глагольного словообразования позволили не только установить определенную зависимость стилистической окраски от семантики префикса, но и выявить для некоторых глаголов словообразовательные цепочки, формирующие как следствие семантических превращений производного глагола новую корреляцию по виду с помощью суффикса: ср. *вытирачивать, выпроваживать, выпрыгивать, изъезживать* и т. д. К тому же анализ контекстов выявил и еще одну особенность в употреблении рассматриваемых глаголов, которое часто сопровождается приемом языковой игры, к ней прибегают авторы текстов с целью контраста, соположения смыслов: ср. *насолил — хлеб-соль, пронохла — пахнет*.

Источники

- Русский водевиль* / сост. В. В. Успенский. Л.; М.: Искусство, 1959. 494 с.
- Русский водевиль* / сост. Н. Шатаренков. М.: Искусство, 1970. 425 с.
- СРЯ XVIII* — Словарь русского языка XVIII века / гл. ред. З. М. Петрова. Вып. 14. СПб.: Наука, 2004. 280 с.
- ССРЛЯ* — Словарь современного русского литературного языка. В 17-ти тт. Т. 2, 7, 10, 11. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951, 1958, 1960, 1961. 1 394, 1 468, 1 774, 1 842 с.
- #### Литература
- Авилова Н. С.* Вид глагола и семантика глагольного слова М.: Наука, 1976. С. 259–315.
- Амиантова Э. И.* Соотношение семантической и словообразовательной структуры русских глаголов с приставками: автореф. дис. ... канд. фил. наук. М., 1980. 17 с.
- Бондарко А. В., Буланин Л. Л.* Русский глагол. Л.: Просвещение, 1967. С. 12–28.
- Вараксин Л. А.* Семантический аспект русской глагольной префиксации: дис. д-ра фил. наук. Екатеринбург, 1996. 179 с.
- Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Русский язык, 2001. 718 с.
- Виноградов В. В.* Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Вопросы теории и истории языка. М.: Наука, 1952. С. 99–152.
- Волохина Г. А., Попова З. Д.* Категория глагольного вида в свете семантического устройства глагольных приставок // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. 3. М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 34–41.
- Гиро-Вебер М.* Вид и семантика русского глагола // Вопросы языкознания. 1990. № 2. С. 102–111.
- Гуревич В. В.* О значениях глагольного вида в русском языке // Русский язык в школе. 1971. № 5. С. 73–79.
- Дмитриева О. И., Крючкова О. Ю.* Динамика семантико-словообразовательных подсистем русского языка. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2010. 370 с.
- Дубовикова Л. Д., Черткова М. Ю.* Глагольные префиксы в видо- и словообразовательной системе русского языка (в сопоставлении с английским) // III Международный конгресс исследователей русского языка. Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. М.: Изд-во МГУ, 2007. С. 196–197.
- Зализняк А. А., Шмелев А. Д.* Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 77–86.
- Земская Е. А.* Современный русский язык. Словообразование. Изд. 6-е. М.: Флинта, Наука, 2009. 328 с.
- Князькова Г. П.* Русское просторечие второй половины XVIII века. Л.: Наука, 1974. 254 с.
- Кронгауз М. А.* Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Языки русской культуры, 1998. 288 с.
- Маслов Ю. С.* Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984. С. 148–165.
- Мусяенко В. П.* Стилистическая характеристика глаголов со значением интенсивности действия // Стил. Белград, 2007. № 6. С. 192–202.
- Нефедьев М. В.* Заметки о развитии словообразовательных типов (на примере глаголов с приставкой *об-*) // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 90–95.
- Овчинникова А. В.* Типология значений глагольной приставки в историческом аспекте // Проблемы развития языка: лексические и грамматические особенности древнерусского языка. Саратов: СГУ, 1984. С. 111–119.
- Пастушенков Г. А.* Префиксальные глаголы от глагольного образования. К вопросу о словообразовательном значении модификационного типа // Деривационные отношения в лексике русского языка. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1991. С. 4–16.
- Падучева Е. В.* О семантическом инварианте видового значения глагола в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2004. № 2. С. 5–16.
- Падучева Е. В.* Статьи разных лет. М.: Языки славянских культур, 2009. 736 с.
- Русская грамматика: в 2-х тт.* / гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 1. М.: Наука, 1980. 783 с.
- Современный русский язык* / под ред. В. А. Белошапковой. М.: Высшая школа, 1989. 800 с.

УДК 811.161.1'42
ББК (Ш)81.2Рус-3

ПОДТЕКСТОВЫЕ СМЫСЛЫ КАК КОМПОНЕНТЫ СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЫ ПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Н. В. Пушкарева

Усложнение действительности, в которой существует человек, делает более сложной воспринимаемую им картину мира, которая отражается, в частности, в прозаических произведениях, что, в свою очередь, приводит к усложнению структуры текстового смысла. Параллельно с вербализацией эмоционального состояния героев в ряде художественных текстов вырабатывается иной механизм передачи информации об эмоциях персонажа: в некоторых текстовых отрывках смысл распадается на два уровня, эксплицитный и имплицитный, на эксплицитном уровне излагается сюжет, а имплицитный уровень содержит сведения о переживаниях героев или повествователя. Вследствие этого в тексте формируется подтекст, который расширяет представления читателя об излагаемой ситуации.

Термин «подтекст» весьма широко применяется в гуманитарных исследованиях. К. С. Станиславский назвал подтекст «жизнью человеческого духа», которая «непрерывно течет под словами текста» [Станиславский 1990: 80], в литературоведении термин понимается как прямо не декларированная информация, «силой искусства присутствующая в художественном произведении» [Яновская 2010: 5–72]; как несовпадение значения и смысла высказывания, выявляемое в конкретном фрагменте и возникающее при разрыве коммуникации [Сухих 2008: 175]; как присутствующие в тексте «реминисценции из литературных и нелитературных произведений» [Гаспаров 1995: 108].

В лингвистических исследованиях подтекст связывается с различными аспектами коммуникативной ситуации [Долинин 1983: 37–47; Кайда 2004; Масленникова 1999], рассматривается в семиотическом аспекте [Голякова 2006], оценивается как явление, возникающее вследствие применения определенных языковых средств [Акимова 1990; Гальперин 2004, Рогова 2001].

Рассматривая подтекст как языковое явление, обозначим этим термином имплицитные составляющие смысловой структуры текста: эмоциональная состав-

ляющая, т. е. переданная лингвистическими средствами информация об эмоциональном состоянии персонажей или рассказчика (**эмоциональный подтекст**), и конвенциональная составляющая, т. е. общеизвестная информация, выводимая из грамматических характеристик определенных языковых средств и понимаемая всеми носителями языка (**конвенциональный¹ подтекст**).

Последний формируется неопределенно-личными предложениями, его семантика определяется кругом значений, выражаемых глагольными формами, а именно: воспринимаемые на слух действия, когда агенс говорящему не виден; реакции коллектива; действия государственной машины; действия ситуативно обусловленной группы людей [Тестелец 2001: 311]. В ряде случаев разделить эти значения трудно, поскольку группа людей часто оказывается группой представителей государственных органов: *Пропавшего Римского отыскали с изумляющей быстротой <...> нашли и след Лиходеева* [Булгаков 1989: 661]. Конвенциональный подтекст — это дополнительная информация, которая позволяет точнее ориентироваться в обстоятельствах протекания описываемого действия.

Эмоциональный подтекст создается конструкциями экспрессивного синтаксиса. Данный тип подтекста углубляет психологический смысл текстового отрывка, расширяя рамки «человеческого присутствия» в повествовании. Например, парцелированные конструкции в прозе С. Д. Довлатова передают иронию: *Сами Черкасовы относились ко мне хорошо. А вот домработницы — хуже. Ведь я был дополнительной нагрузкой. Причем без дополнительной оплаты* [Довлатов 1993: 245]. Парцелляция разбивает повествование на отрезки и привлекает внимание к их логическим центрам. Завершающий компонент отрывка не только передает информацию, но и помогает обозначить ироническое отношение рассказчика к сообщенному.

¹ Конвенциональный — «общепринятый, традиционный» [Философия ... 2004: 468].

Возникновение и активизация в прозе двух типов подтекста связаны с различными историческими условиями, в которых создавались произведения русской литературы. Эмоциональный подтекст выявляется уже в рамках классической русской прозы XIX в. [Пушкарева 2011]. Конвенциональный подтекст не присутствует в текстах XIX в. как заметное и значимое явление. Синтаксическое средство создания данного подтекста (неопределенно-личные предложения) существует, но его потенциал в этом процессе не был востребован. Активизация конвенционального подтекста приходится на начало XX в., когда социально-исторические условия, развитие науки, технический прогресс и рост числа образованных людей создавали круг читателей, объединенных общей когнитивной базой.

Наметившаяся тенденция продолжается в актуализирующей прозе XX в. и в новейшей прозе, где происходит усложнение смысловой структуры текста за счет актуализации потенциальных возможностей языковой системы [Рогова 1992: 3–10]. Реконструирование смысловой перспективы текста, выявление новых оттенков значений различных языковых единиц становятся для современного читателя обязательными и все более привычными процессами, сопровождающими чтение.

Приемы для передачи подтекстовой информации складываются в прозе тех писателей XIX в., чье творчество (например, М. Ю. Лермонтова, А. П. Чехова) формировало новые пути развития литературы. Безусловно, данный способ построения прозы не является изобретением кого-либо из названных авторов, возможности передачи имплицитной информации с помощью особой синтаксической организации текстов существовали в языке как потенциальное средство. Однако именно в произведениях М. Ю. Лермонтова и А. П. Чехова подтекстовые смыслы актуализировались в качестве полноценных компонентов смысловой структуры произведения и стали средствами воздействия на читателя, вовлекающими его в процесс раскодирования информации.

Так, например, в «Журнале Печорина» лексический повтор личного местоимения *он* создает дополнительную информацию в описании Грушницкого: *Он довольно остер: эпитаграммы его часто забавны, но никогда не бывают метки и злы: он никого не убьет словом; он не знает людей и их*

слабых струн, потому что занимался целую жизнь одним собою. Его цель — сделаться героем романа. Он так часто старался уверить других в том, что он существо, не созданное для мира, обреченное каким-то тайным страстям, что он сам почти в этом уверился. Оттого он так гордо носит свою толстую солдатскую шинель [Лермонтов 1937: 242–243].

Повторяющееся личное местоимение *он* привлекает чрезмерное внимание к персонажу, о котором идет речь, и передает негативное отношение повествователя к Грушницкому. При этом личные качества и действия Грушницкого описаны вербально и сопровождаются вербальными оценками. Перечня не одобряемых рассказчиком характеристик и поступков вполне достаточно для развития сюжета, однако смысл текстового отрезка расслаивается: эксплицитированные причины неприязни одного персонажа к другому объясняют логику происходящих событий, а имплицитированный эмоциональный подтекст передает состояние персонажа-рассказчика, усиливая негативный «фон» повествования.

Интересно, что в конце отрывка появляется парцелляция, которая не являлась в XIX в. типичным языковым средством художественной литературы. М. Ю. Лермонтов пользуется повтором и парцелляцией, чтобы показать эмоциональный план повествования. Возникает семантика отрицательной оценки, составляющая эмоциональный подтекст данного отрывка.

Для прозы А. П. Чехова характерно устранение с эксплицитного уровня вербализованных оценок и перемещение их в подтекст. Например: *...Ольга Михайловна все время смотрела ему [мужу] в затылок и недоумевала. Откуда у тридцатичетырехлетнего человека эта солидная, генеральская походка? Откуда тяжелая, красивая поступь? Откуда эта начальническая вибрация в голосе, откуда все эти «что-с», «н-да-с» и «батенька»? [Чехов 1955: 188]. Недоумение героини рассказа обозначено эксплицитно. Четыре вопросительных предложения, не имеющих ответа, обозначают комплекс проблем, привлекающих ее внимание. Повтор вопросительного местоимения *откуда* придает данному отрывку экспрессию и дополнительную смысловую глубину: недоумение сопровождается оттенком отрицательной оценочности, направленной на поведение мужа. Возникает*

двуплановая смысловая структура: на вербальном уровне выражено недоумение, обозначен круг вопросов, вызывающих это состояние, на имплицитном уровне создается подтекст с негативной оценочностью.

В прозе начала XX в. многоуровневая смысловая организация текстов наблюдается в произведениях А. Белого и М. А. Булгакова. К лингвистическим способам передачи эмоциональных подтекстовых смыслов, применявшимся в прозе XIX в., добавляются новые, расширяется семантический спектр подтекстовых смыслов. Применение имплицитного уровня для сопровождения основного повествования оказывается конструктивно оправданным: усложнение смысловой структуры прозы не приводит к нагромождению словесных компонентов.

В романе А. Белого «Петербург» к синтаксическим средствам формирования эмоционального подтекста, использовавшимся в прозе XIX в., добавляются бессоюзные сложные предложения, на стыке частей которых возникают своего рода «затемнения смысла». Прояснить «затемнения» читатель должен самостоятельно, однако автор размещает в тексте многочисленные подсказки, способствующие расшифровке скрытого эмоционального смысла. Так, А. Белый расширяет традиционные сферы употребления пунктуационных знаков, применяя их и в качестве средства обозначения границ эпизодов, разбивающих сцену на отдельные «кадры». Последовательностью кадров выглядит следующий отрывок (персонаж думает, как нужно будет вести себя после взрыва бомбы):

Уронить канделябр... Сев на корточки, у пробоины дергаться от в пробоину прущего октябрьского ветра (разлетелись при звуке все оконные стекла); и — дергаться, обдергивать на себе ночную сорочку, пока тебе сердобольный лакей —

— может быть, камердинер, тот самый, на которого очень скоро потом всего легче будет свалить (на него, само собой, падут тени) —

— пока сердобольный лакей не потащит насильно в соседнюю комнату и не станет вливать в рот насильно холодную воду... [Белый 1981: 329].

Текстовый отрывок формально представляет собой два предложения, второе из которых является сложным, расчлененным на три абзаца. Интересно, что мысли персонажа о его собственных действиях вы-

ражены односоставными инфинитивными предложениями, двусоставные предложения появляются только при мыслях о других людях: как поведут себя при взрыве другие, персонажу известно, но вот его собственное поведение остается загадкой.

Постановка тире в конце и в начале каждой части служит для обозначения информационного фокуса высказывания и одновременно разделяет описание на отдельные «кадры». Второй абзац представляет собой вставную конструкцию, также имеющую, в свою очередь, вставку. Автокомментарий к размышлениям персонажа отделен от остального текста двойными тире: как горизонтальными, так и вертикальными.

Подобное расположение текста, вместе с повторами глагола *дергаться*, выделенного тире и сопровождаемого разъяснением *обдергивать на себе ночную сорочку*, вместе с «повтором-договариванием» начатой в первом абзаце фразы *пока тебе сердобольный лакей* создают эмоциональный фон неуверенности и страха.

Фокус перемещается с канделябра на дергающегося персонажа, затем на лакея, на камердинера и снова на лакея, как будто имитируя движение камеры. В данном случае реализуется кинематографичность мышления А. Белого [Шулова 2008], которая проявляется и в синтаксической организации текста, и в особом использовании пунктуационных знаков.

В прозе М. А. Булгакова, наряду с эмоциональным подтекстом, актуализируется конвенциональный подтекст, передающий сведения, которые автор не считает нужным (или не может) вербализовать. Безусловно, обстоятельства общественной жизни заставляли писателей скрывать определенную информацию, однако одного социального фактора недостаточно для того, чтобы использовать и активизировать синтаксический прием, изменяющий структуру текстового смысла. Актуализация еще одного типа подтекста позволила уточнить обстоятельства протекания действия, не перегружая текстовое пространство.

Конвенциональный подтекст у М. А. Булгакова обозначает действия государственной машины. В приводимом ниже описании беседы интересны не только глагольные формы, но и их контекстуальное окружение: — *То есть как?* — *спросили у Никанора Ивановича, прищуриваясь* [Булгаков 1989: 487]; — *Про кого говорите?*

— *спросили* у Никанора Ивановича [Булгаков 1989: 487]; — *Откуда валюту взял?* — *задушевно спросили* у Никанора Ивановича [Булгаков 1989: 487]. Любопытно, что сказуемое *спросили*, маскирующее лицо и количество говорящих, сопровождается в одном случае деепричастием, а в другом случае наречным определителем, характеризующим манеру речи. Непонятно, сколько человек участвует в беседе, но точно известно, как они произносят свои реплики.

Складывается картина с раздваивающимся изображением: с одной стороны, чтобы понять, как повернется судьба допрашиваемого управдома, читатель должен следить за репликами всех участников разговора; с другой стороны, нарочитое стремление не упоминать имени, должности или каких-либо других данных второго участника беседы (собственно производителя действия) делает ситуацию почти мистической: Никанор Иванович беседует с безликой силой, от которой зависит его судьба. Однако описание манеры речи и действий этого второго собеседника или собеседников сразу наводят читателя на мысль о том, кто именно и где допрашивал Никанора Ивановича. Парадоксальным образом неопределенно-личные предложения вместо того, чтобы скрывать исполнителей действий, приводят читателя к безошибочному выводу о том, в какую организацию привезли персонажа.

Таким образом, в прозе начала XX в. происходит развитие метода создания подтекстовых смыслов лингвистическими средствами, структура этих смыслов усложняется: во-первых, как реакция на изменившиеся социальные условия актуализируется новый тип подтекста (конвенциональный); во-вторых, расширяется семантическая типология эмоциональных подтекстовых смыслов; в-третьих, складываются новые способы обозначения присутствия подтекста в прозе. Все это подготовило читателя к следующему шагу по пути раскодирования текстовых смыслов: к чтению актуализирующей прозы XX в.

В произведениях конца XX в. отразился опыт русской прозы предшествующих эпох, а также произошло дальнейшее расширение лингвистического арсенала создания подтекста. Например, в прозе С. Д. Довлатова наблюдается видимое упрощение синтаксиса, однако на фоне внешней простоты возникает такое сложное явление, как подтекстовая рамка, превращающая внешне

просто организованный текст в трехмерную смысловую структуру. Так, например, обстоит дело в следующем отрывке:

Тетка знала множество смешных историй.

Потом, самостоятельно, я узнал, что Бориса Корнилова расстреляли.

Что Зоценко восславил рабский лагерный труд.

Что Алексей Толстой был негодяем и лицемером.

Что Ольга Форш предложила вести летосчисление с момента, когда родился некий Джугашвили (Сталин).

<...>

И многое другое.

Тетка же помнила, в основном, смешные истории. Я ее не виню. Наша память избирательна, как урна [Довлатов 1993: 180–181].

Если рассмотреть внутреннюю часть приведенного отрывка (от *Потом, самостоятельно...* и до *И многое другое*), то окажется, что это, по сути, одно сложноподчиненное предложение, разбитое на десять коротких абзацев. Каждый абзац состоит из одного придаточного изъяснительного предложения, оформленного в виде короткой строки и представляющего собой парцеллят. Расположение придаточных предложений привлекает внимание читателя, поскольку помещение каждого сообщения в изолированную позицию не позволяет отвлекаться на следующую часть, заставляет останавливаться и обдумывать каждый названный факт и, кроме того, повышает экспрессивность всего «внутреннего» отрывка. Парцелляция создает во всем отрывке патетический подтекст, своего рода «патетический упрек».

Однако подтекстовая семантика отрывка этим не исчерпывается, поскольку парцеллированные конструкции оказываются заключенными в своеобразную «подтекстовую рамку»: *Тетка знала множество смешных историй...Тетка же помнила, в основном, смешные истории*. Лексические повторы единиц *тетка, смешные истории* приводят к тому, что начало и конец текстового отрывка приобретают ироническое звучание. Это добродушная ирония понимающего человека, адресованная персонажу-тетке. Внутренняя часть отрывка содержит подтекст с патетической семантикой, и этот подтекст более экспрессивен, он является реакцией рассказчика на излагаемые факты.

Таким образом, небольшой по объему отрывок текста оказывается трехмерным пространством, в котором на первом плане происходит изложение сюжета, на втором присутствует иронический подтекст, связанный с описываемым персонажем, а на третьем, самом глубоком уровне, возникает патетический подтекст — реакция персонажа-рассказчика на то, о чем он рассказывает. Сложная иерархия эмоционального подтекста формируется в отрывке с несложным синтаксисом, с небольшим количеством слов. В данном примере писатель точно следует инструкциям основоположника принципов монтажного способа режиссера Л. В. Кулешова, писавшего, что для монтажа важен крупный план и что «чем больше планов в изображении, тем нагляднее перспектива» [Кулешов 1961: 28, 51]. Поступки реальных исторических персонажей «изображены» короткими абзацами, выполняющими функцию крупных планов, которые создают панораму важных событий литературной и обыденной жизни описываемой эпохи.

Традиция создания текстов с имплицитным смысловым планом продолжается в XXI в., например, в произведениях М. П. Шишкина. Структура текстового смысла в текстах писателя содержит как эмоциональный, так и конвенциональный подтекст. Наряду с широким спектром эмоциональных подтекстовых смыслов, наблюдается расширение семантических возможностей конвенционального подтекста. Дистантное расположение нераспространенных неопределенно-личных предложений, служащих для формирования конвенционального подтекста, может приводить к интересным результатам, которые не отмечены в прозе других авторов. В этом смысле любопытен следующий пример:

Впустили. Они предъявили документы, сдали сумки и мобильные телефоны, прошли сквозь специальные двери, как в аэропорту, и оказались в тюрьме.

Их провели по коленчатому коридору в крошечную камеру, в которой еле уместились маленький стол и три стула. Заперли [Шишкин 2010: 397].

Предложения *Впустили*, *Заперли* составляют разительный контраст с распространенными предложениями, помещенными между ними. Помещение данных нераспространенных неопределенно-личных предложений в начале и в конце абзацев приводит

к возникновению в отрывке подтекстовой рамки, формируемой конвенциональным подтекстом.

Элементы, создающие подтекстовую рамку, с одной стороны, актуализируют свою способность обозначать ситуацию: они ограничивают «поле деятельности», на котором разворачиваются описываемые события, и создают представление о неназванных действующих лицах. С другой стороны, появление данного синтаксического компонента способствует созданию семантики скуки и безразличия, т. е. передает информацию об эмоциональном состоянии персонажа-рассказчика. Средством создания эмоционального подтекста оказывается повтор синтаксической структуры (нераспространенного неопределенно-личного предложения) с различающимся лексическим наполнением, но с одинаковыми грамматическими свойствами (нулевое подлежащее, обозначающее группу субъектов, сказуемое во множественном числе). Следовательно, средство создания конвенционального подтекста (неопределенно-личное предложение) оказывается способно к формированию эмоционального подтекста.

Внутри подтекстовой рамки находятся детальные описания заинтересовавших рассказчика действий других персонажей, коридора и камеры. В отрывке содержится создающее конвенциональный подтекст распространенное неопределенно-личное предложение *Их провели по коленчатому коридору в крошечную камеру*, однако это предложение не участвует в образовании подтекстовой рамки, оно только позволяет понять, кто производит названное действие.

Как видно, в прозе М. П. Шишкина применение выработанного в предыдущие эпохи синтаксического способа создания конвенционального подтекстового смысла способствует актуализации потенциальных возможностей используемого языкового средства — неопределенно-личных предложений. Данные примеры иллюстрируют мысль К. А. Роговой о том, что художественная литература — это оптимальная сфера существования языка, поскольку в ней «реализуются его потенциальные возможности, и, подчиняясь требованиям текста, он вырабатывает новые значения, „перераспределяя“ свои ресурсы» [Рогова 1992: 3]. Именно такое перераспределение языковых ресурсов и наблюдается в прозе М. П. Шишкина. Передача дополни-

тельного смысла остается важной задачей в прозе XXI в., и для ее решения применяются и модифицируются уже апробированные лингвистические средства, а также изыскиваются новые.

Единые принципы человеческого мышления и сходный культурный и жизненный опыт позволяют читателю опознавать эмоции, присутствующие на имплицитном уровне. Те же обстоятельства способствуют и выявлению конвенционального подтекста, понимание которого не только уточняет смысл читаемого, но и «ускоряет» процесс восприятия текста. При наличии конвенционального подтекста исчезает необходимость чтения объемных отрывков, излагающих информацию, переведенную в подтекст, и появляется возможность, ни на что не отвлекаясь, следовать за авторской мыслью.

Оба типа подтекста способствуют максимальному раскрытию смысловой структуры текста, а также воздействуют на читателя, способствуя максимально точному воплощению авторского замысла. Текст оказывается уже не линейной структурой, а трехмерным образованием, напоминающим театральную сцену или кинокадр, на каждом плане которого возникает особая смысловая комбинация. Включение в синтаксическую организацию текста подтекстового уровня углубляет его смысловую перспективу и актуализирует потенциал используемых языковых средств. Все эти процессы возникают как реакция на потребность говорящих в адекватном выражении, которая приводит к изменению состояния языка, является следствием развития общества и мышления и в то же время оказывается стимулом к поиску новых средств передачи смысла.

Источники

- Белый А.* Петербург. М.: Наука, 1981. 701 с.
Булгаков М. А. Избранные произведения. В 2 тт. Т. 1. Киев: Дніпро, 1989. 764 с.
Довлатов С. Д. Собрание прозы в 3 тт. Т. 2. СПб.: Лимбус-Пресс, 1993. 384 с.
Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений в 5 тт. Т. 5. Проза и письма. М.; Л.: Academia, 1937. 649 с.
Чехов А. П. Собрание сочинений в 12 тт. Т. 5. М.: ГИХЛ, 1955. 504 с.

Литература

- Акимова Г. Н.* Новое в синтаксисе современного русского языка. М.: Высшая школа, 1990. 166 с.

- Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 144 с.
Гаспаров М. Л. «Стихи о неизвестном солдате» О. Мандельштама: Апокалипсис и/или агитка? // Новое литературное обозрение. 1995. № 16. С. 105–123.
Голякова Л. А. Подтекст: прагматические параметры художественной коммуникации // Филологические науки. 2006. № 4. С. 61–68.
Долинин К. А. Имплицитное содержание высказывания // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 37–47.
Кайда Л. Г. Стилистика текста: от теории композиции — к декодированию. М.: Флинта, 2004. 208 с.
Кулешов Л. В. Кадр и монтаж. М.: Искусство, 1961. 88 с.
Масленникова А. А. Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. 264 с.
Пушкарева Н. В. Подтекст в художественном тексте, его семантика и лингвистические средства выражения // Вестник Санкт-Петербург. гос. ун-та. Сер. 9. 2009. Вып. 1. Ч. 1. С. 59–65.
Рогова К. А. «Другая» литература и ее повествователь (речевые особенности) // Разноуровневые единицы языка и их функционирование в тексте. Теоретические и методические аспекты: Сборник научно-методических статей. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1992. С. 3–10.
Рогова К. А. О значении и употреблении обобщенно-личных предложений // Тенденции развития русского языка. Сб. ст. к 70-летию проф. Г. Н. Акимовой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2001. С. 155–164.
Станиславский К. С. Работа актера над собой. Ч. 2. Работа актера над собой в творческом процессе воплощения // Станиславский К. С. Собрание сочинений в 9 тт. Т. 3. М.: Искусство, 1990. 505 с.
Сухих И. Н. Чехов в XXI веке. Три этюда // Нева. 2008. № 8. С. 164–177.
Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2001. 800 с.
Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1 072 с.
Шишкин М. П. Венерин волос. М.: АСТ/Астрель, 2010. 480 с.
Шулова Я. А. «Петербург» и «Петербурги» Андрея Белого // Нева. 2003. № 8. С. 237–243.
Яновская Л. А. Понтий Пилат и Иешуа Га-Ноцири. В зеркалах булгаковедения // Вопросы литературы. 2010. № 3. С. 5–72.

УДК 81'27:323.232(470.47)

ББК Ш 100.3(2Рос=Калм) + Ш 401.34 + Ф3 (2 Рос), 131

**ОСОБЕННОСТИ АГИТАЦИОННЫХ ТЕКСТОВ
В ПЕРИОД ВЫБОРОВ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РФ 2011 г.
(на примере Республики Калмыкия)***

Т. С. Есенова

Одной из актуальных проблем лингвистики является исследование русского языка в социолингвистическом аспекте. Качество русской речи, ее локальные характеристики определяются многими факторами. В национальных республиках доминирующим фактором, под влиянием которого формируется «местная» русская речь, является этнокультурная специфика региона. Типологические сходства/различия родного и русского языков и их диалектов в зонах контактирования лежат в основе акцента и локальной окрашенности русской речи. Между тем, в лингвистике до сих пор не решен вопрос том, что представляет собой русский язык в условиях иноязычного окружения: региональный вариант функциональной разновидности русского литературного языка [Сиротинина 1987: 7], русская речь с нарушением норм литературного языка [Лаптева 2007: 344–345], неисконная русская речь [Белоусов и др. 2001: 42]. Для решения этой научной проблемы необходимы планомерные исследования языковых материалов, записанных в различных регионах в самых разных ситуациях общения.

В настоящее время для калмыцкого этноса основным языком общения в большинстве жизненных ситуаций является русский язык. Исследователи констатируют хороший уровень владения русским языком калмыками среднего и младшего возрастов [Санджи-Горяева, Романенко 1990; Есенова 2003], многочисленные нарушения норм русского литературного языка из-за интерферирующего влияния родного языка в русской речи калмыков старшего поколения [Джушхинова, Есенова 2001]. Анализ речевого поведения калмыков с разным уровнем владения русским языком свидетельствует о влиянии этнокультурных особенностей национального коммуникативного поведения. В связи с изложенным, актуальной научной задачей является всестороннее исследование русской разговорной речи и коммуни-

кативного поведения калмыков в разных ситуациях общения, в особенности в таких важных сферах, как общественно-политическая и публицистическая. В данной работе рассматриваются особенности современного регионального агитационного дискурса.

Агитационный текст относится к политическим текстам, основная цель которых — воздействие на сознание электората, побуждение избирателя «выбрать того, а не иного кандидата, убедив его в необходимости совершения сознательного действия» [Мелешкина 2001: 208]. Значение данной разновидности текстов возрастает в период выборов, что актуализирует их научное осмысление. Учитывая научную актуальность исследования агитационных текстов, а также их большое значение в общественно-политической жизни региона, нами были проанализированы агитационные материалы выборов в Государственную Думу Российской Федерации 2011 г.

Следует отметить то, что в современной России политическая агитация проходит без того «высокого накала», который был характерен для выборов 10–20-летней давности: публикации прошлых избирательных кампаний имели яростный характер, что создавалось гневными обличениями существующего режима, оппонентов, которые в таких текстах приравнивались понятию «враг».

Как свидетельствуют прошедшие в 2011 г. выборы в Государственную Думу РФ, дискурс оппонентов уже не представляет собой дискурс борьбы с характерными концептами «враг», «команда», «группа поддержки», «чужой» и т. п. Проведенный нами анализ позволяет заключить, что для современных агитационных текстов характерна определенная сдержанность политической агитации, можно говорить об отсутствии прямого давления на избирателя. В целом можно отметить сокращение количества уличной агитации, агитационных материалов в подъездах домов, почтовых ящиках; ис-

* Работа выполнена в рамках внутривизовского гранта «Национально-культурная специфика речевого поведения».

чезли агитаторы, которые активно работали в предыдущих избирательных кампаниях. Все это создает ощущение стабильности, уверенности в результатах выборов.

В выборной кампании 2011 г. использовались такие жанры публицистики, как статья, плакат, буклет, листовка. В агитационных текстах все элементы направлены на достижение главной цели воздействия на сознание круга потенциальных избирателей. Эту цель реализует все содержимое агитационных материалов. В частности, кандидат называет имя, приводит биографические сведения, фотографию или использует символику партии, представляя определенное политическое объединение, тем самым авторы агитационных материалов и воздействуют на сознание избирателей. Положительный образ кандидата закрепляется с помощью ключевых фраз типа *это наш кандидат, это свой человек*. Анализ материала показывает, что одним из средств достижения цели агитационного текста является метод импликации, т. е. опосредованного воздействия. Он становится, на наш взгляд, важным способом агитации в современных политических текстах. Элементы прямого воздействия, характерные для прошлых избирательных кампаний (например, *5 доводов «ЗА» Геннадия Кулика, Калмыкии нужен такой депутат, народный джангарчи — народный депутат*), практически не встречаются в текстах последней избирательной кампании.

Убедительность агитационных дискурсов достигается многими составляющими. Подобного рода тексты становятся более персонифицированными, в них активно используются личные местоимения. При этом употреблением местоимения *мы*, объединяющего автора с потенциальными избирателями, создается смысл «свой»: *мы твердо повернули вектор региональной государственной политики..., мы добились..., нужный нам, намеченный нами, даст нам твердую гарантию..., мы в ближайшие пять лет восстановим..., позволили нам выстоять...* и т. п. оборот «наши с вами», встречающийся в подобного рода текстах, также способствует созданию значения единства: *наши с вами сограждане; наше с вами, дорогие земляки, будущее; предстоящего нам с вами выбора*. Это значение усиливается употреблением притяжательного местоимения *наш*: *руководитель нашей республики, нашего с Вами дома, наших предпринима-*

телей, наши дети, наши сельхозпроизводители, нашего народного хозяйства, нашей страны, наших семей, наших родных и близких, наши общие надежды, нашей общей семьи, наши дома, нашу жизнь. Кроме того, в агитационных текстах особой эффективностью обладают обороты *все вместе, вместе с вами: все вместе сделаем это и сегодня*. Они, как правило, используются в семантически значимых участках, закрепляя в сознании потенциальных избирателей важный смысл «единство», «общность».

Когда речь идет об ответственности, в таких текстах используется местоимение *я*: *я возглавил, надежды на лучшее будущее связаны и со мной, выбранный мной курс* и т. д. Еще более усиливается личная направленность текста при употреблении оборота *лично для меня*: *лично для меня итоги выборов будут означать*. оборот *каждый из нас* подчеркивает, с одной стороны, значение единства избирателей и кандидата в депутаты («такой, как все»), а с другой — личной ответственности: *каждый из нас должен подойти взвешенно..., как того хотелось каждому из нас*. Благодаря этим средствам текст приобретает доверительность, убедительность, а цель агитационного текста достигается имплицитно.

Категория персональности поддерживается личными окончаниями глаголов настоящего времени, активно представленными в текстах предвыборной агитации: *обращаюсь к каждому из Вас; отдаю себе отчет и в том; думаю; призываю Вас; знаю, что именно любовь к Родине; восстановим свою экономику и создадим задел для стабильного развития республики; завершим газификацию; переселим всех нуждающихся; построим мясокомбинаты и откормочные площадки; обеспечим чистой водой; сделаем нашу жизнь достойной*.

Следующая особенность современных агитационных текстов — это уменьшение доли агитационной риторики. Риторический вопрос, активное средство воздействия дискурсов прежних избирательных кампаний, практически исчезает из современных предвыборных текстов (ср.: популярный риторический вопрос прошлых лет *Как нам обустроить Калмыкию?*). Риторические восклицания (например, *Нет земли роднее Калмыкии!, Честь, дело, надежность!, Калмыкию великой делают герои!, Земле моих предков — мира и благополучия!*), так же активно употреблявшиеся в прежних из-

бирательных кампаниях, не фиксируются в современных агитационных материалах. Прецедентные феномены (*Как нам обустроить Россию?*, *А значит, нам нужна одна победа...*), отсылающие читателей к коллективной культурной памяти, также не отмечены в текстах последней избирательной кампании.

Национально-региональный компонент в современных агитационных текстах представлен лексическими средствами русского языка. К ним относятся имена существительные, называющие пространственный объект, связанный с Калмыкией. Помимо официальных названий (Республика Калмыкия, Калмыкия), в текстах встречаются такие номинации, как республика, регион, край, земля. Прилагательные, образованные от перечисленных выше номинаций, в сочетании с именами существительными (*калмыцкая степь, калмыцкая земля, республиканская программа* и т. п.) также локализируют предвыборные материалы, ассоциируя их с нашей республикой. В препозиции к перечисленным именам существительным, называющим пространственный объект, как правило, находятся определения, создающие значение «свой», «родной»: *наша республика, родная Калмыкия, родной край, своя земля*. Реализации региональной составляющей текстов способствуют и описательные обороты *степной регион, некогда процветающий регион*.

Региональный компонент реализуется благодаря использованию номинантов *земляки, сограждане, животноводы, родные и близкие, патриот, рачительный хозяин своей земли, заботливый член нашей общей семьи*, которые одновременно создают и значение «свой/наш».

Такой вид публицистического дискурса, как агитационный текст, не лишен эмоцио-

нальности. Эта важная составляющая текста образуется использованием обращений (*дорогие земляки!*), устойчивых оборотов (например, *соль калмыцкой земли*).

Таким образом, современные агитационные тексты характеризуются большей сдержанностью, отсутствием резкой критики, они уже не являются дискурсами борьбы. Они имеют определенную национально-региональную направленность, создающуюся разнообразными лексико-фразеологическими средствами, которые репрезентируют смыслы «наш», «свой», «родной».

Литература

- Белоусов В. Н., Григорян Э. А., Позднякова Т. Ю. Русский язык в межнациональном общении. Проблемы исследования и функционирования. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2001. 240 с.
- Джушихинова К. А., Есенова Т. С. Русская разговорная речь нерусских и культура речи (на примере Калмыкии) // Язык и общество на пороге нового тысячелетия: итоги и перспективы. М.: УРСС, 2001. С. 154–156.
- Есенова Т. С. Русский язык в Калмыкии. Элиста: КалмГУ, 2003. 208 с.
- Латтева О. А. Живая русская речь с телеэкрана : разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. Изд. 6-е. М.: URSS : Изд-во ЛКИ, 2007. 517 с.
- Мелешкина Е. Ю. Исследования электорального поведения: теоретические модели проблемы их применения // Политическая наука. 2001. № 2. С. 190–215.
- Санджи-Горяева З. С., Романенко А. П. Основные проблемы русской речи в Калмыкии // Региональные проблемы культуры речи. Элиста: КалмГУ, 1990. С. 6–14.
- Сиротинина О. Б. Возможна ли региональная дифференциация литературной разговорной речи? // Культура русской речи в национально-территориальном аспекте изучения. Элиста: КалмГУ, 1987. С. 3–8.

УДК 81-42 + 811.1/2 + 811.161.1'373
ББК (Ш)81.2.Рус-3

КОНСТРУКЦИЯ (...) СКАЖЕМ (...) В ПОВСЕДНЕВНОЙ РУССКОЙ РЕЧИ (материалы к словарю дискурсивных единиц)*

Н. В. Богданова-Бегларян

Материал устной спонтанной речи, ставший в последнее время объектом внимания лингвистов самых разных направлений, открыл различные возможности его описания, в том числе в лексикографическом отношении. Последнее представляется не менее важным и значимым, чем, например, описание фонетики или грамматики повседневной русской речи. Лексикографический подход обеспечивает фиксацию не только новых слов (лексем), пополняющих лексикон современного носителя языка, но и новых значений (семантем) старых слов, и стилистических сдвигов, и новых коннотаций, и оценочных характеристик у уже известных лексических единиц, и мн. др. Можно, по-видимому, говорить о нескольких направлениях лексикографического описания спонтанной речи: как общем (см. о проекте *Словаря русской бытовой разговорной речи* [Богданова, Осьмак 2011; Осьмак 2012а, 2012б]), так и специализированных (частотные словари, словари контекстных экспрессем, редуцированных форм и дискурсивных единиц — см. [Богданова, Осьмак 2011]). Именно подходам к созданию и материалу словаря дискурсивных единиц современной русской речи и посвящена настоящая статья.

Среди причин обращения к материалу дискурсивных единиц повседневной русской речи можно назвать, например, тот факт, что все они представляют собой в первую очередь своеобразные хезитационные конструкции (ХК), заполняющие паузы колебания. Последние являются типичным, неотъемлемым свойством спонтанной речи, порождаемой в условиях временного дефицита (человек вынужден говорить и обдумывать свою речь одновременно). *Дискурсивные единицы* — один из распространенных способов вербального выражения колебаний говорящего в процессе речепорождения. Большинство таких конструкций крайне распространены в нашей речи, а так-

же вариативны и полифункциональны, что лишний раз убеждает в необходимости их лексикографического описания.

Дискурсивные единицы можно отнести к так называемым *речевым автоматизмам*, которые «встречаются в одном высказывании не менее двух раз и вызываются к жизни автоматически, индикатором чего может служить <...> встречаемость данных форм также в высказываниях *других информантов*» [Верхолетова 2010: 9–10]. Уровень *дискурсивных единиц* занимает промежуточное положение между неречевыми звуками (элементами) (э-э, м-м) и значимой лексикой (речевыми элементами) (см. рис. 1).

Рис. 1. Уровень речевых автоматизмов в структуре порождения спонтанного текста

К речевым автоматизмам обычно относят **частицы** (*вот, так, именно, только, это, что* и пр.); **союзные средства** (*поэтому, потому что*); **вводные слова и конструкции** (*может быть, наверное, пожалуйста*). Обращение к анализу устной спонтанной речи позволяет пополнить этот перечень новыми **дискурсивными единицами**. Такие элементы, как показал анализ корпусного материала¹, весьма разнообразны — (*не*) *это самое, (я) не знаю, (я) (не) думаю (что), в (на) самом деле, короче (говоря), собственно (говоря), боюсь (что), (...) скажем (...)* и под. — и могут быть систематизированы с точки зрения функций,

¹ Материалом для настоящего исследования стали два корпуса русского языка: Национальный (основной и устный подкорпусы) (НКРЯ) и Звуковой (сбалансированная аннотированная текстотека (САТ) и блок «Один речевой день» — ОРД) (ЗКРЯ) [см. подробно, например: Богданова и др. 2011].

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ «Изучение зависимости речевых характеристик от условий коммуникации (корпусное исследование на материале повседневной русской речи)» (проект № 10-06-00300).

выполняемых ими в спонтанной речи. На этом материале и с учетом места данных элементов среди уровней порождения высказывания можно, по-видимому, говорить о двух типах *дискурсивных единиц*:

1) восходящие к незначимым фрагментам текста (словам-паразитам/неречевым элементам)²:

- **(не) (это) самое:**

◇ *знаешь / это(:) самое / *Н сидят на месте / значит надо требовать / да / жалобы писать (ОРД)*³;

◇ *а оно не это самое / не долбанет? (ОРД)*;

- **вот (...) вот:**

◇ *потом значит / на рыбалку так ходи... / на рыбалку ходим иногда / не часто но иногда ходим // ну / потом / просто / **вот так вот** / если есть время / то / гуляем по окрестностям / деревни (САТ)*;

◇ *и поехали значит на этом самом] на **вот этой вот**] канатной дороге / но правда это не канатная дорога / непосредственно (САТ)*;

◇ *вот / (@*Н.. я с ними также сижу / **знаешь / вот так вот** // в стенку просто (ОРД)*;

◇ *мне даже не... не с этим инцидентом / а мне кажется что **знаешь вот** /*П не знаю / не научится # неисполнительный # да / она не научится контролировать свои действия / не научится что нужно делать вперед / что **вот это вот** ее *Н # человек не мо... не может / суета / понимаешь суета # / причем она такая совершенно (...) бесполезная (ОРД)*;

2) восходящие к значимым фрагментам текста/речевым элементам (десемантизация):

- **(я) не знаю:**

◇ *много конечно есть примет // **не знаю** / хм-хм / связанные с погодой (САТ)*;

- **(я) (не) думаю (что):**

◇ *э-э в этом году к сожалению / **я не думаю что** я смогу поехать куда-нибудь / в такое необычное место / интересное // но тем не менее такая возможность существует и может быть через год я куда-нибудь ее поеду (САТ)*;

- **боюсь (что):**

◇ [Лена, жен. / 52 / массажистка] *Только по другому поводу / да? [Интервьюер, жен. / ? / ?] Да / **боюсь что** [Беседа с массажисткой // Из материалов Санкт-Петербургского университета, 2006] (НКРЯ)*;

² См. обзор соответствующих терминов в: [Дараган 2000] и [Богданова 2011].

³ Об особенностях орфографического представления материалов ОРД см.: [Шерстинова и др. 2009].

- **(...) *знаешь* (...):**

◇ **В ну(:) / **ты знаешь** / если не лень / можно просто тупо с... считать / начиная с десяти (ОРД)*;

◇ *смотришь какой-то современный фильм такой *С **знаешь** где все *П *С ругаются // ну () там настолько современный сленг (ОРД)*;

- **собственно (говоря):**

◇ ***собственно говоря** / выходной день] ээ] у меня нет выходного дня // в результате // вот и все / что могу сказать / про выходной день (САТ)*;

◇ [Жена, жен. / 33] *Я ее думаю / серьезно / ну / **собственно говоря** / наверно / кашку бы он кушал [Дружеское общение, разговор о детях // ДВГУ, База данных «Речь дальневосточников», 2009] (НКРЯ)*;

- **(грубо) говоря:**

◇ *а вот ты **знаешь** / секретарь все-таки это / ну бывает такой секретарь-референт который там / не знаю там / ну / **грубо говоря** извини меня / секретарь у нас даже не делает кофе директорам / начнем с этого / например приходит и сам себе делает / это уже как бы / извини (ОРД)*;

◇ *это все произошло когда мы слились / **грубо говоря** / мы к вам пришли // *Н я не знаю почему / мне сначала какое-то время ее ничего (ОРД)*;

- **короче (говоря):**

◇ ***короче** / слушай / у меня нету ... / ну слушай уже поздно / **короче говоря** / давай отца и я пошла спать (ОРД)*;

- **(...) скажем (...):**

◇ *то есть он **скажем там** он шесть месяцев дрейфовал / где то там шлялись да / *П потом приезжает / и покупает себе машину (ОРД)*;

◇ *этот мужчина сидит за столом / дабы вкусить то / что он поймал // **скажем так** чтобы в его] <вдох> умознании / осталось ии восторг от пойманной рыбы / и от ее вкусовых качеств (САТ)*.

Последняя конструкция и стала конкретным предметом анализа в настоящей работе. В толковых словарях русского языка форма скажем упоминается как одно из значений глагола сказать: «1 л. мн. ч. буд. вр. **скажем** в знач. вводн. сл. например, к примеру. *Разговор зашел об этом самом трагизме — когда человек сознает, что, **скажем**, счастье любви есть высшее счастье, но он не способен отдалить ему.* Вересаев. «Да здравствует весь мир!». Конструкции **скажем так, так скажем** и прочие возможные варианты не за-

фиксированы в словарях, существует только еще **Прямо сказать/сказать прямо* — вводные словосочетания со значением ‘откровенно, неліцемерно, открыто, явно, не скрытая’ [Словарь русского языка 1984: 101].

Граматики русского языка относят форму *скажем* к *вводно-союзным конструкциям*, которые выражают в тексте отношения перечисления, указывают на приемы и способы оформления мыслей, связь и последовательность их изложения: *во-первых, во-вторых, наконец, значит, итак, напротив, например, кстати сказать, с одной стороны, с другой стороны, скажем, следовательно* и др. Причем само это слово в качестве иллюстрации данной группы встречается крайне редко.

Анализ функционирования исследуемой конструкции в разных видах русской речи позволил сделать довольно интересные наблюдения. Так, по данным основного подкорпуса НКРЯ (письменная речь), в качестве глагола-предиката *скажем* встретилось лишь дважды (5,7 % от объема случайной выборки — 35 первых контекстов):

- ◇ В защиту *скажем* лишь, что...
- ◇ Сразу *скажем*: создать сад, которому не требуется уход, невозможно!

Существенно больше обнаружилось употреблений *скажем* в качестве дискурсивной единицы (33 случая, 94,3 %). В подавляющем большинстве контекстов (90,9 %) эта дискурсивная единица в письменной речи выступает как однословная форма (см. рис. 2).

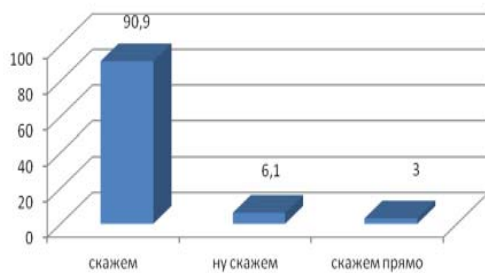

Рис. 2. Функционирование *скажем* в письменной речи

По данным устного подкорпуса НКРЯ (во многом — *научная/публицистическая речь*), *скажем* в качестве глагола-предиката встретилось также крайне редко — 3 употребления (5,2 % от объема случайной выборки — 58 первых контекстов), во всех этих случаях значение данной формы оказалось близким к значению вводного слова *допустим*:

- ◇ Скажем / что это можно выкинуть / скажем / что это не связано...
- ◇ Ну / скажем / что так...

В подавляющем большинстве употреблений (94,8 %) данная форма функционирует как дискурсивная единица, также при этом чаще однословная, хотя именно на этом материале выявлено довольно большое количество употреблений конструкции *скажем так* (27,3 %, см. рис. 3).

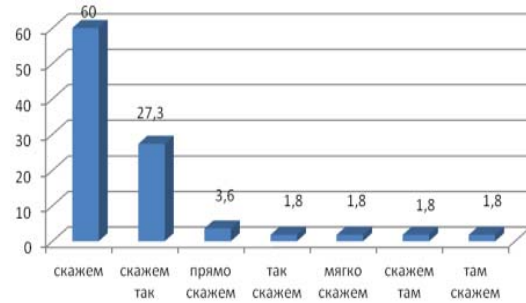

Рис. 3. Функционирование *скажем* в устной научно-публицистической речи

В устной экспериментальной речи (данные САТ, выборка из 60 контекстов) *скажем* в роли глагола-предиката не встретилось ни разу, количество вариантов данной дискурсивной единицы выросло, в том числе (при общем преобладании однословной формы *скажем*) *скажем так* (30,0 %) и *так скажем* (13,3 %) (см. рис. 4).

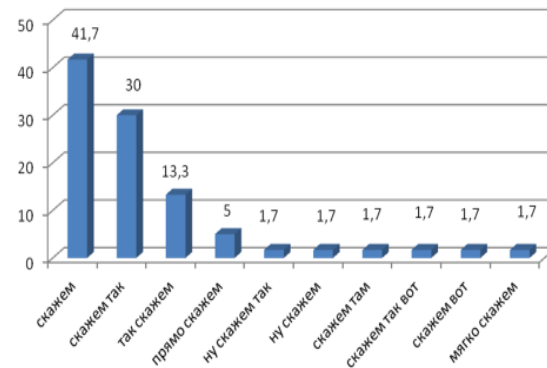

Рис. 4. Функционирование *скажем* в устной экспериментальной речи

Наконец, в наиболее естественной устной спонтанной речи (блок ОРД)⁴ снова выявилось минимальное количество (3 случая из 4 или 7,5 %; данная форма занимает 440 место в частотном словнике ОРД) употреблений *скажем* в роли глагола-предиката:

- ◇ ну и что? *П так и скажем;
- ◇ давай скажем что для ...;
- ◇ а мы скажем / мы вам / ... (...) мы вас поздравим.

⁴ О разных степенях естественности устной спонтанной речи см.: [Чуйко 2011].

Во всех остальных контекстах (92,5 %) *скажем* выступало как дискурсивная единица, причем по преимуществу (73,0 %) в составе различных конструкций (см. рис. 5).

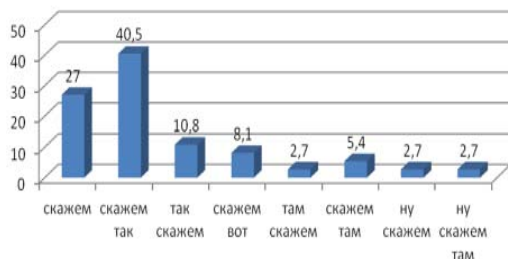

Рис. 5. Функционирование *скажем* в максимально естественной речи

Из рисунков 2–5 видно, что предикативные употребления *скажем* единичны (от 0 до 7,5 %) во всех видах речи. При этом «словарные» единицы (*скажем*, *ну скажем*, **прямо скажем*) (=‘например, к примеру’) встретились преимущественно в письменной речи. В разных типах устной речи выявляется до 7–10 разновидностей данной хезитационной конструкции, что позволяет уверенно говорить о ее вариативности. Анализ конкретных контекстов, включающих *скажем*, обнаруживает также заметную полифункциональность данных дискурсивных единиц, при безусловном хезитационном характере всех таких единиц. Рассмотрим подробнее все выявленные функции.

1. Хезитативная функция (иногда сопряженная с другими):

◇ *да да да да / да / *П да // *П значит так / Люба / давайте сделаем следующим образом // *П если вы надумаете делать резекцию / со временем / скажем так ее # да да да (ОРД);*

◇ *по лицам определяю / @ а-а // @ потому что понимаете / в принципе значит как ? вот / скажем вот / п... что касается азиат-ов например (ОРД);*

◇ *вот есть / вещи такие / вот / ну / у людей хобби например / да ? *П *В ну(:) / там скажем / *П ну / не знаю / паяет что-то (ОРД) (+ поиск слова).*

2. Функция поиска (~ «указание на приемы и способы оформления мыслей»; в случае удачного поиска найденное слово или конструкция в примерах подчеркнуты, отмечено также разное положение дискурсивных единиц по отношению к результату поиска):

◇ *ну просто здесь случай / *П скажем так не самый простой (ОРД) (препозиция);*

◇ *там *Н // он пытается сейчас пересмотреть // *П ему помогают пересмотреть // *П скажем так / в том числе / толкают // *П это ж надо пересматривать // *П пересматривать ему не очень хочется (ОРД) (постпозиция);*

◇ *с другими // *П ну (...) неспециалистами так скажем // *П в той области / в которой я работаю (ОРД) (интерпозиция!).*

3. Дискурсивная функция (может быть направляющей или финальной, часто реализуется в единстве с другими функциями):

◇ *она как-то называется / язык чего-то такое / (...) ну в общем короче / (м...м) *П каков наш / *В языковой день // так скажем / да ? *П вот мне дали такую штуковину / *П и я хожу / она на мне висит // *П все разговоры / *П записывает (ОРД) (направл.) (+ поиск слова);*

◇ *в общем / (...) я и не волновался | выдавался(?) // *П скажем так (ОРД) (финал.).*

4. Вводное слово — ‘например, к примеру’ (также возможно сочетание с другими функциями):

◇ *вот если его (э-э) скажем так (м-м) переодеть и(:) не дать побриться / к нашему ларьку поставь / наш человек (ОРД) (+ хез.);*

◇ *по моим / понятиям значит / я же не отличу так скажем / таджика от узбека что называется (ОРД);*

◇ *средний класс / *П это когда у тебя / *П очень приличное жилье / *П ну / там машина / это само собой // *П и / (э-э) скажем там / хотя бы двадцатник евро(:) (ээ) просто лежит в банке (ОРД) (+ хез.);*

◇ *потому что от (...) скажем / *П (э-э) Вася ты / до ... дать в морду / *П это дальше несколько / ближе в смысле чем от () Василий Петрович / не соизволите ли вы (ОРД) (+ хез. + поиск слова).*

Именно наличие различных функций дискурсивных единиц (не только *скажем*) в спонтанном тексте, часто совмещенных в одной единице — при размытом, ослабленном или вовсе отсутствующем семантическом их наполнении — и вынуждает поставить задачу создания специального словаря таких единиц. Существующие лексикографические описания компонентов рассматриваемых хезитационных конструкций совсем не допускают возможности их употребления в выделенных функциях. Думается, что структура словарной статьи в таком словаре может существенно отличаться от традиционной и включать несколько лексикографических зон:

- *семантическая зона* — толкование компонентов дискурсивной единицы в обычных словарях, своего рода семантический фон для описания функционирования данной единицы в речи (в нашем случае это информация о *сказать*, *прямо сказать*, *скажем*);
- *функциональная зона* — все возможные функции данной ДЕ в естественной (по преимуществу устной) речи;
- *богатые иллюстрации*, позволяющие читателю самому увидеть специфику употребления каждой формы;
- *количественные соотношения* выделенных функций;
- *корреляции* с типом речи и характеристиками говорящего (если таковые есть — через систему помет).

В электронном варианте такого словаря предполагается возможность прослушать все контексты, составляющие иллюстративный фонд словарной статьи. Видно, что каждая такая статья будет скорее похожа на некое лексикографическое эссе, что обуславливается спецификой самого материала.

Представляется, что словарь такого рода может быть полезен достаточно широкому кругу пользователей: *специалистам-лингвистам*, исследователям повседневной русской речи; *создателям грамматики* русской речи; *переводчикам* спонтанных текстов на другие языки, хотя бы в рамках художественного произведения, при передаче речи персонажей; *преподавателям* русского языка иностранцам, которые вынуждены учиться воспринимать и правильно понимать как устную, так и письменную спонтанную речь. В ряду других словарей, построенных на корпусном материале, словарь дискурсивных единиц даст максимально полное представление о лексической специфике повседневной русской речи.

Сокращения

ЗКРЯ — Звуковой корпус русского языка; НКРЯ — Национальный корпус русского языка; ОРД — «Один речевой день»; САТ — сбалансированная аннотированная текстотека.

Литература

Богданова Н. В. Конструкция (я) *думаю (что)* в русской спонтанной речи: соотношение разных функциональных типов // Проблемы социо- и психолингвистики. Вып. 15. Пермская социопсихолингвистическая школа: идеи трех поколений. К 70-летию со дня рождения

Аллы Соломоновны Штерн. Сб. ст. / отв. ред. Е. В. Ерофеева. Пермь: Перм. гос. нац. ун-т, 2011. С. 266–275.

Богданова Н. В., Осьмак Н. А. О некоторых лексических «открытиях» на материале русской спонтанной речи (корпусное исследование) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 25–29 мая 2011 г.). Вып. 10(17) / гл. ред. А. Е. Кибрик. М.: Изд-во РГГУ, 2011. С. 110–123.

Богданова Н. В., Степанова С. Б., Шерстинова Т. Ю. Звуковой корпус русского языка: новый подход к исследованию речи // Труды междунар. конф. «Корпусная лингвистика-2011» (27–29 июня 2011 г., Санкт-Петербург). СПб.: С.-Петербургский ун-т, Фил. ф-т, 2011. С. 98–103.

Верхолетова Е. Ю. Структурно-динамический подход к социальной стратификации устной речи: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Пермь, 2010. 19 с.

Дараган Ю. В. Функции слов-«паразитов» в русской спонтанной речи // Труды международного семинара Диалог`2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Теоретические проблемы. Протвино, 2000. С. 67–73.

Осьмак Н. А. О способах лексикографического описания русской спонтанной речи (корпусное исследование) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012 г.). Вып. 11(18) / гл. ред. А. Е. Кибрик. М.: Изд-во РГПУ, 2012а. С. 510–521.

Осьмак Н. А. Новые значения старых слов (корпусное исследование на материале повседневной русской речи) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 1. 2012б. С. 12–17.

Словарь русского языка в четырех томах. Т. IV. С–Я / гл. ред. второго издания А. П. Евгеньева. М.: Рус. яз., 1984. 792 с.

Шерстинова Т. Ю., Рыко А. И., Степанова С. Б. Система аннотирования в звуковом корпусе русского языка «Один речевой день» // Формальные методы анализа русской речи. Мат-лы XXXVIII Междунар. фил. конф. СПб.: СПбГУ, 2009. С. 66–75.

Чуйко В. М. О четырех степенях естественности устной спонтанной речи (данные аудиторского эксперимента) // Мат-лы XL Междунар. фил. конф. Вып. 24. Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков. 23–25 марта 2011 г. Санкт-Петербург / отв. ред. А. С. Асиновский, науч. ред. Н. В. Богданова. СПб.: СПбГУ, 2011. С. 222–228.

УДК 81
ББК 81.1**РУССКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ ДЕТЕЙ В ЯПОНИИ:
НАЧАЛО БОЛЬШОГО ПУТИ**

Г. С. Шатохина

Русский язык является родным не только для граждан Российской Федерации, проживающих в России и за ее пределами, в частности в Японии, но и для многих граждан ныне независимых государств постсоветского пространства¹, именно на нем общаются родители со своими детьми².

Согласно статистическим данным японского правительства от 19 августа 2011 г., в Японии проживает 2 134 151 иностранец, в том числе 7 814 россиян (0,4 % от всего количества иностранных граждан, проживающих в Японии)³. Женщин, граждан Российской Федерации, насчитывается 5 423 человека, мужчин — 2 391 (69,4 и 30,6 % от общего количества россиян соответственно). Среди всех проживающих в Японии россиян-детей⁴ — 1 043 человека (13,3 %), среди них 545 девочек и 498 мальчиков (10,0 и 21,0 % от общего количества лиц каждого пола соответственно) [Статистические данные Правительства Японии 2010]. Данные по всем возрастным категориям представлены в таблице 1.

Таблица 1. Возрастные категории проживающих в Японии россиян⁵

Возраст	Лица мужского пола	Лица женского пола
0–4	155 (6,5 %)	152 (3,0 %)
5–9	125 (5,2 %)	124 (2,3 %)
10–14	108 (5,0 %)	129 (2,4 %)
15–19	110 (5,0 %)	140 (3,0 %)
20–24	210 (9,0 %)	369 (7,0 %)

¹ Об изменениях в русском языке русскоязычной диаспоры в Японии см. подробнее [Казакевич 2010; Никипорец-Такигава 2009].

² На это в своих работах указывает и преподаватель японского университета Сока С. В. Сивакова [Сивакова 2009; 2010].

³ В это количество входят и постоянно проживающие в Японии граждане Российской Федерации (дети и взрослые), и те, кто приехал на работу или учебу.

⁴ В Японии, в отличие от Российской Федерации, совершеннолетие наступает в 20 лет. Под возрастную категорию «дети» попадают лица от 0 до 19 лет.

⁵ В скобках указано относительное количество всех лиц мужского или женского пола.

25–29	280 (11,7 %)	1106 (20,4 %)
30–34	334 (14,0 %)	1453 (27,0 %)
35–39	298 (12,5 %)	1057 (20,0 %)
40–44	256 (10,7 %)	397 (7,3 %)
45–49	212 (9,0 %)	173 (3,2 %)
50–54	130 (5,4 %)	110 (2,0 %)
55–59	84 (3,5 %)	80 (2,0 %)
60–64	50 (2,1 %)	62 (1,1 %)
65–69	22 (1,0 %)	36 (0,7 %)
70–74	8 (0,3 %)	15 (0,3 %)
75–79	6 (0,3 %)	10 (0,2 %)
старше 80	3 (0,1 %)	10 (0,2 %)

В одном из самых крупных регионов Японии Канто, который объединяет 7 префектур (Гумма, Ибараки, Канагава, Сайтама, Тиба, Тотиги и Токио), проживает 4 063 гражданина РФ, что составляет 52,0 % от всех проживающих в Японии россиян⁶ (см. таблице 2).

Таблица 2. Россияне, проживающие в регионе Канто, Япония

Префектура	Количество проживающих россиян
Токио	2083 (52,3 %)
Канагава	749 (18,4 %)
Тиба	488 (12,0 %)
Сайтама	402 (9,9 %)
Ибараки	201 (5,0 %)
Гумма	77 (1,9 %)
Тотиги	63 (1,6 %)

Пройти анонимное анкетирование было предложено следующим категориям граждан: участникам круглого стола «Как нашим детям применить русский язык в Японии и для чего нужно тестирование по русскому языку»⁷; посетителям сайта «Russian event in Japan» (<http://rus-jp.com>); участникам форума «Клуб русскоговорящих мам в Японии» (<http://уарономата.jp.com/forum/>); родителям детей, посещающих среднюю общеобразовательную школу при Посольстве России в Японии (экстернат) (<http://www.russchool.jp/hp/index.html>).

⁶ К сожалению, мы не располагаем данными о возрастных характеристиках граждан РФ, проживающих в этом регионе.

⁷ См. раздел «Последние новости МАПРЯЛ» от 13.12.2011 на <http://www.mapryal.org>.

Таблица 3. *Возрастные группы родителей*⁸

Возраст	Мать	Отец
20–30	22 (30,0 %)	
30–40	42 (58,0 %)	23 (32,0 %)
40–50	9 (12,0 %)	39 (53,4 %)
50–60		9 (12,0 %)
старше 60		2 (2,7 %)

Были получены данные о 73 детях-билингвах, для которых русский и японский языки являются в равной степени родными. Среди них 44 девочки и 29 мальчиков (60,0 % и 40,0 % от общего числа опрошенных детей). Наиболее многочисленные возрастные группы составили дети 2 и 7 лет (15,1 % и 13,7 % соответственно), а также дети 4 и 5 лет и 6 и 9 лет⁹ (11,0 % и 10,0 % соответственно) (см. таблицу 4).

Таблица 4. *Возрастные группы детей*¹⁰

Возраст ребенка	Количество детей
4 месяца	1 (1,4 %)
8 месяцев	1 (1,4 %)
2 года	11 (15,1 %)
3 года	6 (8,2 %)
4 года	8 (11,0 %)
5 лет	8 (11,0 %)
6 лет	7 (10,0 %)
7 лет	10 (13,7 %)
8 лет	1 (1,4 %)
9 лет	7 (10,0 %)
10 лет	4 (5,5 %)
11 лет	1 (1,4 %)
12 лет	1 (1,4 %)
13 лет	2 (2,7 %)
14 лет	3 (4,1 %)
16 лет	2 (2,7 %)

Большинство детей в настоящий момент имеет гражданство и Японии, и России¹¹ (53,4 %) (см. таблицу 5). При тестировании детей по русскому языку как иностранному (ТРКИ) необходимо учитывать этот фактор,

⁸ В скобках указано относительное количество всех родителей соответственно.

⁹ Мы располагаем лишь данными о возрастной категории от 0 до 16 лет, за исключением детей в возрасте 1 года и 15 лет.

¹⁰ В скобках указано относительное количество всех опрошенных детей.

¹¹ Согласно японскому законодательству, дети от смешанных российско-японских браков, родившиеся в Японии, становятся гражданами Японии по рождению. Ребенок, являющийся одновременно гражданином Японии и другого государства, обязан в течение двух лет после наступления 20 лет, т. е. достижения совершеннолетия по японскому законодательству, выбрать одно гражданство. Российский закон о гражданстве не исключает возникновения на практике двойного гражданства (см. подробнее <http://www.rusconsul.jp>).

так как к такому тестированию допускаются только иностранные граждане.

Таблица 5. *Гражданство детей*¹²

Гражданство	Количество детей
РФ	12 (16,4 %)
Япония	13 (17,8 %)
Украина	1 (1,4 %)
Япония + РФ	39 (53,4 %)
Япония + Украина	4 (5,5 %)
РФ + Перу	2 (2,7 %)
РФ + Бразилия	2 (2,7 %)

Большинство опрошенных детей (86,3 %) имеет возможность бывать в России (частоту и продолжительность пребывания см. в таблицы 6 и 7), и лишь 14,0 % пока такой возможности не имели.

Таблица 6. *Частота поездок в РФ*¹³

Как часто	Количество
1 раз в год	36 (57,1 %)
2 раза в год	4 (6,3 %)
1 раз в 2 года	14 (22,2 %)
1 раз в 3–4 года	6 (10,0 %)
1 раз в 5 лет	3 (5,0 %)

Таблица 7. *Продолжительность пребывания в РФ*¹⁴

Продолжительность пребывания	Количество
от 3 дней до 1 недели	2 (3,2 %)
от 1 недели до 2 недель	3 (5,0 %)
1 месяц	39 (62,0 %)
2–3 месяца	19 (30,2 %)

Родители желают, чтобы их ребенок использовал русский язык для общения с русскоязычными родственниками и носителями русского языка, в профессиональной деятельности (30,0 %, 36,0 % и 34,4 % от общего числа ответов соответственно).

В ходе круглого стола «Как нашим детям применить русский язык в Японии и для чего нужно тестирование по русскому языку» родителей познакомили с теми японскими фирмами и организациями, сотрудники которых должны знать язык ближайшего соседа¹⁵: МИД Японии и дру-

¹² В скобках указано относительное количество опрошенных детей.

¹³ В скобках указано относительное количество ответов (от 63 %).

¹⁴ В Японии в связи с занятостью родителей (краткосрочные отпуска), а также и самих детей (расписание работы детских садов и школ) семья может провести за границей всего несколько дней. В скобках указано относительное количество ответов (от 63 %). Дети (от 0 до 3–4 лет), которые не посещают японские детские сады, могут дольше находиться в России.

¹⁵ Кроме того, Россия, наряду с Бразилией, Инди-

гие министерства страны; японские Силы самообороны; таможня и миграционный контроль; полиция; крупные торговые компании Mitsubishi, MITSUI, ITOCHU, Sumitomo, Marubeni, Toyota Tsusho, Sojitz¹⁶; туристические фирмы, работающие с Россией, Euras Tours (<http://www.euras.co.jp>), ROSSIA RYOKOSHA (<http://www.russia.co.jp>), JIC Travel Center (<http://www.jic-web.co.jp/russia/index.html>), Intourist Japan (<http://www.intourist-jpn.co.jp>), PROCO AIR SERVICE INC (<http://www.proco-air.co.jp/>); профессиональные переводчики (Японская Ассоциация переводчиков-русистов, отделение в Токио <http://www.h6.dion.ne.jp/~apr/> и др.).

Современные русскоязычные родители предпочитают сами заниматься со своими детьми, некоторые выбирают занятия в экстернате в школе при посольстве РФ (см. выше), у третьих дети посещают занятия в частной школе или занимаются с преподавателем индивидуально, и весьма редко ребенок занимается самостоятельно (61,1 %, 18,0 %, 11,8 %, 7,1 % и 2,4% от общего количества ответов соответственно). В настоящее время только 10 детей (14,0 % от общего количества опрошенных) не занимаются русским языком: 2, 4, 5 и 7 лет (по 2 чел.); 3 и 16 лет (по 1 чел.).

Приведем перечень детских учебных центров региона Канто, где преподают русский язык: клуб детского развития «Ладушки» (<http://www.ladushki.jp>); школа русского языка, литературы и искусств «Лингвадар» (<http://www.linguadar.com>, <http://linguadar.ru>); детский развивающий центр «Радуга» (<http://radugatokyo.web.fc2.com/index.html>); детская русская студия «Родничок»¹⁷; альтернативная русская школа «Росинка» (<http://rosinkajp.com>); школа русского языка для детей «Умка» (<http://www.umka-russian.com>); детские центры русского языка «На Тамачи» и «Почемучка» (<http://pochemuchka.umi.ru>);

¹⁶ Только в японский бизнес-клуб Санкт-Петербурга входит 4 компаний. Здесь работает около 50 компаний с японским капиталом (см. подробнее [Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга 2011]).

¹⁷ Данная школа территориально не относится к региону Канто, т. к. расположена в г. Ниигата (префектура Ниигата), но активно сотрудничает с регионом Канто.

umi.ru); школа «Светлячок»; учебный центр «Bilingua Class»; курс русского языка как иностранного для детей в Yummy English School; класс при православном соборе Воскресения Христова (Tokyo Fukkatsu Daiseido, или Nikolai-do), занятия в котором проводятся после воскресной литургии.

На этом возможности изучения русского языка не исчерпываются. В регионе Канто можно заниматься русским языком в различных японских учебных заведениях:

Старшие школы (10–12 классы):

- частная мужская гимназия Waseda Daigaku Koutougakuin (Waseda University Senior High School¹⁸), <http://www.waseda.jp/gakuin/index-j.html>;
- частная Kanto Kokusai Koutou Gakkou (Kanto International Senior high School), http://www.kantokokusai.ac.jp/school/curriculum_russian.php;
- государственная Toritsu Kitazono Koukou (Tokyo Metropolitan Kitazono High School), <http://www.kitazono-h.metro.tokyo.jp/>.

Вузы, где русский язык является языком специальности:

- кафедра славянских языков Токийского государственного университета (University of Tokyo), http://www.u-tokyo.ac.jp/index_e.html;
- русское отделение Токийского государственного университета иностранных языков (Tokyo University of Foreign Studies), <http://www.tufs.ac.jp/english/>;
- кафедра русского языка университета Васада (Waseda University), <http://www.waseda.jp/top/index-e.html>;
- кафедра русского языка университета София (Sophia University), http://www.sophia.ac.jp/eng/e_top;
- кафедра русского языка университета Сока (Soka University), <http://www.soka.ac.jp/en/index.html>.

Вузы региона Канто, где русский язык является факультативным (вторым или третьим) иностранным языком.

Государственные университеты:

- Ochanomizu University (<http://www.ocha.ac.jp/index-e.html>);
- Hitotsubashi University (<http://www.hit-u.ac.jp/index-e.html>);
- University of Tsukuba (<http://www.tsukuba.ac.jp/english>);
- Chiba University (<http://www.chiba-u.ac.jp/e>).

¹⁸ В скобках указываются английские названия учебных заведений.

Частные университеты:

- Keio University (<http://www.keio.ac.jp/index-en.html>);
- International Christian University (http://www.icu.ac.jp/index_e.html);
- Meiji University (<http://www.meiji.ac.jp/cip/english/>);
- Aoyama Gakuin University (<http://www.aoyama.ac.jp/en/>);
- Chuo University (<http://www2.chuo-u.ac.jp/global/>);
- Nihon University (<http://www.nihon-u.ac.jp/en/>);
- Tokai University (<http://www.u-tokai.ac.jp/international/index.html>);
- Hosei University (<http://www.hosei.ac.jp/english/>);
- Komazawa University (<http://www.komazawa-u.ac.jp/cms/english/>);
- J. F. Oberlin University (<http://211.15.48.41/en/index.html>);
- Dokkyo University (http://www.dokkyo.ac.jp/english/index_e.html);
- Kanagawa University (<http://www.kanagawa-u.ac.jp/english/>).

Языковые школы:

- Токийский институт русского языка¹⁹ (очное, вечернее и заочное обучение), <http://www.tokyorus.ac.jp>; Daigakushyorin Kokusai Academy (Daigakushyorin International Language Academy), <http://www.dila.co.jp/top.html>.
- Курсы русского языка (в группах и индивидуально): в обществах «Япония-Россия» (<http://www.nichiro-kyokai.jp>) и «Япония-Страны Евразии» (отделение в Токио, <http://www.kt.rim.or.jp/~jes/>; отделение в префектуре Канагава (<http://www.rosiago.org/index.html>)); в Обществе японо-русских связей (<http://www.nichiro.org>); в Центре международных дружеских обменов (<http://www.jic-web.co.jp>).

Как видно из приведенного выше списка, образовательных учреждений, где можно изучать русский язык в регионе Канто Японии, достаточно, однако не все родители по разным причинам могут ими воспользоваться, поэтому многие и выбирают другие способы обучения своего ребенка русскому языку. Например, просмотр мультфильмов и фильмов на русском языке (см. таблицу 8).

¹⁹ В этом институте два раза в год (весной и осенью) проводится тестирование по русскому языку. Сертификаты этого института в Японии признаются. Эта система тестирования отличается от ТРКИ.

Таблица 8. Частота просмотра мультфильмов и фильмов на русском языке²⁰

Частота просмотра	Количество
регулярно	35 (48,0 %)
время от времени	31 (43,0 %)
редко	6 (8,2 %)
никогда	1 (1,4 %)

К сожалению, не у всех есть возможность просмотра российского ТВ (36,0 %). Другие же сознательно не смотрят его сами и не разрешают смотреть детям (4,1 %). Существует группа детей, которые не хотят смотреть российское телевидение (10,0 %). Родители же 37 детей (50,0 %) используют и этот способ обучения русскому языку (см. таблицу 9).

Таблица 9. Просмотр российского ТВ

Просмотр российского ТВ	Количество
постоянно	19 (51,4 %)
редко	18 (49,0 %)

Русскоязычные дети слушают то, что им читают взрослые (39,0 %), русские песни (27,3 %), аудиозаписи произведений русской художественной литературы (18,2 %), российские радиоканалы (16,0 %). Только у 9,0 % всех опрошенных детей нет желания слушать все перечисленное выше, хотя родители предоставляют им такую возможность.

Таблица 10. Что слушает ребенок

Ребенок слушает	Количество
чтение взрослых	47 (39,0 %)
русские песни	33 (27,3 %)
российские радиоканалы	22 (18,2 %)
аудиозаписи произведений русской художественной литературы	19 (16,0 %)

Большинство русскоязычных детей, проживающих в Японии (88,0 %), имеет возможность общения по-русски вне семьи (см. таблицу 10), лишь у 12,3 % она отсутствует.

Таблица 10. Общение по-русски вне семьи²¹

Круг общения	Количество
друзья и знакомые родителей	60 (78,0 %)
друзья-сверстники	17 (22,0 %)

С учетом возрастных особенностей согласно родительской оценке владеют русским языком свободно 50 детей (71,4 %), понимают, но не говорят — 7 (10,0 %), говорят, но не умеют читать и писать — 3 (4,1 %), имеют иные навыки — 10 (14,0 %), 45,2 % опрошенных детей владеют иностранным

²⁰ В скобках указано относительное количество ответов (от 73 %).

²¹ В скобках указано относительное количество ответов (от 77 %).

языком (английским, португальским, испанским, украинским — соответственно 82,0 %, 9,1 %, 6,1 % и 3,0% от 33 от общего количества ответов) и 55,0 % — не владеют никакими иностранными языками.

Родители, в основном, не знают о существовании ТРКИ или имеют поверхностное представление об этом, лишь немногие хорошо знакомы с данной системой тестирования (50,7 %, 41,1 % и 8,2% соответственно). Большинство родителей хотели бы, чтобы их ребенок прошел тестирование по русскому языку как иностранному (87,7 %), и только 12,3 % не выразили подобного желания.

Сертификат ТРКИ уже сейчас может принести ребенку дополнительные баллы при поступлении в японскую частную среднюю или старшую школу, где к документам прилагаются многочисленные сертификаты, демонстрирующие его достижения (победы в спортивных соревнованиях, на конкурсах, уровневые сертификаты по иностранным языкам и т. п.). В будущем же ТРКИ (I и II уровни) откроет ребенку как гражданину Японии двери в российские вузы, захочет ли он учиться уже в бакалавриате или после окончания японского университета в магистратуре или аспирантуре.

На вопрос *Как вы думаете, хотел бы ваш ребенок пройти ТРКИ, чтобы определить свой уровень владения русским языком?* 46,6 % респондентов ответили *да*, 30,1 % — *нет* и 23,3 % — *не знаю*.

Полученные нами данные говорят о том, что современные русскоязычные родители, живущие в Японии, стараются, чтобы дети знали свой родной язык²². Тестирование детей по русскому языку может стать для них одним из стимулов не прекращать занятия и взрослым, и самим детям, несмотря на большую нагрузку последних (кружки, секции, английский язык, дополнительные занятия в дзюку).

Одной из больших побед в сохранении русского языка в иноязычном окружении является то, что японская ассоциация куль-

турных связей с зарубежными странами (см. <http://www.taibunkyo.com/kentei/kentei.htm>), ответственный организатор ТРКИ в Японии, совместно с Центром тестирования граждан зарубежных стран по русскому языку (ИРЯК СПбГУ) впервые в Японии 17–19 августа 2012 г. проведет тестирование детей.

Литература

- Басова О.* Mondai kakaeru Roshia no gakkoukyoiku // Japan-Eurasia Society, № 1 395. Токио, 2010. С. 4 (на япон. яз.).
- Басова О.* Heritage Language Education of Russian Immigrant Children in Japan // Материалы конференции The 70th Annual Conference of Japanese Educational Research Association (26 августа 2011 г.). Токио, 2011а. С. 292–293 (на англ. яз.).
- Басова О.* Nihon ni okeru imin no bogo keishougo kyouiku no kenkyu Roshia shushin no kodomo wo rei ni. Hitotsubashi daigaku shuushi ronbun. Дис. магистра. Университет Хитоцубаси. Токио, 2011б. 10 с. (на япон. яз.).
- Басова О.* Nihon ni okeru Roshia shushin imin no bogo•keishougo kyouiku no kenkyu / OBC tesuto ni yoru imin jidou nogengo unyounouryoku no sokutei kekka wo jirei toshite // Gengoshakai № 6. Hitotsubashi University. Токио, 2012. С. 263–281 (на япон. яз.).
- Казакевич М.* Русский язык в диаспоре // Маг-лы конференции Японской ассоциации русистов (Кумамото, 6–7 ноября 2010 г.). Токио: JASRLL 2010. С. 19.
- Комитет* по внешним связям Санкт-Петербурга. Продолжая традиции // Консул. 2011. № 1(24). С. 12–15.
- Никипорец-Такигава Г.* Язык русской диаспоры в Японии // Вопросы языкознания. 2009. № 1. С. 50–62.
- Сивакова С.* Проблемы обучения русскому языку детей-билингвов и детей-мигрантов в Японии // Русский язык за рубежом. 2009. № 6. С. 116–122.
- Сивакова С.* Факторы, влияющие на сохранение и/или потерю естественного билингвизма русско-японскими детьми в Японии // Бюллетень Японской ассоциации русистов. 2010. № 42. С. 27–31.
- Статистические данные* Правительства Японии-2010 [электронный ресурс] // <http://www.estat.go.jp/SG1/estat/List.do?lid=000001074828> (дата обращения: 25.03.2012).

²² Проблемы освоения и сохранения русского языка, возникающие у русскоязычных детей, которые живут в Японии, освещаются в работах О. С. Басовой (см. подробнее [Басова 2010, 2011а, 2011б, 2012]).

УДК 81'33 + 811.11-112 + 811.512.37
ББК 81.23(2Рос=Калм)

ОПЫТ КВАНТИТАТИВНОЙ ОБРАБОТКИ ТЕКСТА НА СТАРОКАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ: КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ*

Е. В. Бембеев

С развитием информационных технологий в языкознании широкое распространение приобретают методы математического анализа. В современном монголоведении квантитативный подход совсем недавно стал использоваться при исследовании языковых реалий, поскольку только стали создаваться лингвистически аннотированные корпуса монгольских языков [Бадагаров 2008; Бадмаева и др. 2008; Крылов 2012; Куканова 2011а; 2011б; Ринчинов 2009].

Повторяемость языковых, в том числе лексических, единиц и их воспроизведение в различных текстах является наиболее важным условием в количественном описании языкового материала и применения математических методов в лингвистике для его анализа [Долинский 2004: 284]. Квантитативный метод позволяет количественно описывать поведение различных языковых единиц (букв, фонем, морфем, слов, конструкций и т. п.) в письменном тексте (так же как и в устном): частоту употребления тех или иных единиц, их распределение в текстах разного жанра, сочетаемость с другими единицами, выявление разного рода корреляций (например, корреляция частотности слов и изменения их звуковой формы, так называемые аллегровые формы) и т. п. «Одновременно накапливается обобщенная количественная информация о классах единиц, о языковых конструкциях (напр., данные о средней длине слова или предложения, о частоте употребления к.-л. грамматических форм в тех или иных синтаксических функциях и т. п.). Такая информация углубляет описание единиц языка» [Шайкевич 1990: 231].

Возьмем к примеру проблему категории множественности. Простого описания образования форм множественного числа существительных в калмыцком языке явно недостаточно, требуется более глубокое исследование данной категории, в частности и в типологическом аспекте, например в сопоставлении с материалом русского языка. Количественные характеристики текстового

материала тех или иных единиц поможет понять различия в типологическом плане и более полно и основательно проанализировать эту категорию как в функционально-семантическом, так и в грамматическом аспектах. Однако при этом не стоит забывать, что лингвостатистический подход несколько упрощает языковую реальность и охватывает лишь определенный пласт языка и речи.

Актуальность проблемы изучения количественных характеристик в калмыцком языке обусловлена и тем обстоятельством, что большинство этих характеристик до сих пор неизвестны ученым из-за отсутствия представительных и хотя бы относительно сбалансированных корпусов калмыцкого языка. Именно на таком материале можно будет применить дистрибутивно-статистические методы, позволяющие составлять частотные словари и квантитативные грамматики, описывающие частотность единиц лексикологии, дериватологии, морфологии и синтаксиса. Квантитативный подход позволяет классифицировать сами тексты в соответствии с языковыми стилями и жанрами, в рамках которых эти тексты создавались. Поскольку различия между этими стилями и жанрами «носят преимущественно статистический характер», то таким образом можно основать статистическую стилистику калмыцкого языка, описывающую и классифицирующую тексты на строго объективной базе [Шайкевич 1990: 231]. Такая выборка выводит исследователя текста за рамки одного произведения или творчества одного автора и позволяет отсеять индивидуальные явления от общих, тем самым выдлив универсальное и специфическое для каждого отдельного текста или каждого отдельного автора, а также языковой системы в целом. Конечно, в идеале частотное, контекстологическое и концептуально-текстовое направления изучения текста должны не исключать, а гармонично дополнять друг друга. Квантитативный метод исследования предполагает составление частотных слова-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Национальный корпус калмыцкого языка» № 12-04-12047 (2012–2014).

рей, необходимость использования которых для решения прикладных и исследовательских задач несомненна.

Частотный словарь представляет собой модель особым образом преобразованного текста, модель распределения частоты употребления единиц в тексте. Как отмечает в своей работе В. А. Долинский, словарь подобного рода «...включает в себя упорядоченный список слов или других языковых единиц (словоформы, словосочетания), которые зарегистрированы составителем в обследованном им тексте, фрагменте текста или корпусе текстов и снабжены данными о частоте их употребления в тексте (речи). С его помощью можно попытаться ответить на вопросы: как много слов в языке (тексте), с какой интенсивностью они используются в речи, какие из них предпочтительнее в той или иной сфере коммуникации у того или иного автора и т. д.» [Долинский 2004: 285]. Другими словами, речь идет о привычном типе словаря лексем с частотной характеристикой. Различают частотный словарь и ранговый словарь, под последним понимается разновидность первого, в которой инвентаризуемые единицы расположены в порядке убывания употребительности (или то же самое, но только в порядке возрастания рангов).

В настоящей статье нами предпринята попытка квантитативного анализа «раннего» текста, обработка которого является пилотной в процессе создания Национального корпуса калмыцкого языка с целью выявления проблем в автоматической обработке текстов, написанных на «тодо бичиг», а затем транслитерированных на латиницу.

Эксперимент был проведен на материале фототипического издания текста, который в 1897 г. под названием «Сказание о хождении в Тибетскую страну малодербетовского Бааза-бакши» опубликовал профессор Санкт-Петербургского университета А. М. Позднеев [Сказание... 1897]¹. Данный

¹ Рукопись была приобретена у автора Бааза Менкеджуева профессором А. М. Позднеевым, который позднее опубликовал ее с переводом и комментариями. Оригинал рукописи до сих пор не обнаружен. Издание было посвящено XI международному съезду ориенталистов в Париже. Сочинение состоит из 278 страниц: предисловие — 18 страниц (пагинация римскими цифрами, постраничная); перевод занимает 130 страниц (пагинация арабскими цифрами, общая, постраничная); текст на «тодо бичиг» — 120 страниц (пагинация арабскими цифрами, общая, постраничная. На странице 12 строк, сверху вниз, слева направо).

памятник является единственным образцом из сохранившихся до настоящего времени письменных свидетельств оригинального жанра хождений в калмыцкой литературе. Язык текста «Сказания...» неразрывно связан с личностью автора, временем, местом и условиями, в которых он жил.

Прежде чем приступить к обработке данных, необходимо отметить, что анализу на этом этапе подвергались не лексемы, а словоформы², обладающие реальной частотностью в языке текста. Составители частотных словарей отмечают привычность основной словарной единицы — лексемы, — а также тот факт, что при сведении словоформ в лексемы лингвисты могут использовать разные принципы, что приводит к более высокой доле субъективности в количественных показателях по лексемам по сравнению с количественными данными по словоформам. Между тем, по оценке Л. Леннгрена, «...количественные языковые факты, опирающиеся только на уровень словоформ, являются более объективными и надежными» [Леннгрен 1993: 28–29]. Таким образом, в качестве единицы описания выступает слово «от пробела до пробела» в той грамматической форме, в которой она употреблена. Поскольку работа велась по тексту с неснятой омонимией, то иногда статус словоформ получают не собственно словоформы, а «дизъюнктивные пучки (частично) омонимических словоформ» [Крылов 2012: 88].

Текст «Сказания...» обрабатывался в различных лингвистических программах. В ходе его обработки возникло несколько проблем. Например, знак «:», обозначающий долготу гласного и по традиции используемый в транслитерации текстов на латиницу, пришлось заменить на «̄», поскольку программы ошибочно распознавали его как делитель, т. е. разделитель (так же, как дефис или пробел).

Текст состоит из более 21 тыс. словоупотреблений, а общий список словоформ по частоте представлен более 5 000 единицами, включая имена собственные. Каждой словоформе приписан ранг, а также указана абсолютная частота по всему тексту в целом. Ниже приведен список наиболее частотных словоформ, которые были употреблены в тексте более 50 раз (см. таблицу 1). Табли-

² В нашем случае термин *словоформа* понимается как «слово (лексема) в некоторой грамматической форме (в частном случае — в единственно имеющейся у слова форме), напр.: „сад“, „садами“, „белый“, „белую“, „пишет“, „вчера“» [Зализняк 1990].

ца организована по принципу убывания общей частоты встречаемости словоформ. Дополнительными графами в этом разделе являются «относительная частица» и «часть речи». В последней приводятся названия частей речи в соответствии с общепринятыми пометами, используемыми в Национальном

корпусе калмыцкого языка. В таблице используется знак «~», маркирующий наличие омонимичной формы. Таблица состоит из 6-ти столбцов: А — ранг, В — словоформа, С — перевод словоформы, D — частота, E — относительная частота в %, F — предпологаемая часть речи.

Таблица 1. Список наиболее частотных словоформ в «Сказание о хождении в Тибетскую страну малодербетовского Бааза-бакиши»

А	В	С	D	E	F
1.	ene	этот, он, она, оно, они	482	2,16	PRON
2.	nige	один, раз	288	1,29	NUM
3.	tere	тот, он, она, оно, они	233	1,04	PRON
4.	bide	мы	227	1,02	PRON
5.	ügei	нет, не	212	0,95	PART
6.	geži	что [изъясн. союз], сказав [деепричастие]	188	0,84	CONJ~CONV
7.	biden	мы	185	0,83	PRON
8.	basa	тоже, также	176	0,79	CONJ
9.	bayinai	является, имеется	170	0,76	V
10.	küün	человек	168	0,75	N
11.	tegēd	поэтому	165	0,74	CONJ
12.	gene	говорят	147	0,66	V
13.	gedeg	говоря	143	0,64	CONV
14.	ulus	люди, народ	139	0,62	N
15.	yuuman	[показатель ремы], вещь	132	0,59	N
16.	qoyor	два	129	0,58	NUM
17.	yeke	большой, очень	123	0,55	ADJ
18.	bolōd	сделав, а, что касается; [показатель темы]	121	0,54	CONV
19.	čigi	же	109	0,49	PART
20.	yabugsan	ушел, ушедший	104	0,47	V~CONV
21.	bayidag	являющийся, имеющийся	98	0,44	PTCPL
22.	yabād	уходя	92	0,41	CONV
23.	düngge	подобно [послелог сравнения]	91	0,41	POST
24.	ödör	день	89	0,40	N
25.	bolon	и [союз]	81	0,36	CONJ
26.	yabuži	ходив	79	0,35	CONV
27.	cagtu	временем	76	0,34	N
28.	qonogson	ночевал, ночующий	76	0,34	V~PTCPL
29.	γazar	земля	76	0,34	N
30.	γurbun	три	75	0,34	NUM
31.	irebe	пришел	74	0,33	V
32.	kürtele	до тех пор	73	0,33	POST
33.	cai	чай	72	0,32	N
34.	kiyid	монастырь	72	0,32	N

35.	žige	точно, правда [частица]	72	0,32	PART
36.	γazartu	на земле	71	0,32	N
37.	gegen	гегян, святой	69	0,31	N
38.	blama	лама	66	0,30	N
39.	bayigsan	был	65	0,29	V
40.	dēre	на [послелог], наверху, сверху	63	0,28	ADV
41.	bi	я	62	0,28	PRON
42.	duunai	километр, [расстояние слышимости звука человека]	62	0,28	N
43.	gēd	сказав	61	0,27	CONV
44.	sayin	Хорошо, хороший	61	0,27	ADJ
45.	žigen	точно, правда [частица]	57	0,26	PART
46.	ireži	пришел	56	0,25	V
47.	yabuqu	ходить	51	0,23	V

Анализ представленной выборки с частотой 50 и выше показывает, что наиболее употребительными словоформами является группа указательных и личных местоимений: *ene* 'этот, эта, это' (482), *tere* 'тот, та, то' (233), *bide* 'мы' (227), *biden* 'мы' (185), *bi* 'я' (62). Среди глагольных форм наиболее употребительными являются *bayinai* 'есть, быть' (170) *gene* 'говорит' (147), *gedeg* 'говоря' (143). Существуют большое количество морфологической омонимии. Так, например, слово *geži* употребляется в тексте 188 раз, она может означать изъяснительный союз 'что' или деепричастие 'сказав'. Большой процент употребления занимают глаголы с семантикой движения, что обуславливается характером памятника, описывающего путешествие в далекую страну.

Например: *yabugsan* 'ушедший' (104), *yabād* 'идя' (92), *yabuži* 'ушел' (79), *irebe* 'пришел' (74), *ireži* 'пришел' (56), *yabuqu* 'уйдет' (51). Существительные занимают свою частотную позицию, начиная с 10 ранга: *küün* 'человек' (168), *ulus* 'народ, люди' (139), *ууштан* '(свои) вещи' (132).

Принадлежность автора к религиозной деятельности, а также цель хождения — поклонение святым и буддийским реликвиям также находят отражение в частоте употребления «буддийской» лексики: *kiyid* 'монастырь' (72), *gegen* 'гегян, светлость' (69), *blama* 'лама, учитель' (66).

В приведенной ниже таблице 2 показана частотность частей речи с неснятой омонимией, поскольку снятие морфологической омонимии в старописьменном тексте придется проводить, видимо, вручную.

Таблица 2. Список частотности частей речи тексте памятника «Сказание о хождении в Тибетскую страну малодербетовского Бааза-бакши»

№	Часть речи	Кол-во словоформ	%
1.	N	9095	42,11818
2.	ADJ	934	4,325276
3.	NOM	18	0,083356
4.	N~ADJ	271	1,254978
5.	ADV	766	3,547282
6.	ADV~POST	143	0,662221
7.	NUM	1195	5,533945
8.	PRON	1942	8,993239
9.	Verb	1749	8,099472
10.	Verb~CONV	1367	6,330462
11.	Verb~PTCPL	293	1,356858

12.	CONV	1663	7,701213
13.	PTCPL	978	4,529036
14.	CONJ	434	2,009818
15.	POST	82	0,379735
16.	PART	664	3,074928
Итого:		21594	100%

Из таблицы видно, что лидирующее положение по частоте употребления занимают имена существительные (собственные и нарицательные), которые встретились в тексте памятника 9 095 раз. Глагол вместе с омонимичными глагольными формами (Verb + Verb~Conv + Verb~PTCPL) занимает второе место по частоте употребления. Случаев морфологической омонимии, как показывает материал, достаточно много (2 074), что вызывает трудности в его анализе.

Итак, в ходе анализа «раннего» текста выявлен ряд проблем, касающихся транслитерации текста «тодо бичиг», орфографии текста, омонимии словоформ, разметки текста, использования диакритических знаков и т. д. Эти проблемы будут учтены впоследствии при обработке массива текстов на «тодо бичиг» для включения их в Национальный корпус калмыцкого языка. Необходимо реализовать следующие шаги для обработки текстов на «тодо бичиг»:

- видоизменить правила транслитерации текстов на «тодо бичиг»;
- создать грамматический словарь старокалмыцкого текста;
- создать словарь омонимичных форм на старокалмыцком языке;
- создать словарь вариантов написания одного и того же слова;
- создать словарь грамем старокалмыцкого языка.

Отдельной задачей стоит создание программы, распознающей старокалмыцкую письменность, а также конвертера тодо бичиг на латиницу/кириллицу, реализация которых действительно необходима для увеличения «ранних» текстов в корпусе калмыцкого языка, поскольку их изучение носит ретроспективный характер и охватывает самый широкий круг вопросов — от текстологии и диалектологии до сравнительно-исторического изучения словоформ, словосочетаний и т. д. Это может привести в свою очередь к реконструкции ойратских и общемонгольских древностей на вербальном уровне. Нередко в ранних текстах фик-

сируются лексемы и целые последовательности лексем, которые не встречаются в современных данных языка.

Литература

- Бадагаров Ж. Б.* О репрезентативности текстов и элементах программного инструментария для корпуса бурятского языка // Современные информационные технологии и письменное наследие: от древних текстов к электронным библиотекам. Е1' Manuscript-08. Материалы Международной научной конференции (Казань, 26–30 августа 2008 г.). Казань, 2008. С. 28–31.
- Бадмаева Л. Д., Бадагаров Ж. Б., Цыдыпов Б. З.* Общие проблемы формирования корпуса бурятского языка // Труды Международной конференции «Корпусная лингвистика – 2008». СПб.: Изд-во Фил. фак-та СПбГУ, 2008. С. 24–30.
- Долинский В. А.* Квантитативная лингвистика в исследовании текста // Алфавит: Структура повествовательного текста. Синтагматика. Парадигматика. Смоленск: СГПУ, 2004. С. 283–324.
- Зализняк А. А.* Словоформа // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 470.
- Крылов С. А.* Структурно-вероятностная модель современного монгольского языка (на базе Генерального корпуса монгольского языка) // Урало-алтайские исследования. 2012. № 1(6). С. 78–105.
- Куканова В. В.* Архитектура метаописания в Национальном корпусе калмыцкого языка // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011а. № 1. С. 139–145.
- Куканова В. В.* Общая структура и перспективы использования Национального корпуса калмыцкого языка в свете проблемы репрезентативности // Материалы XL Международной филологической конференции (10–15 марта 2011 г., Санкт-Петербург). Вып. 24: Полевая лингвистика и интегральное моделирование речи / отв. ред. Н. В. Богданова. СПб.: Изд-во Фил. фак-та СПбГУ, 2011б. С. 125–137.
- Леннгрэн Л. (ред.).* Частотный словарь современного русского языка. Uppsala, 1993. 188 с.
- Ляшевская О. Н., Шаров С. А.* Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка).

М.: Азбуковник, 2009. [электронный ресурс] // <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 15.04.2012).

Ринчинов О. С. Корпус бурятского языка и прикладные задачи компьютерной лингвистики // Состояние и перспективы развития бурятского языка. Мат-лы форума бурятского языка. Улан-Удэ, 2009. С. 88–89.

Сказание о хождении в тибетскую страну малодербетовского Бааза-бакши / пер. и коммент. А. М. Позднеева. СПб., 1897. 18 + 130 + 120 с.

Шайкевич А. Я. Количественные методы в языкознании // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 231.

УДК 81'33

ББК 81.23

СЛОВОИЗМЕНТЕЛЬНЫЕ ТИПЫ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ В СВЕТЕ АВТОМАТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ ТЕКСТОВ (на примере имени существительного)

В. В. Куканова

Как известно, создание корпуса того или иного языка и его развитие является одной из актуальнейших задач современной лингвистики, в частности и калмыцкого языкознания, поскольку решается судьба языка как средства познания и коммуникации. Для того чтобы корпус «заработал», требуется пройти несколько шагов, связанных не только со сбором репрезентативного текстового материала, его филологической выверки. Одной из первых лингвистических задач является создание морфологического анализатора — программы, приводящей словоформу к начальной форме с приписыванием ей той или иной грамматической информации (грамматем), которую несет данная единица в тексте.

Для реализации этого программного продукта необходима разработанная система словоизменительных типов. Если речь идет о флективных языках, то выделение словоизменительных типов не вызывает никаких недоумений со стороны лингвистов. Система склонения и спряжения здесь более разнообразна и отличается нестандартностью выражения тех или иных граммем. Так, например, для русского языка насчитывается около 10 глагольных словоизменительных классов [Русская грамматика 1980: 647–661] и несколько видов аффиксов для выражения одной и той же граммы. Если же говорить об агглютинативных языках, каким является калмыцкий язык, то имеются «сложности» выделения словоизменительных типов, так как они здесь более регулярны, единообразны и стандартны [Булыгина, Крылов 1990].

Во-первых, главной особенностью подобных языков является теоретическая возможность присоединения в строгом порядке неограниченного количества слово-

изменительных аффиксов и частиц к основе слова. Во-вторых, определенный тип парадигмы выделяют на основе общей системы выражения грамматических категорий определенными словоизменительными аффиксами и наличия сходных морфонологических процессов, а также частеречной принадлежности, в пределах которой действует тот или иной образец склонения (к примеру, в русском языке существуют субстантивное, адъективное и местоименное склонения)¹.

В калмыцком языке имеет место четкое противопоставление именного и глагольного словоизменения: для каждого из них существуют неомонимичные аффиксы (сразу же оговоримся: речь идет только о формантах, выражающих определенные грамматические категории имени и глагола). Для всех именных частей речи — существительных, местоимений (за исключением некоторых форм с супплетивными основами), числительных — используются те же самые словоизменительные аффиксы для выражения категорий числа², падежа и др. По сути,

¹ Е. С. Кубрякова и П. А. Соболева выделяют пять следующих обязательных признаков морфологической парадигмы: 1 – «наличие константной лексики, выражающей в парадигме идею тождества слова самому себе во всех его видоизменениях, и переменных формантов»; 2 – «наличие константного набора грамматических значений, облигаторного для каждой из фиксируемых форм парадигмы и повторяемого от формы к форме с обязательным изменением одного из них»; 3 – «фиксированное количество переменных грамматических значений»; 4 – «для выражения каждого из грамматических значений (или набора) в парадигме <...> специальный формант»; 5 – «отношения производности, фиксируемые парадигмой» (например, косвенные падежи относительно исходной формы) [Кубрякова, Соболева 1979: 9].

² Категория числа в халха-монгольском языке, по мнению С. А. Крылова, схожа с категорией уменьши-

можно выделить единое склонение для именных частей речи.

Думается, что алгоритм работы морфологического анализатора для агглютинативного языка должен строиться на анализе слова слева направо (от начала к концу слова), поскольку основа в калмыцком языке в основном неизменяема, за исключением ряда слов, о которых мы скажем ниже. К тому же морфонологическая трансформатика в основе или на стыке основы и аффикса достаточно предсказуема, например, если слово заканчивается на $-n^3$, то происходит его усечение при соединении аффикса в определенных падежах: *яман* ‘коза’ → *яма-г* ‘козу’⁴. В калмыцком языке словоизменяемые аффиксы могут совпадать со словообразовательными, а это, как известно, ведет к появлению омонимичных разборов. Например, *баг-ла* (деминутивный суффикс *-ла* от мотивирующего слова *баг* ‘связка, узел, пучок’) и *баг-ла* (аффикс комитатива (соединительного падежа) *-ла* ‘с группой, с отрядом, с кучей’).

В-третьих, морфотактические правила одинаковы для сочетания как основы соительности в русском языке [Крылов 2004: 84]. Другими словами, аффиксы множественности являются больше словообразовательными, нежели формообразующими формантами. Данная категория не является в целом грамматической, поскольку тесно не связана с синтаксическим устройством халха-монгольского языка. И в калмыцком языке категория множественности не всегда выражается грамматически, часто в этом участвуют лексические средства, несущие в своем значении множественность, например счетно-количественные и неопределенно-количественные слова: *дала хөн* ‘много овец’ и *арван кун* ‘десять человек’. Как и в халха-монгольском, в калмыцком языке существуют аффиксы, которые, помимо множественности, выражают еще и дополнительное семантическое значение — значение собирательности. Пожалуй, вопрос о статусе показателей множественного числа пока еще остается открытым и требует отдельного исследования, но при этом мы не отрицаем эту точку зрения и даже, более того, склоняемся к ней.

³ Традиционно конечный *-n* называют «неустойчивым» в силу того, что она исчезает при присоединении определенных аффиксов. С. А. Крылов в халха-монгольском языке классифицирует его как «тематический» элемент {=n}, который выполняет разные функции — структурную (соединяет лексему определенного класса с граммемой), системную (сигнализирует о принадлежности лексемы к определенному словоизменяемому классу — тематическому, новому, типу), дифференцирующую (является единственным средством различения некоторых падежных форм) [Крылов 2004: 123]. С. С. Сай считает, что он «расширяет основу» существительного и является маркером номинатива [Сай 2009: 639].

⁴ Значения слов, а также примеры приводятся по Калмыцко-русскому словарю [1977].

словоизменяемым аффиксом, так и словоизменяемому аффиксу с другим аффиксом, т. е. при словоизменении (склонении и спряжении) на морфемных швах происходят одни и те же процессы. Так, например, интерфиксация в интервокальной позиции: *сууһад* ‘сидя’, *кеһэтэ* ‘литый, налитый’ и *такаһар* ‘курицей’, *эврәһэс* ‘от (из) своего’.

Несмотря на все это, мы, тем не менее, попытались установить словоизменяемые типы в калмыцком языке. Данная публикация носит предварительный характер; ее целью является ознакомление заинтересованных специалистов с выявленными на материале обратного словаря словоизменяемыми типами по существительному в свете автоматической обработки текста, поскольку объем разобранных лексических единиц в обратном словаре (об объеме см. ниже), как нам представляется, не может дать полного описания формальной модели калмыцкой морфологии. К тому же некоторые речевые факты, зафиксированные в письменных текстах, несколько противоречат нормативным схемам словоизменения, что говорит о постоянно развивающейся системе языка, поиске носителями языка, в данном случае, грамматических норм и складывании кодифицированного литературного языка. Например, в текстах, подготовленных для Национального корпуса калмыцкого языка, встречаются разные формы множественного числа одного и того же слова, образованные при помощи различных аффиксов *-д*, *-муд*: *вагон* → *вагод*, *вагон* → *вагонмуд*.

Объектом исследования выступила линейная последовательность букв, (или «словоформы <...>, взятые в принятой орфографической записи» [Еськова и др. 1971: 4]), что обусловлено задачей создания морфологического анализатора для автоматической обработки письменных текстов. При выявлении словоизменяемых типов нас интересовали только те изменения, которые имели отражение в орфографической записи слов, например чередование обычных кратких гласных и долгих гласных (*то* и *тооһин*). Надо сказать, что письменная и устная формы калмыцкого языка настолько далеки друг от друга, что создается впечатление, что это два совершенно разных языка, даже не родственных друг другу. Данная проблема порождена тем, что на письме не обозначаются так называемые «неясные гласные»⁵, хотя

⁵ В нашей работе мы, вслед за В. И. Рассадным [см., например: Рассадин, Трофимова 2011: 102], не-

уже достаточно давно доказан их фонемный статус на экспериментальном материале [Биткеев 1975: 126]. Следовательно, все чередования, происходящие в слове при его словоизменении, не учитывались, если они не отражались в письменном виде. Например, чередование <ă/#> в формах именительного падежа (Nom) *тосн* [tosã] и родительного падежа (Gen) *тосна* [tosna].

Обратный словарь создавался на базе словника Калмыцко-русского словаря под редакцией Б. Д. Муниева [1977]. Он позволил легко определить частеречную принадлежность слов и модели словоизменительных классов калмыцкого языка, например, слова, которые заканчиваются на -х, являются в основной своей массе глаголами. Рядом стоящие лексические единицы имеют сходную парадигму словоизменения, на стыке основы и словоизменительных аффиксов в словах происходят те же самые морфологические процессы [Белоногов 1967; Зализняк 1987: 9]. Первоначально словник включал более 25 тыс. входов, т. е. вокабул, но в ходе анализа список слов значительно уменьшился, поскольку из него были извлечены все словоформы, например Genitive, Ablativ и другие падежные формы, а также атрибутивные формы глагола (причастия и деепричастия), которые использовались авторами словаря в качестве заглавного слова словарной статьи. Были выделены и соответственно сформированы лексиконы следующих частей речи: ADJ (Имя прилагательное/Adjective), ADV (Наречие/Adverb), CONJ (Союз/Conjunction), INJ (Междометие/Interjection), N (Имя существительное/Noun), NUM (Числительное/Numeral), PART (Частица/Particle), POST (Послелог/Postposition), PRON (Местоимение/Pronoun), V (Глагол/Verb) и U (Неизвестная грамматическая категория/Unknown category). Группа неизменяемых

ясные гласные в транскрипции обозначаются как [ä], [ë] и [i] («Ä», где Ä — это основной алломорф, «~» — показатель краткости). Традиционно для их обозначения используются символы [ъ] и [ь], с чем мы принципиально не согласны, поскольку это совершенно другие знаки. Они являются разделительными знаками, показателями мягкости предыдущего согласного и грамматической формы, т. е. выполняют другие функции. Поскольку обучение калмыцкому языку начинается уже после русского языка, то это может привести к появлению путаницы в сознании детей: для них они нулевые знаки, которые ничего не обозначают. Мы также не согласны с обозначением неясных гласных в виде символов «ы» и «е» по тем же самым причинам.

слов⁶ (наречия, послелого, союзы, междометия, частицы) далее не подвергалась анализу, поскольку они не имеют парадигм словоизменения, хотя к некоторым словам могут присоединяться частицы разной функциональной нагруженности (поссесивные, вопросительные и др.).

Ряд лексем был продублирован в обратном словаре, поскольку часть из них имеет различную частеречную принадлежность, по своей семантической и грамматической сути являясь грамматическими омонимами: в отличие от русского языка, в котором происходят совпадения в рамках одной словарной статьи, в калмыцком языке имеет место совпадение форм разных грамматических классов. В словаре они получили дополнительные индексы, сигнализирующие о том, что данная единица может иметь несколько вариантов разбора в зависимости от контекста (та же самая операция проводилась при обработке лексических омонимов). Например, *модн* 'деревцо' и *модн* 'деревянный'. Для их разграничения (снятия омонимии) можно использовать контекст, т. е. учитывать окружение анализируемой единицы: если справа стоит существительное, то,

⁶ Противопоставление неизменяемых и изменяемых классов слов в калмыцком языке не продуктивно, поскольку почти все части речи имеют потенциальную возможность изменения, присоединения или перехода из одной части речи в другую, при этом последний процесс коренным образом влияет на грамматические и дистрибутивные характеристики слов в контекстах (ср.: «части речи не могут быть строго делимы на изменяемые и неизменяемые...» [Котвич 1929: 86]). Примечательно, что еще в начале XX в. В. Л. Котвич отметил, что слов действительно «неизменяемых» немного в калмыцком языке (см.: «Вообще совершенно неизменяемых слов в калмыцком языке имеется очень мало: если в каком-либо положении слово не изменяется, то в другом положении оно может принять приставку соответствующую склонению или спряжению, и таким образом сделаться изменяемым. Неизменяемыми остаются только служебные частицы и междометия» [Котвич 1929: 86]). Что касается наречий, послелогов, то они могут присоединять к себе аффиксы поссесивности (в традиционной терминологии лично-притяжательные частицы). Например, *на* 'на этой стороне, на эту сторону' и *на-нь* 'на этой стороне' (*хольн на* 'на эту сторону реки' — *хотна мал хольн нань йовна* 'скот хотона находится на этой стороне реки'), *деер* 'на, возле, около; пока; вместе с, с; при' и *деер-нь* 'пока' (*эцкин амьн харлһн деер бээх* 'присутствовать при смерти отца' — *тэмриг халун деернь давт* 'куй железо, пока горячо'). Поэтому некоторые части речи можно назвать условно неизменяемыми. По нашим наблюдениям, к прилагательным могут присоединяться аффиксы сказуемости (речь не идет о субстантивированных прилагательных), а к наречиям и послелогам — аффиксы поссесивности. К собственно неизменяемым принадлежат только частицы, междометия и звукоподражания (идеофоны).

скорее всего, анализируемая единица является прилагательным.

Именные части речи принадлежат к классу изменяемых слов. Традиционно выделяют четыре типа склонения: простое, склонение с двойным падежом (т. н. двойное склонение), склонение с возвратной частицей (т. н. возвратное склонение) и склонение с притяжательной частицей [Грамматика калмыцкого языка 1983: 101–116]. В простом склонении в свою очередь выделяются три типа: на неустойчивый *-н*, на гласную и согласную. При классификации материала авторами грамматики учитывались состав и качество конечных звуков основы слова [Грамматика калмыцкого языка 1983: 104].

С. М. Трофимова считает, что в калмыцком языке четко противопоставлены два типа склонения: неопределенное и определенное. К первому относится простое склонение, а к последнему — возвратное и двойное, поскольку частицы, присоединяемые к словоформе, выполняют функции артиклей [Трофимова 2009: 106–107]. Об этом пишет и С. А. Крылов, считая, что «монгольский язык, как и другие алтайские, продвинулся по шкале грамматикализации притяжательных местоимений еще дальше, чем западноевропейские языки. В результате этого продвижения сами притяжательные местоимения подверглись мощному процессу генерализации, транспозиции и десемантизации: они играют уже не только и не столько роль показателей притяжательности в собственном смысле слова, сколько роль показателей определенности, топикальности и субстантивации. Но такой процесс свойственен всем грамматическим категориям, так что сам факт наличия у притяжательных показателей вторичных (непритяжательных) функций на самом деле парадоксальным образом демонстрирует их грамматикализированный характер» [Крылов 2012: 94–95].

Е. Ц. Манджеева выделяет три типа склонения. По ее мнению, к первому типу склонения относятся имена существительные с консонантным неустойчивым *-н*, ко второму — имена существительные с консонантной основой (кроме основ на неустойчивый *-н*) и вокалической основой на редуцированный гласный, к третьему — имена существительные с вокалической основой на долгий гласный [Манджеева 2010: 15].

Выявленные в нашей работе словоизменяемые типы именного склонения различаются в основном финалями основы, системой изменений на стыке основы и словоизменяющего аффикса или словоизменяющего аффикса с другим аффиксом, а также трансформацией основы. Критериями для выделения типов именного словоизменения в обратном словаре послужили: количество основ, конечная буква (в некоторых случаях конечный звук), морфологические процессы на стыке основы и словоизменяющего аффикса (отраженные в знаковой структуре слова), аффикс множественного числа (сочетание семантического фактора с фонетическим), сингармонизм. В качестве вспомогательной информации для выделения парадигм именного словоизменения использовались данные о происхождении слов, длине слова в буквах, одушевленность/неодушевленность.

«Всякая парадигма (для существительных — падежная парадигма) содержит неизменяемую часть, общую всем составляющим ее словоформам, и изменяемую часть, т. е. часть, отличающую одни словоформы от других. Для одних существительных польского языка неизменяемая часть парадигмы тождественна основе, а изменяемая часть — падежным флексиям; у других — к изменяемой части относится не только флексия, но и часть основы, обычно ее последний слог» [Толстая 1998: 95]. Подобное можно сказать и о парадигмах калмыцкого языка, поскольку здесь также сосуществуют неизменяемая и изменяемая части — основа и аффиксы. Все субстантивные основы⁷ в калмыцком языке можно подразделить на изменяемые и неизменя-

⁷ Считается, что «именительный падеж служит корнем для всех прочих падежей, а сам не имеет никакой отличительной частицы» [Бадмаев 1968: 221; см. также: Грамматика калмыцкого языка 1983: 104]. Г. Д. Санжеев, напротив, выдвигает иную точку зрения, которая заключается в том, что основа и именительный падеж не совпадают [Санжеев 1953: 140]. Как показал наш материал исследования, основа именительного падежа не является базой для образования всех остальных падежных форм. К примеру, слова, в которых происходят чередования, демонстрируют, что для образования косвенных форм используется второй вариант основы, и это мы говорим только о «видимых», отраженных в буквенном составе, чередованиях, а если взять слова, в которых происходят чередования звуков, не отраженных в письме, то можно с уверенностью сказать, что для образования падежных форм используются совершенно разные основы, которые не совпадают с основой именительного падежа.

емые. Первые подвержены изменениям и имеют несколько вариантов: слово может иметь два или четыре стемма. В основе могут происходить следующие модификации: удвоение гласной, усечение финали основы и их разнообразные сочетания. Как уже говорилось выше, работа лемматизатора должна строиться на анализе основы к аффиксам, поэтому основным критерием мы выбрали количество основ при выделении словоизменительных типов, затем по значимости следует финаль основы — вокалическая или консонантная — и трансформаторика на стыке основы и аффикса, а при выделении парадигм множественного числа — все выше перечисленное и аффикс множественного числа.

Все существительные объединяются в один грамматический разряд, в котором все слова являются изменяемыми, в отличие от русского языка⁸. Что касается слов *Singularia Tantum* и *Pluralia Tantum*, то, вслед за А. А. Зализняком, подобные слова мы признаем имеющими оба числа: образование форм единственного и множественного чисел имеет потенциальный характер, «практически не употребляется, но при необходимости все же может быть построено и будет правильно понято» [Зализняк 1987: 5].

Для удобства работы была разработана специальная система помет, которая схематично характеризует словоизменительную парадигму. Информация распределена по четырем «полям», каждое из которых отделено пометой «/», за исключением первого (разделителем здесь служит «-»). В первом поле указывается принадлежность словоизменительного типа к той или иной части речи, например N или V.

Во втором поле отмечается следующая информация: количество основ, обозначаемое римскими цифрами (если слово имеет один вариант основы, т. е. последняя неизменяема, было принято решение не обозначать количество), а также финаль основы — вокалическая Г или консонантная С. Во втором поле в скобках конкретизируется информация об изменениях в основе или ее конце (разделителем служит помета «_»). Также в некоторых случаях используется помета «\», которая обозначает оператор «или». Пометы второго поля следующие:

- S — стем с указанием конечной финали:
 - » Г — вокалическая финаль основы;
 - » Ё — «неясная» гласная, не обозначаемая на письме;
 - » С — консонантная финаль основы (при необходимости информация конкретизируется);
- S* — стем с удвоенной гласной в основе;
- S^H — основа с усеченной основой;
- S*^H — стем с удвоенной гласной и усеченной конечной согласной.

Третье поле дополнительное, оно может использоваться для конкретизации той или иной информации о склонении или спряжении. Например, если парадигма описывает имя существительное, то здесь указывается возможный⁹ аффикс множественного числа¹⁰. Данная система помет «говорящая»: в ней схематично закодирована информация о соответствующей парадигме. Можно легко догадаться о содержании образца склонения или спряжения. К примеру, парадигма под названием *N-4C(S*^H)/d*. Здесь закодирована информация о словоизменительном типе, согласно которому существует 4 варианта основы, заканчивающейся на согласную, в скобках конкретизируется информация о модификациях в основе: происходит удвоение гласной (чередование), усечение консонантной финали; дополнительно указывается аффикс множественности -d.

Единственное число

Специальных аффиксов для выражения единственного числа в калмыцком языке не существует, т. е. налицо нулевой знак, или нулевой формант для выражения единственного числа. В системе падежных аффиксов (см. таблицу 1) существует дифференци-

⁹ Не все имена существительные в калмыцком языке могут иметь множественное число, так же как и в русском. Это так называемые *Singularia Tantum*, однако мы старались указывать гипотетический плюральный аффикс. Все наши информанты указали, что при необходимости будут использовать аналитические средства для выражения множественности. Например, *умилһн* 'чтение' — *тавн умилһн* 'пять чтений'. Но если искусственно присоединить аффикс множественного числа, предположим, к отглагольным существительным, то словоформа будет выглядеть, по данным информантов, следующим образом: *умилһс* — *умилһд*. Заметим, что правильным будет второй вариант, а при образовании первого произошло усечение основы и был присоединен аффикс -с к основе слова, заканчивающейся на сочетание согласных букв (в звуковом оформлении это консонантно-вокалическое сочетание [ɣʌn]).

¹⁰ В кодировании парадигм используется твердый вариант.

⁸ Напомним, в русском языке существует группа неизменяемых слов, у которых признается омонимия всех падежных форм и обоих чисел [Зализняк 1987: 5].

ация только в Gen, Dat и отчасти в Acc, в остальных падежах имеет место небольшое различие, что создается появлением интерфиксов (-h-, -z-) в интервокальной позиции, а в Com и Ass дифференциация вообще отсутствует (не считая алломорфов). Формы именительного (Nom) и винительного (Acc) падежей могут иметь омонимичные нулевые аффиксы, различить которые можно только в контексте.

Таблица 1. Таблица словоизменительных падежных аффиксов калмыцкого языка

№	Падеж ¹¹	Словоизменительный падежный аффикс
1.	Nom (номинатив/именительный падеж)	-Ø
2.	Gen (генитив/родительный падеж)	-а, -э, -я, -ин, -гин, -ын, -хин, -н
3.	Dat (дательный/дательный-местный падеж)	-д, -т
4.	Acc (аккузатив/винительный падеж)	-иг, -гиг, -ыг, -г, -Ø
5.	Instr (инструментальный/орудный падеж)	-ар, -эр, -яр, -һар, -һэр, -гар, -гэр
6.	Com (комитатив/соединительный падеж)	-ла, -лэ
7.	Ass (ассоциатив/совместный падеж)	-та, -тэ
8.	Abl (аблатив/исходный падеж)	-ас, -эс, -һас, -һэс, -гас, -гэс
9.	Dir (директив/направительный падеж)	-ур, -ур, -юр, -һур, -һур, -гур, -гур
10.	Term (терминатив/предельный падеж) ¹²	-ца, -цэ
11.	Voc (вокатив/звательный падеж)	-а, -э

¹¹ Сначала приводятся принятые в работе сокращения названий падежей (использовалась разработанная система помет из [Сай 2009: 638]), затем в скобках — расшифровка и традиционное название.

¹² Предельный и звательный падежи, как правило, не выделяются в системе склонений, поскольку существуют семантические ограничения в их образовании и в речи они используются крайне редко [Грамматика калмыцкого языка 1983: 102]. Эти падежи не входят в основную парадигму и далее не разбираются.

Множественное число

Множественное число образуется при помощи присоединения к основе плюральных аффиксов -d¹³, -nr, -муд, -муд, -с, -уд, -уд, -чуд, -чуд, -нуд, -нуд¹⁴, а потом уже присоединяется падежный аффикс. Их употребление зависит от финали основы и семантического фактора. Так, аффикс -nr присоединяется к словам, обозначающим людей, профессию, родственные отношения¹⁵. Как показывает материал словарей [Павла Дорж 1973; Тодаева 2001] и текстов художественной литературы, данный аффикс, наряду с другими, используется при образовании множественного числа у слов, обозначающих национальную принадлежность: например, *адыг* ‘адыгеец’ — *адыгейцнр* ‘адыгейцы’.

Во множественном числе не сохраняется разнообразие парадигм, как в единственном числе. Если говорить об «основах» множественного числа¹⁶, то надо отметить, что все они заканчиваются на консонантный звук, что и создает небольшое сходство парадигм множественного числа: к аффиксу множественного числа присоединяются одинаковые падежные форманты (алломорфы). Но это только на первый взгляд. Имеет значение, какой аффикс используется для образования множественного числа, вернее его финаль, — -д или -р/-с (см. таблицу 2). Формы именительного (Nom) и винительного (Acc) падежей также могут иметь нулевые аффиксы, что делает их омонимичными. В Dat словоизменительные аффиксы и для мягкого, и для твердого типов словоизменения совпадают (везде -т).

Схемы и комментарий к словоизменительным типам

Изменяемая основа

I. Парадигма, в которой основа слова имеет два варианта. Подразделяется также

¹³ Данный плюральный аффикс в торгутском говоре заменяют на -с, а также может выступать в соединении с другими аффиксами (-уд, -уд) [Убушаев 2006: 8].

¹⁴ Аффикс -нуд (-нуд) редко используется, но как вариант существует и в большей степени является словообразующим формантом, поскольку употребляется для образования этнонимов: харнуд ‘черные’, шарнуд ‘желтые’ [Грамматика калмыцкого языка 1983: 99].

¹⁵ Н. Н. Убушаев считает, что аффикс -nr может присоединяться только к одушевленным существительным [Убушаев 2006: 5].

¹⁶ Понятие «основы» в работе используется условно. По сути, основой является «совокупность основ словоформ» [Лопатин 1977: 109], т. е. без словоизменительных аффиксов. Но в данном случае речь идет о «неизменяемой» части слова уже с или без плюрального аффикса, к которой присоединяются падежные аффиксы.

на вокалический и консонантный подтипы. Первый имеет либо только мягкий, либо твердый вариант, поскольку гласные звуки подчиняются закону сингармонизма.

Таблица 2. Парадигмы множественного числа

№	Падеж	I		II	
		М	Т	М	Т
1.	Nom	—	—	—	—
2.	Gen	-ин	-ын	-ин	-ин
3.	Dat	-т		-т	
4.	Acc	-Ø	-Ø	-Ø	-Ø
		-иг	-ыг	-иг	-иг
5.	Instr	-эр	-ар	-эр	-ар
6.	Com	-лэ	-ла	-лэ	-ла
7.	Ass	-тэ	-та	-тэ	-та
8.	Abl	-эс	-ас	-эс	-ас
9.	Dir	-ур	-ур	-ур	-ур

Вокалический подтип

Основа заканчивается на гласные *-а, -э, -и, -е, -о, -ө, -у, -ү*. Здесь выделяется две частные парадигмы: $N-2\Gamma(S^*)/c$ и $N-2\Gamma(S^*)/nr$, различающиеся лишь плюралным аффиксом. Те слова, которые имеют финалы *-а, -о, -у*, могут присоединять только твердоядные аффиксы, а те основы, которые заканчиваются на гласные *-э, -и, -е, -ө, -ү*, — только мягкорядные аффиксы (см. таблицу 3). Этот образец объединяет в основном односложные слова, состоящие из одной или двух букв (СГ или Г). В основе происходит чередование обычной краткой гласной и долгой гласной, при этом, когда к слову присоединяются падежные аффиксы Gen, Instr, Abl и Dir, происходит интерфиксация основы. В Nom единственного и множественного чисел используется основа с обычным гласным (недолгим), а в остальных падежах — вторая основа с долгой гласной. В парадигме $N-2\Gamma(S^*)/c$ противопоставлены основы именительного и винительного немаркированного падежей и основы косвенных падежей, а в парадигме $N-2\Gamma(S^*)/nr$ — основы единственного и множественного чисел номинатива и аккузатива, а также основы косвенных падежей (за исключением аккузатива немаркированного) и основа номинатива в единственном числе.

Консонантный подтип

$N-2\Gamma C(S^H)/\partial$. В эту группу входят слова, которые заканчиваются на вокалическо-кон-

сонантное сочетание ГС, при этом конечный согласный *-н* исчезает при словоизменении. Обычно данные слова имеют следующие финалы¹⁷:

- *-ан*¹⁸;
- *-эн*;
- *-ун*;
- *-үн*;
- *-ян*;
- *-ин*;
- *-он*¹⁹;
- *-юн*.

$N-2CC(S^H)/\partial^{20}$. К этой группе относятся слова, заканчивающиеся на сочетание согласных, один из которых это неустойчивый *-н*. Выделяются две частные парадигмы: твердый и мягкий. Слова заканчиваются, как правило, на²¹:

- *-дн* ([dǎn]/[dĕn]);
- *-гн* ([gĕn]);
- *-вн* ([vǎn]/[vĕn]);
- *-мн* ([mǎn]/[mĕn]);
- *-сн* ([sǎn]/[sĕn]);
- *-жн* ([žǎn]/[žĕn]);
- *-тн* ([tǎn]/[tĕn]);
- *-хн* ([qǎn]/[qĕn]);
- *-цн* ([cǎn]/[cĕn]);
- *-кн* ([kǎn]/[kĕn]);
- *-чн* ([čǎn]/[čĕn]);
- *-шн* ([šǎn]/[šĕn]);
- *-зн* ([zǎn]/[zĕn]);

¹⁷ Имеется ряд слов-«исключений» из этого образца по причине необозначения неясных гласных на конце слова, что ведет к путанице и отсутствию жестких формальных правил в классифицировании материала по склонениям.

¹⁸ В эту подгруппу частично входят заимствованные слова, однако здесь налицо конкуренция плюралных аффиксов. По орфографическим правилам все слова, которые заканчиваются на *-н*, также теряют его при изменении [Орфографические правила ... 2000: 73]. Текстовый материал и материалы словарей противоречат этому правилу. Определенных тенденций в усечении финалы выявить не удалось.

¹⁹ Слова в основном заимствованные через русский язык.

²⁰ В отдельную парадигму $N-2CC(S)/\partial$ выделяется ряд слов, у которых, помимо аффикса *-д*, может присоединяться *-чуд*, без усечения финалы. См. подробно об этой парадигме во второй части статьи.

²¹ Исключение составляют слова, которые заканчиваются на неясный гласный, который на письме не обозначается, что и порождает трудности в отнесении того или иного слова к определенной парадигме. По этой причине была создана дополнительная графа, в которой дается упрощенная транскрипция. Уже впоследствии при сортировке материала по обратному индексу слова, заканчивающиеся одинаково на неясный гласный, оказывались рядом. Это во многом упростило работу.

Таблица 3. Парадигмы вокалического подтипа с изменяемой основой

№	Падеж	N-2Г(S*)/с		N-2Г(S*)/нр	
		Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
1.	Nom	бу-Ø ³	бу-с	бө-Ø ⁴	бөө-нр
2.	Gen	буу-һин	буу-с-ин	бөө-һин	бөө-нр-ин
3.	Dat	буу-д	буу-с-т	бөө-д	бөө-нр-т
4.	Acc	бу-Ø буу-г	буу-с-Ø буу-с-иг	бө-Ø бөө-г	бөө-нр-Ø бөө-нр-иг
5.	Inst	буу-һар	буу-с-ар	бөө-һар	бөө-нр-ар
6.	Com	буу-ла	буу-с-ла	бөө-лә	бөө-нр-лә
7.	Ass	буу-та	буу-с-та	бөө-тә	бөө-нр-тә
8.	Abl	буу-һас	буу-с-ас	бөө-һәс	бөө-нр-әс
9.	Dir	буу-һур	буу-с-ур	бөө-һур	бөө-нр-ур

Бу — ‘ружье’; бө — ‘шаман’.

- -һин ([yʰin]);
- -һин ([γʰän]/[γʰën]);
- -һин ([lʰän]/[lʰën]);
- -һин ([rʰän]/[rʰën]).

$N-2CC(S^{nh})/-(д/с?)$ ²². По этому образцу склоняются слова, заканчивающиеся на -һин. Парадигма неполная: не имеет форм множественного числа, — хотя, как мы писали выше, пытались указать гипотетический аффикс множественного числа, однако текстовый материал, который использовался во время подготовки обратного словаря, свидетельствует о том, что у девербатов отсутствует множественное число²³.

$N-2C(S^{hh})/д$. Склоняется только одно слово *уньн* ‘жердь’ согласно нашему словнику.

$N-2C(S^{p/c/шт})/муд$. Этот образец объединяет односложные слова, состоящие из двух или трех букв (ГС). В основе также происходит чередование обычной краткой и долгой гласной. Заканчивается на -р/-с/-ш/-г и присоединяет аффикс множественного числа -муд.

$N-2C(S^{*b})/с$. К этой группе относятся односложные слова, состоящие из двух или трех букв (ГС). В основе также происходит чередование обычной краткой и долгой гласной. Заканчивается на -в и присоединяет аффикс множественного числа -с.

$N-2C(S^{*lh})/муд$. По данному образцу изменяются в основном односложные слова по структуре (С)ГС. Происходит трансформация основы: он — оон ‘год’ Заканчивается

²² Помета «—(д/с?)» обозначает затрудненность образования форм множественного числа, в скобках высказываются предположения по поводу возможного плюрального аффикса.

²³ Ср. с данными русского языка: не все девербаты могут иметь форму множественного числа, но гипотетически можно образовать ее, используя стандартные флексии.

ся на -л/-н и присоединяет аффикс множественного числа -муд.

$N-2C(S^{*M})/муд$. Этот образец объединяет односложные слова, состоящие из двух или трех букв (ГС). Заканчивается на -м и присоединяет аффикс множественного числа -муд. В основе происходит чередование обычной краткой и долгой гласной.

Парадигмы падежных окончаний для последних четырех словоизменительных типов приведены ниже в таблице 4.

II. Парадигма, в которых основа слова имеет четыре варианта ($N-4(S^{*h})/д$). Так, вариантами стеммов слова *хөн* ‘овца’ являются, например: *хөн* — *хөө* — *хө* — *хөөн*. Данная парадигма объединяет существительные, финалы которых консонантные: все слова заканчиваются на -н, который исчезает при добавлении определенного аффикса (см. схему ниже в таблице 5). В основе слова происходит удвоение гласной буквы как показателя долгой гласной в первом слоге. Данная парадигма имеет две разновидности: а) твердый вариант и б) мягкий вариант. В основном к этой группе принадлежат односложные слова с закрытым слогом, состоящие из 3 букв.

Результаты исследования по выделению парадигм в калмыцком языке носят предварительный характер, при расширении материала (как словника, так и языковых фактов, отраженных в текстах) они будут уточняться и дополняться. Вместе с тем уже выявленные словоизменительные классы позволяют создать морфологический анализатор под управлением информационной среды StarLing²⁴. В статье, подготовленной

²⁴ Информационная среда StarLing создана С. А. Старостиным (1953–2005), а позже усовершенствована Ф. С. Крыловым.

Таблица 4. Парадигма падежных окончаний (изменяемая основа с чередованием)

№	Падеж	N-2C(S ^{*P/ШЛГ})/муд		N-2C(S ^{*B})/с		N-2C(S ^{*ЛН})/муд		N-2C(S ^{*М})/муд	
		М	Т	М	Т	М	Т	М	Т
1.	Nom	—		—		—		—	
2.	Gen	-ин		-ин		-ин	-ын	-ин	
3.	Dat	-т		-т		-д	-д	-д	
4.	Acc	-иг		-иг		-иг	ыг	-иг	
		-Ø		-Ø		-Ø		-Ø	
5.	Inst	-эр	-ар	-эр	-ар	-эр	-ар	-эр	-ар
6.	Com	-лэ	-ла	-лэ	-ла	-лэ	-ла	-лэ	-ла
7.	Ass	-тэ	-та	-тэ	-та	-тэ	-та	-тэ	-та
8.	Abl	-эс	-ас	-эс	-ас	-эс	-ас	-эс	-ас
9.	Dir	-ур	-ур	-ур	-ур	-ур	-ур	-ур	-ур

Таблица 5. Парадигмы N-4(S^{*H})/д

№	Падеж	Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
		М		Т	
	Nom	хөн-Ø	хө-д	дун-Ø	ду-д
	Gen	хөөн-э	хөө-д-ин	дуун-а	дуу-д-ын
	Dat	хөөн-д	хөө-д-т	дуун-д	дуу-д-т
	Acc	хөө-г	хөө-д-иг	дуу-г	дуу-д-ыг
		хө-Ø	хөө-д-Ø	ду-Ø	ду-д-Ø
	Inst	хөө-һэр	хөө-д-эр	дуу-һар	дуу-д-ар
	Com	хөөн-лэ	хөө-д-лэ	дуун-ла	дуу-д-ла
	Ass	хөө-тэ	хөө-д-тэ	дуу-та	дуу-д-та
	Abl	хөөн-эс	хөө-д-эс	дуун-ас	дуу-д-ас
	Dir	хөөн-ур	хөө-д-ур	дуун-ур	дуу-д-ур

к публикации в следующем номере журнала, будут рассмотрены парадигмы слов с неизменяемой основой, а также парадигмы двойного, возвратного и притяжательного склонений.

Значения используемых символов

«[]» — фонологическая запись; «{ }» — морфонологическая запись; «#» — нулевой знак с переменной фонологической репрезентацией; «Ø» — нулевой аффикс; «\» — знак, разделяющий альтернативные формы; «С» — любая согласная; «Г» — любая гласная; «А» — неясная гласная; «—» — отсутствие форм множественного числа.

Литература

Бадмаев Б. Б. Сопоставительная характеристика склонений в Заяпандинской письменности и в современном калмыцком языке // Развитие науки в Калмыцкой АССР (мат-лы науч. сессии, посвящ. 50-летию Великого Октября). Ч. II: Серия филологии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1968. С. 219–226.

Белогов Г. Г., Давыдова И. М. О возможности определения грамматических классов слов по

буквенным кодам слов // Научно-техническая информация. Сер. 2: Информатика / ВИНТИ. 1967. № 8. С. 20–26.

Биткеев П. Ц. Проблемы фонетики калмыцкого языка (Квантитативные и качественные изменения гласных). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1975. 170 с.

Булыгина Т. В., Крылов С. А. Склонение // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 456.

Грамматика калмыцкого языка: фонетика и морфология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 336 с.

Еськова Н. А., Мельчук И. А., Санников В. З. Формальная модель русской морфологии. I. Формообразование существительных и прилагательных. Предварительные публикации / Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1971. 71 с.

Зализняк А. А. Предисловие // Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение: около 100 000 слов. 3-е изд., сте-

- реотип. М.: Изд-во «Русский язык», 1987. С. 3–10.
- Калмыцко-русский словарь* / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Изд-во «Русский язык», 1977. 768 с.
- Котвич В. Л.* Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Изд. 2-е. Ржевнице у Праги, 1929. 418 с.
- Крылов С. А.* Структурно-вероятностная модель современного монгольского языка (на базе Генерального корпуса монгольского языка) // Урало-алтайские исследования. 2012. № 1(6). С. 78–105.
- Крылов С. А.* Теоретическая грамматика современного монгольского языка и смежные проблемы общей лингвистики. Ч. 1: Морфемика, морфонология, элементы фонологической трансформаторики (в аспекте общей теории морфологических и морфонологических моделей. М.: Изд-во Вост. лит. РАН, 2004. 479 с.
- Кубрякова Е. С., Соболева П. А.* О понятии парадигмы в формообразовании и словообразовании // Лингвистика и поэтика: сб. науч. ст. М.: Наука, 1979. С. 5–23.
- Лопатин В. В.* Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания. М.: Наука, 1977. 315 с.
- Манджеева Е. Ц.* Морфемные модели слов в современном калмыцком языке (на материале имен существительных): автореф. дисс. ... канд. фил. наук. Элиста, 2010. 26 с.
- Орфографические правила и Орфографический словарь калмыцкого языка* / отв. ред. Э. У. Омакаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2000. 480 с.
- Очир-Горяева М. А.* О значении коня и овцы в обрядовой культуре кочевников // Монголоведение: сб. науч. тр. Вып. 5. Элиста: КИГИ РАН, 2011. С. 126–138.
- Павла Дорж. Чикэр бичлһнэ толь. 2-гч һарц.* Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1973. 240 с.
- Рассадин В. И., Трофимова С. М.* Сравнительное исследование звукового строя языков дербетов Калмыкии и Монголии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований. 2011. № 2. С. 99–107.
- Русская грамматика: научные труды.* В 2-х тт. / отв. ред. Н. Ю. Шведова; репринтное изд. Т. 1: Фонетика, Фонология, Ударение, Интонация, Словообразование, Морфология. М.: Ин-т русского языка РАН, 2005. 784 с.
- Сай С. С.* Грамматический очерк калмыцкого языка // Исследования по грамматике калмыцкого языка / ред. С. С. Сай, В. В. Баранова, Н. В. Сердобольская (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН, 2009. Т. V, ч. 2). СПб.: Наука, 2009. С. 622–709.
- Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков / отв. ред. С. Д. Дылыков. Т. I. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. 240 с.
- Тодаева Б. Х.* Словарь языка ойратов Синьцзяна (по версиям песен «Джангара» и полевым записям автора) / КИГИ РАН. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 493 с.
- Толстая С. М.* Морфонология в структуре славянских языков. М.: Изд-во «Индрик», 1998. 320 с.
- Трофимова С. М.* Грамматические категории именных основ в монгольских языках (семантико-функциональный аспект). Элиста: Изд-во КГУ, 2009. 282 с.
- Убушаев Н. Н.* Категория множественности в калмыцких говорах // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований. Вып. 20. Элиста: НИП «Джангар», 2006. С. 5–12.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.09:821.161.1-32

ББК Ш5(2=Р)7-4Бабель И. Э.

ОЛЬФАКТОРНОЕ ПРОСТРАНСТВО
В РАССКАЗАХ ИСААКА БАБЕЛЯ*

Р. М. Ханинова

А. К. Воронский, называя Исаака Бабеля физиологическим писателем, как и Б. Пильняка, Вс. Иванова, Л. Сейфулину, Н. Никитина, отметил, что у каждого из них своя «физиология», но истоки общие — они в эпохе. В этом И. Бабель — «верный сын своего времени», «он любит плоть, мясо, кровь, мускулы, румянец, все, что горячо и буйно растет, дышит, пахнет, что прочно приковано к земле» [Воронский 1987: 175]. При этом «очень своеобразно, неожиданно и метко соединяет художник прилагательные с существительными, то есть дает определения», среди которых литературный критик перечислил и одорические: «пыльная проволока кудрей», «мертвенный аромат парчи», «дым потаенного убийства», «прокишшая духота» [Воронский 1987: 174].

Часто тропы И. Бабеля обусловлены контекстом. «Зеленые ракеты взвивались над польским лагерем. <...> И в тишине я услышал *отдаленное дуновение стога. Дым потаенного убийства* бродил вокруг нас.

— Бьют кого-то, — сказал я. — Кого это бьют?

— Поляк тревожится, — ответил мне мужик, — поляк жидов режет...» [Бабель, II 2006: 8] («Замостье», 1924). Автор использует, как и в своих рассказах о детстве, антропоморфный признак опасности, поскольку дым связан с человеком и повсеместен на войне («дым ... бродил»). Ср. в рассказе «Эскадронный Трунов» (1925): «кривой переулоч, *обкуранный тошнотворными густыми дымами*» [Бабель, II 2006: 170]. Экономка иезуита (предателя) «дала мне янтарного чаю с бисквитами. *Бисквиты ее пахли, как распятие. Лукавый сок* был заключен в них и *благонная ярость Ватикана*» [Бабель, II 2006: 45] («Костел в Новограде», 1923). Еда пахнет кровью спасителя, ср. бисквиты, как запах счастливого детства у М. Пруста. Там же: «...дыхание невиданного уклада мерца-

ло под развалинами дома ксендза», «я вижу раны твоего бога, сочащиеся *семенем, благоуханным ядом*, опьяняющим девственниц» [Бабель, II 2006: 46]. Ср. тот же образ в рассказе «Пан Аполек» (1923). Испуг перед брачной ночью вызвал у невесты икоту, рвотный рефлекс, а жених оставил ее, глумясь, и созвал всех гостей. И тогда Иисус, «полный сострадания, соединился с Деборой, лежавшей в блевотине» [Бабель, II 2006: 65]. Одорические компоненты закодированы в истории об Иисусе и Деборе, закончившейся рождением ребенка. Согласно М. Ямпольскому, «принцип аполекского евангелизма относительно прост: Христу приписывается все низкое, отвратительное, все негативное, все отвратительное — невеста, лежащая в блевотине, оказывается единственно возможной христовой невестой.

Соединение Христа с Деборой имеет еще одно дополнительное значение. Дебора являет собой концентрированное до предела воплощение „нечистого“ — это женщина, покрытая блевотиной. Она представляется прямой противоположностью Христу, воплощающему „чистое“ — логос, слово, жертвенность. Блевотина, как иные телесные выделения, участвует в процессе отделения чистого от нечистого. По выражению Ю. Кристевой, „это та цена, которую должно платить тело, чтобы стать чистым и очищенным“ [228, 108]. Божественное возникает как раз за счет отделения логоса от нечистот. <...> Жак Деррида заметил, что блевотина и вызываемое ею отвращение никогда не относятся к сфере „высших“ чувств — слуха и зрения, т. е. к той сфере, в которой божественное манифестирует себя в виде логоса или иконы. Они всегда относятся к сфере „низших“ чувств — вкуса и обоняния, т. е. к сфере тех чувств, из которых исключена свобода (человек обладает свободой не видеть и не слышать в большей

* Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., государственный контракт № 16.740.11.0116 от 02.09.2010.

мере, чем свободой не обонять или не ощущать вкуса); Деррида [205, 23–25]» [Жолковский и др. 1994: 272]. В другом рассказе «Сашка Христос» Евангелие снова используется как гипертекст кощунственной ролевой инверсии: «Сифилис, как и блевотина, становятся знаками святости» [Жолковский и др. 1994: 272].

У И. Бабеля одоронимы также противопоставлены по резкости обоняния извне (в саду) и внутри (кухня): «запах лилий чист и крепок, как спирт. Этот свежий яд вливается в жирное бурливое дыхание плиты и мертвит смолистую духоту ели, разбросанной по кухне» [Бабель, II 2006: 64]. В. П. Полонский в 1927 г. дал характеристику 34 новеллам «Конармии» в том же сравнении: «остры, как спирт» [Полонский 1988: 57]. Для Серебряного века «лилия была полна двусмысленности, — поясняет Е. Жирицкая, — ее белоснежные, „целомудренные“ соцветия издавали столь сильный аромат, что он мог легко вызвать головную боль. В этом цветке символически соединились два женских идеала времени: „ангельская чистота“ и „дьявольская губительная страсть“» [Жирицкая 2010: 177]. Включение запаха лилии в «Пане Аполеке» в семантическом и символическом планах обусловлено тем, что у древних иудеев этот цветок обозначал чистоту и невинность, символ будущего, а в христианской религии лилия — символ спасения и божественной награды, в Новом Завете Христос называет себя лилией долин, подчеркивая свое значение как Спасителя душ человеческих [Лаврова 2009: 132], «в Библии лилия — символ взаимной приязни жениха и невесты» [Похлебкин 2006: 228]. Столкновение двух растительных запахов в рассказе любопытно тем, что ель — это символ вечной жизни, дерева жизни и в то же время жертвенный знак смерти, траура [Похлебкин 2006: 144]. Вкупе с запахами блевотины, спермы, еды одорическая символика здесь обозначает главные человеческие вехи: совокупление, зачатие, жизнь и смерть. В «Сказке про бабу» (1923) дана сюжетная ситуация-«перевертыш»: приглашенный на вечер Валентин, не удостоив ласками Ксению, пьяный «упал на постель, обрыгал, извините, простынки и заснул, раб божий» [Бабель, III 2006: 108].

Карнавал как мирозерцание и карнавальность внешнего вида бабелевских героев простираются и на сферу обонятельного. Парфюмерная деталь в облике начдива

шесть Савицкого — характерная особенность персонажа: «Облитый духами и похожий на Петра Великого...» [Бабель, II 2006: 111] («История одной лошади», 1920), от него «пахло духами и приторной прохладой мыла» [Бабель, II 2006: 74] («Мой первый гусь», 1924). Чрезмерность ароматизации для мужчины на войне здесь попытка приобщения к недоступному прежде образу жизни, к иной культуре, сигнал социального статуса командира. Ср. в «Планах и набросках к «Конармии» характеристика Тимошенко: «Декоративный начдив», «спокойный, точный, чистоплотный авантюрист» [Бабель, II 2006: 358]. Отсутствие идентификации рассказчиком духов можно трактовать по-разному, хотя для Бабеля обычно обобщение парфюмного компонента.

В конармейских рассказах экспрессивное сравнение сена с парфюмом поясняло условия отдыха Левки, кучера начдива: «Сарай был набит свежим сеном, зажигательным, как духи» [Бабель, II 2006: 167] («Вдова», 1923), а также передавало «восторг первого обладания» тачанкой повествователем: «...мое сиденье устлано цветистым рядом и сеном, пахнущим духами и безмятежностью» [Бабель, II 2006: 87] («Учение о тачанке», 1923). В «Замостье» повествователю снится, как женщина дала ему свои груди, чтобы он испил ее молока, укрепила пятки на его веках и «забила благовонным сеном отверстие рта» [Бабель, II 2006: 169]. Здесь сочетание умершей травы (сено) и ее запаха отражает инфантильное состояние сновидца, вызванное лицемерием женской груди и кормлением. Это в какой-то мере самозащита взрослого человека на войне, где материнское начало (молоко жизни) сопряжено с круговоротом жизни (трава = сено). «Трава — растущая, живая — отождествляется с женским рождающим началом. Она напоминает женские волосы и передает им свой запах. Поле с живой травой — поле, готовое родить плоды, как пышные живые волосы молодой женщины свидетельствуют о ее силе и рождающей способности. Трава мертвая — скошенная, увядшая. Однако ее мертвость условна так же, как условна и смерть женщины. Женщина родит тело от тела, а трава сначала станет кормом для коровьего тела, а затем плотью новой жизни — теленком, жизнью, которая, в свою очередь, будет отдана человеку, т. е. войдет в его плоть» [Карасев 2002: 17]. Для М. Ямпольского «отверстие рта, забитое

благовонным сеном, маркирует символическую трансформацию рассказчика в животное» [Жолковский и др. 1994: 309].

Запах, природный и искусственный, в произведениях И. Бабеля становится отправной точкой сравнения прошлого и настоящего. В городе на Неве осталась без хозяев библиотека императрицы Марии Федоровны — *«надушенная коробка с прижатými к стенам золочеными, в малиновых полосах шкафами»*, где до рассвета перебирают чужие вещи, а снимки, пряди волос, дневники и письма царственных особ, *«дыша духами и тленом»*, рассыпаются под пальцами [Бабель, I 2006: 241, 243] («Дорога», 1932). Это хрупкий запах исчезнувшей жизни, менее стойкой, чем косметические флюиды или аромат сигар, но от этого более притягательный. В «Конармии» Сашка копалась в шелках, брошенных кем-то на пол близ алтаря в костеле: *«Мертвенный аромат парчи, рассыпавшихся цветов, душистого тления* лился в ее трепещущие ноздри, *щекоча и отравляя»* [Бабель, II 2006: 140] («У святого Валента», 1924). Одорический элемент культурной ассоциации скреплен оксюморонами («мертвенный аромат», «душистое тление»).

В целом психологическая парадигма бабелевских текстов в ольфакторном ракурсе сопряжена с мироощущением персонажей. Это жизнь, выбитая из обычной колеи в смерть, где на полу человеческий кал и черепки пасхальной посуды, где *«запах вчерашней крови и убитых лошадей каплет в вечернюю прохладу»* [Бабель, II 2006: 43] («Переход через Збруч», 1924), где, как пишет Сидоров в письме к Виктории, «дальше был фронт, Конармия и солдатня, пахнувшая сырой кровью и человеческим прахом» [Бабель, II 2006: 68] («Солнце Италии», 1924). Это тоска раненого человека, воевавшего у Махно и у Буденного и мечтавшего экспансировать революцию в Италию. Отношение соседа к чужому письму выражено через противопоставление мира природы и мира человека: «Я прочитал письмо и стал укладываться на моем продавленном нечистом ложе, но сон не шел. <...> Наша комната была темна, мрачна, все дышало в ней ночной сырой вонью, и только окно, заполненное лунным светом, сияло, как избавление» [Бабель, II 2006: 69, 70]. Ср. самохарактеристика персонажа мотивируется его пастушеством: «...молоком меня навьлет прохватило, вонюю я, как разрезанное вымя»

[Бабель, II 2006: 102] («Жизнеописание Павличенки, Матвея Родионьича», 1924).

Одорическая доминанта «Конармии» — «настоящая реальность, пахнувшая сырой кровью и человеческим прахом», — еще в 1927 г. констатировал В. П. Полонский [Полонский 1988: 59]. По поводу «Истории моей голубятни» и «Первой любви» критик писал, что «и в этом материале, почерпнутом из детских лет, мы находим те же слезы и кровь, послужившие „Конармии“» [Полонский 1988: 77], повторив в дневнике в 1931 г.: «Слезы и кровь — вот его материал. Он не может работать на обычном материале, ему нужен особенный, *острый, пряный, смертельный»* [Полонский 1988: 243]. Определения крови в произведениях автора маркированы ситуативно в амплитуде восприятия и осмысления: сырая, вчерашняя, зловонная, нежная и т. п. Кружение по Житомиру повествователя из рассказа «Гедали» (1924) прерывается встречей с хозяином лавки Гедали. «Небо меняет цвета. *Нежная кровь* льется из опрокинутой бутылки там вверху, и меня *обволакивает легкий запах тления»* [Бабель, II 2006: 72]. Ж. Хетени расшифровывает метафору: «В описаниях заката доминируют смерть и конец (европейский временной аспект)» [Хетени 1996: 548], — которая подготавливает диалог. Старик задается вопросом, где «*сладкая революция*», когда убивает и революция, и контрреволюция, он мечтает о несбыточном — Интернационале добрых людей, «чтобы каждую душу взяли на учет и дали ей паек по первой категории», спрашивает, с чем кушают Интернационал и слышит в ответ от повествователя трагическое подтверждение своим опасениям: «Его кушают с порохом, — ответил я старику, — и приправляют лучшей кровью...» [Бабель, II 2006: 73]. Запах пороха и крови, ее вкус — лейтмотив революции и Гражданской войны, по И. Бабелю, когда обесценилась человеческая жизнь, как мертвые цветы, пыль с которых сдувает метелкой в своей лавке Гедали.

Индикатор запаха в «Конармии» мог быть обусловлен статусом («Квартира мне попала у рыжей вдовы, *пропахшей вдовым горем»*, репрессиями: в подвалах и конюшнях, где спасаются от пуль и грабежей, «скопляются за много дней человечьи *отбросы* и *навоз* скотины. *Уныние и ужас* заполняют *катакомбы* *едкой вонью* и *протухшей кислотой испражнений»*, «Берестечко *нерушимо воняет* и до сих пор, ото всех лю-

дей несет *запахом гнилой селедки*. Местечко *смердит в ожидании новой эры...*» [Бабель, II 2006: 121] («Берестечко», 1924)), типом поведения («И от земли *пахло кисло, как от солдатки на рассвете*» [Бабель, II 2006: 97] («Сашка Христос», 1924)), отношением («А батько слушает его, поглаживает *пыльную проволоку своих кудрей* и пропускает сквозь *гнилые зубы* длинную змею мужицкой своей усмешки») [Бабель, II 2006: 67–68] («Солнце Италии», 1924)), ритмом жизни (на уставших красноармейцев в ночной атаке на город «*сырой рассвет стекал на нас, как волны хлороформа*», а после боя «утро сочилось из нас, как *хлороформ сочится на гостиньный стол*» [Бабель, II 2006: 170, 172] («Замостье»)).

Ср. в конармейском дневнике 1920 г. И. Бабеля: «Дать *воздух Ровно, что-то раздерганное, неустойчивое, и есть быт и польские вывески*» [Бабель, II 2006: 230]. Или: «За этот день — главное — описать красноармейцев и *воздух*» [Бабель, II 2006: 280]. Одорические контрасты психологичны и в дневниковых записях: «Ночь, клуня, *душистое сено, но воздух тяжелый*, чем-то я придавлен, грустной бездумностью моей жизни» [Бабель, II 2006: 285]. Впечатление И. Бабеля о семействе Хастов переданы соединением высокого и низкого, физиологического и онтологического через призму телесности и духовности: «злое словесное зловоние», «эти вонючие души», «много тайн, смердящих воспоминаний о скандалах» [Бабель, II 2006: 230, 232]. Приязнь к кубанцам объемлет всю многослойную атмосферу их бытия: «Содружество, всегда своей компанией, под окном ночью и днем фыркают кони, *великолепный запах навоза, солнца, спящих казаков*, два раза в день варят огромные ведра похлебки и мясо. Они истовы, дружелюбны, дики, но как-то более привлекательны, домовиты, меньше ругатели, спокойнее, чем донцы и ставропольцы» [Бабель, II 2006: 294]. В рассказе «Мой первый гусь» первоначальный прием казаками командированного Лютова заведомо пренебрежителен. Молодой парень «повернулся ко мне задом и с особенной сноровкой стал издавать *постыдные звуки*.

— Орудия номер два нуля, — крикнул ему казак постарше и засмеялся, — крой беглым...

Парень истошил свое нехитрое умение и отошел» [Бабель, II 2006: 76]. В рассказе «Колывушка» (1930) председатель колхоза

Житняк с издевательским смехом говорит раскулаченному человеку, в доме которого «все отражало мучительную чистоту», о том, как баба оладий напекла: «...мы, как кабаны, нашамались с нею, *аж газ пуцали*» [Бабель, III 2006: 165].

Кладбище в еврейском местечке, где «Ассирия и *таинственное тление Востока* на поросших бурьяном волынских полях» [Бабель, II 2006: 108] («Кладбище в Козине», 1923), — последний приют для нескольких поколений, а новое поколение, казалось бы, беспощадно и к живым, и мертвым. В рассказе «Иваны» (1924) натурализм описания, как в темноте случайно справили нужду на мертвеца, играет особую роль. «Взвалив на себя седло, я пошел по развороченной меже и у поворота остановился по своей нужде. Облегчившись, я застегнулся и *почувствовал брызги на моей руке*. Я зажег фонарик, обернулся и увидел на земле *труп поляка, залитый моей мочой*. Она *выливалась у него изо рта, брызгала между зубов и стояла в пустых глазницах*» [Бабель, II 2006: 156]. По замечанию И. Сухих, последняя деталь казалась настолько «неэстетичной», что неизменно вычеркивалась в посмертных изданиях [Сухих, II 2006: 25]. «Воззванием Пилсудского, маршала и главнокомандующего, я *стер вонючую жидкость* с черепа неведомого моего брата и ушел, *сгибаясь под тяжестью седла*» [Бабель, II 2006: 156]. Эта одорическая деталь (вонючая жидкость) дополняется осязательной (стирание мочи, тяжесть седла), усиливающей переживания человека, думающего о братстве людей на войне.

У И. Бабеля в дневниковой записи 7 августа 1920 г. есть упоминание, которое послужило основой для одного из эпизодов этой новеллы: «Труп убитого поляка, страшный труп, вздутый и голый, чудовищно», указывает комментатор [Сухих, II 2006: 385]. В цикле рассказов И. Бабеля «На поле чести» (1920), вольной обработке некоторых сюжетов из книги капитана французской армии Г. Видаля «Персонажи и анекдоты Великой войны» (Париж, 1918) [Сухих, III 2006: 454], эпизод с мастурбирующим солдатом, не желавшим идти в контратаку и потому облитым мочой капитана, перекликается с одорическим мотивом рассказа «Иваны»: моча как оскорбление и унижение. «*Зловонная струя* с силой брызнула в *лицо солдата*. Виду был дурак, *деревенский дурак*, но он *не перенес обиды*», с тоскливым воплем бросился к траншеям не-

приятеля, пуля которого пробила ему грудь, а капитан Ratin добил труса из револьвера [Бабель, III 2006: 89]. М. Ямпольский обратил внимание в этом эпизоде на эротические коннотации по Фрейду: офицер наказывает провинившегося, сначала ослепляя его мочой, гася в нем эротический порыв, а затем фактически убивая его [Жолковский и др. 1994: 301]. Для нас немаловажно, что Виду пытался перебороть свой страх, он признался командиру: «Я все испробовал. <...> Я выпил бутылку чистого спирта для храбрости» [Бабель, III 2006: 88]. Ср. в рассказе И. Бабеля «Иван-да-Марья» (1932) потому, что «русскому человеку выпить требуется», парходная команда перепилась самогоном, у которого «серный дух», «смертный запах» [Бабель, III 2006: 250, 255, 251], сорвала поставку оружия чапаевцам, за что капитан был расстрелян.

«Ольфакторное пространство» [Рогачева 2011: 5] в рассказах И. Бабеля отличается своеобразием в индивидуальном восприятии автора и универсальностью воплощения в тексте. Можно сделать следующие выводы: 1) запах, как правило, не играет главной сюжетобразующей роли, он выражен лейтмотивом, деталью, контекстом; 2) устойчива система одоронимов соматической перцепции (тлен, кровь, блевотина, экскременты, моча, сперма, кишечные газы, пот, молоко, грязь), частотны природные (солнце, земля, воздух, огонь, ветер, пыль, дождь, деревья, трава, цветы, животные), ландшафтные (север, юг), сезонные, топографические (запах города, местечка, переулочка, двора) и локусные (дворец, дом, комната, сарай, лавка), искусственные (керосин, порох, краски, косметические средства — духи, одеколон, мыло) и пищевые (мясо, спирт, водка, самогон), предметные и вещные (одежда, книга, сигара, овчины, свеча, школьные принадлежности и т. п.) обонятельные маркеры; 3) рецепция запаха имеет возрастную, гендерную и национальную специфику; 4) значим «феномен Пруста»; 5) помимо прямого представления ольфакторных восприятий индивидуумом (приятный/неприятный) в характеристике воздействия (резкий, острый, душливый и т. п.) дано преимущественно

метафорическое употребление языка запаха; б) одорический код явлен в подтексте философских, религиозных, фольклорных и мифологических ориентиров.

Поэтика запаха в прозе И. Бабеля подтверждает авторское рассуждение о том, что образ должен быть точным, как логарифмическая линейка, и пряным, как укроп.

Литература

- Бабель И. Э.* Собр. соч.: в 4 тт. / сост. и прим. И. Н. Сухих. М.: Время, 2006. Т. I. 576 с. Т. II. 416 с. Т. III. 496 с. Т. IV. 640 с.
- Воронский А. К.* И. Бабель // Воронский А. К. Искусство видеть мир: статьи, портреты. М.: Сов. писатель, 1987. С. 170–187.
- Жирицкая Е. А.* Легкое дыхание: запах как культурная репрессия в российском обществе 1917–1930-х годов // Ароматы и запахи в культуре: в 2 кн. / сост. О. Б. Вайнштейн. Изд. 2-е, испр. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 167–269.
- Жолковский А. К., Ямпольский М. Б.* Бабель / Babel. М.: Carte Blanche, 1994. 446 с.
- Карасев Л. В.* Знаки покинутого детства. «Постоянное» у А. Платонова // Карасев Л. В. Движение по склону. О сочинениях А. Платонова. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2002. С. 9–37.
- Лаврова С. А.* Царство Флоры: цветы и деревья в легендах и мифах. М.: Белый город, 2009. 351 с.
- Полонский В. П.* Бабель // Полонский В. П. О литературе. М.: Сов. писатель, 1988. С. 57–78.
- Похлебкин В. В.* Словарь международной символики и эмблематики. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2006. 543 с.
- Рогачева Н. А.* Русская лирика рубежа XIX–XX веков: поэтика запаха: автореф. дис. ... д-ра фил. наук. Екатеринбург, 2011. 48 с.
- Сухих И. Н.* Киндербальзам среди кентавров // Бабель И. Э. Собр. соч.: в 4 тт. Т. II. М.: Время, 2006. С. 5–39.
- Сухих И. Н.* Обожженные солнцем // Бабель И. Э. Собр. соч.: в 4 тт. Т. I. М.: Время, 2006. С. 8–31.
- Сухих И. Н.* Примечания // Бабель И. Э. Собр. соч.: в 4 тт. Т. III. М.: Время, 2006. С. 449–483.
- Сухих И. Н.* О звездах, крови, людях и лошадях // Сухих И. Н. Двадцать книг XX века: эссе. СПб.: Паритет, 2004. С. 99–122.
- Хетени Ж.* Лавка вечности (к мотивной структуре рассказа «Гедали» И. Бабеля) // Бабель И. Э. Избранное. М.: Олимп, АСТ, 1996. С. 547–552.

УДК 398.87.(470.47)

ББК 83.3 (235.7)

**ОБРАЗ МАТЕРИ В КАЛМЫЦКОМ ФОЛЬКЛОРЕ:
К ПРОБЛЕМЕ УНИВЕРСАЛЬНОГО И СПЕЦИФИЧЕСКОГО
(на материале фольклорных текстов)**

Б. Б. Дякиева, Э. У. Омакаева

Характерной чертой современной гуманитарной науки является поиск ответа на основные вопросы человеческого бытия, «семантических универсалий», «ключевых слов», смысловых и общекультурных доминант в тексте и т. д. В этом ряду особое место занимают фольклорные концепты, в том числе гендерные, которые прекрасно вписываются в междисциплинарную научную парадигму, характеризующуюся наблюдаемым сегодня интегрированием смежных дисциплин.

Задачей гендерных исследований является выявление разницы в статусе, образе жизни мужчин и женщин, анализ феномена власти, утверждаемой в социуме через гендерные роли и отношения. Теория гендера позволяет по-новому интерпретировать и фольклорные произведения, где по-особому воплощаются мужской и женский взгляды на мир (гендерная картина мира), на взаимоотношения полов, а также осветить проблему материнства, которая приобретает сегодня особую значимость и новые грани в связи с развитием гендерологии.

Представления о материнстве отражены в различных жанрах калмыцкого фольклора. Эпические, сказочные, песенные мотивы отражают существовавшие «материнские» традиции. Познавательный и воспитательный потенциал фольклорного моделирования образа матери очевиден. В ходе исполнения или слушания песен, знакомства с пословицами человек полностью погружается в те или иные жизненные ситуации, перед ним встает целый ряд нравственных проблем, с которыми сталкиваются герои. Человек учится делать правильный выбор, учится поступать по совести. Таким образом, с помощью фольклора человек постигает мир во всем многообразии и сложности, что очень важно для его вхождения во взрослую жизнь, для социализации.

Фольклор и в узком смысле, понимая его как устное вербальное искусство со своей особой жанровой характеристикой,

фондом сюжетов, тем, мотивов и формул, персонажной системой, набором изобразительно-выразительных средств, и в широком (как вся традиционная народная культура во всем многообразии ее форм и способов выражения) неизбежно оказывается в поле пересечения научных интересов различных сфер современного гуманитарного знания, представляя собой закодированную в устойчивых образах и символах родовую коллективную память народа. Научиться расшифровывать этот код — задача не из легких.

Фольклорный текст отражает определенный способ восприятия и концептуализации мира. Текст рассматривается как многомерное концептуальное пространство, которое определяется как устойчивая совокупность некоторых концептов.

«Концепт» является одним из терминов, широко используемым в современной гуманитарной науке, но он, к сожалению, не имеет сегодня однозначного терминологического статуса. Исследователи особо подчеркивают такие его черты, как общекультурная значимость и ментальная природа. В «Кратком словаре когнитивных терминов» находим следующее определение: «Концепт — это оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова и др. 1997: 90].

Вполне понятно, что круг базовых концептов, определяющих ту или иную этническую культуру, вероятно, может быть очерчен лишь приблизительно, принимая во внимание тот факт, что восприятие их представителями собственной и чужой культуры, естественно, оказывается различным, ибо концепты «обязательно этноспецифичны» [Вежбицкая 2001: 263]. Именно фольклор, вбирая коллективный духовный опыт, сохраняя память народа, содержит в себе многообразный спектр смыслов, ассоциа-

ций и представлений, носящих устойчивый, повторяющийся характер.

Конечно, основной научной сферой изучения концепта в настоящее время является лингвистика, для которой принципиальной является идея вербальной выраженности концепта [Лихачев 1997: 5]. Для определения сущности концепта имеет смысл обратиться к трактовкам этого явления в современном научном дискурсе.

Само слово «концепт», как известно, в переводе с латинского (*conceptus*) означает «понятие», поэтому связь концепта и понятия очевидна, но каково их соотношение? Исследователи по-разному отвечают на этот довольно сложный вопрос. Одни отдают приоритет понятию, считая концепт его содержанием и, по сути, отождествляя их [Абушенко, Кацук 2003]. Поэтому оба слова часто выступают в литературе как синонимы. Другие же говорят о неправомерности отождествления концепта с понятием, видя отличие в том, что первый субъективен и соотносится с дискурсом, речью, а понятие объективно и связано с языком [Неретина 1999: 30].

Действительно, не является ли понятие, равно как и образ, символ, содержанием концепта, т. е. не является ли концепт более широким, родовым, явлением? Вслед за Ю. С. Степановым, мы считаем концепт более объемной, многомерной мыслительной единицей по сравнению с понятием [Степанов 2001: 43]. Концепт существует в сознании человека в виде представлений, понятий, ассоциаций, знаний, переживаний в их совокупности, поэтому не может считаться явлением того же порядка, что и понятие. Понятие входит в структуру концепта, являясь одним из основных его ядерных компонентов.

Все свойства общекультурных концептов присущи и фольклорным концептам, но приобретают в них эстетическую функцию, поэтому изучение таких концептов предполагает выявление прежде всего их художественной природы.

Концепт в фольклоре, как и в литературе, всегда реализован в образах, но обратное не верно: не всякий образ участвует в создании концепта (образ может быть единичным). В концепте, в отличие от образа, доминирующим оказывается именно инвариантный смысл, который получает в каждом конкретном случае индивидуально-творческую реализацию.

Изучение фольклорной концептосферы, в частности песенной и пословичной, с целью выявления в ней тех или иных концептов — важнейшая задача современной фольклористики. Среди фольклорных концептов значительное место занимают «персонажные». В фольклорной «персональной» традиционно являющийся одним из ключевых концептов матери интересен прежде всего с точки зрения образности и аксиологии, поскольку именно образная и ценностная составляющие представляют идиозначительную специфику, а понятийная составляющая носит универсальный, общечеловеческий характер.

Модель мира воссоздается в различных образах, реконструирующих мир человеческих отношений. Образ — понятие сложное и многогранное. Он, на наш взгляд, как средоточие ведущих мотивов произведения раскрывает его тему. Образ матери выступает как проявление темы материнства, так называемой «вечной темы». Он передавался от поколения к поколению и сохранялся в основных своих чертах неизменным.

Образ матери является национальным и культурным символом, не утратившим и сегодня своего значения. Тем не менее он, несмотря на свою очевидную значимость, остается по существу малоисследованным в калмыцкой фольклористике. Это обстоятельство дало нам повод обратиться к теме, связанной с гендером, традиционным воспитанием детей в калмыцких семьях в целом и ролью матери в воспитании ребенка в частности [см. например: Небольсин 1852; Львовский 1898; Бурдуков 1936; Эрднеев 1970; Шалхаков 1982; Оконов 1980; Бакаева, Гучинова 1992; Омакаева 1998; 2010; Алексеева 2000; Батмаев 2009; Шараева 2011 и др.], и осветить те ее грани, которые до сих пор оставались в тени.

Уважение к матери в калмыцком обществе основано на ее скромности, целомудрии, терпении и трудолюбии, преданности семье. Использование наименования родства, например *ээж/эк* [Омакаева 2009], позволяет говорить о реализации в данном контексте соответствующего концепта матери и смежного гендерного концепта «женщина», а также суперконцепта «семья».

Анализ песенных и пословичных текстов показывает, что семья у калмыков традиционно играла важную роль в трансляции этнокультурного наследия, в нравственном и трудовом воспитании детей. И

главное участие в этом процессе принимала женщина-мать, хранительница домашнего очага, имевшая очень широкий круг обязанностей. К примеру, ей приходилось обшивать всех членов своей семьи, заниматься обработкой шкур, приготовлением пищи, заготовкой различных продуктов и т. п. Надо заметить, что калмыцкие женщины всегда отличались исключительным трудолюбием и старались привить любовь к труду своим детям.

Вся повседневная жизнь женщины была сосредоточена на детях. С раннего возраста детей приучали к ведению домашнего хозяйства и трудностям кочевого образа жизни. Конечно, большое внимание мать уделяла воспитанию дочери, ведь она будущая жена и мать. Об особых отношениях матери и дочери говорит калмыцкая пословица *Күүкн үрн — экин кеермж, көвүн үрн — экин кеермж* 'Дочь — украшение матери, сын — украшение отца'.

Образ матери — своеобразный нравственный ориентир для понимания общемировоззренческих вопросов, чувств и переживаний героев эпоса, народных песен. В нем заложено представление о здоровой духовной жизни, которой нам так не хватает сегодня. Данный образ воплощает в себе разные аспекты материнства.

Где мать — там жизнь, радость, свет. Мать — символ добра, она защищает и оберегает. Особая теплота и нежность чувствуется в калмыцких песнях, выражающих материнское отношение женщины-калмычки к своим детям и любовь и уважение сына. В качестве примера приведем текст калмыцкой песни «Ээжин дун», в которой образ матери создается с помощью разных выразительных средств, например эпитетов: *килмжэтэ* 'заботливая', *буйнта* 'добродетельная', *нарн болсн* 'ставшая солнцем' (уподобление образа матери солнцу встречается и у других народов [Габышев 1999]):

*Киитн булгин уснднь
Киилгэн уһаһад суулав.
Киилгэн уһаһад суув чигн,
Килмжэтэ ээжм сангдна.*

*Һашун худгин уснасьн
Һарихэн уһаһад суулав.
Һарихэн уһаһад суув чигн,
Һарлдсн ээжм сангдна.*

*Нарн һарх үзгэс
Намчта торһн кишснэ.*

*Нарн болсн ээжмнь
Насна туршар сангдна.*

*Буруһан хэлэсн эрг деернь
Бурһсн моднь нэгхлнэ.
Бурһсн моднь нэгхлв чигн,
Буйнта ээжм сангдна*

[Сто калмыцких народных песен 1990: 51].

Материал фиксирует тесную связь концептов «мать» и «дитя». Взаимосвязь данных концептов в калмыцком сознании наиболее ярко и точно проявилась в известной пословице:

Экин седкл — үрнд 'Помыслы матери — о детях,
Үрнд седкл — көдэд. Помыслы детей — в степи'
[Оконов 1973: 53].

Следует заметить, что имя концепта может отсутствовать в конкретном тексте, однако сам концепт в нем реализуется. Искреннюю заботу матери, ее любовь к своим детям подчеркивают калмыцкие пословицы, в которых используются зооморфные или орнитоморфные образы:

Гүн догшин болвчн, 'Как ни свирепа кобыла,
Уһнан ишклдг уга. Она не топчет своего
жеребенка.'

Хун догшин болвчн, 'Как ни свирепа лебедь,
Өндгэн хамхлдг уга. Она не крушит своих яиц'
[Оконов 1973: 53].

Материнское начало, понимаемое нами как комплекс мотивов, образов, тем и проблем, связанных с материнством, выступает аксиологической доминантой в калмыцком фольклоре. Дядя по матери (*наһицх*) для племянников считался самым близким родственником, дорогим и уважаемым. И этот факт народ отразил в пословицах:

*Усна эки булг,
Күүнэ эки — наһицхр.*
Начало воды — родник,
Начало человеческого рода
— родственники по матери'
[Оконов 1973: 53].

*Эцкин төрлд — зогсад һар,
экин төрлд — сууһад һар.*
'У родных отца — постой,
У родных матери — посиди'
[Оконов 1973: 53].

Элгнэс — экин элгн.
'Из всех родственников —
родственники по матери'

*Зесин сэн зеврдо,
'Хорошая медь не ржавеет'
Зе наһицх хойр мартгдиго.*

‘Племянник и дядя
(по матери) не забываются’

[Оконов 1973: 46].

Фольклорный концепт матери, совпадая с калмыцким общекультурным концептом «ээж/эк» в своей понятийной части, отличается от него образной и аксиологической составляющими. С данным концептом матери связана разветвленная система ассоциаций и коннотаций, которые у концепта общекультурного отсутствуют.

В фольклорном образе женщины-матери есть скрытый глубинный смысл, который далеко не очевиден на первый взгляд. Вспомним хрестоматийный пример из эпического репертуара Ээлян Овла: в «Главе о поединке великого богдо Джангара с ясновидцем Алтан-Чэджи» по просьбе любимого сына Хонгора его мать Зандан-Герел исцелила раненного стрелой Джангара, трижды перешагнув через него. Считается, что если этот ритуал совершает высоко нравственная женщина (*эрүн шагшавдта*), стрела должна выпасть из раны. Но стрела не полностью выпала (наконечник остался в ране), и мать Хонгора находит причину: когда-то она невольно бросила взгляд на животных во время случки. И тогда *Присела на колени Герел, / И обе ладони вместе свела, / И выпала из раны стрела* [Джангар 1990: 204].

Этот эпизод показывает, что целый комплекс различных мотивов преломлен через образ матери, с одной стороны, земной, которому не чужды некоторые человеческие слабости, с другой — возвышенный и целомудренный.

Целомудренность в народном сознании — это мера целостности родового коллектива, символ чистоты природы. В этом обряде, определяющем высокий сакральный статус матери, проявляются ее целительные, обережные и порождающие, животворительные функции.

Образ матери богатыря Хонгора, в котором тесно переплелись эпические и мифологические мотивы, наглядно свидетельствует о том, что его истоки восходят к архаическому образу богини-матери, прародительницы и покровительницы рода. Поклонение женскому, материнскому началу выражается у монголоязычных народов в обычае почитания дуплистых деревьев, скальных ниш и пещер [Неклюдов 2007: 150].

Очевидным для нашего исследования стал тот факт, что концепт матери функци-

онирует в тесной взаимосвязи с другими концептами. В результате анализа концептуального пространства калмыцких песен и пословиц актуальными оказались концепты «ребенок», «дядя по матери», «семья». Проанализированный фактический материал свидетельствует о прочной ассоциативной связи концептов «мать» и «семья». Взаимосвязь данных концептов друг с другом и соотнесенность каждого из них с темой материнства позволяют концептам пересекаться и взаимно координироваться.

Результаты анализа контекстов, репрезентирующих изучаемые концепты, свидетельствуют об этнокультурной специфике образа матери. Например, «мать», с одной стороны, является универсальным концептом, с точки зрения основных признаков данного понятия; с другой стороны, материал свидетельствует о наличии специфики в интерпретационном поле данного концепта. Исследование концептов в их взаимосвязи, во взаимодействии позволяет выявить этнокультурную специфику в их соотношении. Этнокультурная специфика концептов проявляется не столько в предметной соотнесенности, сколько в коннотативном плане.

В одном ряду с концептом можно рассматривать еще два смежных понятия — универсалии и стереотипы, которые образуют вместе с ним своего рода триаду. Исследование заявленной проблематики невозможно без стереотипных, устойчивых представлений о позитивном и негативном. Стереотипы складываются из устойчивых представлений, восходящих к религиозным заповедям, фольклорным представлениям и этническому опыту. В то же время стереотипы имеют свойство меняться с ходом времени. Не в последнюю очередь это относится к гендерным стереотипам.

В образе матери заключен большой потенциал для нравственного, трудового, умственного развития подрастающего поколения. Все стороны повседневных контактов матери и детей не только так или иначе связаны с жизнью калмыцкой женщины, но и являются одной из главных ее составляющих. Эти взаимоотношения неразрывно соединены, с одной стороны, с брачно-семейной сферой, а с другой — с общественными идеалами, интересами, ограничениями, социальной структурой в целом.

Таким образом, материнство рассматривается нами не только с позиций реализации биологической функции женщи-

ны и института родительства посредством обеспечения по возможности комфортных условий жизни ребенка, его воспитания и социализации, но и как магиико-ритуальная функция женщины-матери, как важнейший этап ее личностной, нравственной эволюции.

Литература

- Абушенко В. Л., Кацук Н. Л.* Концепт // Новейший философский словарь. 3-е изд., испр. Минск: Книжный Дом, 2003. С. 503.
- Алексеева П. Э.* О роли женщины-матери в семье // Теегин герл. 2000. № 4. С. 116–119.
- Бакаева Э. П., Гучинова Э.-Б. М.* Магия в обрядах родинного ритуала калмыков // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992. С. 89–99.
- Батмаев М. М.* Семья и брак в традициях калмыков. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. 256 с.
- Бурдуков А. В.* Этюды по этнографии калмыков. Связь некоторых этнографических особенностей с речетворческой ролью женщины // Советская этнография. 1936, № 2. С. 122–124.
- Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
- Габьшиев Е. С.* Культ Солнца в мифологии якутов (проблема древних этнокультурных параллелей): автореф. дис. ... канд. фил. наук. СПб., 1999. 22 с.
- Джангар.* Калмыцкий народный эпос. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 310 с.; илл.
- Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. М: Фил. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.
- Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Академия, 1997. С. 280–287.
- Львовский Н. В.* (Мефодий). Калмыки Больше-дербетовского улуса Ставропольской губернии и калмыцкие хурулы. Изд. 2-е. Ставрополь, 1898. 172 с.
- Небольсин П. И.* Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса. СПб.: Тип. К. Крайя, 1852. 192 с.
- Неклюдов С. Ю.* Каменный человек в пещере // Монгол судлалын чуулган. VII боть, 2 (38). Улаанбаатар, 2007. X. 149–156.
- Неретина С. С.* Тропы и концепты. М.: ИФ РАН, 1999. 277 с.
- Оконов Б. Б.* Об идейно-тематическом содержании калмыцких пословиц и поговорок // Филологические вестн. Вып. 3. Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. С. 37–61.
- Оконов Б. Б.* Калмыцкие народные пословицы и поговорки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 143 с.
- Омакаева Э. У.* Магия и астрология в калмыцких обычаях и обрядах, связанных с рождением ребенка и первым годом его жизни // ALTAICA II. М.: Институт востоковедения РАН, 1998. С. 101–111.
- Омакаева Э. У.* Термины родства *aav* и *ээж* в монгольских и калмыцких пословицах // VIII конгресс этнографов и антропологов России (г. Оренбург, 1–5 июля 2009 г.). Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2009. С. 536–537.
- Омакаева Э. У.* Родинный обряд и ритуалы детского цикла // Калмыки. М.: Наука, 2010. С. 229–249.
- Степанов Ю. С.* Константы: словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2001. 590 с.
- Сто калмыцких народных песен /* сост. Л. И. Цеби-ков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 128 с.
- Шалхаков Д. Д.* Семья и брак у калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 86 с.
- Шараева Т. И.* Обряды жизненного цикла калмыков (XIX — нач. XX вв.). Элиста: НПП «Джангар», 2011. 223 с.
- Эрдниев У. Э.* Калмыки (конец XIX — начало XX вв.). Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 311 с.

ЭКОНОМИКА

УДК 336.647
ББК 65.290-93

ДЕБИТОРСКАЯ И КРЕДИТОРСКАЯ ЗАДОЛЖЕННОСТИ КАК ВОЗМОЖНЫЕ ИСТОЧНИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ МАЛЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Т. В. Бурлуткин

Анализ динамики дебиторской и кредиторской задолженностей малых предприятий Российской Федерации за 2000–2009 гг. по данным Росстата [Малое предпринимательство в России 2005: 89, 90; 2008: 92, 93; Малое и среднее предпринимательство в России 2009: 104; 2010: 98] свидетельствует о том, что российские малые предприятия активно используют механизмы наращивания дебиторской задолженности для расширения рынков сбыта и кредиторской задолженности для пополнения оборотных средств (см. рис. 1).

Данные диаграммы показывают, что за анализируемый период наблюдается существенный рост общей величины дебиторской и кредиторской задолженностей, причем на все отчетные даты имело место превышение кредиторской задолженности над дебиторской. Анализ изменения превышения кредиторской задолженности над дебиторской говорит об увеличении разрывов между этими показателями. Наблюдаемое уменьшение размеров дебиторской и кредиторской задолженностей в 2009 г. при сокращении объ-

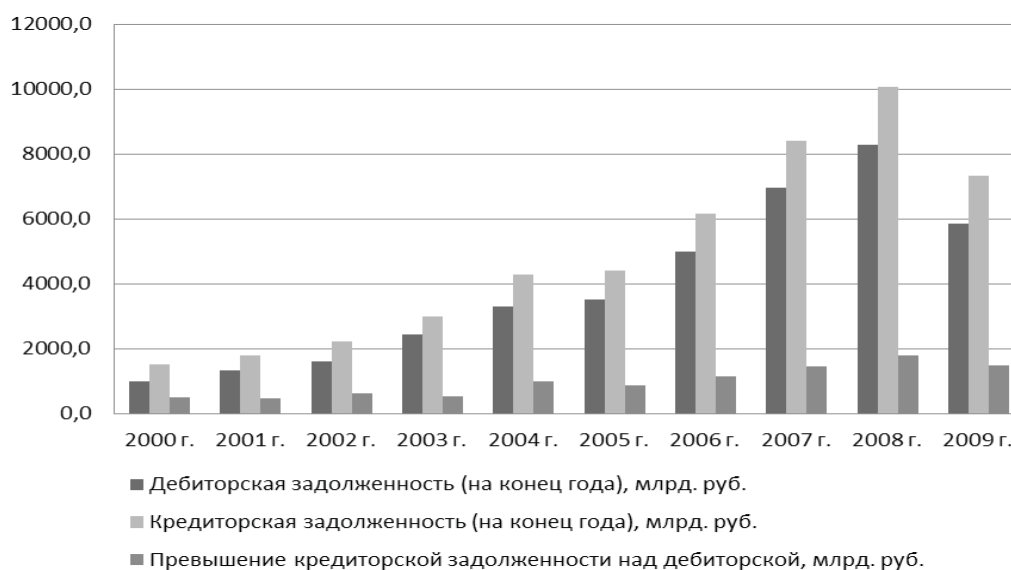

Рис. 1. Динамика дебиторской и кредиторской задолженности малых предприятий РФ за 2000–2009 гг.

емов деятельности малых фирм (за 2009 г. — на 10 %) обусловлено, на наш взгляд, предпринимаемыми усилиями руководства этих предприятий по оптимизации финансового состояния. Разразившийся мировой финансово-экономический кризис заставил малые фирмы перейти к осмотрительной кредитной политике, как вследствие падения платежеспособного спроса на продукцию, так и отказа от кредитования ненадежных партнеров. В свою очередь кредиторы малых фирм в этих условиях также предприняли аналогичные меры для повышения собствен-

ной финансовой устойчивости, отказавшись от кредитования таких предприятий. Также можно предположить, что, несмотря на абсолютное увеличение малых предприятий в 2009 г. по сравнению с 2008 г. более чем на 250 тыс. ед., множество малых фирм, имеющих значительную дебиторскую и кредиторскую задолженности, были ликвидированы, а рост количества фирм обусловлен мощным импульсом в посткризисный период и оживлением деловой активности.

В целях устранения влияния количественного фактора (изменения числа малых

предприятий) на динамику дебиторской и кредиторской задолженностей проанализируем динамику аналогичных показателей в среднем по всей совокупности. Для этого на диаграмме (рис. 2) представлены усредненные показатели дебиторской и кредиторской задолженностей и разницы между ними, позволяющие выделить качественные изменения состояния расчетов на малых предприятиях.

Динамика средних показателей дебиторской и кредиторской задолженностей также свидетельствует о выраженной тенденции наращивания размеров задолженности в 2000–2008 гг., при этом по итогам 2009 г. наблюдается снижение показателей на 40 % и 39 % соответственно. Анализ изменения превышения кредиторской задолженности над дебиторской говорит об увеличении разрывов между этими показателями.

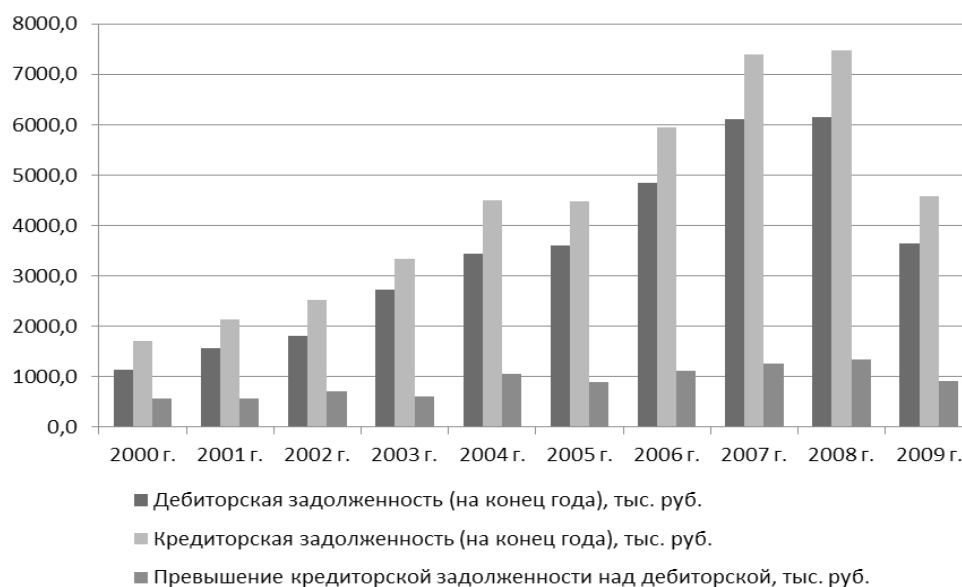

Рис. 2. Динамика дебиторской и кредиторской задолженности в среднем на одно малое предприятие за 2000–2009 гг.

Таким образом, и дебиторская, и кредиторская задолженности в рамках экономического подхода выступают в качестве источников финансирования деятельности, причем в силу различных причин они являются основными источниками финансирования деятельности малых фирм [Бурлуткин 2008]. Ср.: согласно оценке РА «Эксперт» в 2011 г. портфель кредитов малому и среднему бизнесу составил всего лишь 3,8 трлн руб. [Кредитование малого и среднего бизнеса в России 2012]

Значение дебиторской и кредиторской задолженностей как источников финансирования малых предприятий состоит в следующем. При применении метода исчисления прибыли «по отгрузке» уровень дебиторской задолженности не играет большой роли в определении рентабельности капитала, так как средства в такой задолженности уже учитываются при расчете доходов и прибыли. Однако вследствие использования подавляющей части малых предприятий метода «по оплате» проблема инкассирования деби-

торской задолженности становится весьма актуальной. В свою очередь кредиторская задолженность напрямую влияет на эффективность использования капитала малых предприятий. Это находит свое воплощение в виде так называемого эффекта финансового рычага, свидетельствующего о приросте рентабельности собственного капитала при наращении кредиторской задолженности.

Поскольку большинство малых предприятий функционирует в высоко конкурентных сегментах рынка (например, розничная торговля и сфера услуг), то во многом не уровень рентабельности капитала определяет эффективность деятельности, а высокая оборачиваемость вложенных средств. В этом случае влияние размеров дебиторской и кредиторской задолженностей на продолжительностей операционного (производственно-финансового) цикла обратно пропорционально. Другими словами, чем меньше размеры задолженности и быстрее происходит ее погашение, тем быстрее оборачиваемость капитала. Но и в этом случае

предпочтительным является превышение продолжительности оборота кредиторской задолженности над продолжительностью оборота дебиторской задолженности.

В целом и дебиторская, и кредиторская задолженности в настоящее время выступают одними из важнейших финансово-экономических показателей деятельности малых предприятий. Изменение скорости оборота средств приводит к тому, что при прочих равных условиях (масштабы деятельности, структура активов, структура расходов) изменяется величина оборотных активов, в том числе и дебиторской задолженности. Замедление оборачиваемости дебиторской задолженности приводит к росту средств, временно отвлеченных из оборота, и в этих условиях у малого предприятия возникает потребность в дополнительном финансировании.

Рассчитать величину дополнительно привлеченных (высвобожденных) в обороте средств наиболее простым способом можно по формуле:

$$\Pi(B) = V/D * (T_1 - T_0),$$

где $\Pi(B)$ — привлеченные (высвобожденные) в результате изменения оборачиваемости дебиторской задолженности средства за один оборот;

V — выручка от продаж продукции;

D — длительность анализируемого периода, в днях;

T_1, T_0 — период оборота дебиторской задолженности активов в анализируемом и базисном периодах соответственно, в днях.

Определим величину привлечения (высвобождения) средств в результате изменения оборачиваемости дебиторской задолженности (см. таблицу).

Расчет дополнительно привлеченных (высвобожденных) в обороте средств малых предприятий РФ в 2005–2009 гг., млрд руб.

Показатели	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Оборот малых предприятий	9 612,6	12 099,2	15 468,9	18 727,6	16 873,1
Среднегодовая величина дебиторской задолженности.	3 404,2	4 261,1	5 976,2	7 614,5	7 065,1
Среднегодовая величина текущей кредиторской задолженности	4 338,1	5 270,3	7 274,3	9 240,5	8 704,1
Среднегодовая величина задолженности по полученным кредитам банков и займам	3 549,5	4 356,3	6 163,6	7 582,0	6 213,2
Среднегодовая величина общей кредиторской задолженности	7 887,5	9 626,5	13 437,8	16 822,5	14 917,3
Период оборота дебиторской задолженности, дни	127,49	126,78	139,08	146,37	150,74
Оборачиваемость дебиторской задолженности, раз	2,824	2,839	2,588	2,459	2,388
Привлечение (высвобождение) средств на один оборот дебиторской задолженности	–	-23,7	528,3	379,4	204,6
Годовое привлечение (высвобождение) средств	–	-67,4	1367,6	933,2	488,6
Изменение дебиторской задолженности	238,8	1 474,9	1955,3	1321,5	-2 420,4
Изменение кредиторской задолженности	921,2	2 556,8	5065,8	1703,6	-5 514,1
Разница между изменением кредиторской задолженности и изменением дебиторской задолженности	682,4	1 081,9	3 110,6	382,1	-3 093,7

Источник: [Малое предпринимательство в России 2005: 89, 90; 2008: 92, 93; Малое и среднее предпринимательство в России 2009: 104; 2010: 98].

Выполненные расчеты показывают, что с 2008 г. в результате усиления кризисных явлений в экономике и падения деловой активности малых предприятий прослеживается тенденция замедления оборачиваемости дебиторской задолженности и, следовательно, удлинения продолжительности оборота этого элемента оборотных средств.

Так, в 2008 г. по сравнению с 2007 г. падение оборачиваемости до 2,46 раза пункта привело к необходимости привлечения 379,4 млрд руб. за один оборот и 933,2 млрд руб. за год. Нетто-снижение кредиторской задолженности в сумме 551,1 млрд руб. косвенно может свидетельствовать о нехватке источников финансирования в краткосрочном аспекте.

Дальнейшее замедление оборачиваемости дебиторской задолженности в 2009 г. обусловило привлечение дополнительных средств за один оборот в размере 204,6 млрд руб., а за год — 488,6 млрд руб. В целом нетто-снижение кредиторской задолженности 3 582,3 млрд руб. подтверждает рост дефицита финансирования деятельности малых предприятий.

В итоге неблагоприятная рыночная конъюнктура, ужесточение конкурентной борьбы, дефицит кредитных ресурсов, падение деловой активности предъявляют совершенно новые требования к качеству менеджмента малых предприятий.

Так, по данным, приводимым Н. К. Сирополисом, свыше 90 % всех неудач в малом бизнесе, особенно на стадии становления, обусловлено плохим управлением [Сирополис 1997: 29]. Безграмотный менеджмент в плане управления задолженностью проявляется в таких проблемах, как необоснованный и неконтролируемый рост дебиторской задолженности покупателей, безмерное привлечение кредитных ресурсов, несбалансированность долгосрочных

и краткосрочных источников финансирования, повышение расходов на обслуживание долга и др.

Таким образом, современный этап развития малых предприятий в стране характеризуется значительным замедлением платежного оборота, вызывающим рост объемов дебиторской и кредиторской задолженности. Поэтому важной задачей менеджмента этих компаний является эффективное управление обязательствами, направленное на оптимизацию их общей величины и обеспечение своевременной инкассации долга. При этом первоочередное внимание следует уделять расчетам с дебиторами, так как именно своевременность и полнота погашения дебиторской задолженности являются основными проблемами предприятия. Следовательно, именно управление дебиторской задолженностью должно быть приоритетной задачей руководства организации для повышения расчетно-платежной дисциплины.

Литература

- Малое* предпринимательство в России 2005: стат. сб. М.: Росстат, 2005. 156 с.
- Малое* предпринимательство в России 2008: стат. сб. М.: Росстат, 2008. 164 с.
- Малое* и среднее предпринимательство в России. 2009: стат. сб. Росстат. М., 2009. 151 с.
- Малое* и среднее предпринимательство в России 2010: стат. сб. М.: Росстат, 2010. 172 с.
- Бурлуткин Т. В. Анализ факторов развития малого предпринимательства в России // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2008. № 2. С. 27–34.
- Кредитование* малого и среднего бизнеса в России: крупные банки готовятся к рваншу [электронный ресурс] // URL: http://www.raexpert.ru/researches/banks/credit_small_mid_rev/ (дата обращения: 04.05.2012).
- Сирополис Н. К. Управление малым бизнесом. Руководство для предпринимателей / пер. с англ. М.: Дело, 1997. 672 с.

РЕЦЕНЗИИ

Максимов К. Н. Рец. на: *Команджаев А. Н., Мацакова Н. П. Реформа 1892 года в Калмыкии: отмена личной зависимости калмыков-простоллюдинов от нойонов и зайсангов.* Элиста: Изд-во ФГБОУ ВПО «КалмГУ», 2011. 240 с.

Монография посвящена изучению одной из актуальных и вместе с тем малоисследованных проблем отечественной исторической науки — отмене феодальных отношений в национальных районах Российской империи.

Реформа 1861 г. имела огромное значение, открыв перед Россией широкие перспективы и создав возможности для свободного развития рыночных отношений, она ознаменовала начало новой эпохи в ее истории. Отмена крепостного права проложила дорогу другим важнейшим преобразованиям, значительно продвинувшим страну по пути экономической и политической модернизации.

Распространение основ реформы 19 февраля 1861 г. на национальные районы Российской империи, как известно, растянулось на несколько десятилетий. В связи с подготовкой правовой базы с учетом национальных особенностей между указом 13 октября 1864 г. «Об освобождении от крепостной зависимости крестьян Тифлисской губернии» и законом от 16 марта 1892 г. «Об отмене обязательных отношений между отдельными сословиями калмыцкого народа» прошло 28 лет.

Эта реформа способствовала вовлечению Калмыкии в общероссийский рынок, открыла дорогу развитию новых отношений и, в значительной степени затронув основы бытовавшей традиционной социальной структуры, предопределила дальнейшую ее трансформацию, привела к разрушению прежней сословности кочевого общества. Она являлась очередным шагом правительства в распространении основ реформы 1861 г. на национальные районы империи и стала ярким проявлением его унифицирующего курса и политики по отношению к национальным элитам в данный период. Поэтому, представляя собой своеобразный рубеж в калмыцкой истории, реформа 1892 г. имеет такое же значение, что и отмена крепостного права в России.

Исследование в рамках российской национальной политики представляет собой одно из перспективных направлений, ставших актуальным в современной российской исторической науке. В последнее время на-

блюдается усиление интереса к проблеме осуществления имперской политики в национальных районах России. Свидетельством этого служит появление ряда работ отечественных и зарубежных ученых — В. С. Дякина, Б. Н. Миронова, А. Каппелера, активно использованных авторами монографии.

Изучение данной реформы в контексте общего административно-политического курса, особенно в рамках правительственной политики по отношению к местным элитам, несомненно, положительно характеризует данное исследование.

Следует отметить также, что исследование реформы 1892 г. вызывает сейчас особый интерес, так как между современным развитием республики и положением Калмыкии на рубеже XIX–XX вв. прослеживаются некоторые сходные черты: переход к рыночному производству, изменение форм хозяйствования, крупные социально-политические трансформации, в частности активизация общественной жизни. В социальной сфере наблюдался процесс образования новых слоев населения, усиление имущественного неравенства и др. Учитывая нынешнюю злободневность проблем экономических, социальных и политических преобразований в стране и Республике Калмыкия, ретроспективный взгляд в прошлое имеет немаловажное значение.

Заслуживает внимания проведенный авторами анализ общественного строя калмыков во второй половине XIX в. С данной целью ими была изучена обширная литература, рассмотрены взгляды исследователей XIX в. и советских историков, а также современные точки зрения по вопросу общественного строя кочевников. Это позволило им сделать выводы о стратификации калмыцкого общества, о наличии в нем отношений зависимости, по сути отвечавших определению «феодальные». Авторы, сравнив обязательные отношения с крепостным правом в русской деревне и выделив черты сходства и отличия, сформулировали свое понимание и объяснение этому явлению, показали эволюцию этих отношений в рамках правительственной политики.

Накануне реформы, как отмечается в рецензируемой работе, в калмыцком обще-

стве происходили изменения, связанные с интеграцией Калмыкии в общероссийские экономические и социальные процессы. Так, к последней четверти XIX в. не все калмыцкое население занималось экстенсивным кочевым скотоводством: некоторая часть его начала переходить к полуседлому животноводству, появились хозяйства, занимавшиеся земледелием и рыболовством, т. е. получили развитие другие производственные отрасли. Калмыкам приходилось менять свой традиционный кочевой уклад жизни и переходить от экстенсивных методов хозяйствования к интенсивным: большое внимание стало уделяться строительству временных и постоянных укрытий для скота, заготовке кормов, а также селекционной работе. Одним из признаков проникновения рыночных отношений в сферу традиционного калмыцкого хозяйства стала возрастающая товарность некоторых отраслей экономики Калмыкии. Несмотря на все это, существенным препятствием для прогрессивного развития калмыцкого региона оставались владельческие права нойонов и зайсангов.

По мнению авторов, на протяжении всего XIX столетия происходит последовательное ограничение прав калмыцкой знати, связанное с политикой постепенного подчинения калмыков российской администрации. Это осуществлялось в рамках общего правительственного курса на административную интеграцию национальных окраин в состав империи. Ярким проявлением ограничительной политики стало введение и дальнейшее усиление попечительства, которое превратилось в строгую систему государственной опеки над калмыками через государственные органы, законодательство, религию, путем бюрократизации и монополизации управления и контроля, регламентации всех сфер жизни калмыцкого населения.

Особого внимания заслуживает научная новизна книги и достаточно широкий круг рассмотренных вопросов. Можно согласиться с утверждением авторов о том, что данная тема впервые изучается комплексно. В работе дана характеристика социальной структуры калмыцкого общества и сущности «обязательных отношений», подробно раскрыты различные стороны социально-экономического и политического развития калмыцкого общества до и после отмены личной зависимости калмыков-простолюдинов от нойонов и зайсангов.

Авторы впервые рассмотрели тридцатилетнюю историю подготовки закона и проанализировали его содержание; изучены все мероприятия местной администрации по его реализации; определены итоги и значение реформы 1892 г. Новым в исследовании данной реформы является представление авторами цельной картины ее реализации в калмыцких улусах, например, освещение вопросов компенсационных выплат представителям калмыцкой знати (нойонам и зайсангам), введения новой системы налогообложения. Реформа рассмотрена в русле правительственной политики по отношению к национальным элитам и буддийскому духовенству. В связи с этим определен интерес представляет ответная реакция бывших привилегированных сословий калмыцкого народа, отраженная в работе. Полагаю, что рецензируемая монография — это первое полномасштабное научное исследование по рассматриваемой теме, внесшее значительный вклад в изучение истории Калмыкии.

Из всего содержания книги большой интерес, на наш взгляд, представляет глава II «Подготовка и содержание закона 16 марта 1892 г.». В ней подробно освещается деятельность всех правительственных комиссий, занимавшихся разработкой законопроектов. Прежде всего выделены основные вопросы, подлежавшие рассмотрению в связи с предстоящей отменой обязательных отношений: кем должно быть проведено освобождение — правительством или владельцами; должны ли владельцы лишиться своих прав безвозмездно или за вознаграждение, и, если за вознаграждение, в каком размере оно будет определяться и из какого источника производиться; какой будет система управления калмыцким народом и система налогообложения?

Авторы вполне справедливо отметили, что отмена обязательных отношений сама по себе не могла быть обособленным событием: она влекла за собой необходимость реорганизации существовавшей системы управления, судопроизводства, налогообложения, а также, что особенно важно, решения вопроса о землепользовании и землевладении в Калмыцкой степи. Иными словами, данная реформа обуславливала дальнейшие изменения в жизни калмыцкого населения, что также было связано с общероссийскими преобразованиями 60–70-х гг. XIX в.

Авторы обратили внимание на то, что при составлении проектов большое значение придавалось решению проблемы административного деления и устройства системы управления калмыками. Предлагались различные варианты территориального деления калмыцкого населения: вариации традиционной улусно-аймачной системы, новые административные и общественные единицы (стойбища, участки, уезды и т. д.). Обсуждались разные проекты будущей системы управления: сохранение попечительской или организация новой, создание переходных временных органов или новых должностей.

Решение этих проблем было связано с необходимостью разрешения другого важного вопроса — земельного. Особенное внимание ему уделила Комиссия князя Д. А. Оболенского, предлагавшая провести между улусами границы для разделения степи на уезды. Авторы акцентируют внимание на том, что данная Комиссия, в отличие от остальных комиссий, считала основной целью поземельного устройства калмыков улучшение их быта и сохранение скотоводства в то время, как урезки степи под оседлое поселение должны быть прекращены. Однако фактически в законе 16 марта 1892 г. земельный вопрос не был окончательно решен.

В тридцатилетней истории подготовки закона об отмене обязательных отношений авторами были выделены два основных этапа, границей между которыми является трагическое событие марта 1881 г. — убийство императора Александра II. В Министерстве государственных имуществ последовала смена руководства — новым министром стал М. М. Островский, в связи с чем «калмыцкое дело» получило новое направление: из проектов исчезли либеральные предложения.

Авторы монографии отметили, что все члены Комиссий и чиновники, участвовавшие в подготовке проектов преобразований в Калмыцкой степи, единогласно высказались за необходимость и неотложность ликвидации обязательных отношений в калмыцком обществе, рассматривавшейся как следствие реформы 1861 г. Однако, хотя необходимость скорейшего принятия этого акта была признана всеми, процесс его разработки занял длительное время. В 1861–1891 гг. было создано пять различных по численности и составу комиссий, разра-

ботано несколько проектов, проведены дополнительные мероприятия на местах.

По мнению авторов, одной из возможной причин задержки в подготовительном процессе, особенно на первых этапах, была проблема определения сущности обязательных отношений. Чиновникам необходимо было время, чтобы разобраться в особенностях устройства калмыцкого кочевого общества и понять содержание обязательных отношений. Не последнюю роль сыграли попытки калмыцкой знати оттянуть осуществление этой реформы, отправлявших в столицу делегации своих представителей с выражением протеста.

Авторы верно раскрыли роль реформы 1892 г. в истории калмыцкого народа. Важное значение ее, по их мнению, состояло в том, что была отменена личная зависимость значительной массы калмыков-простолудинов, которые приобрели права свободных сельских обывателей. Они также получили возможность решать такие вопросы, которые раньше решались единолично нойонами и зайсангами, в частности принимать участие в осуществлении раскладки кибиточного сбора на аймачном сходе.

Кроме этого, авторы пришли к выводу об определенной демократизации низового управления после отмены обязательных отношений. Из более 140 аймачных старшин, избранных на основании закона 16 марта 1892 г., около 100 были рядовыми калмыками, т. е. расширился доступ последних к занятию общественных должностей. Другим следствием реформы 1892 г. стала активизация общественно-политической жизни в Калмыкии, проявившаяся на аймачных и улусных сходах, на съездах калмыков-скотоводов и улусных попечителей, а также в годы революционных событий начала XX в. При этом самым актуальным являлся земельный вопрос, в частности калмыки выступали против захватов земли переселенцами, против самовольного выпаса и прогона скота.

Логично выстроенная и сформулированная структура книги¹ позволила авторам вполне эффективно решить обозначенные ими задачи и достичь поставленной цели исследования. В монографии представлена обширная историография рассматриваемых вопросов, содержится обстоятельный обзор

¹ Работа состоит из введения, четырех глав, включающих пятнадцать параграфов, заключения, примечаний.

трудов по избранной проблематике. Используются работы, посвященные истории системы управления в Калмыкии, ее экономике и социальному развитию. Историографический анализ, проведенный авторами, убедительно свидетельствует о том, что исследуемая проблема относится к малоизученным вопросам истории Калмыкии.

Положительным моментом данного исследования является привлечение трудов авторов XIX в. — Я. П. Дубровы, И. А. Житецкого, П. И. Небольсина, Ф. А. Бюлера, Н. А. Нефедьева, П. З. Ланко и др., — поскольку содержащиеся в них сведения по истории и культуре калмыков и наблюдения служат важным материалом для сопоставления с архивными источниками. Следует согласиться с авторами в том, что при всей их ценности использование данных работ должно основываться только на критическом анализе.

Помимо этого, в исследовании детально проанализированы опубликованные источники, прежде всего законодательные, а также неопубликованные материалы — делопроизводственные документы, статистические данные и периодическая печать. Необходимо отметить, что многие из них впервые вводятся в научный оборот. В целом большой массив источников, наряду с литературой, позволил авторам создать достаточно цельную и достоверную картину событий.

Отмеченные достоинства рецензируемой работы придают ей не только научную, но и практическую значимость. Представленный в ней материал, изложенные положения и выводы могут быть использованы в дальнейшем изучении и теоретическом углублении рассматриваемой темы и осмыслении поставленных в исследовании вопросов. Результаты работы расширяют и

дополняют историографию тематики, поэтому могут быть применены при подготовке научных трудов и публикаций, а также в учебном процессе вузов при разработке специальных дисциплин, лекционных курсов и факультативных занятий.

В целом исследование выгодно отличается целостностью, логичностью и последовательностью. Работа написана хорошим научным языком, содержит богатый фактический материал и научно обоснованные выводы. Избранная авторами методология не вызывает сомнений и позволила им дать не только комплексную картину, но и взвешенные оценки.

Наряду с отмеченными несомненными достоинствами рецензируемого исследования, с его научной новизной и практической значимостью, необходимо высказать некоторые замечания и пожелания, которые позволят в дальнейшем провести сравнительный анализ.

На наш взгляд, желательным представляется дальнейшее расширение источниковой базы исследования, главным образом, по вопросам осуществления реформы в калмыцких улусах, а также по имевшей место попытке отмены обязательных отношений во взаимосвязи с донскими калмыками, которые являлись равностатусными казаками. Ценные материалы, на которые следует обратить внимание, содержатся в государственных архивах Астраханской и Ростовской областей. Следовало несколько шире осветить реакцию различных слоев калмыцкого народа на проводимые преобразования, для того чтобы понять, например, осознавали ли они необходимость осуществления перемен.

Однако все высказанные замечания несколько не влияют на высокую оценку представленного труда.

Бурыкин А. А. Рец. на: *Омакаева Э. У. Типология моделиобразующих членов предложения в калмыцком и монгольском языках в свете глагольно-актантной теории*. Улан-Батор: Найман од, 2011. 240 с.

Монография Э. У. Омакаевой продолжает исследование структуры предложения в монгольских языках, начатые еще во время написания кандидатской диссертации [Омакаева 1990] и имевшие продолжение вплоть до настоящего времени (см. библиографию работ автора по данной проблематике на с. 222–223 рецензируемой книги).

Композиция книги необычна. Монография состоит из двух разделов «Общие проблемы синтаксиса монгольских языков» (с. 28–115) и «Элементарные синтаксические конструкции (ЭСК) и их трансформы в монгольском и калмыцком языках» (с. 116–201), при этом каждый из разделов распадается на самостоятельные главы.

Как и ряд других монографий по грамматике монгольского языка, например, хорошо известная книга С. А. Крылова «Теоретическая грамматика монгольского языка и смежные проблемы общей лингвистики» [Крылов 2004], работа Э. У. Омакаевой имеет теоретический характер и, помимо описания материала, в ее задачи входит выбор и разработка метаязыка для описания синтаксической структуры предложения в монгольских языках, и соответственно в языках алтайского типа с такими характерными особенностями, как отсутствие словоизменения прилагательных, разнотипное оформление предикатов, разветвленная система форм выражения вторичной репрезентации действия и зависимых предикатов и т. д. Не случайно автор учитывает в своем исследовании опыт новосибирской типологической школы М. И. Черемисиной, в рамках которой предпринято описание финно-угорских, самодийских и тюркских языков — добавим, что этот опыт получил перспективное продолжение в монографиях и диссертации В. Н. Соловар, посвященной парадигматике простого предложения в хантыйском языке [Соловар 2009; 2010; 2011].

Сам по себе опыт описания синтаксического строя языка, основанный на структурных моделях простого предложения¹ и моделях сложного предложения как произ-

водных от более простых по составу моделей, был бы важным и полезным явлением в описании синтаксиса монгольских языков как один из подходов к традиционному для монголоведов материалу, основанный на новых синтаксических теориях. Однако Э. У. Омакаева не ограничивается решением этой задачи, чему как раз посвящен второй раздел книги, — она берет на себя труд описать современное состояние изученности синтаксиса монгольских языков, начиная с кардинального вопроса — вопроса о представлении членов предложения в монгольских языках: аббревиатура ЧП (члены предложения) вводится уже в первой фразе книги (с. 6), и далее этому понятию посвящены два параграфа (с. 37–61). Выбор и обоснование подхода к материалу и изложение основ избранной теории занимают большую часть предисловия и введения к книге (с. 6–27). В рецензируемой монографии обзор истории изучения синтаксиса монгольских языков в аспекте применявшихся теорий представлен достаточно полно и основательно (с. 37 и сл.). В конце исторического обзора автор находит разумное решение сохранить номенклатуру членов предложения для описания, и такой двойной стандарт в теоретических основаниях ничуть не мешает ни автору, ни читателям.

Разногласия во мнениях относительно свойств подлежащего (с. 46–47 и др.), которым справедливо отведено довольно много места, вполне логичны и уместны в данной монографии: во-первых, они являются производными от двух подходов к выделению частей речи в монгольских и урало-алтайских языках в целом — семантико-грамматического (или лексико-грамматического) и формального, параллельным существованием которых на протяжении длительного времени в монголистике, тунгусо-маньчжуроведении и тюркологии обусловлено множество проблем и разногласий в трактовке одних и тех же не слишком многочисленных и хорошо известных фактов.

Вторая глава 1-го раздела посвящена взаимодействию грамматики и словаря и их роли в выборе модели описания (с. 62 и сл.), и здесь автор соотносит свой материал с современными теориями, в ряду которых находится не только концепция М. И. Че-

¹ Элементарных синтаксических конструкций (ЭСК), как называет их Э. У. Омакаева в своей работе, или элементарных простых предложений, что предпочитает В. Н. Соловар (в последнем случае акцентируется способность элементарных структур функционировать как самостоятельные реальные модели предложения).

ремисиной, постепенно приближающаяся к описанию лексических классов единиц языка с одинаковыми синтаксическими потенциями и свойствами, но и «лексическая грамматика» А. Л. Шарандина [Шарандин 2001] и проблематика исследования Ю. П. Князева, связывающего грамматические значения с лексическими [Князев 2005]. Параграф, посвященный классификации глагольной лексики (с. 102–114), продолжает ту же линию исследований на материале монгольских языков, и те же самые идеи закладываются в дальнейшее описание материала (с. 116 и сл.).

В первой главе 2-го раздела монографии дается описание систем элементарных синтаксических конструкций калмыцкого (с. 120–147) и монгольского языков (с. 147–165). Как, в общем, и следовало ожидать, Э. У. Омакаева не говорит о каких-либо различиях в составе или структуре ЭСК этих двух языков, давая параллельное описание калмыцких и монгольских ЭСК. Как нам кажется, это тоже является значимым результатом в сопоставительно-типологических исследованиях. Две другие главы этого раздела посвящены каузативным и разнообразным зависимым конструкциям монгольского и калмыцкого языков. В четвертой главе 2-го раздела (с. 197–201) рассматривается статус членов предложения в образовании моделей синтаксических конструкций для монгольских языков, и итог рассуждений тут очевиден и предопределен: морфологические характеристики, инвариантные категории лексической семантики и синтаксические позиции, действующие во всей совокупности, оказывают решающее влияние на результат морфологического и синтаксического описания языка в любом варианте синтаксической концепции.

В приложении к книге (с. 238–239) дан перечень элементарных синтаксических конструкций монгольского языка. К некоторой досаде, такой же список моделей ЭСК калмыцкого языка, анонсированный на с. 164, в книге не представлен, хотя понятно, что различия между названными языками в составе и структуре ЭСК трудноожидаемы.

Описание материала, т. е. элементарных синтаксических конструкций монгольского и калмыцкого языков, данное в рецензируемой книге, не вызывает каких-либо возражений и вопросов. Пожалуй, только формулировка, согласно которой предложение исключает эллиптичность конструкции

(с. 70), требует уточнения, поскольку эллипсис и его результаты входят в парадигму предложения на правах трансформ.

Ряд критических замечаний, которые мы хотели бы высказать, касается смежных проблем: это общее понимание агглютинации и характеристика агглютинативных языков, а также проблемы типологической классификации языков по синтаксическим признакам (с. 29–30). Вряд ли в такой работе, как книга Э. У. Омакаевой, вообще следовало обсуждать понимание агглютинации и черт агглютинативных языков по трудам Ф. Шлегеля, Ф. Боппа и других ученых XIX в. Соотношение «одна граммема — одна морфема» не выдерживается даже признаваемым долгое время эталоном агглютинации в тюркских языках: в хрестоматийном примере А. А. Реформатского казахск. *атчыларымга* «моим всадникам» (а в каком тюркском языке эта словоформа имела бы иной вид?) показатель принадлежности *-ым* совмещает в себе граммема 1-го лица и единственного числа, и при этом занимает в словоформе не финальную, как флексии во флективных языках, а даже предфинальную позицию. Что касается глагольных словоформ в тюркских языках, то они имеют в личных показателях такое же совмещение граммем лица и числа, какое наблюдается во флективных языках: это общее свойство грамматических категорий, средства выражения которых исторически восходят к местоимениям. На наш взгляд, было бы более логичным считать эталоном агглютинации те языки, которые вообще не имеют личного спряжения, — монгольский, маньчжурский, корейский, японский, нивхский языки, но не тюркские и не тунгусо-маньчжурские языки тунгусской ветви, имеющие формы спряжения глагола. Что касается критических ремарок автора по отношению к синтаксической классификации языков Г. А. Климова (с. 30), различавшего нейтральный, классный, активный, эргативный и номинативный строй языков, то в его работах «Очерк общей теории эргативности» [Климов 1973] и «Типология языков активного строя» [Климов 1977] не только нет смешения морфологических характеристик, но показано, что каждый из типов синтаксического строя существует в трех разновидностях, основанных на морфологических характеристиках, — именной, глагольной и смешанной глагольно-именной разновидностях того или иного строя. Здесь

главная проблема заключена в том, что языки с номинативным строем предложения до сих пор не получили адекватного описания в рамках концепции Г. А. Климова, а в монгольских языках к тому же сохраняется немалое количество реликтов активного строя (неоформленный падеж прямого дополнения, противопоставление лица / лица в значениях местоимений, некоторые свойства пассивных и каузативных конструкций и ограничения на их образование и т. п.). Однако сделанные замечания ни в коей мере не влияют на высокую оценку, которую заслуживает рецензируемая монография.

Книга Э. У. Омакаевой «Типология моделеобразующих членов предложения в калмыцком и монгольском языках в свете глагольно-актантной теории», безусловно, представляет собой новый и весомый вклад в разработку проблем синтаксиса монгольских языков и грамматической теории в монголоведении в том ее сегменте, который относится к вечной проблематике частей речи и членов предложения в языках урало-алтайского типа. Она будет полезна для монголоведов, тюркологов, финно-угроведов и специалистов по самодийским языкам, тех лингвистов, которые занимаются проблемами типологии. В отдаленной перспективе данная работа может быть использована для разработки

системы грамматических характеристик глаголов в словарях монгольских языков.

Литература

- Климов Г. А.* Очерк общей теории эргативности. М.: Наука, 1973. 262 с. 2-е изд. Москва: URSS: Либроком, 2009. 263 с.
- Климов Г. А.* Типология языков активного строя. М., Наука, 1977. 320 с. 2-е изд. М.: URSS: Либроком, 2009. 317 с.
- Князев Ю. П.* Проблемы описания грамматической семантики: автореф. дис. ... д-ра фил. наук. СПб., 2005. 63 с.
- Крылов С. А.* Теоретическая грамматика монгольского языка и смежные проблемы общей лингвистики. М.: Вост. лит., 2004. 479 с.
- Омакаева Э. У.* Подлежащее в монгольском языке: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 16 с.
- Соловар В. Н.* Парадигма простого предложения в хантыйском языке. Новосибирск: Любава, 2009. 263 с.
- Соловар В. Н.* Теоретические вопросы лексикологии и синтаксиса хантыйского языка: избранные труды. Ханты-Мансийск: Печатный двор, 2010. 176 с.
- Соловар В. Н.* Парадигма простого предложения в хантыйском языке (на материале казымского диалекта): автореф. дис. ... д-ра фил. наук. Йошкар-Ола, 2011. 38 с.
- Шарандин А. Л.* Курс лекций по лексической грамматике русского языка: Морфология. Учебное пособие по проблеме взаимодействия лексики и грамматики. Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2001. 312 с.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Борлыкова Б. Х. Калмыцкая музыкальная терминология / отв. ред. С. Л. Чариков. Элиста: НПП «Джангар», 2012. 179 с.

Монография посвящена исследованию калмыцких музыкальных терминов. В данной работе впервые дается тематическая классификация калмыцкой музыкальной лексики, определяются особенности образования и источники ее пополнения, описываются лексико-семантические явления в терминотехнике. Работа ценна и тем, что в ней использованы материалы полевых исследований автора. В приложении даются глоссарий калмыцкой музыкальной терминологии, список информантов и др.

Книга адресована специалистам в области терминологии, филологии, лингвокультурологии, этномузыкологии, а также всем, кто интересуется языком и музыкальной культурой монгольских народов.

Митиров А. Г. Избранные труды / вступ. ст. Н. Г. Очировой, сост., подг. текстов и указателей Т. И. Шараевой. Элиста: КИГИ РАН, 2012. 236 с.

Книга включает в себя научные статьи по различным темам, отражающим широкий круг интересов известного ученого, историка и этнографа А. Г. Митирова (1935–2005), а также библиографический указатель основных трудов и фотоматериалы о его жизни и деятельности. Издание адресовано всем, кто интересуется этнической историей и культурой народов России.

Вышел в свет очередной номер «**Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН**» (2012. № 1). В него вошли статьи по проблемам истории, этнографии, языка, литературы и фольклора.

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

С 27 апреля по 6 мая 2012 г. Республику Калмыкия посетил Роберт Турман, профессор отделения индо-тибетских буддологических исследований имени Чже Цонкапы Колумбийского университета, буддолог, президент Американского института буддологии, главный редактор проекта публикации «Тенгьюра» (свода комментариев индийских мыслителей к Учению Будды), ученик известного калмыцкого ламы Геше Вангьяла. 2 мая 2012 г. в КИГИ РАН состоялся **Международный научный семинар «Буддийская традиция: от Востока до Запада»**, в котором приняли участие Р. Турман, Шаджин-лама Калмыкии Тэло Тулку Ринпоче, ученые Института. Профессор Р. Турман в своем докладе «Тибет и Монголия: духовные уроки для всего мира» рассказал о геше Вангьяле, который был одним из первых, проложившим путь к учению Будды для его новых последователей на Западе. «Миру был предложен лучший опыт жизни, как стать счастливым, как жить счастливо со всем миром. Буддийское образование способно помочь всем людям без исключения. Вследствие такого образования целое общество, как показывает история, становится более гармоничным и счастливым» — считает Роберт Турман.

На семинаре ученые КИГИ РАН выступили с докладами. Во время дискуссии были затронуты вопросы, касающиеся развития буддизма на Западе, Тибета и тибетцев, отношению к деятельности Оле Нидала и мн. др. В Институте Р. Турман познакомился с библиотекой, архивом, рукописным фондом, экспозицией Музея традиционной культуры имени Зая-пандиты КИГИ РАН. К семинару была организована выставка «Буддийская живопись Калмыкии: традиции и современность», где были представлены произведения народного художника Калмыкии, член-корреспондента Академии художеств России Александра Поваева и коллекция из фондов КИГИ РАН.

14 мая 2012 г. в Калмыцком институте гуманитарных исследований РАН состоялся **Литературный вечер, посвященный 100-летию со дня рождения народного поэта Калмыкии Константина Эрендженова**, в котором приняли участие деятели культуры и науки Республики Калмыкии. Народный поэт Калмыкии В. Д. Нуров, заслуженный артист России, народный артист Калмыкии И. А. Уланов, заслуженные артисты Калмыкии А. У. Кекеева, С. Г. Мучеряев, кандидат филологических наук, доцент КГУ А. В. Бадмаев, заслуженный

работник культуры Республики Калмыкия В. В. Хулхачиева поделились воспоминаниями о К. Эрендженове. Ученые Института к. ф. н., доцент, зав. отделом языкознания Э. У. Омакаева, к. ф. н., научный сотрудник Б. Х. Борлыкова, младший научный сотрудник Н. Ч. Очирова выступили с

докладами, посвященными исследованию творческого наследия К. Эрендженова. Вниманию гостей были представлены видеофильм «Береги огонь», видео-презентация «Нернь бөкшго теегин дууч» и фотогалерея, посвященные 100-летию юбилею К. Эрендженова.

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

С 21 по 26 мая 2012 г. научный сотрудник КИГИ РАН Б. В. Меняев побывал в экспедиционной поездке в Республике Кыргызстан. Молодой ученый познакомился с культурой и бытом каракольских калмыков (сарт-калмыков), проживающих в с. Чельпек. В ходе экспедиции им были собраны фольклорные и лингвистические материалы по языку каракольских калмыков.

С 18 июня по 30 июня 2012 г. д. ф. н., заведующий отделом письменных памятников и буддологии КИГИ РАН Б. А. Бичеев и мнс О. Утнасн приняли участие

в международной научной конференции «Өөрд-моңһлын тод сурвжлж бичгин чуулһн — Зая-пандит Намкайджамцон хальж номин аһарт күрсн 350 жилин өөнин дурсхлд», посвященной актуальным проблемам «ясного письма» (КНР, г. Ланчжоу, Северо-Западный университет национальностей, 23–26 июня 2012 г.). Также были проведены консультации с аспирантами данного университета по вопросам методики исследования фольклорного материала, письменных памятников на «тодо бичиг».

ПОДГОТОВКА КАДРОВ И ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ

29 мая 2012 г. на заседании диссертационного совета ДМ 212.256.12 при ФГБОУ ВПО «Ставропольский государственный университет» успешно защитил диссертацию научный сотрудник отдела социально-политических и экологических исследований КИГИ

РАН Гунаев Евгений Александрович по теме «Становление и развитие конституционного строя Республики Калмыкия» на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.02 — «Конституционное право, муниципальное право».

Е. В. Бембеев
канд. фил. наук,
ученый секретарь КИГИ РАН

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 г.

PATRIOTIC WAR OF 1812

Максимов К. Н. Калмыки-казаки в составе донских полков в Бородинском сражении 1812 г.

Статья посвящена участию калмыков в составе донских казачьих полков в Бородинском сражении 1812 г. Работа в значительной степени базируется на материалах Российского государственного военно-исторического архива и Государственного архива Ростовской области.

Ключевые слова: *Отечественная война 1812 г., наполеоновские войска, русская армия, донские казацьи полки, калмыки-казаки, сражение под Бородино.*

Венков А. В. Донское казачье ополчение в 1812–1813 гг. Статья посвящена сбору казачьего ополчения в эпоху Отечественной войны 1812 г. Донские казаки имели практику всеобщих походов, но всегда оставляли на Дону четвертую часть боеспособных. В данной ситуации в ополчение были включены все взрослые казаки с 19 до 45 лет.

Ключевые слова: *Отечественная война 1812 г., донские казаки, ополчение, театр военных действий.*

Тимофеева Е. Г. Политика государства по отношению к военнопленным наполеоновской армии в 1812–1814 гг. (на материалах Астраханской губернии)

В статье рассматриваются вопросы пребывания военнопленных Великой армии в Астраханской губернии в течение 1812–1814 гг.

Ключевые слова: *история Астраханской области, военная история, Отечественная война 1812 г., военнопленные наполеоновской армии.*

Ряжев А. С. Командный состав Ставропольского калмыцкого войска в военной и вероисповедной политике государства: от Семилетней войны до эпохи 1812 г.

Статья посвящена истории офицерского состава Ставропольского калмыцкого войска. В работе обозначено место ставропольского офицерства в военной и вероисповедной политике властей в период от Семилетней войны до окончания Отечественной войны 1812 г. и Заграничного похода русской армии 1813–1814 гг. Результаты исследования расширяют научные представления о политико-дипломатических мерах властей на юго-восточных территориях Российской империи в этот период.

Ключевые слова: *ставропольские крещеные калмыки, иррегулярные войска, офицерский корпус, пограничная служба, Семилетняя война, русско-шведская война 1789–1790 гг., Отечественная война 1812 г., Заграничный поход русской армии 1813–1814 гг.*

Джунджузов С. В. Участие Ставропольского калмыцкого полка в войнах с наполеоновской Францией: источники и историография

В статье рассматривается историографический аспект участия Ставропольского калмыцкого полка в войнах с наполеоновской Францией; представлены сведения об используемых историками архивных материалах. На примере ряда публикаций автор отмечает, что общий вывод дореволюционных историков о героизме калмыцких воинов и их больших заслугах в победах, одержанных российской армией, остается неизменным и в настоящее время.

Ключевые слова: *Ставропольский калмыцкий полк, историография, источники, Отечественная война 1812 г., Заграничные походы.*

Maksimov K. Kalmyk-Cossacks of the Don Regiments in the Borodino Battle of 1812

The article is devoted to the participation of the Kalmyks of the Don Cossack regiments in the Borodino Battle of 1812. The work is to a considerable extent based on the materials of the Russian State Archive of Military History and State Archive of the Rostov region.

Keywords: *Patriotic war of 1812, Napoleonic troops, Russian Army, Don Cossack regiments, Kalmyk-Cossacks, Battle at Borodino.*

Venkov A. Don Cossack Militia of 1812–1813

The article is devoted to the Don Cossack militia in the epoch of Patriotic War of 1812. The Don Cossacks had a practice of the «total trips», but they usually left the 4th part of their army at home. In this situation all adult Cossack from 19 to 45 years old were included in the militia.

Keywords: *Patriotic War of 1812, Don Cossacks, militia, theatre of military operations.*

Timopheeva E. Policy of the State in relation to Prisoners of War of Napoleonic Army in 1812–1814 (based on materials of Astrakhan Guberniya)

The article deals with the problems of the prisoners of war of the Great army in the Astrakhan Guberniya during 1812–1814.

Keywords: *history of Astrakhan region, military history, Patriotic War of 1812, prisoners of war of the Napoleonic army.*

Ryazhev A. Command Staff of Stavropol Kalmyk Troop in Military and Religious Policies of the State: from the Seven Years' War to the Epoch of 1812

The article is dedicated to the history of officers of Stavropol Kalmyk Troop. The study outlines the place of Stavropol officers in military and religious policies of the authorities from the Seven years' War to the end of the Patriotic War of 1812 and Russian Foreign Campaign of 1813–1814. The results of the research expand scientific understanding of political and diplomatic actions of authorities on the south-eastern territories of the Russian Empire in this period.

Keywords: *Stavropol baptized Kalmyks, irregular troops, officer corps, border guard service, Seven years' War, Russian&Swedish war of 1789–1790, Patriotic War of 1812, Russian Foreign Campaign of 1813–1814.*

Dzhundzhuzov S. Participation of Stavropol Kalmyk Regiment in the Wars with Napoleonic France: Sources and Historiography

The article considers the historiographic aspect of participation of Stavropol Kalmyk Regiment in the wars with Napoleonic France; there is the information about the archive materials used by historians. By example of number of publications the author notes that general conclusion of prerevolutionary historians about the heroism of the Kalmyk warriors and their great merits in the victories won by the Russian Army remains firm even at present.

Keywords: *Stavropol Kalmyk Regiment, historiography, sources, Patriotic War of 1812, Foreign Campaigns.*

Стецура Ю. А. Казачество Юга России в Отечественной войне 1812 г.

Статья посвящена описанию вклада казачества Юга России в победу в Отечественной войне 1812 г. Автор приводит послужные списки выдающихся представителей казачества — М. И. Платова, А. А. Карпова и др.

Ключевые слова: *Отечественная война 1812 г., казачество Юга России, ополчение, М. И. Платов, А. А. Карпов.*

Судацков Н. Д. Кавказ в период Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии

В статье рассматривается место и роль Кавказа в истории России в период Отечественной войны 1812 г. Автор анализирует обстановку в регионе накануне войны, принимаемые правительством меры по подготовке к войне. Показывается реакция общества на начало войны, определяется вклад региона в победу, описывается участие в военных действиях казачьих и национальных подразделений, сформированных на Кавказе. Значительное внимание уделено военнопленным и организации их отправки на родину в 1814–1815 гг.

Ключевые слова: *Кавказ, Отечественная война 1812 г., Российская армия, казачье ополчение, военнопленные.*

Белюсов С. С. Деятельность служащих Калмыцкого управления по организации калмыцких полков и помощи русской армии в период наполеоновских войн

В статье освещается деятельность калмыцкой администрации по формированию калмыцких полков в период войн с наполеоновской Францией в 1806–1807 и 1812–1814 гг. Работа написана на основе опубликованных и неопубликованных источников.

Ключевые слова: *Отечественная война 1812 г., служащие калмыцкого управления, калмыцкие полки, Наполеоновские войны.*

Шараева Т. И. К вопросу о калмыцких боевых знаменах

В статье рассматриваются калмыцкие боевые знамена калмыцких полков, участвовавших в Отечественной войне 1812 г.

Ключевые слова: *калмыки, Отечественная война 1812 г., боевые знамена, атрибуты знамени, семантика знамени.*

Батырева С. Г. О реконструкции исторической памяти в живописи Г. Рокчинского в 60-е гг. XX в.

Статья посвящена вопросам реконструкции исторической памяти в живописи Калмыкии 60-х гг. XX в., постдепортационного периода. Автор основывается на анализе картины известного калмыцкого художника Г. Рокчинского, проникнутой духом этнического самосознания творческой личности.

Ключевые слова: *реконструкция, историческая память, калмыцкая живопись 60-х гг. XX в., Г. Рокчинский, Отечественная война 1812 г., этническое самосознание.*

Stetsura U. Cossacks of South of Russia in the Patriotic War of 1812

The article is dedicated to the description of contribution of Cossacks of South of Russia to the victory of Patriotic War of 1812. The author gives the service records of the outstanding representatives of Cossacks — M. Platov, A. Karpov, etc.

Keywords: *Patriotic War of 1812, Cossacks, militia, M. Platov, A. Karpov.*

Sudavtsov N. Caucasus in Period of Patriotic War of 1812 and Foreign Campaigns of Russian Army

The article considers the place and part of Caucasus in Russian history in the period of the Patriotic War of 1812. The author analyzes the situation in the region on the eve of the war and the activities taken by the government in making preparation for it. The response of society to the beginning of the war is shown, the contribution of the region to the victory is determined, the participation in military operations of Cossack and national sub-units formed in the Caucasus is described. The special attention is paid to the prisoners of war and their deportation in 1814–1815.

Keywords: *Caucasus, Patriotic war of 1812, Russian army, Cossack militia, prisoners of war.*

Belousov S. Activity of Workers of Kalmyk Administration on Organization of Kalmyk Regiments and Succour to the Russian Army during the Napoleonic Wars

The activity of the Kalmyk administration on formation of Kalmyk regiments during wars with Napoleonic France in the period of 1806–1807 and 1812–1814 is given in the article. The work is written on the basis of the published and unpublished sources.

Keywords: *Patriotic war of 1812, workers of the Kalmyk administration, Kalmyk regiments, Napoleonic wars.*

Sharaeva T. To the Question of the Kalmyk Battle Banners

In the article the questions of the battle banners of Kalmyk regiments took part in the war of 1812 are considered.

Keywords: *Kalmyks, Patriotic War of 1812, battle banners, attributes of banner, semantics of banner.*

Batyрева S. Towards the Reconstruction of Historical Memory in the Painting of G. Rokchinsky of 60-s of XXth century

The article is dedicated to the reconstruction of historical memory in the painting of Kalmykia of 60-s of XXth century, postdeportation period. The author bases on the analysis on the one painting of famous Kalmyk painter G. Rokchinskiy, inspired by ethnic consciousness of the creative person.

Keywords: *reconstruction, historical memory, Kalmyk painting of 60-s of XXth century, G. Rokchinskiy, Patriotic War of 1812, ethnic self-consciousness.*

Кичикова Б. А. «С коня калмыцкого свалюсь...» (историко-литературный комментарий к строке из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»)

Статья содержит историко-литературный комментарий к V строфе из шестой главы романа «Евгений Онегин». Анализ текста посвящен ряду аспектов темы «Отечественная война 1812 г. и русская литература первой половины XIX в.».

Ключевые слова: А. С. Пушкин, герой, персонаж, дуэль, Бородинское сражение, подвиг.

Басангова Т. Г. Калмыцкие песни об Отечественной войне 1812 г.

В статье рассматриваются калмыцкие протяжные песни об Отечественной войне 1812 г. Автор приводит разные варианты песенных текстов.

Ключевые слова: исторические песни, протяжные песни, варианты песен.

Бакаева Э. П., Бакаев Н. Э. Герой Отечественной войны 1812 г. Цаган Халга Лузангов и его потомки

Статья посвящена личности героя Отечественной войны 1812 года, офицера 2-го Калмыцкого полка Цаган Халги Лузангова и истории его рода. Автор описывает участие представителей одного зайсангского рода в событиях разных периодов истории России.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., Заграничный поход 1813–1814 гг., 2-й Калмыцкий полк, Цаган Халга Лузангов, зайсанги Шонхоровы, потомки.

Kichikova B. «Fell off the Kalmyk Horse ...» (historical and literary commentary on the line from the novel by A. Pushkin «Eugene Onegin»)

This article contains historical and literary commentary on the V verse of the 6th chapter of the novel «Eugene Onegin». The analysis of the text is devoted to several aspects of the theme «The Patriotic War of 1812 and the Russian literature of the first half of the XIXth century».

Keywords: A. Pushkin, hero, character, duel, Borodino battle, feat.

Basangova T. Kalmyk Songs about the Patriotic War of 1812

The article deals with the Kalmyk lingering songs about the Patriotic War of 1812. The author gives different variants of song texts.

Keywords: historical songs, lingering songs, variants of songs.

Bakaeva E., Bakaev N. Hero of the Patriotic War of 1812 Tsagan Khalga Luzangov and his Descendants

The article is devoted to the personality of the hero of the Patriotic war of 1812, an officer of the 2nd Kalmyk regiment Tsagan Khalga Luzangov and to the history of his stock. The author describes the participation of the representatives of one of Kalmyk zaisang's stock in the events of different periods of the Russian history.

Keywords: Patriotic war of 1812, Foreign campaign of 1813–1814, 2nd Kalmyk Regiment, Tsagan Khalga Luzangov, Shonkhorov zaisangs, descendants.

ИСТОРИЯ

Санчилов В. П. О новом издании «Родословной торгутов»

В статье рассматривается история публикации ойратского сочинения о происхождении торгутского ханского рода «Toregut Rarelro», которое содержит родословные торгутских ханов и князей вплоть до 30-х гг. XX в.

Ключевые слова: история торгутов, родословные торгутских ханов и князей, ойратский источник по генеалогии торгутов.

Тепкеев В. Т. Участие калмыков в русско-польской войне 1654–1667 гг.

В статье на основе новых материалов описывается участие калмыков в Русско-польской войне 1654–1667 гг., ставшей первой военной кампанией России, в которой калмыки приняли участие с момента их прихода на Волгу.

Ключевые слова: Москва, XVII век, русско-польская война, русско-калмыцкие отношения, Крымское ханство, Польша.

Батыров В. В. Участие сводного отряда под командованием князя А. Дондукова в Кубанском походе в 1771 г.

В статье приводятся малоизвестные сведения по истории кубанского похода сводного отряда под командованием князя А. Дондукова в 1771 г.

Ключевые слова: Кубанский поход 1771 г., сводный отряд под командованием князя А. Дондукова, русско-турецкая война 1768–1774 гг., Романовское разорение.

HISTORY

Sanchirov V. About New Edition of «Rodoslovnaya Torgutov»

The article considers the history of the publication of an Oirat manuscript about the origin of the Torgut khan stock «Toregut Rarelro» which contains the genealogy of the Torgout khans and princes up to the 30^{ies} of the XXth century.

Keywords: history of the Torgouts, genealogy of Torgout khans and princes, Oirat source on the Torgout genealogy.

Tepekееv V. Participation of the Kalmyks in the Russian&Polish War of 1654–1667

The article describes on the basis of new materials the participation of the Kalmyks in the Russian&Polish war of 1654–1667 became the first Russian military campaign, in which the Kalmyks took part from the moment they had come to Volga.

Keywords: Moscow, XVII century, Russian&Polish war, Russian-Kalmyk relations, Crimean Khanate, Poland.

Batyrov V. Participation of the Consolidated Detachment under the Command of Prince A. Dondukov in the Kuban Trip in 1771

The article gives the little-known data on the history of the Kuban trip of the consolidated detachment under the command of Prince A. Dondukov in 1771.

Keywords: Kuban trip in 1771, Consolidated Detachment under the Command of Prince A. Dondukov, Russian-Turkish War of 1768–1774, Romanovskoe razorenje.

Кондрашова А. А. Провинциальная общественность и власть в период первой русской революции 1905–1907 гг. (на примере города Ставрополя)

В статье на основе региональной историографии и архивных источников рассматривается процесс взаимодействия власти и городской общественности в годы первой русской революции в городе Ставрополе.

Ключевые слова: *городское сообщество, власть, первая русская революция, городское общественное управление.*

Бадмаева Е. Н. События 1932–1933 гг. в судьбах калмыцкого крестьянства

В статье рассматриваются причины возникновения голода в 1932–1933 гг. в Калмыкии, на основе полевых материалов описываются способы выживания калмыцкого крестьянства в этот период.

Ключевые слова: *голод 1932–1933 гг., коллективизация, калмыцкие крестьяне, хлебозаготовки.*

Бадугинова М. В. Борьба со вспышкой эпидемии чумы в Калмыцкой АССР и Сталинградской области в 1937–1938 гг.

В статье на основе рассекреченных архивных данных автор описывает вспышку эпидемии чумы в 1937–1938 гг. в Калмыцкой АССР и Сталинградской области. В работе подробно изложены причины возникновения заболевания, проводимые противочумные мероприятия.

Ключевые слова: *инфекционные заболевания, чума, противочумные станции, Калмыцкая АССР, вспышка эпидемии чумы в 1937–1938 гг.*

Гаряева З. Г. Причиненный ущерб народному образованию г. Элисты Калмыцкой АССР в период немецкой оккупации

В статье описывается процесс становления и развития образовательных учреждений города Элисты КАССР до немецкой оккупации (август 1942 и январь 1943 гг.). Особое внимание уделяется причиненному ущербу немецко-фашистскими войсками данным учреждениям.

Ключевые слова: *ущерб, оккупация, образование, немецко-фашистские войска, Элиста.*

ЭТНОЛОГИЯ

Очиров В. О. Приметы и поверья, связанные с рождением сына в бурятской семье

Статья посвящена изучению народных примет и поверий, связанных с рождением сына в бурятской семье в XIX–XX вв.

Ключевые слова: *приметы, поверья, сын, роды, бурятская семья.*

Kondrashova A. Provincial Public and Authority in the First Russian Revolution of 1905–1907 (on the example of the city of Stavropol)

The article deals with the process of interaction of political authority and city public during the First Russian Revolution in Stavropol on base of regional historiography and archive sources.

Keywords: *city community, authority, First Russian Revolution, city social administration.*

Badmaeva E. Events of 1932–1933 in the Fate of the Kalmyk Peasantry

The paper deals with the reasons of hunger in 1932–1933 in Kalmykia, describes on the base of field materials the ways of revival of the Kalmyk peasants in that period of time.

Keywords: *hunger 1932–1933, collectivization, Kalmyk peasants, grain preparations.*

Baduginova M. Struggle with Eruption of Plague Epidemy in Kalmyk ASSR and Stalingrad Region in 1937–1938

In the article the author describes the eruption of plague epidemy in 1937–1938 in the Kalmyk ASSR and Stalingrad region on the basis of confidential archival documents. There are given detailed reasons of the disease outbreak, performed antiplague actions.

Keywords: *infectious diseases, plague, antiplague stations, Kalmyk ASSR, eruption of plague epidemy in 1937–1938.*

Garyaeva Z. Damage Caused to Education in Elista of the Kalmyk ASSR in the Period of the German Occupation

The article describes the process of formation and development of educational institutions in Elista of the Kalmyk ASSR up to the German occupation (August of the 1942–January of the 1943). The particular attention is paid to the damage caused by the Nazi troops to these institutions.

Keywords: *damage, occupation, education, German Nazi troops, Elista.*

ETHNOLOGY

Ochirov V. Signs and Beliefs Connected with the Birth of a Son in the Buryat Family

The article is devoted to the study of folk signs and beliefs connected with the birth of a son in the Buryat family in the XIX–XXth centuries.

Keywords: *signs, beliefs, son, childbirth, Buryat family.*

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Гунаев Е. А. Принцип равноправия и самоопределения народов в контексте правовой природы республики — субъекта Российской Федерации (на примере Республики Калмыкия)

Статья посвящена вопросам реализации принципа равноправия и самоопределения народов в Российской Федерации на региональном уровне.

Ключевые слова: *народ, субъект федерации, равноправие, самоопределение, государственность, Российская Федерация, Республика Калмыкия, этнокультурная политика.*

JURISPRUDENCE

Gunaev E. Principle of Equal Rights and Self-Determination of Peoples in the Context of Legal Nature of the Republic — Constituent Entity of the Russian Federation (on the example of the Republic of Kalmykia)

The article is devoted to the questions of realization of the principle of equal rights and self-determination of peoples in the Russian Federation at the regional level.

Keywords: *people, constituent entity of the federation, equality of rights, self-determination, statehood, Russian Federation, Republic of Kalmykia, ethnocultural policy.*

СОЦИОЛОГИЯ

Нусхаева Б. Б. Население Республики Калмыкия по итогам Всероссийской переписи 2010 г.: основные характеристики

В статье описывается демографическая ситуация в Республике Калмыкия по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. Проведен сравнительный анализ федеральных и региональных показателей. Рассмотрены статистические данные по поло-возрастной структуре населения, национальности, числу и составу домохозяйств и уровню образования.

Ключевые слова: *демографическая ситуация, население, возрастная структура населения, национальность, состав домохозяйства, уровень образования.*

SOCIOLOGY

Nuskhaeva B. Population of Republic of Kalmykia by All Russian Census of 2010: Main Characteristics

The article describes demographic situation in the Republic of Kalmykia by all Russian Population Census of 2010. The comparative analysis of federal and regional figures are conducted. It deals with statistic data of population structure in terms of age-sex, nationality, number and household composition and educational level.

Keywords: *demographic situation, population, age structure of population, number and household composition, educational level.*

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Пальшина Д. А. Фонетическая структура слова как одна из причин возникновения аллегровых форм русской речи

В статье рассматриваются аллегровые формы русских слов с точки зрения их возникновения в спонтанной речи. Анализ причин возникновения аллегровых форм проводится на базе Национального и Звукового корпусов русского языка. Автор приводит типовые случаи количественной редукции: в области гласных, в области согласных и в области звуковых комплексов.

Ключевые слова: *спонтанная речь, редукция слова, аллегровая форма, фонетическая структура слова, Звуковой корпус.*

LINGUISTICS

Palshina D. Phonetic Structure of Word as One of the Reasons of Arising of Reduced Forms in the Russian Speech

The article deals with the reduced forms of Russian words, examined from the perspective of their arising in spontaneous speech. The analysis of the reasons of arising of reduced forms is based on the National and Speech corpora of the Russian language. The author gives the typical cases of quantitative reduction of vowels as well as of consonants and clusters.

Keywords: *spontaneous speech, reduction of word, short (reduced) form, phonetic structure of word, Speech corpus.*

Ли Чэнь. Просторечные префиксальные глаголы в русском языке XIX в.: проблемы синхронно-диахронического описания (на материале водевилей)

В статье анализируются семантические и стилистические закономерности функционирования префиксальных глаголов просторечного происхождения в художественном тексте XIX в.; устанавливается динамический характер взаимосвязи между семантикой производной глагольной формы и ее стилистическим статусом в системе языка.

Ключевые слова: *русский язык, историческое словообразование, глагол, префикс, семантика.*

Li Chen. Vernacular Prefixed Verbs in the Russian Language of the XIXth Century: Problems of Synchronous & Diachronic Describing (based on the materials of vaudevilles)

The article analyzes the semantic and stylistic patterns of functioning of prefixed verbs of vernacular origin in the artistic text of the XIXth century; sets the dynamic character of the relationship between the semantics of derivative verbal form and its stylistic status in a language system.

Keywords: *Russian language, historical derivation, verb, prefix, semantics.*

Пушкарева Н. В. Подтекстовые смыслы как компоненты смысловой структуры прозаического текста

Подтекст описывается в статье как лингвистическое явление, возникающее вследствие употребления ряда синтаксических средств. В зависимости от применяемых лингвистических средств и возникающей семантики подтекст разделяется на два типа: эмоциональный и конвенциональный. Первый создает эмоциональный фон повествования, второй уточняет обстоятельства сюжетного действия. В качестве иллюстраций приводятся примеры из прозы XIX–XXI вв.

Ключевые слова: синтаксис, текст, смысл, подтекст, типы подтекста.

Есенова Т. С. Особенности агитационных текстов в период выборов в Государственную Думу РФ 2011 г. (на примере Республики Калмыкия)

В статье рассматриваются особенности современного регионального агитационного текста. В качестве языкового материала выступили агитационные материалы выборов в Государственную Думу Российской Федерации 2011 г. (статьи, плакаты, буклеты, листовки).

Ключевые слова: агитационный текст, национально-региональные особенности, политический дискурс, структура и содержание агитационного текста, Республика Калмыкия.

Богданова-Бегларян Н. В. Конструкция (...) скажем (...) в повседневной русской речи (материалы к словарю дискурсивных единиц)

В статье обсуждается целесообразность создания словаря дискурсивных единиц (гезитативных конструкций) современной русской речи. Конкретным материалом для анализа стала одна из таких единиц, представленная в речи большим количеством вариантов: *скажем, так скажем, скажем так, там скажем, ну скажем* и проч. Автор приводит как количественные характеристики речевого материала, так и достаточно полный список функций этой единицы.

Ключевые слова: устная спонтанная речь, звуковой корпус, дискурсивная единица, пауза гезитации, гезитационная конструкция, словарь дискурсивных единиц.

Шатохина Г. С. Русский язык для детей в Японии: начало большого пути

В статье описываются результаты опроса изучающих русский язык в регионе Канто Японии, где проживают 4 063 гражданина Российской Федерации, что составляет 52,0 % от всех проживающих в Японии россиян.

Ключевые слова: русский язык в Японии, дети-билингвы, ТРКИ.

Бембеев Е. В. Опыт квантитативной обработки текста на старокалмыцком языке: количественные характеристики

Статья посвящена квантитативному анализу текста старописьменного памятника калмыцкого языка XIX в. «Сказание о хождении в Тибетскую страну малодербетовского Бааза-бакши». Был составлен частотный словарь наиболее употребительных словоформ в тексте, а также приведена частота использованных частей речи.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, старописьменный калмыцкий язык, частотные словари, количественный подход в лингвистике.

Pushkareva N. Subtext Meanings as Components of Prosaic Text Sense Structure

The subtext as a linguistic phenomenon appearing as a result of some syntactic constructions usage is described in the article. Depending on the used linguistic means and on appearing semantics the subtext is divided into two types: emotional and conventional. The first one serves for making the narration's emotional background, the latter specifies circumstances of the plot. The examples from Russian prose of XIX–XXIth centuries are used like illustrations.

Keywords: syntax, text, sense, subtext, subtext types.

Esenova T. Peculiarities of Modern Agitation Text in Period of Elections to State Duma of Russian Federation in 2011 (on examples of Republic of Kalmykia)

The article deals with the peculiarities of the modern regional agitation text. The campaign materials of the elections to the State Duma of the Russian Federation in 2011 were taken as the language material (articles, posters, promotion materials, leaflets).

Keywords: agitation text, national-regional peculiarities, political discourse, structure and content of agitation text, Republic of Kalmykia.

Bogdanova-Beglaryan N. Construction (...) skazhem (let us say) (...) in Everyday Russian Speech (materials for dictionary of discursive units)

The article considers expediency of creation of the dictionary of discursive units (hesitative constructions) The research is based on actual realizations of one of such units: *skazhem, tak skazhem, skazhem tak, tam skazhem, nu skazhem* and so on. The author gives both quantitative characteristics of speech material and rather full list of functions of this unit.

Keywords: oral spontaneous speech, speech corpus, discourse unit, hesitation pause, hesitation construction, dictionary of discourse units.

Shatokhina G. Russian Language for Children in Japan: the Beginning of a Big Way

The article describes the results of polling of Russian learners in Kanto of Japan where there are 4 063 citizens of the Russian Federation that is 52,0 % of all Russians living in Japan.

Keywords: Russian language in Japan, bilingual children, TORFL.

Bembееv E. Experience of Quantitative Approach to Text Processing in Old-Kalmyk Language: Quantitative Characteristics

The article is dedicated to the quantitative analysis of the text of the old-written monument of the Kalmyk language of the XIXth century «The legend of the peregrination into the Tibetan country of Maloderbetovsky Baaza-bakshi». The frequency dictionary of the most frequently used word forms in the text was composed and the frequency rate of the used parts of speech was given.

Keywords: corpus linguistics, Old-Kalmyk language, frequency dictionaries, quantitative approach in linguistics.

Куканова В. В. Словоизменительные типы в калмыцком языке в свете автоматической обработки текстов (на примере имени существительного)

Статья посвящена описанию словоизменительных типов в калмыцком языке в свете автоматической обработки текстов на примере имени существительного. Выявленные словоизменительные типы необходимы для создания морфологического анализатора. Продолжение данной статьи будет опубликовано в следующем номере «Вестника Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН».

Ключевые слова: Национальный корпус калмыцкого языка, морфологическая модель калмыцкого языка, имена существительные, автоматическая обработка текстов.

Kukanova V. Inflectional Types of the Kalmyk Language in the light of Automatic Processing of Texts (by giving illustrations of nouns)

The article is devoted to the description of inflectional types of the Kalmyk language in the light of automatic processing of texts by giving illustrations of nouns. The revealing inflectional types are necessary for the creation of morphological parsing. The second part of this article will be published in the next issue of the «Vestnik of the Kalmyk Institute for Humanities».

Keywords: National corpus of the Kalmyk language, morphological model of the Kalmyk language, nouns, automatic processing of texts.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Ханинова Р. М. Ольфакторное пространство в рассказах Исаака Бабеля

В статье рассматривается ольфакторное пространство в аспекте антропологической поэтики рассказов И. Бабеля 1910–1930-х гг. Выявлены основные значения и символика запахов и ароматов в произведениях писателя, их функция в сюжете, композиции, стиле автора.

Ключевые слова: запах, ольфакторное пространство, антропологическая поэтика, рассказ, феномен Пруста.

LITERATURE STUDIES

Khaninova R. Olfactory Topos in the Short Stories by Isaac Babel

The article deals with the olfactory topos in the aspect of anthropological poetics of the short stories written by I. Babel in the 1910–1930-s. There were revealed the main meanings and symbolic of smells and aroma in the writer's works, their function in the plot, composition and author's style.

Keywords: smell, olfactory topos, anthropological poetics, short story, Proust's phenomenon.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Дякиева Б. Б., Омакаева Э. У. Образ матери в калмыцком фольклоре: к проблеме универсального и специфического (на материале фольклорных текстов)

В данной статье предпринимается попытка проанализировать фольклорный образ матери на калмыцком песенном и пословичном материале с точки зрения присутствия в нем универсального и специфического.

Ключевые слова: фольклор, женщина, мать, образ, концепт, символ, универсалия, специфика, песня, пословица, гендер, калмыцкая семья, традиции.

FOLKLORISTICS

Dyakieva B., Omakeeva E. Image of Mother in Kalmyk Folklore: towards the Problem of Universal and Specific (based on the material of folklore texts)

This article attempts to analyze the folk image of a mother in Kalmyk songs and proverbs from the viewpoint of the presence of universal and specific.

Keywords: folklore, woman, mother, image, concept, symbol, universal, specific, song, proverb, gender, Kalmyk family, traditions.

ЭКОНОМИКА

Бурлуткин Т. В. Дебиторская и кредиторская задолженности как возможные источники финансирования малых предприятий

В статье рассматривается роль дебиторской и кредиторской задолженности в финансировании малых предприятий за 2000–2009 гг. Определяется место дебиторской и кредиторской задолженности в кругообороте капитала малых предприятий.

Ключевые слова: малое предприятие, дебиторская задолженность, кредиторская задолженность, финансирование, кредитование, капитал.

ECONOMICS

Burlutkin T. Debit and Credit Indebtedness as Potential Sources of Financing for Small Enterprises

The article deals with the role debit and credit indebtedness as potential sources of financing for small enterprises for 2000–2009. The place of debit and credit indebtedness in the circulation of capital of small enterprises is defined.

Keywords: small enterprises, debit indebtedness, credit indebtedness, financing, crediting, capital.

**ИНФОРМАЦИЯ
ОБ АВТОРАХ**

Бадмаева Екатерина Николаевна — доктор исторических наук, доцент, заместитель директора по научно-организационной работе Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: en-badmaeva@yandex.ru.

Бадугинова Маргарита Владимировна — аспирант отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: mandarin@mail.ru.

Бакаев Намру Эртнеевич — старший преподаватель кафедры конституционного права Российского государственного социального университета (Москва). E-mail: namru@mail.ru.

Бакаева Эльза Петровна — доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: ebakaeva@yandex.ru.

Басангова Тамара Гаряевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературы, фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: basangova49@yandex.ru.

Батырева Светлана Гарриевна — доктор искусствоведения, заведующий научным музеем им. Зая-пандиты Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: sargerel@mail.ru.

Батыров Валерий Владимирович — кандидат исторических наук, зав. сектором этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: valerabatyrov@gmail.com.

Белоусов Сергей Степанович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: sbelousovelista@mail.ru.

Бембеев Евгений Владимирович — кандидат филологических наук, ученый секретарь Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: galdma@yandex.ru.

Богданова-Бегларян Наталья Викторовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург). E-mail: nvbogdanova_2005@mail.ru.

**INFORMATION
ABOUT AUTHORS**

Ekaterina Badmaeva — Ph. D. of History, Associate Professor, Deputy Director of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: en-badmaeva@yandex.ru.

Margarita Baduginova — post-graduate student of the History and Archeology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: mandarin@mail.ru.

Namru Bakaev — lecturer of Constitutional Law Department of the Russian State Social University (Moscow). E-mail: namru@mail.ru.

Elza Bakaeva — Ph. D. of History, Deputy Director of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: ebakaeva@yandex.ru.

Tamara Basangova — Ph. D. of Philology, leading research worker of the Literature, Folklore and Dzhangar Studies Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: basangova49@yandex.ru.

Svetlana Batyreva — Ph. D. of Arts, Head of the Science Museum of Zaya-pandita of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: sargerel@mail.ru.

Valery Batyrov — Ph.D. of History, Head of Ethnology sector of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: valerabatyrov@gmail.com.

Sergey Belousov — Ph. D. of History, senior research worker of the History and Archeology Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: sbelousovelista@mail.ru.

Evgeniy Bembeev — Ph. D. of Philology, the academic secretary of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: galdma@yandex.ru.

Natalya Bogdanova-Beglaryan — Ph. D. of Philology, professor of Department of Russian language of St. Petersburg State University (St. Petersburg). E-mail: nvbogdanova_2005@mail.ru.

Бурлуткин Тимур Владимирович — ассистент кафедры учета, анализа и налогообложения Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: burlutkin_tv@mail.ru.

Бурькин Алексей Алексеевич — доктор филологических наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург). E-mail: albury@rambler.ru.

Венков Андрей Вадимович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории новейшего времени в Южном Федеральном университете (Ростов-на-Дону). E-mail: venckov@rambler.ru.

Гаряева Заяна Геннадьевна — аспирантка отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: kigiran@elista.ru.

Гунаев Евгений Александрович — научный сотрудник отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: kigiran@elista.ru.

Джундзузов Степан Викторович — кандидат исторических наук, доцент Оренбургского государственного педагогического университета (Оренбург). E-mail: djund@yandex.ru.

Дякиева Бальджа Батнасуновна — доктор педагогических наук, профессор, заместитель министра образования, культуры и науки Республики Калмыкия; профессор Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: mon-rk@mail.ru.

Есенова Тамара Саранговна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и общего языкознания Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: esenova_ts@mail.ru.

Кичикова Байрта Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: radna-k@yandex.ru.

Кондрашова Анастасия Александровна — аспирантка кафедры истории России Ставропольского государственного университета. E-mail: smartly10@mail.ru.

Куканова Виктория Васильевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: vika.kukanova@gmail.com.

Timur Burlutkin — assistant of the Department of accounting, analysis and taxation of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: burlutkin_tv@mail.ru.

Aleksey Burykin — Ph. D. of Philology, leading research worker of Institute of Linguistic Researches of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg). E-mail: albury@rambler.ru.

Andrey Venkov — Ph. D. of History, professor, Head of Russian History of Recent Times Department at the Southern Federal University (Rostov-on-Don). E-mail: venckov@rambler.ru.

Zayana Garyaeva — post-graduate student of the History and Archeology Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: kigiran@elista.ru.

Evgeniy Gunaev — research worker of the Department of Social, Political and Ecological Studies of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: kigiran@elista.ru.

Stepan Djundzusov — Ph. D. of History, associate professor of the Orenburg State Pedagogic University (Orenburg). E-mail: djund@yandex.ru.

Baldjya Dyakieva — Ph. D. of Pedagogics, Deputy Minister of Education, Culture and Science of the Republic of Kalmykia; professor of Kalmyk State University (Elista). E-mail: mon-rk@mail.ru.

Tamara Esenova — Ph. D. of Philology, professor, Head of Department Russian language and General linguistics of Kalmyk State University (Elista). E-mail: esenova_ts@mail.ru.

Bayrta Kichikova — Ph. D. of Philology, associate professor of Russian and Foreign Literature Department of Kalmyk State University (Elista). E-mail: radna-k@yandex.ru.

Anastasia Kondrashova — post-graduate student of Department of History of Russia of Stavropol State University. E-mail: smartly10@mail.ru.

Viktoriya Kukanova — Ph. D. of Philology, research worker of Linguistics Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: vika.kukanova@gmail.com.

Максимов Константин Николаевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: kigiran@elista.ru.

Нухаева Баира Басанговна — кандидат социологических наук, научный сотрудник отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: kigiran@elista.ru.

Омакаева Элара Уляевна — кандидат филологических наук, доцент, заведующий отделом языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: elomakaeva@mail.ru.

Очиров Виталий Олегович — аспирант кафедры истории Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусства (Улан-Удэ). E-mail: oskar_86@mail.ru.

Пальшина Дарья Андреевна — студентка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург). E-mail: dasustik@yandex.ru.

Пушкарева Наталия Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург). E-mail: kafedra.rus@gmail.com.

Ряжев Андрей Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент Тольяттинского государственного университета (Тольятти). E-mail: riazhev@yandex.ru.

Санчилов Владимир Петрович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: kigiran@elista.ru.

Стецура Юрий Анатольевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Армавирской государственной педагогической академии (Армавир). E-mail: kigiran@elista.ru.

Судавцов Николай Дмитриевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Ставропольского государственного университета (Ставрополь). E-mail: stavsu@stavsu.ru.

Тепкеев Владимир Толтаевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: tvt75@mail.ru.

Konstantin Maksimov — Ph. D. of History, professor, Head of the History and Archeology Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: kigiran@elista.ru.

Baira Nuskhaeva — Ph. D. of Sociology, research worker of the Department of Social, Political and Ecological Studies of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: kigiran@elista.ru.

Ellara Omakaeva — Ph. D. of Philology, associate professor, Head of Linguistics Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: elomakaeva@mail.ru.

Vitaly Ochirov — post-graduate student of the History Department of East-Siberian State Academy of culture and art (Ulan-Ude). E-mail: oskar_86@mail.ru.

Daria Palshina — student of philological faculty of St. Petersburg State University (St. Petersburg). E-mail: dasustik@yandex.ru.

Natalia Pushkareva — Ph. D. of Philology, associate professor of Department of Russian language of St. Petersburg State University (St. Petersburg). E-mail: kafedra.rus@gmail.com.

Andrey Riazhev — Ph. D. of History, associate professor of the Tolyatti State University (Tolyatti). E-mail: riazhev@yandex.ru.

Vladimir Sanchirov — Ph. D. of History, leading research worker of the History and Archeology Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: kigiran@elista.ru.

Uriy Stetsura — Ph. D. of History, professor of Department of History of Russia of the Armavir State Pedagogic Academy (Armavir). E-mail: kigiran@elista.ru.

Nikolay Sudavtsov — Ph. D. of History, professor of Department of History of Russia of the Stavropol State University (Stavropol). E-mail: stavsu@stavsu.ru.

Vladimir Tepkeev — Ph. D. of History, senior research worker of the History and Archeology Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: tvt75@mail.ru.

Тимофеева Елена Георгиевна — доктор исторических наук, декан исторического факультета, заведующая кафедрой регионоведения Астраханского государственного университета (Астрахань). E-mail: istfaculty@mail.ru.

Ханинова Римма Михайловна — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: rhaninova@mail.ru.

Ли Чэнь — аспирантка кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург). E-mail: posalichen@gmail.ru.

Шараева Татьяна Исаевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: sharaevati@yandex.ru.

Шатохина Ганна Станиславовна — кандидат филологических наук, преподаватель русского как иностранного в Министерстве иностранных дел Российской Федерации в Японии (Токио). E-mail: familykikyo@yahoo.com.

Elena Timofeeva — Ph. D. of History, Dean of Historical Faculty, Head of Department of Region Studies Astrahan State University (Astrahan). E-mail: istfaculty@mail.ru.

Rimma Khaninova — Ph. D. of Philology, Associate Professor, Head of Department of Russian and Foreign Literature of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: rhaninova@mail.ru.

Chen Li — post-graduate student of Department of Russian language of St. Petersburg State University (St. Petersburg). E-mail: posalichen@gmail.ru.

Tatjana Sharaeva — Ph. D. of History, research worker of Ethnology sector of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: sharaevati@yandex.ru.

Ganna Shatohina — Ph. D. of Philology, tutor of Russian as a foreign language at the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation in Japan (Tokio). E-mail: familykikyo@yahoo.com.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН» принимает к печати авторские рукописи по приоритетным направлениям фундаментальных исследований РАН в области гуманитарных наук, а также рецензии, хронику, персоналии, ранее нигде не публиковавшиеся.

Журнал входит в **Перечень рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных научных результатов диссертаций** на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по направлениям (редакция 17.06.2011):

- история;
- юриспруденция;
- филология;
- религиоведение,
- политология,
- философия,
- педагогика,
- биология,
- экономика
- социология.

Материалы принимаются в электронном виде в редакторе Word, набранные 14-м шрифтом через полуторный интервал (все поля по 2,5 см), объемом не более 0,7 п. л. При наборе необходимо использовать стандартную гарнитуру шрифта TimesNewRoman. Допускается представление рисунков в редакторе Word внутри текста статьи с перечнем подрисуночных подписей. Литература должна быть затекстовая в алфавитном порядке. Страницы обязательно должны быть пронумерованы.

К материалу прилагаются следующие документы: 1) аннотация на русском и английском языках (с обязательным переводом названия статьи, объемом не более 10 строк); 2) ключевые слова (не более 20) и их перевод на английский язык; 3) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень; ученое звание; направление работы; должность (с указанием полного названия кафедры вуза или структурного подразделения исследовательского института); рабочий адрес и телефоны; адрес электронной почты; 4) внешняя рецензия на статью; 5) ББК и УДК; 6) договор (бумажный вариант договора с личной подписью в двух экземплярах).

Редакция отправляет предлагаемые к изданию рукописи на независимое научное рецензирование. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикуемых материалов. Рукописи не возвращаются, редакция не вступает в переписку по поводу отклоненных материалов. Перепечатка опубликованных в журнале материалов допускается только по согласованию с редакцией.

Материалы могут быть отправлены простой корреспонденцией, заказным письмом (358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8), электронной почтой (vestnik.kigiran@gmail.com).

Правила для авторов, Положение о рецензировании, а также договор опубликованы на сайте Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (www.kigiran.com/articles.php?cat_id=8).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ВЕСТНИК
Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН

№ 2, 2012

Сдано в набор 04.06.2012. Подписано в печать 21.06.2012. Формат бумаги 60x84 $\frac{1}{8}$.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 20,45. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Калмыцкий институт гуманитарных исследований
Российской академии наук

Отпечатано в КИГИ РАН (358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8).

